

A woman with long, dark, wavy hair is the central figure. She is wearing a black strapless top, black gloves, and a black belt with a silver buckle. She has intricate tattoos on her arms. She is holding a handgun in her left hand. The background is a city street at night, with tall buildings and streetlights. The overall mood is dramatic and noir.

КАРЕН
ЧЭНС

Claimed by Shadow
В ОБЪЯТИЯХ
ТЕНИ

Кассандра Палмер, умеющая разговаривать с призраками и видеть то, что произойдет завтра, неожиданно становится наследницей титула пифии — главной и самой могущественной прорицательницы на земле. Вместе с этим подарком она наследует колоссальную энергию и умение перемещаться во времени. Но обретенное Кассандрой наследство создает ей множество проблем: в магическом мире идет война — маги Черного круга сражаются за власть с магами Серебряного круга, и у черных магов есть уже своя ставленница на трон пифии. Ведь, заполучив трон, они смогут свободно проникать в прошлое и изменять мир по своему произволу...

Карен Чэнс

В объятиях тени

От автора

Моя признательность Марлин и Мэри за то, что буквально спасли меня во время урагана. «Катрина» была ужасна, но именно вы помогли мне пережить потрясение и настроиться на лучшее. И конечно, особая благодарность — Энн Соуардс, моему редактору, которая с бесконечным терпением просматривала варианты этой книги. За свои грандиозные идеи и предложения вы заслуживаете статуса соавторов, но, поскольку на титульном листе ваши имена отсутствуют, я укажу их здесь.

Глава 1

Если день начался в набитом инкубами^[1] баре казино, которое к тому же должно изображать преисподнюю, он вряд ли закончится хорошо. Впрочем, в тот момент я думала совсем о другом. Почему в борделе, где полно симпатичных бесов, нанятых для развлечения дамочек, такая скучища? Понурые клиентки сидели за столиками, подперев голову руками, словно мучились от зубной боли, и совершенно не обращали внимания на своих партнеров. Даже Казанова, хоть и развалился передо мной в соблазнительной позе, вид имел хмурый. Думаю, обольстительную позу он принял чисто машинально, а вот во взгляде его явно сквозила настороженность.

— Ладно, Кэсси, — отрывисто бросил он, когда один из его парней внезапно разрыдался, — Говори, зачем пришла, и забирай их отсюда ко всем чертям! Мне нужно работать.

Эти слова относились к трем старухам, взгромоздившимся на высокие табуреты за барной стойкой. Их вид вызывал отвращение даже у разносивших напитки сатиров, а уж те точно не пропускали ни одной юбки. И то сказать: каждой из старух на вид было не меньше ста, а их спутанные сальные космы, седые с самого рождения, неряшливой копной спадали до самого пола. Прошлой ночью я попыталась отмыть волосы Энио, чье имя совершенно справедливо означает «ужас», однако гостиничный шампунь не слишком помог. Когда в колтуне под ее левым ухом я обнаружила что-то похожее на полусгнившие останки крысы, я сдалась.

Грязные патлы старух отвлекали внимание от их лиц, поэтому вы не сразу замечали, что у них по одному глазу и одному зубу на троих. В данный момент Энио пыталась отобрать глаз у своей сестры Дейно («страх»), поскольку хотела разглядеть застывшего от ужаса бармена, в то время как Пемфредо («тревога») использовала единственный зуб, чтобы разорвать пакетик с арахисом. После нескольких безуспешных попыток она, потеряв терпение, сунула пакетик в рот и со счастливым видом принялась жевать.

Когда-то я думала, что граи — лишь миф, выдуманный скучающими (и немного чудаковатыми) греками за несколько тысяч лет до изобретения телевидения. Как бы не так. Недавно я приобрела — ну хорошо, стащила — несколько вещей в вампирском Сенате, органе управления всех вампиров Северной Америки, и ломала голову, пытаюсь понять, для чего они предназначены. Первая представляла собой маленький радужный шар в черном деревянном ящичке. Едва я взяла его в руки, как он начал светиться. Одна короткая вспышка света — и у меня появились соседи.

Не знаю, почему эту троицу держали в темнице, особенно в таком глухом месте, как глубокое подземелье крепости вампиров. Старухи, конечно, были до ужаса назойливы, но особой опасности ни для кого не представляли — разве что для моего гостиничного счета. Пришлось взять старух с собой; не бросать же их в номере! Сестрички оказались на редкость энергичными, и, чтобы хоть как-то их унять, приходилось прилагать массу усилий.

Усадив всех троих перед игральными автоматами, я отправилась по своим делам. Разумеется, интерес к игре старушечки быстро потеряли — их внимание мгновенно переключалось с одного на другое, как у маленьких детей. Вскоре они притащились за мной в бар, заодно прихватив несколько сувениров, которые, несомненно, где-то свистнули. Дейно, сжимавшая под мышкой кусок красной плюшевой ткани, выронила мне под ноги

стеклянный шар-сувенир с макетом казино, при встряхивании в нем поднималась снежная метель. Вот так — не хватало еще, чтобы меня арестовали за мелкую кражу!

И все же, несмотря на раздражение, вызванное необходимостью присматривать за этими жуткими созданиями, при взгляде на Казанову я поняла, что их появление может сыграть мне на руку. Улыбнувшись, я представила, как языки адского пламени снова пожирают небольшое казино.

— Если ты мне не поможешь, я просто оставлю их здесь. Помоешь их, приоденешь, и они еще... Ого-го!

Чем это может обернуться для казино, я уточнять не стала.

Казанова поморщился и залпом допил свою выпивку, на миг явив моему взору жилистое загорелое горло, видневшееся в широком вороте рубашки. Строго говоря, он, конечно, не был тем самым, настоящим Казановой. Когда в тебя вселяется инкуб, ты живешь гораздо дольше, но все же не настолько. Неудавшийся итальянский священник, который прославился своими амурными похождениями, умер несколько столетий назад, но память о нем продолжала жить — как и его репутация, в чем можно было легко убедиться, глядя на Казанову. Мне приходилось то и дело напоминать себе, что я пришла в казино по делу, хотя мой собеседник даже не пытался пустить в ход свое обаяние.

— Меня не интересуют твои проблемы, — зло сказал он. — Сколько ты хочешь за то, чтобы они ушли с тобой?

— Дело не в деньгах. Ты знаешь, чего я хочу, — ответила я, пытаюсь незаметно поправить свои узкие атласные шорты, но, думаю, Казанова заметил это движение.

Трудно манипулировать мужчиной, когда на тебе костюм черта в блестках, да еще с хвостом. Тоже мне, Скарлет О'Хара, это с моими-то светлыми кудряшками и бело-розовым личиком! Я скорее напоминала игрушечного пупса, который пытается изобразить из себя неотесанного мужлана. Ничего странного, что мой образ не показался ему слишком убедительным. А мне было крайне необходимо поговорить с Казановой, причем так, чтобы в казино меня не узнали, вот я и позаимствовала чей-то костюмчик в раздевалке для obsługi. Тогда эта идея почему-то показалась мне удачной.

Щелкнув золотой зажигалкой, Казанова закурил маленькую сигаретку.

— Если тебе жить надоело, это твое личное дело, а я не собираюсь совать голову в петлю и вставать у Антонио на дороге. Когда речь идет о мести, он себя не помнит. Тебе ли не знать.

Конечно, я это знала. Антонио, вампир-хозяин и мой бывший опекун, возглавлял список тех, кто желал бы получить меня в виде урны с прахом, чтобы потом украсить ею каминную полку. И все же я должна была его найти, поскольку тот, кто был мне нужен, находился рядом с ним; в противном случае урна могла бы и не понадобиться. От меня бы просто ничего не осталось. Когда-то Казанова был первым помощником Тони и вполне мог знать, где искать старого придурка.

— Я думаю, Майра у него, — коротко бросила я.

Казанова промолчал. Ни для кого не было тайной, что именно она, можно сказать, вытащила меня из петли. Не думаю, что из каких-то личных соображений, скорее, ее интересовала собственная карьера, а я что совершила? Прodelала в ней пару дырок... Нет, лучше об этом не думать.

— Сочувствую, — буркнул Казанова, — но, боюсь, больше ничего предложить не могу. Сама понимаешь, мое положение довольно... шаткое.

Ну, это как сказать. То, что Казанова занимал важное положение в криминальной организации Тони, уже само по себе было необычно. Как правило, вампиры недолголюбивают инкубов, считая их своими конкурентами, но дело в том, что этот вид демонов находится далеко не на вершине иерархической пирамиды потусторонних сил. Более того, их считают чем-то вроде досадной помехи. Казанова и здесь являлся исключением.

Несколько веков назад он, заключив сделку, поселился в теле одного испанского дона, решив, что всего лишь приобрел себе новую оболочку. Как он мог знать, что вошел в тело вампира-младенца, слишком юного и слабого, чтобы изгнать его? А когда вампир понял, что произошло, между ним и демоном уже установилась прочная связь. За те несколько веков, пока Казанова соблазнял женщин, вампир научился получать нишу, а демона вполне устраивало тело, которое не старело и уж тем более не умирало. Поэтому когда Тони решил объединить инкубов, проживающих на территории Штатов, в единую организацию, чтобы потом использовать их в своих целях, Казанова стал для него настоящей находкой.

Его спа-салон «Декадентские мечты» размещался в жутко уродливом здании, по соседству с казино Данте, принадлежавшим Тони. И пока вырвавшиеся на свободу мужья спускали за игорным столом семейный бюджет, их заброшенные жены искали утешения в экстравагантных развлечениях, предлагаемых салоном, — в двух шагах от казино. В результате Тони получал деньги, инкубы — неограниченное количество пищи, а вышедшие из салона дамы сияли от счастья еще в течение нескольких дней. Очередная затея Тони, причем наименее грязная, не считая того, что еще и абсолютно нелегальная; между прочим, полиция Вегаса отнюдь не покрывает проституцию, как считают большинство законопослушных граждан. Впрочем, законы людей вампиров не интересуют.

— Интересно, какое наказание сейчас существует за работорговлю? — лениво спросила я. — Держу пари, тебе светит петля.

С Казановы мгновенно слетела спесь. Сигарета вышла из его пальцев, и пепел прожег несколько дырочек на шелковой рубашке. Казанова быстро стряхнул его рукой.

— Я этим в жизни не занимался!

Такая реакция меня несколько не удивила. Тони нарушал законы и людей, и вампиров, занимаясь крайне выгодной, но при этом крайне опасной торговлей — он похищал и продавал в рабство колдунов и ведьм. Серебряный круг, верховный орган магов и колдунов, как для вампиров Сенат, категорически выступил против этой затеи и даже подписал с вампирами особый договор, согласно которому работорговля объявлялась вне закона. Нарушение договора приравнивалось к объявлению войны, поэтому Тони и без того грозил осиноый кол, не будь у Сената других веских причин для его поимки.

— Тебе придется потрудиться, убеждая Сенат, что босс хочет все свалить на тебя. — Судя по лицу Казановы, он вполне допускал подобный вариант. Своего хозяина он знал не хуже меня. — Но если я разыщу его первой, Тони исчезнет и ты останешься чистеньким. Так что подумай, помочь мне — в твоих интересах.

Я надеялась, что выбрала правильную тактику, ведь именно на эгоизме и личной выгоде держится сообщество вампиров, однако Казанова быстро справился с собой.

Он спокойно закурил следующую сигарету.

— Почему ты так уверена, что я знаю, где Тони? Он передо мной не отчитывается о каждом своем шаге. Теперь у него этот Альфонс в помощниках.

Альфонс — правая рука Тони и его личный телохранитель, самый уродливый из всех известных мне вампиров, а характер у него еще страшнее, чем лицо. Но для меня Альфонс

менее опасен, чем Тони. Альфонс, по крайней мере, не станет меня преследовать — если только не получит на это соответствующий приказ.

— Тони должен был оставить кого-нибудь вместо себя. Держу пари, что это ты. Ты должен знать, где он прячется.

Казанова внимательно смотрел на меня сквозь дым сигареты.

— Будем считать, что я его временно заменяю. — После долгой паузы неохотно признался он. — Но только в Вегасе. На твоём месте я бы отправился в Филли.

Я выразительно затрясла головой. Как раз этого мне и не хотелось. В Филадельфии находилась одна из штаб-квартир Тони, к тому же там было полным-полно людей, которые не питали ко мне горячей любви. Мягко говоря.

— Ага. Вот именно там я действительно кое-что получу, только вряд ли это будет информация.

Губы Казановы слегка скривились в улыбке, а веселые искорки в светло-карих глазах, пришедшие на смену их обычному обольстительному выражению, просто сразили меня наповал. Я молча сглотнула и приняла безразличный вид. Ухмылка Казановы стала еще шире, но никакой информации я по-прежнему не имела.

— Ты не хуже меня знаешь, что семья не прощает предателей, — проворчал он. — Особенно когда дело касается помеси вампира и демона, ведь многие считают их уродами. А то, что Тони временно поручил мне управлять территорией побережья, поклонников мне не добавило. Многие только и ждут, когда я сяду в лужу, а если я еще и босса продам, то...

Его неожиданная откровенность застала меня врасплох. Я молча таращилась на Казанову, чувствуя, как желудок и горло сжимаются от страха. Надо срочно взять себя в руки, я не должна выказывать слабость, особенно сейчас. Если я не найду способ вытряхнуть из Казановы нужные мне сведения, очень скоро Майра вытряхнет из меня душу — только с помощью ножа.

Я склонилась над столом и выложила свой последний козырь:

— Мне прекрасно известно, как семья относится к мести. Но пораскинь мозгами. Если Тони погибнет — от моей руки или по приказу Сената, — тебе достанется кое-какая собственность. Скажем, это казино. Неужели тебя не прельщает такая перспектива?

Казанова провел рукой по роскошным локонам, густой волной спадавшим ему на плечи. На нем была рубашка из натурального шелка насыщенного коричневого цвета, в тон глазам. Вообще-то я не эксперт в мужской одежде, но его галстук шафранового цвета был из дорогого магазина, равно как золотые часы и запонки. Казанова всегда был щеголем, а Тони вряд ли хорошо ему платил — он никогда не отличался щедростью.

Демон окинул зал тоскливым взглядом.

— Я бы тут все переделал, — сказал он. — Ты даже не представляешь, каких усилий мне стоит хоть в чем-то убедить патрона. — Отчего же, я отлично это представляла. Мрачный, даже зловещий интерьер казино, бар в виде головы дракона, из ноздрей которого время от времени вылетали клубы дыма, — все это как-то не настраивало на романтический лад. — Мои мальчишки работают вдвое больше положенного. В прошлом месяце я ухитрился выманить у босса какие-то крохи, чтобы начать ремонт вестибюля, да и то благодаря протечке. Ты только взгляни, на что похож вход! Большинство клиентов разбегаются, даже не переступив порог!

— Вот и помоги мне.

Казанова печально покачал головой и вздохнул, выпустив изо рта облачко сигаретного

дыма.

— Это невозможно, *chica*^[2]. Если Тони узнает, мне крышка. Придется искать новое тело, а я к своему уже привык, можно сказать — привязался.

Все ясно: Казанова не хотел рисковать. Стоять в сторонке и ждать, кто победит, вполне в духе вампиров. К сожалению, меня это не устраивало.

Совсем недавно по наследству от одной эксцентричной провидицы мне достался титул пифии, главной и самой могущественной прорицательницы на земле. Вместе с даром Агнес ко мне перешла колоссальная энергия, и многие мечтали либо завладеть ею, либо уничтожить. Но пока я раздумывала, что мне делать с неожиданным подарком и не вернуть ли его назад, Агнес не нашла ничего лучше, чем умереть. Потом я, в надежде пожить подольше, ломала голову, кому бы передать этот дар, но Тони вдруг начал гоняться за мной, чтобы убить, Сенат вознамерился сделать из меня послушную марионетку, а маги и вовсе скрежетали зубами, едва услышав мое имя. Что тут скажешь? Мне всегда достается больше других.

— Тони ни за что не справится с шестью сенаторами, — решительно заявила я. — У них взаимное соглашение — если охотится один, значит, охотятся все. Рано или поздно Тони поймут, и тогда он начнет себя выгораживать. Конечно, его прикажут проткнуть колом, но до этого он успеет подставить тебя, а заодно и многих других. Помоги мне, и, может быть, я успею добраться до него раньше, чем сенаторы.

Глядя мне в лицо, Казанова загасил окурок в черной блестящей пепельнице. Взгляд его темных глаз скользнул по моему наряду, и на губах заиграла едва заметная улыбка.

— Ходят слухи, что ты стала пифией, — сказал он и легонько провел тыльной стороной ладони по моей руке. — Почему же ты не хочешь воспользоваться своей силой? Это было бы замечательно, — Там, где его тонкие длинные пальцы прикасались к моей руке, я чувствовала тепло, которое быстро разливалось по всему телу. Голос демона стал тише и понизился почти до шепота. — Я мог бы стать твоим лучшим другом, Кассандра.

Он перевернул мою руку ладонью вверх и, едва касаясь, провел на ней воображаемую линию. Я уже собралась съязвить по поводу своей так называемой силы, когда Казанова вдруг наклонил голову. Он коснулся губами моей ладони и начал целовать ее, продвигаясь вдоль воображаемой линии. Прикосновение губ демона было легким, как шелк, и обжигало, как огонь. Я моментально забыла все, что хотела сказать. Казанова взглянул на меня сквозь длинные ресницы, и мне показалось, что я вижу перед собой совершенно незнакомое лицо с прекрасными чертами и гипнотическим взглядом. Я вспомнила одно старое изречение о том, в чем разница между двумя величайшими любовниками мира — Дон Жуаном и Казановой. Когда Дон Жуан бросал женщин, они начинали его ненавидеть, но когда уходил Казанова, его возлюбленные все равно продолжали обожать его. Теперь я начинала понимать почему.

Я резко вырвала руку, прежде чем он успел притянуть ее к себе.

— Ну хватит!

Казанова удивленно замигал и вновь взял меня за руку. На этот раз от его прикосновения я вздрогнула и почувствовала, как внутри разлилась жаркая волна.

В голову внезапно полезли мысли о душной испанской ночи, запахе жасмина, ощущении теплой золотистой кожи на моем теле. Я закрыла глаза и судорожно сглотнула, пытаясь отогнать навязчивые видения, но они стали еще реальнее. Кто-то мягко толкнул меня, и я повалилась на пышную перину, погрузившись в ее ласкающие волны, чувствуя

прохладное прикосновение шелковых простыней. На грудь упала волна густых мягких кудрей, сильные руки принялись нежно и вместе с тем властно ласкать мое тело, будоража кровь, заставляя бешено стучать сердце.

И вдруг, без всякого предупреждения, видение исчезло, и вместо приятного, расслабляющего тепла я ощутила невыносимый жар. На какое-то мгновение мне показалось, что прикосновение Казановы действительно вызовет ожог, но он отпустил мою руку до того, как я почувствовала боль. Я открыла глаза, мы по-прежнему сидели в баре, и обо всем, что со мной только что происходило, напоминали лишь мое разгоряченное лицо да бешено стучащее сердце.

Казанова вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Тот, кто назначил этот гейс, знал свое дело, — сказал он и знаком велел официанту наполнить бокалы. — Просто из любопытства, скажи, кто это сделал? До сих пор я считал, что могу прорвать любую защиту.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — ответила я, потирая руку в том месте, где к ней прикасались его пальцы, и бросая на него гневные взгляды. Меня не впечатлила ни эта внезапная вспышка страсти — в конце концов, я тоже кое-что смыслю в таких вещах, — ни ее болезненное завершение.

— Я говорю о гейсе. Не знал, что на тебя уже заявлены права, иначе я бы ни за что...

— Какой еще «гес»?

Казанова повторил слово по буквам, но мне оно ни о чем не говорило. Официант принес напитки; я сделала большой глоток, и настроение вмиг упало.

— Перестань дурачиться, Кэсси, ты отлично знаешь, кто я. Или ты думала, я не замечу? — раздраженно спросил Казанова и вдруг с изумлением посмотрел на меня. — Ты что, в самом деле ничего не знаешь?

Я обиженно уставилась на него. Опять какие-то загадки, только этого мне сейчас и не хватало.

— Слушай, либо выкладывай, о чем речь, либо...

— Кто-то, очевидно могущественный маг или вампир-хозяин, наложил на тебя клеймо-заклятие, — сказал Казанова и тут же спохватился: — То есть не клеймо, а скорее знак — что-то вроде «Руками не трогать». Причем высотой с милю.

Я почувствовала, как по шее снова побежали мурашки. Вспомнился тихий, вкрадчивый голос, который говорил мне, что теперь я принадлежу только ему, отныне и во веки веков. Мне захотелось его убить.

— И что он означает?

— Гейс — это своего рода запрет, он накладывается на поведение человека, — пояснил Казанова, заметив мою растерянность. — Ты знаешь историю о Мелюзине?

В памяти всплыли смутные детские воспоминания.

— Какая-то сказка. Французская, что ли. Она, кажется, была наполовину феей, а потом превратилась в дракона.

Казанова вздохнул и укоризненно покачал головой.

— На Мелюзине лежало заклятие — каждую субботу она превращалась в полуженщину-полузмею. Она согласилась выйти замуж за Раймондина из Лузиньяна только после того, как на него был наложен гейс, запрещающий ему видеться с женой по субботам. Супруги жили долго и счастливо, пока однажды один из кузенов Раймондина не стал его уверять, что по субботам его жена проводит время с другим мужчиной. Раймондин решил это проверить.

В результате гейс был нарушен, Мелюзина превратилась в дракона, а Раймомдин навечно потерял любовь всей своей жизни.

— Ты хочешь сказать, что это подлинная история?

— Об этом я ничего не знаю. Просто пытаюсь тебе объяснить, как действует гейс. — Рука Казановы потянулась было к моей руке, но зависла в воздухе. — Твой гейс самый сильный из всех, известных мне, к тому же явно поставлен уже давно. Крепко держится.

— Что значит — давно?

— Много лет, — подумав, ответил Казанова. — Может быть, десять, а может, и того больше. Учти, десять лет это не просто годы, это измеренная в процентах часть твоей жизни. Тебе сколько — двадцать или около того?

— Завтра будет двадцать четыре.

Демон пожал плечами.

— Ну вот, значит, примерно половину своей жизни ты кому-то принадлежишь.

Кровь бросилась мне и лицо.

— Я никому не принадлежу, — резко выпалила я, но Казанова никак не отреагировал на мою ярость. — А что еще делает гейс, кроме того, что отпугивает людей?

Лучше бы я об этом не спрашивала.

— Дюрахт гейс — это сильное магическое заклятие, одно из самых сильных. В Средние века некоторые маги параноики, женившись на обычной смертной женщине, использовали его в качестве «пояса верности». А еще я слышал, что его накладывали на некоторых новобрачных, дабы преодолеть их излишнюю стыдливость. — Немного подумав, Казанова продолжил: — Насколько я знаю, это заклятие позволяет его создателю знать о тебе все, поэтому ты никогда не сможешь обмануть его. Кроме того, он всегда знает, где ты находишься, в смысле, в каком городе, а может быть, и еще точнее.

Тут я вспомнила одного негодяя, который вполне мог устроить мне эту пакость. Я вспомнила, как он говорил, что однажды разыскал меня с помощью разведывательной сети Сената. Может, так оно и было, а может, и нет. Интересно, сколько раз он обманывал меня?

— И последнее, но самое главное: заклятие устроено так, что ваша тяга друг к другу с каждой новой встречей только усиливается. Иными словами, со временем ты просто не захочешь от него сбежать.

По спине пробежал холодок.

— Вот, значит, как. Выходит, я больше не смогу чувствовать по-настоящему?

Как он мог так низко пасть? Он же прекрасно знает, как я ненавижу контроль над своими мыслями и чувствами!

Этим негодяем был, без сомнения, Мирча, пятисотлетний вампир, знаменитый тем, что приходился старшим братом самому Дракуле. Кроме того, он был моей первой любовью. Меня мало занимали его родственники и то, что он являлся хозяином первого уровня и сенатором. Меня занимало другое: его темно-карие глаза, в которых иногда, когда он смеялся, вспыхивали веселые искорки, его темно-каштановые волосы, рассыпавшиеся по широким плечам, и его умопомрачительные грешные губы, самые сексуальные из всех, что мне доводилось видеть. Помимо всего прочего, из всех вампиров Тони только Мирчу почтительно именовал «хозяин». Задумайся я об этом раньше, я бы усомнилась в искренности своего красавчика.

— Дюрахт не порождает никаких эмоций, — пояснил Казанова. — Это всего лишь любовное заклятие, оно просто усиливает уже возникшие чувства. Поэтому мне кажется

странным, что кто-то применил его к одиннадцатилетнему ребенку. Или тебе тогда было двенадцать?

Я молча кивнула; дело в том, что мне это странным как раз не казалось. До того как убежать с моим отцом, моя мать считалась наследницей пифии. Тот факт, что после побега она лишилась своего титула, ничего не значил ни для нее, ни тем более для меня, поскольку наследницу выбирает вовсе не состарившаяся пифия, а Высший совет. За последнюю тысячу лет, за исключением нескольких случаев, он выбирал именно ту, которую сам же заранее назначил. Мирча и здесь отличился — наплел мне, что я стану исключением, и ни словом не обмолвился о том, что я по-прежнему оставалась одной из первых кандидаток в пифии.

Не знаю почему, но наследница должна оставаться действенной до тех пор, пока не свершится обряд посвящения. Видимо, Мирча решил до поры до времени не рисковать, дабы моя детская привязанность к нему не исключила меня из списка претенденток, а просто взял да и поставил на мне снос клеймо. Мерзавец.

— Ты говорил, что это заклятие вызывает разные там чувства, — сказала я, вспомнив тот день, когда встретила с Мирчей, будучи уже взрослой. — Имеются в виду только мои чувства?

В день нашей последней встречи Мирча проявлял ко мне явный интерес, и все же трудно быть в чем-то уверенной, когда дело касается вампиров. Все они прирожденные лжецы, и Мирча среди них настоящий чемпион — возможно, таким его сделала работа. Он главный дипломатический советник Сената, именно его посылают находить выход из самых запутанных ситуаций, когда требуется проявить силу убеждения, умение соблазнять или обманывать. С такими делами Мирча справляется блестяще.

— Нет, не только твои. Это, так сказать, улица со встречным движением. Многие считают, что в этом заключается один из главных недостатков заклятия, — сказал Казанова, явно наслаждаясь ролью учителя. — Его можно сравнить с усилителем звука стереосистемы: каждая встреча — один поворот рукоятки. Стоит только начать, и дальше все пойдет само собой — вы уже не сможете друг без друга существовать, нравится вам это или нет.

Я отвернулась, чтобы Казанова не видел моего лица, пытаюсь при этом не обращать внимания на тупую боль в груди и спазм в горле. Не знаю, почему мне казалось, что меня предали. Нельзя сказать, чтобы раньше я полностью доверяла Мирче, поскольку прекрасно знала, что ни один вампир-хозяин, особенно сенатор, не входит в категорию хороших парней. Чтобы добиться высокого положения, вампиру следует быть по меньшей мере безжалостным. И все же я никак не ожидала, что Мирча так поступит со мной. Тони — да, чего от него ждать? Но чтобы его босс... Вот дура! А кто же учил Тони, как не сам босс?

Я повернулась к Казанове. Тот ответил мне делано равнодушным взглядом.

— Ты сказал, что это опасно.

— Любая магия опасна, *chica*, — ласково сказал он, — в некоторых обстоятельствах.

— Не вилай, — резко оборвала я.

Сейчас мне, как никогда, нужны были прямые ответы, а не уловки и смутные намеки. Нужно было думать, как из всего этого выбираться.

— Я не вилаю, — возразил Казанова. Внезапно за моей спиной пронзительно вскрикнула женщина. — Черт! — выругался он.

Оглянувшись через плечо, я обнаружила, что мои соседки по номеру решили поиграть в дартс, игнорируя такую мелочь, как отсутствие специальной доски. Пока я была занята беседой, Дейно расположилась в одном конце бара, Пемфредо — в другом, а Энио, заняв

удобную позицию, принялась плевать зубочистками в несчастного бармена. Не успели мы двинуться с места, как Энио, набрав полный рот крошечных острых снарядов, выпустила их в проходящего мимо сатира, который сразу стал похож на подушечку для иголок. Женщина вновь пронзительно завизжала, когда в грудь бедолаги вонзилась туча острых красных стрелок. Сделав знак ее кавалеру, чтобы тот побыстрее вывел клиентку из зала, Казанова поспешил на помощь своему работнику, а я отправилась вслед за Казановой, чтобы спасти его самого. Иногда старушечки меня слушались — когда были в настроении, хотя создается впечатление, что обычно меня считают всего лишь досадной помехой.

Казанова отправил дрожащего бармена отдыхать, чего тот явно заслужил, а я тем временем попыталась унять подружек, выудив из своей сумки колоду карт. Много лет назад на свой день рождения я получила совершенно обычные на первый взгляд карты таро, — они умели предсказывать метафизическую атмосферу, окружающую какое-либо событие, не называя его. Иначе говоря, карты определяли и описывали возможные чувства и настроения и, как правило, не ошибались.

Когда одна карта вдруг сама вылезла из колоды, едва я взяла ее в руки, мне стало нехорошо.

В отличие от распространенного мнения, аркан «Влюбленные» редко предсказывает встречу двух сердец или даже приятное времяпрепровождение. Скажем, «Две чаши» означают, что роман вот-вот вспыхнет, однако «Влюбленные» имеют более сложное толкование. Эта карта указывает на некий выбор, который предстоит сделать, и на то, что принятое решение приведет к разного рода переживаниям и даже боли. Как показала высунувшаяся из колоды карта — «Адам и Ева, изгоняемые из рая», — принятое решение будет иметь огромные последствия для всего, что произойдет дальше. Нужно ли говорить, что эту карту я всегда терпеть не могла.

Пока я отбирала у старух зубочистки и завлекала их очередной игрушкой, Казанова вызвал нового бармена. Наконец мы смогли вернуться за наш столик.

— Все зависит от твоей точки зрения, — продолжал демон с невозмутимым видом, словно наш разговор и не прерывался. Думаю, что за много столетий ему приходилось иметь дело кое с чем покруче, чем скучающие бабульки. — Сам по себе гейс безвреден, но — как в случае с Мелюзиной — до тех пор, пока его не трогают. Твой вызывает сильную привязанность. Если ничего не случится, вы будете жить спокойно и счастливо.

То, что я, возможно, вообще не захочу жить — счастливо или несчастливо, — магическим заклятием, очевидно, не учитывалось.

— Что значит — «ничего не случится»? А что может случиться?

Казанова слегка смутилась.

— Любовь — это прекрасно, можешь мне поверить. Однако и у нее есть обратная сторона. Если магической связи, существующей между влюбленными, что-то угрожает, она сама будет избавляться от опасности. — Заметив мое недоумение, он пояснил: — Скажем, в тебя влюбляется простой смертный. Почувствовать существование гейса он, разумеется, не сможет, поэтому не обратит внимания на предостережение.

— И что тогда?

— Зависит от обстоятельств. Если связь появилась совсем недавно и вы провели мало времени вдвоем, иначе говоря, амплитуда звуковых колебаний мала, может быть, ничего и не случится. Но чем громче звук, тем сильнее реакция на постороннее вмешательство. В конце концов одному из вас придется устранить угрозу.

— Устранить? Это как — убить, что ли? — спросила я, от удивления разинув рот.

Нет, Мирча определенно спятил.

— Ну, может быть, до этого и не дойдет, — заверил меня Казакова, и мне стало немного легче. — Я думаю, все твои кавалеры предпочту третироваться, как только ты начнешь визжать и ругаться или когда на сцене появится твой любовник.

Отлично, подумала я, чувствуя, как желудок вновь сжался. Выходит, благодаря Мирче я в любой момент могу съехать с катушек? Ничего не скажешь, удружил.

— А что, если тот, кто наложил на меня заклятие, сам захочет, чтобы меня кто-нибудь соблазнил?

Не праздный вопрос, между прочим. Когда здоровье пифии резко ухудшилось, Мирча подослал ко мне Томаса. В качестве бойфренда, так сказать. Госпожа Фемоноя, известная мне как Агнес, знала, что умирает, и начала творить заклятия, освобождающие энергию пифии, чтобы передать ее наследнице. В результате и заварилась вся эта каша: Агнес могла запустить старинный ритуал, и завершить его предстояло мне — потеряв девственность, ревностно охраняемую Мирчей. Ради этого он подбросил мне Томаса — дабы уладить эту маленькую проблему и при этом не угодить в свою же собственную ловушку. Мирча родился в те времена, когда женщины не имели права выбирать себе сексуального партнера, а Томас был слугой другого хозяина и обязан был исполнять его приказы. Нас с ним, естественно, никто не спрашивал.

Томас принадлежал к тому редчайшему типу вампиров, которые умеют превосходно копировать людей. Я прожила с ним в одной квартире более полугода и ни разу не заподозрила, что с ним что-то не так. Мы стали близкими друзьями, однако не настолько, как того хотелось Мирче. В то время я старалась держаться особняком, чтобы никого не вовлекать в свою безумную жизнь, и думала, что оберегаю Томаса, держа его на расстоянии. Однако добилась я только одного: Мирче пришлось самому начать древний ритуал.

Впрочем, завершить его он так и не успел; в самый ответственный момент нас прервали. Когда у меня немного прояснилась голова, я очень этому обрадовалась, ибо завершение ритуала означало бы, что отныне и до конца моих дней мне предстояло быть пифией — не слишком долго, если учесть, какой желанной мишенью я была. Не могу сказать, что я возлагала на свою жизнь большие надежды.

— Тот, кто сотворил гейс, может перенести его на какого-то вполне определенного человека, — сказал Казанова. — Бывали случаи, когда заклятие действовало в отношении стражей, охранявших наследниц, чтобы они наверняка сберегли невинность до того, как им подберут достойную партию. Предполагалось, что будущие пифии с радостью примут любого, кого бы им ни выбрали, настолько сильна была их преданность и желание посвятить себя своему предназначению.

Мне как-то не понравилось выражение лица Казановы.

— А что было на самом деле?

Вместо ответа он принялся довольно неуклюже шарить в своем золотом портсигаре, пытаясь достать сигарету. Зная, насколько изящны его движения в нормальном состоянии, я заподозрила, что сейчас услышу нечто неприятное.

— Гейс перестали использовать, поскольку он имеет тенденцию отвечать ударом на удар, — сказал Казанова, щелкая зажигалкой. — Иногда он срабатывал, но были случаи, когда девушки, влюбившись в своих стражей, совершали самоубийство, предпочтя смерть супружеству с нелюбимым человеком.

Заметив выражение ужаса на моем лице, Казанова поспешно добавил:

— Это очень сложное заклятие, Кэсси, оно требует большой осторожности. Привязанность многолика. Гейс предназначен для обеспечения верности и преданности, но ты же знаешь людей — разве у их чувств только одна грань? Их преданность легко переходит в обожание, ибо с какой стати, спрашиваю я, хранить верность тому, кто недостойн обожания? Затем обожание постепенно переходит в глубокую привязанность, та, в свою очередь, перерастает в любовь, а любовь, как известно, это желание обладать тем, кого любишь. Догадываешься, к чему я клоню?

— Да, ответила я, думая о том, что мое тело соображает быстрее, чем мозги, поскольку по рукам побежали мурашки.

— Желание обладать обычно приводит к ощущению собственной исключительности: этот человек должен принадлежать мне и только мне, мы созданы друг для друга, ну и дальше в таком же роде.

Казанова взмахнул рукой, и дымок его сигареты устремился к потолку. У меня же голова шла кругом. Мозг усиленно работал, пытаюсь вникнуть во все эти тонкости, чувства смешались.

— В результате возникает своего рода острый голод, — продолжал Казанова, — и если его немедленно не утолить, он может вылиться в отчаяние или ненависть. Даже сотворенный по всем правилам, гейс часто вызывает проблемы; сколько и какие — зависит от личности тех, кого он связывает. И поскольку заклятие это очень сложное, то легко искажается. Даже самые опытные маги стараются больше не применять его. Так что твой воздыхатель либо сам невероятно могущественный маг, либо у него такой помощник.

— Да, он может себе это позволить, — рассеянно произнесла я.

Ничего не скажешь, идеальное решение: оставить меня жить у Тони, одного из самых верных слуг, но при этом наложить на меня гейс, чтобы я оставалась невинной до тех пор, пока он не убедится, что ко мне перешла энергия пифии. Отличный план, если не считать того, что никто не вспомнил о моих чувствах. А ведь они у меня были, но... обычно вампир-хозяин обращается со своими слугами, как с шахматными фигурами: передвигает их по собственному усмотрению, нисколько не заботясь о таких пустяках, как их мысли и чувства.

— Только не Антонио, — насмешливо сказал Казанова, не спуская с меня внимательного взгляда. — Ты прожила у него много лет, прежде чем сбежать. Заклятие не позволило бы тебе уйти, сама мысль об этом никогда не родилась бы в твоей голове.

Я поморщилась. Даже мысль о близости с Тони вызывала у меня тошноту.

— Это заклятие можно снять?

— Его может снять только тот, кто его сотворил.

— А по-другому?

Казанова покачал головой.

— Нет. Даже я не могу его снять, а я в таких делах разбираюсь, *chica*. — Он лукаво взглянул на меня. Конечно, если бы я знал больше, я бы тебе помог. Возможно, один из моих советников...

Мне не хотелось говорить ему всю правду. Тони был его непосредственным боссом, однако Мирча был хозяином Тони и потому мог предъявить права на все, что принадлежало Тони, включая тех, кто поклялся ему в верности. Обычно этому предшествовали разного рода переговоры, хотя старший вампир мог просто отобрать часть собственности своего слуги; правда, к вампирам третьего уровня, как Тони, это не относилось. Но поскольку Тони

бросил вызов не только Мирче, но и Сенату, вся его собственность автоматически отходила боссу, то есть Мирче, который, как я уже говорила, был хозяином Казанова. Маловероятно, чтобы инкуб посмел ослушаться хозяина, но и помогать мне, не получив подробной инструкции, он явно не собирался.

Я вздохнула. Не люблю, когда меня загоняют в угол, но к кому еще я могла обратиться?

— Это Мирча, — тихо сказала я, бросив быстрый взгляд по сторонам.

Казанова захлопал глазами, а потом взвился так, словно его пнули под зад.

— Почему ты не сказала мне этого раньше, Кэсси? — испуганно прошипел он. — Я не хочу, чтобы с меня живьем содрали кожу!

— Сядь, — зло сказала я, — и успокойся. А теперь скажи, как мне избавиться от заклятия.

— Никак. Послушай моего совета, chica, — сказал Казанова, серьезно глядя мне в глаза. — Иди домой, к своему любезному вампиру-хозяину, попроси у него прощения за те неудобства, что ты ему причинила, и делай все, что он тебе прикажет. Ты ведь не хочешь вызвать его гнев.

— Я уже видела, как ведет себя Мирча, когда на него накатывает, — сказала я. Конечно видела, и не однажды; правда, на меня он не злился еще ни разу. Я толкнула ногой стул Казанова. — Да сядь ты! На нас уже обращают внимание.

— Да, — послушно сказал Казанова. — И потому я сделаю вот что: немедленно пойду в свой офис, сниму трубку и позвоню большому боссу. И если ты не хочешь, чтобы тебя поймали, немедленно выкатывайся отсюда и беги так, будто за тобой черти гонятся. Хотя вряд ли это тебя спасет.

— Ого, как ты его боишься!

— Дай подумать, — язвительно сказал Казанова. — Да! Я его боюсь. Чего и тебе советую.

Я растерянно уставилась на него. Разумеется, я знала, что с этим вампиром шутки плохи, однако я ни разу не видела, чтобы он совершил нечто такое, от чего древний демон мог бы трястись от макушки до носков своих модельных туфель.

— Мы ведь говорим о Мирче?

Оглянувшись по сторонам, Казанова пересел на стул рядом со мной, вид у него был такой торжественный, что я едва удержалась от смеха.

— Слушай меня, маленькая девочка, и хорошенько запоминай каждое слово, потому что повторять я не буду. Мирча — самый искусный манипулятор из всех, кого я когда-либо знал. Потому Сенат и назначил его главным дипломатом — Мирча всегда добивается всего, чего захочет. Мой тебе совет: не сердись на него — и тогда он, возможно, отнесется к тебе по-доброму.

Вместо ответа я крепко схватила Казанову за галстук и рывком притянула к себе. Вообще-то я не люблю насилия — в детстве я его и так видела слишком много, — но в тот момент я не помнила себя от ярости.

— А теперь ты послушай меня. Я и сама прекрасно умею манипулировать. Я ни дня не прожила без того, чтобы кто-нибудь не пытался меня облапошить. И вся эта возня вокруг пифии — не моя затея. Только вот что я тебе скажу: плевать я на вас хотела, ясно? Мирча никогда не будет мной владеть, что бы он там ни говорил, ни он, ни кто-то другой. А если кто и попытается, то очень об этом пожалеет. Не советую становиться моим врагом. Ты все понял?

Казанова сделал вид, что задыхается, и я отпустила галстук. Демон повалился на стул;

нельзя сказать, чтобы он казался испуганным, скорее задумчивым.

— Если ты такая сильная, зачем тебе моя помощь? — насмешливо спросил Казанова. — Почему бы тебе самой не избавиться от гейса, а потом не излить ярость на Антонио, раз уж ты так разозлилась?

— Все не так просто, — сухо ответила я. — Чему ты смеешься?

Казанова изо всех сил сдерживал смех.

— Да так, пустяки, — с трудом выговорил он. — Тебе этого не понять, ты же не инкуб.

— А ты попробуй объяснить.

Демон скромно опустил глаза. Никогда бы не подумала, что инкубы могут смущаться.

— Похоже на предвкушение. Как будто ждешь следующего матча на чемпионате по боксу. В красном углу, — начал он, подражая голосу диктора, — господин Мирча, не имеющий ни одного поражения за все пятьсот лет своей политической и общественной карьеры! В синем — прелестная Кассандра, наследница трона пифии! — Ухмылка Казанова стала шире, — Ты должна понять, Кэсси. Для инкубов нет ничего занятнее подобного зрелища. Если бы я так не держался за свое тело, я бы костями лег, лишь бы получить место поближе к рингу.

— Хватит болтать! — сердито оборвала я его. — Лучше скажи что-нибудь толковое.

— А может, ты скажешь мне что-нибудь для разнообразия? — возразил он. — К примеру, что ты собираешься делать, если разыщешь Тони? Он в таких делах не новичок, и убить его нелегко. Почему бы тебе не отдать его Мирче? Пусть его повесят. Мирча ведь все равно найдет его, рано или поздно, и тогда мы с тобой...

— Мирча не сможет справиться с Майрой! — Я отказывалась верить, что Казанова так ничего и не понял. — Он мог бы защитить меня здесь и сейчас, но меня волнует мое прошлое, а не настоящее.

Майра считалась наследницей пифии до того, как связалась с плохой компанией, после чего была лишена этого титула. Однако отстранение не лишило ее способности проникнуть в прошлое и убить меня еще до того, как я узнаю, кто она такая. Или убить одного из моих родителей, чтобы я не родилась. И здесь Мирча был бессилён.

— Но если Майру охраняет Антонио, как ты собираешься...

— На этот случай я приготовила ему несколько сюрпризов. А ты должен...

— Ничего я тебе не должен. Как ты не понимаешь... — начал было он и вдруг осекся: — Ты что?

Я вскочила на ноги, пошатнувшись на каблуках, и уставилась на входную дверь.

Расталкивая клиентов, к нам быстро пробирался мой старый знакомый — ненавистный маг-воин. Его короткие светлые волосы торчали во все стороны, словно обрубленные мачете, в холодных зеленых глазах бушевала ярость. В общем, в этом не было ничего удивительного: я ни разу не видела, чтобы он улыбался, и считала удачным тот день, когда он не пытался меня прикончить. Увидев его знакомое кожаное пальто, под которым вытирало спрятанное оружие, я поняла, что сегодняшний день не станет исключением.

— Это тот, кто я думаю? — прошептал Казанова, бросив испуганный взгляд на мага, когда полы его пальто распахнулись и предъявили на всеобщее обозрение целый арсенал, способный вооружить взвод. Даже вампиры побаивались магов-воинов — специально обученных колдунов или ведьм, владеющих военной тактикой и людей и магов. Они чтут только одну заповедь: «Сначала стреляй, потом задавай вопросы — если хочешь». Прямо как на Диком Западе. Разумеется, полиция не суется туда, где поработал маг-воин.

Лично я была сыта по горло встречами с этим воякой; Казанова, по-видимому, тоже. Не задавая лишних вопросов, демон, напрочь позабыв о чувстве собственного достоинства, нырнул под стол. Пока я раздумывала, не попытаться ли и мне удрать, Энио прыгнула со своего табурета у барной стойки и потрусила навстречу магу, размахивая руками и хлопая веками над пустыми глазницами. Не знаю, как я догадалась, что она задумала, ведь старуха не произнесла ни слова. Я энергично затрясла головой. Не знаю, как можно было его назвать, только «друг» прозвучало бы не совсем верно.

Энио резко остановилась и обернулась к магу, который был уже в нескольких шагах. Внезапно он замер на месте, и я поняла почему. Трех сестричек нельзя было назвать красотками по общепринятым стандартам, и все же они производили впечатление вполне безобидных старушек. Сморщенное лицо Энио, на котором нельзя было толком разглядеть, есть у нее глаза или нет, беззубый рот и спутанные космы обычно придавали ей вид скромной и смиренной нищенки. Обычно — но не сейчас.

Я не слишком хорошо знаю мифологию — так, запомнила кое-что из уроков моей старой гувернантки Эжени. Теперь я пожалела, что слушала ее невнимательно. На том самом месте, где только что стояла тщедушная старушка, вдруг появилась амазонка высоченного роста, чью наготу прикрывали лишь грива густых длинных волос и пятна крови. Превращение Энио было настолько стремительным, что я ничего не успела заметить, а вот миг побледневшее лицо Приткина недвусмысленно говорило о том, что я основательно подзабыла рассказы моей наставницы. Честно говоря, мне совсем не хотелось освежать свою память и лицезреть все это наяву.

Я никогда не претендовала на роль героини. К тому же Казанова, используя столики как укрытие, проворно пополз к выходу, а я ведь так и не узнала, где Тони. Поэтому я тоже упала на четвереньки и быстро последовала за инкубом. В следующую секунду послышался такой грохот, словно бар превратился в ад, но я не стала оглядываться, чтобы выяснить, что там происходит. За мою жизнь мне так часто приходилось удирать, что я твердо уяснила одно: хочешь сбежать, думай только об этом.

Над головой просвистел обломок полированного стула, но я только пригнулась ближе к полу и поползла быстрее. Казанова почти добрался до ближайшей глухой стены, но я-то давно поняла, в чем дело. Казино принадлежало Тони, а в его заведениях всегда был десяток запасных выходов. Это как минимум. Я была более чем уверена, что где-то рядом находится замаскированная дверь, поэтому, когда голова и плечи Казановы внезапно исчезли за красными китайскими обоями, я не удивилась, а лишь крепко вцепилась в полы его пиджака, зажмурилась и полезла за ним. Открыв глаза, я обнаружила, что мы находимся в пустынном коридоре, освещенном лампами дневного света.

Казанова попытался отпихнуть меня, но я держалась за него, как черт за грешную душу.

Это оказалось нелегко, потому что из-за столь внезапного бегства у меня, во-первых, трусы врезались в задницу, а во-вторых, демон был значительно сильнее меня. И все же он оставался моей последней надеждой, и сдаваться я не собиралась.

— Ладно, черт с тобой! — наконец сказал он и рывком поставил меня на ноги. — Пошли!

Мы подбежали к двери, которая вывела нас в другой, гораздо более роскошный коридор, устланный толстым алым ковром. От сигаяющих золотом парчовых обоев с непристойными картинками исходил такой сильный запах мускуса, что я едва не задохнулась, но Казанова, отчаянно давивший на кнопку лифта, не обратил на меня внимания. Наконец, когда я уже решила, что задохнусь окончательно, пришел лифт и мы ворвались в кабину. Увидев, что Казанованажал на кнопку пятого этажа, я с трудом прохрипела:

— Может, лучше поедем вниз? Если останемся в здании, он нас найдет.

Демон бросил на меня быстрый взгляд.

— Ты что же думаешь, он один пришел? — Я пожала плечами. Мне еще ни разу не приходилось видеть, чтобы Приткин работал с напарником, поэтому такой вариант вовсе не исключался. Впрочем, Приткин и в одиночку может устроить настоящий бедлам, — Наверняка у него есть помощник, — сообщил Казанова, дрожащими руками поправляя измятый костюм. — Пусть ими занимается охрана казино.

Лифт привез нас в просторный офис, скорее похожий на будуар. Там было множество зеркал, мягких кресел, а также бар, примерно такой же большой, как внизу. Красавчик секретарь, которого инкубы наверняка либо уже приняли на работу, либо собирались принять, предложил нам закуски, но Казанова лишь отмахнулся.

Пройдя еще несколько комнат, мы оказались в шикарном потайном кабинете. Не обращая внимания на совершенно неуместную здесь огромную кровать под балдахин и двух полураздетых девиц на ней, Казанова подошел к стене и отодвинул висевший на ней яркий модернистский рисунок, за ним скрывалась еще одна дверь. Я последовала за Казановой, игнорируя сердитые взгляды девиц. Мы оказались в узкой комнате, в ней не было ничего, кроме стола, стула и зеркала на стене. Демон взмахнул перед зеркалом рукой, оно вспыхнуло и засияло, как мираж в пустыне. Вот, значит, как он следил за своими подчиненными.

Подобные устройства я встречала и раньше. Тони не мог использовать камеры слежения, поскольку все, что работает на электричестве, оказывает негативное воздействие на магическую защиту, коей была напичкана его филадельфийская крепость. Со временем я научилась обманывать системы слежения, когда занималась тем, о чем Тони знать не полагалось, скажем, кражей его личных файлов и их передачей федеральным агентам. Не скажу, что все у меня проходило гладко, однако Тони ни разу меня не застукал. Секрет заключался в том, что на каждую отражающую поверхность можно наложить чары так, что она станет действовать как монитор, соединенный с другими отражающими поверхностями в пределах определенного радиуса. А значит, при огромном количестве в казино гладких полированных поверхностей и зеркал Казанова мог наблюдать практически за любым помещением салона.

Демон что-то прошептал, и в зеркале появился бар. А я-то гадала, как его просматривают. Оказалось, через дырку в большом китайском гонге, расположенном прямо за стойкой. Поскольку гонг имел выпуклую форму, то и изображение было слегка искривленным и расплывчатым. Я увидела спины трех человек — скорее всего, магов-

воинов, судя по количеству оружия, которым они были обвешаны. Не заметив нигде Приткина, я немного забеспокоилась, решив, что Энио его сожрала.

Судя по ее виду, она вполне могла такое проделать. Вместо сублильной старухи появилась покрытая кровью дикарка невероятно высокого роста, достававшая головой до нижних плафонов огромной люстры. Ее волосы были по-прежнему седыми, однако тело значительно помолодело, появились зубы и глаза, причем первые были гораздо длиннее и острее, чем у вампиров, а последние приобрели желтый цвет и сузились, как у кошки. Не помня себя от ярости, амазонка пыталась разорвать магическую сеть, заброшенную на нее магами. Один взмах острых длинных когтей — и сеть распалась, но не успела Энио двинуться с места, как новые тонкие путы мгновенно связали ее.

Выходила вроде как ничья, и я не могла понять, почему в драку не вмешиваются остальные сестры, которые по-прежнему развлекались в баре. Я все еще раздумывала над этим, когда Пемфредо бросила случайный взгляд в сторону гонга. Поскольку глаз в тот момент находился у нее, я увидела, как она, прежде чем ринуться в бой, весело мне подмигнула.

В свое время, когда мне на голову свалились эти сестрички, я решила порыться в книгах и узнать о них побольше. Выяснилось, что Пемфредо называли мастерицей неприятных сюрпризов. Не знаю, что это означало, но военный талант у них, безусловно, был, коли им поручили охранять горгону Медузу. Впрочем, как известно, Медузе это не помогло.

Словно услышав меня, Пемфредо внезапно остановила взгляд на одной из колдуний — маленькой изящной азиатке. Бедняжка даже не вскрикнула, когда с потолка на нее обрушился тяжелый китайский светильник. Во все стороны полетели щепки, и женщина исчезла под грудой красных шелковых фонариков. Похоже, мои девочки решили немного поразмяться.

Колдунья с трудом выбралась из-под обломков, изрядно потрепанная, окровавленная, но живая. Она явно вышла из строя, поэтому двум ее напарникам пришлось самим удерживать разъяренную Энио, что было не так-то легко. Амазонка рвала волшебную сеть с такой скоростью, что маги уже не успевали ее восстанавливать. Вставал вопрос: кто окажется проворнее? Не знаю, теряла ли силы амазонка, но маги явно начали уставать: было видно, как напряжены их спины, руки дрожали.

— Кажется, у нас проблема, — сказал Казанова.

— Неужели?

Я увидела, как Пемфредо взглянула на одного из магов — и тот, недолго думая, прострелил себе ногу. Тем временем Дейно преспокойно попивала пиво, пытаясь при этом флиртовать с барменом, который скрючился за стойкой бара, в ужасе накрыв голову руками. Кажется, завтра Казанова потребует у меня компенсации за ущерб, подумала я и решила не выяснять, в чем заключается талант Дейно.

— Нет, у нас в самом деле проблема.

Уловив в голосе Казановы какие-то новые нотки, я обернулась — в дверях, направив на нас короткоствольный автомат, стоял взбешенный маг.

Я вздохнула.

— Привет, Приткин.

— Немедленно отзови своих гарпий, или наш разговор будет очень коротким.

Я вновь вздохнула. Приткин всегда на меня так действует.

— Это не гарпии. Это грайи, древнегреческие полубогини. Или что-то в этом роде.

Приткин ухмыльнулся. Это у него здорово получается, кроме убийств, разумеется.

— Ты, как всегда, возишься с монстрами. Отзови их, слышала?

В его голосе чувствовался уже не просто гнев; еще немного — и волшебник мог сорваться.

— Не могу.

Я говорила истинную правду, однако маг мне не поверил. Честно говоря, я не припомню ни одного случая, когда Приткин верил тому, что я говорила; я даже спрашивала себя, зачем он вообще со мной разговаривает. Разумеется, беседы не входили в его планы, то есть они входили, но только после того, как он притащил бы меня Серебряному кругу, после чего швырнул бы в глухое подземелье и выбросил ключ.

Послышался громкий щелчок. В маленьком помещении короткий двуствольный автомат лязгает как-то особенно громко.

— Делай, что он велит, Кэсси, — сквозь зубы процедил Казанова. — Мне мое тело нравится, и если в нем появится большая дыра, я буду очень огорчен.

— И в самом деле, подобные вещи весьма огорчительны.

Эти слова принадлежали привидению, вплывшему в комнату через стену. Казанова взмахнул рукой, словно хотел прихлопнуть назойливую муху, но промахнулся.

— А я-то думал, что инкубы — приятные, милые существа, — заметил Билли, легко уклоняясь от удара.

Казанова не видел Билли, но благодаря присущему демонам обостренному слуху наверняка слышал. Он нахмурил свой великолепный лоб, но отвечать не стал, чему я очень обрадовалась, ведь тогда и Приткин не мог догадаться о присутствии призрака.

Билли-Джо — это то, что осталось от одного игрока ирландско-американского происхождения, большого любителя потаскушек, грязных стишков и передергивания в карты. Это его и погубило, причем в самом расцвете лет — Билли тогда было двадцать девять. Парочке ковбоев сразу не понравился то ли его ирландский акцент, то ли мятая рубашка, а может, то, что девицы из салуна явно отдавали ему предпочтение. Гром грянул в тот момент, когда Билли выиграл большую сумму, но тут из его рукава выпал туз. В результате Билли пришлось познакомиться с наглухо завязанным мешком старьевщика, а затем — с дном Миссисипи.

Так закончилась его яркая, но короткая жизнь. Однако за несколько недель до этого Билли кое-что выиграл у одной путешествующей графини — во всяком случае, он уверял меня, что у нее действительно был титул; среди всяких побрякушек находилось довольно аляповатое рубиновое ожерелье, которое оказалось еще и талисманом. Выяснилось, что оно впитывает энергию окружающего пространства и передает ее своему владельцу или, как в случае Билли, его призраку. В этом ожерелье, годами пылившемся на полке в антикварной лавке, Билли и обитал до тех пор, пока в один прекрасный день в лавку не заглянула я, когда искала подарок для своей чрезвычайно разборчивой гувернантки. За свою жизнь я успела привыкнуть к призракам, но даже меня поразила эта удивительная покупка.

Вскоре выяснилось, что я не только первая, кто смог увидеть Билли и поговорить с ним, но и единственная, кто способен передавать ему свою энергию — в обмен на его услуги. Регулярно подпитываясь моей энергией, Билли становился все более активным и, как следствие, помогал мне решать разнообразные проблемы. Во всяком случае, теоретически.

Заметив мой взгляд, Билли передернул плечами.

— В этом заведении слишком много входов. Я не могу уследить за всеми. — Он

взглянул на мага. — А этот пришел не один, а с напарником.

За Приткиным стояла глиняная статуя с рост человека. Когда я увидела ее в первый раз, то и в самом депо приняла за человека и только потом узнала, что это голем. Говорят, големов создали маги, практикую каббалу, однако в наше время их все чаще используют маги-воины — вероятно, потому, что трудно убить того, кто лишен внутренних органов.

Быстро прокрутив в голове все возможные варианты действий, я не нашла ничего подходящего. Кривая пентаграмма, вытатуированная у меня на спине, — это защита, способная отразить атаку практически любой магии. Этот знак был создан членами самого Серебряного круга, и я не раз убеждалась в его действенности, однако сможет ли он защитить меня от опасности, выраженной в калибре? Честно говоря, не самый подходящий случай, чтобы это проверять.

Помимо пентаграммы у меня был браслет, состоящий из маленьких, сцепленных между собой кинжалчиков. Им, судя по всему, Приткин нравился еще меньше, чем мне. Когда-то этот браслет принадлежал черному магу, который использовал его исключительно как орудие убийства. Зная об этом, я опасалась, что его злые чары передались браслету, и попыталась от него избавиться, но не тут-то было. Я пробовала закопать браслет в землю, спускала его в унитаз, бросала в мусорный бак на улице — все без толку. Проходило немного времени, и он вновь нахально поблескивал у меня на запястье, целенький и чистенький. Иногда браслет приходил мне на помощь, почти всегда меня слушался, но никогда не упускал возможности напомнить мне о былом. Во время моей последней стычки с Приткиным браслет сам выпустил в него пару кинжалов, и потому, разговаривая с магом, я упорно держала руку в кармане — к чему мне лишние проблемы? Тем более что я уже придумала, что можно сделать.

— Эй, Билли, а ты можешь войти в голема?

Приткин неотрывно следил за мной, но его плечи слегка дрогнули.

— Не знаю, ни разу не пробовал.

Билли подлетел к статуе и смерил ее критическим взором. Билли вообще не любит в кого-то входить — это отнимает у него много энергии, к тому же не всегда приводит к успеху. Билли обожает другой трюк — проскочить сквозь человека, на ходу похитить у него парочку мыслей и вместо них оставить свои. Но сейчас нам это было ни к чему.

— Ладно, ничего не поделаешь, придется попробовать, — буркнул Билли.

Едва он вошел в статую, я поняла, почему подобные эксперименты всегда проводятся под строгим контролем. Внезапно голем сорвался с места и выскочил в офис, где принялся расшвыривать кадки с цветами; девицы с визгом вылетели из комнаты. После этого статуя развернулась и, размахнувшись, так стукнула Приткина, что тот растянулся на полу.

Не знаю, делала она это по команде или сама по себе; во всяком случае, я решила, что сама по себе, когда голем принялся носиться по крошечной комнатке, круша все вокруг и ударяясь о стены, словно бильярдный шар. Не успев увернуться, я тоже схлопотала скользкий удар, от которого отлетела в сторону и повалилась на мага. Я хотела крикнуть Билли, чтобы он немедленно оставил статую в покое, но не успела — в живот мне уперлось колено Приткина. Честное слово, я этого не хотела, все получилось как-то само собой — каблуки у меня острые, к тому же удар пришелся магу в какое-то чувствительное место. Кажется, это было не колено.

Пока я пыталась восстановить дыхание, чтобы еще раз приказать Билли остановиться, на меня навалилось очень знакомое, но чрезвычайно неприятное ощущение. Принято

считать, что пифия управляет временем, а не наоборот, да только моя сила об этом, кажется, не знала.

«О нет, только не сейчас», — подумала я и тут же провалилась в холодное, серое безвременье.

Короткий полет в пустоте — и земля, поднявшись навстречу, ударила меня по лицу. Немного придя в себя, я поняла, что лежу на деревянном полу, покрытом восточным ковром с черно-красным узором. На какую-то долю секунды мне показалось, что я вновь вернулась в бар, но тут возле моего лица появились чьи-то ноги, потом еще одни. Странно, на туристов не похоже.

На женщине были крошечные черные шелковые туфельки, украшенные гагатовыми бусинами, в тон расшитому бисером черному вечернему платью, подол которого находился рядом с моим лицом. Бисерная вышивка поднималась вверх, к неправдоподобно тонкой талии, где исчезала, чтобы, как я решила, не мешать созерцанию великолепных бриллиантов, украшавших шею женщины и ее золотистые локоны. Я взглянула в ее чудные голубые глаза, которыми она с отвращением разглядывала меня, и отвернулась. Не следует долго смотреть в глаза вампиру, а в том, что женщина была вампиром, не было никакого сомнения.

С трудом поднявшись на ноги, я получила еще один удар, отчего едва не упала, — только Тони, этот прирожденный садист, мог заставить официанток своего казино носить туфли на высоких каблуках, — но меня подхватила чья-то рука. Очень знакомая, кстати.

Спутник женщины также был в вечернем костюме — черный фрак, жилет, белая рубашка и белый галстук-бабочка. Его туфли сверкали не меньше, чем его скромные украшения — золотые запонки и золотая заколка, удерживающая забранные в конский хвост волосы. Подобная скромность меня ничуть не удивила — Мирча никогда не любил привлекать к себе внимание. Меня изумило другое — внезапная волна сумасшедшей радости, которую я почувствовала, когда наши глаза встретились.

Меня поразила мужская красота Мирчи. От его потрясающей фигуры захватывало дух, его длинным изящным ногам позавидовал бы танцовщик или легкоатлет, благородные черты лица подтверждали его принадлежность к старинному аристократическому роду. И лишь одна деталь портила безупречный образ: полные, чувственные губы.

Возможно, среди его предков все же попался какой-нибудь крестьянин, пусть этот человек и не обладал изысканностью манер и внешностью господ аристократов, зато сохранил умение петь, смеяться и веселиться с той страстью, о которой его хозяева давно забыли. Считалось, что сыном цыганки был Дракула, но мне иногда казалось, что легенда лжет и это в Мирче течет цыганская кровь. И если это так, то она ему весьма кстати.

Он небрежно поддержал меня под руку, и от этого прикосновения по моему телу пробежала дрожь. Я попыталась вспомнить, что Казанова говорил о гейсе, и ничего не вспомнила. Не знайся я с ведьмами и колдунами, то могла бы поклясться, что никакого гейса не существует.

Плохосообразая, я начала водить руками по груди Мирчи, вернее, по его малиновому шелковому жилету, вышитому красными драконами, которые становились видны только тогда, когда на них падал свет. Чудесная тонкая вышивка нежно ласкала мои пальцы. Мне казалось, что я вижу каждую чешуйку на теле драконов. Внезапно рука наткнулась на нечто более интересное — соски, слабо проступающие сквозь несколько слоев ткани.

Дрожа от наслаждения, я легонько провела по ним кончиками пальцев. Находиться рядом с Мирчей было гораздо приятнее, чем терпеть слабые попытки Казановы соблазнить

меня. Я могла бы отодвинуться, опустить руки — но не собиралась это делать. Еще чего!

Мирча тоже застыл на месте. Он просто стоял и ждал, на его губах блуждала легкая улыбка, рука начала медленно притягивать меня ближе.

Я радостно устремилась ему навстречу, любуясь отблесками света, игравшими на его гладко зачесанных волосах, как вдруг ощутила резкий удар по руке, пронзивший ее до самого плеча. Мирча слегка вздрогнул, но руки не отнял. Так мы и стояли, погруженные в свои чувства, от которых кровь быстрее бежала по жилам и напрягалось тело.

Темные глаза внимательно изучали мое лицо; я отвечала тем же, дрожа от возбуждения. Заметив мое волнение, Мирча чуть приподнял бровь, затем легонько погладил меня по спине, но натолкнулся на жесткий корсет, потянулся ниже, к бедрам, коснулся тонкого шелка моих шортиков и прижал меня к себе.

Чтобы справиться с захлестнувшими меня чувствами, я глубоко вздохнула, но это не помогло. Мирча ласково провел рукой по моей щеке; в его глазах вспыхивали золотистые искорки, и я знала, что он тоже испытывает возбуждение. Когда Мирча по-настоящему сердился или тревожился, его глаза приобретали темно-коричневый оттенок и сверкали, как огонь. Многих это пугало, я же находило это восхитительным.

Рядом кто-то громко кашлянул. За спиной раздался голос Приткина:

— Мои глубочайшие извинения, сэръ, мадам. Простите, но одной из наших актрис нездоровится. Полагаю, это не нарушает ваши планы?

— Никоим образом, — рассеянно ответил Мирча, не отпуская меня.

— Я отведу ее в дальнюю комнату, там она сможет прилечь.

С этими словами Приткин взял меня за руку и потянул за собой, но Мирча лишь крепче сжал мои бедра. В его глазах вспыхнул огонь; зеленые и светло-коричневые искорки исчезли, уступив место золотисто-красному пламени.

— Простите, граф Басараб, но дитя плохо себя чувствует, — сказала женщина-вампир, беря Мирчу за свободную руку. — Не будем ее задерживать.

Мирча не обратил на нее внимания.

— Кто ты? — спросил он.

Он говорил с сильным, незнакомым мне акцентом, но в его голосе чувствовался тот же трепет и восхищение, поглотившие меня.

Я сглотнула и покачала головой. Что я могла ответить? Я и сама не знала, кто я и откуда, и, судя по старинному платью женщины, вообще не смогла бы это определить. Вполне возможно, что я даже еще не родилась.

— Никто, — шепотом ответила я.

Спутница Мирчи издала звук, который у менее утонченной особы означал бы презрительное фырканье.

— Мы пропустим увертюру, — сказала она и потянула Мирчу за рукав.

После короткой паузы тот нехотя разжал руки, за которыми тут же потянулись невидимые, но крепкие и липкие, как тянучка, нити энергии. Мирча послушно двинулся по коридору за дамой, поминутно оглядываясь на меня. Связывающие нас нити выгнулись дугой, но не порвались; будто прочные канаты держали нас вместе. Вскоре Мирча и его спутница исчезли за небольшим, скрытым занавесом арочным проемом, в котором я, словно во сне, узнала вход в театральную ложу.

Едва они скрылись за красной бархатной портьерой, как нити лопнули и на меня навалилась такая тоска, что в пору завывать. Живот скрутило так, словно кто-то врезал по

нему ногой, дико разболелась голова. Я смутно сознавала, что Приткин схватил меня за руку и потащил по коридору, куда выходили другие логи. Где-то рядом заиграл оркестр, и мне стало понятно, почему никого нет. Начинался спектакль.

Лестница освещалась маленькими фонариками, между ними зияли темные провалы стены. Плохое укрытие, между прочим, но в тот момент я об этом не думала. У меня дрожали руки, на лбу выступил пот. Я чувствовала себя наркоманкой, которой показали шприц, но не дали дозу. Это было ужасно.

— Что ты сделала? — спросил Приткин, гневно уставившись на меня; его короткие светлые волосы грозно торчали во все стороны, словно разделяли его ярость. Вид у мага был грозный, но я к этому уже привыкла. Можно сказать, чепуха по сравнению с тем, что только что произошло.

— Я собиралась задать тебе тот же вопрос, — ответила я, массируя затылок, чтобы хоть как-то привести в порядок мозги. Другой рукой я держалась за живот, в котором после ухода Мирчи вдруг образовалась странная пустота. Все, с меня хватит. Не хочу остаток жизни провести в слюнявых страданиях, словно какая-нибудь девчонка, сохнувшая по рок-звезде. Я вам не фанатка, черт побери!

Приткин снова тряхнул меня за плечи, и я взглянула на него, прямо скажем, без обожания. До сих пор я оказывалась в прошлом только тогда, когда рядом находился человек, которому угрожала опасность.

— Хочу тебе сказать, — честно призналась я, — если кто-нибудь попытается изменить твоё прошлое, я вмешиваться не стану.

Лицо Приткина, и без того красное, сделалось багровым.

— Немедленно возвращай нас назад, пока ничего не случилось! — прошипел он.

Вообще-то я не люблю, когда мной командуют, но в данном случае маг был прав. И тот факт, что больше всего на свете мне хотелось броситься вслед за Мирней и упасть в его объятия, также говорил о том, что нам следует поскорее вернуться в своё время. Я закрыла глаза и попыталась представить себе заведение Данте и офис Казановы, но, хотя я видела его вполне ясно, взрыва энергии не последовало. Я сделала ещё одну попытку, но, наверное, у меня подсели батарейки, потому что так ничего и не произошло.

— Кажется, рейс придется отложить, — сказала я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. В душу начал закрадываться страх. А что, если существует некий лимит времени и старая пифия просто забыла о нем сообщить? Что, если я уже никогда не смогу вернуться назад, потому как моя энергия устала ждать, когда я наконец улажу свои дела, и перешла к кому-нибудь другому? Мы можем навсегда застрять неизвестно где!

— Не пойму, что ты несешь! — рявкнул Приткин. Назад, ты меня слышала?

— Я не могу.

— То есть как это «не могу»? Нам нельзя здесь оставаться, это опасно!

Приткин ещё раз тряхнул меня; думаю, он и сам почуял неладное — голос его внезапно охрип. Ну и пусть; по сравнению с тем, что чувствовала я, беспокойство волшебника казалось мне сущим пустяком. И потом, разве мало я повидала в жизни? На кой черт сдались мне эти способности пифии? Ну почему тот, кто руководил этим шоу, не дал мне разобраться с моими собственными проблемами, а вместо этого притащил сюда и заставил решать чужие? Это несправедливо, я больше не могу! Если я должна что-то сделать, пожалуйста. Давайте только скажите, что именно.

— Слушай меня внимательно, — сказала я Приткину и резко стряхнула его руки. — Это

не я перенесла нас сюда. Я даже не знаю, где мы находимся. Знаю только, что я не могу вернуться назад, и понятия не имею почему. Может, потому, что перестала нравиться энергии, а может, она ждет от меня чего-то большего.

Я склонялась ко второму варианту, ведь не случайно же я свалилась прямо под ноги Мирче.

Приткин смотрел на меня недоверчиво, но мне было на это наплевать. Отвернувшись от мага, я вознамерилась пойти на поиски Мирчи, чтобы выяснить, что он еще придумал, но Приткин мертвой хваткой сжал мою руку.

— Ты никуда не пойдешь, — хмуро сказал он.

— Я должна понять, в чем дело, и решить нашу проблему, иначе мы здесь надолго застрянем! — огрызнулась я. — Или, может, ты мне поведаешь, где мы находимся и почему сюда попали? У нас нет другого выхода — только пойти и выяснить, что случилось. Если можешь предложить другие варианты, я вся внимание.

— Мы в Лондоне, в конце тысяча восемьсот восемьдесят восьмого или в начале восемьдесят девятого года.

Я удивленно приподняла бровь. Как он узнал? Никаких других зацепок, кроме фасона женского платья, мне в голову не приходило, потому что ничем не примечательный костюм Мирчи мог принадлежать любой эпохе. С каких это пор Приткин стал знатоком дамской моды? Я не преминула спросить об этом, в ответ маг что-то проворчал и сунул мне клочок бумаги.

— Вот, смотри! Кто-то обронил.

Не обращая внимания на сердитый взгляд Приткина, я стала разглядывать черно-желтый флаер. На листовке был изображен мужчина, глядящий в сторону холма, где стояли три старые переноски. Чем-то они напоминали моих грай, только у этих волосы были попримечательнее. Текст на флаере сообщал, что двадцать девятого декабря тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года театр «Лицеум» представит пьесу «Макбет».

— Отлично. Теперь мы хотя бы знаем, в каком мы времени. А что дальше?

С этими словами я вновь хотела уйти, но маг остановил меня — на этот раз словами.

— Чем больше ты будешь потакать своему гейсу, тем сильнее он будет на тебя действовать. Кстати, уличные женщины в этом веке носили куда более скромные наряды. Тебе лучше не выходить — могут начаться беспорядки.

— Как ты узнал про гейс?

А я-то думала, что про него никто не знает. Неужели это так заметно?

Приткин пожал плечами.

— Да сразу, как только увидел вас вместе.

Ничего себе картинка!

— Как его убрать, ты, конечно, не знаешь. Ладно, только учти: в этом деле мы увязли оба, но если я все хорошенько разужнаю, то, может быть...

— Убрать его может только Мирча, — сказал Притки и, сразу развеяв мою слабую надежду. — Маг сотворил заклятие исключительно с его согласия. Так что тебе остается одно — держаться от Мирчи как можно дальше.

Я нахмурилась. Казанова говорил то же самое, а я пропустила его слова мимо ушей.

— Я не слишком разбираюсь в магии, но точно знаю, что любое заклятие можно снять. И я это сделаю!

Выражение лица Приткина не изменилось, и все же, заметив блеск в его глазах, я

поняла, что иду в верном направлении.

— Ты что-то знаешь, но не хочешь мне говорить, — укоризненно сказала я.

Маг отвел глаза, но потом ответил. Видимо, решил, что дела пойдут быстрее, если мне не перечить.

— Видишь ли, все гейсы отличаются друг от друга, однако есть в них и кое-что общее. Все они сплетены в единую сеть, так сказать... Мирче вовсе не хотелось попадать под удар собственного оружия, поэтому он создал такой гейс, от которого в случае чего можно было бы освободиться.

— Каким образом?

— Это знают только Мирча и маг, сотворивший гейс.

Я внимательно взглядела в лицо Приткина, пытаюсь определить, лжет он или нет. Его слова казались правдивыми, но почему меня не оставляет чувство, будто он чего-то недоговаривает? Может, потому, что со мной никто не разговаривал иначе?

— Если мы находимся в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году, значит, Мирча еще ничего не сделал и никакого гейса нет. И не будет, — добавила я.

— У тебя просто дар попадать в немыслимые ситуации, — с усмешкой сказал Приткин. — Я еще ни разу не слышал о подобном решении проблемы. Не знаю, что произойдет, если вы на какое-то время окажетесь вместе, только, боюсь, тебе это выйдет боком. — Маг запахнул свое длинное пальто. — Жди меня здесь. Пойду осмотрюсь и проверю, нет ли чего необычного. Я уже бывал в этом времени и сразу замечу, что не так. Когда вернусь, решим, что делать дальше.

Он развернулся и ушел, а я в остолбенении смотрела ему вслед. Конечно, маги живут дольше обычных людей, но все же не настолько, чтобы выглядеть на тридцать пять, когда тебе перевалило за сто. Когда я только познакомилась с Приткиным, я сразу поняла, что он не простая штучка, однако до сих пор так его и не раскусила.

Я опустила на ступеньку, обхватила колени руками и устала на ковер. Из одежды на мне был лишь откровенный атласный костюмчик, так что очень скоро продрогла, а от приклеенных рожек начала болеть голова. Я сняла их и стала разглядывать. Позолота кое-где начала сползать, и под ней проступал белый пенопласт. Мне стало жаль девчонку, в чей шкафчик я залезла, — наверняка ей придется оплатить их пропажу из своего кармана. А если я так и не вернусь, то вообще заплатить за весь костюм.

На лестнице становилось все холоднее, но я не обращала на это внимания, пока вдруг не увидела рядом с собой какую-то женщину в длинном голубом платье. Хотя на первый взгляд в ней не было ничего необычного, я сразу поняла, что это привидение. Не скажу, что у меня какой-то особый дар чувствовать паранормальные явления, — просто дама держала под мышкой отрубленную мужскую голову с остроконечной бородкой и темно-каштановыми волосами. Голова с интересом разглядывала меня светло-голубыми глазами.

— Это что, новая интерпретация Фауста? — спросила она, обратив глаза к своей спутнице.

Та не ответила, продолжая молча смотреть на меня.

— Зачем ты нас беспокоишь? — после некоторого молчания сердито произнесла дама.

Я глубоко вздохнула — насколько позволял дурацкий корсет, который, казалось, разрезал меня пополам. Только этого мне и не хватало — нарваться на разобиженное привидение! Хорошо еще, что я сама сейчас не в виде духа, иначе мне пришлось бы гораздо хуже. Мне уже доводилось путешествовать во времени без своей телесной оболочки, то есть

в образе призрака или в чьем-либо теле, и каждый раз у меня возникали проблемы посложнее, чем неудобный костюм.

Оставлять свою телесную оболочку — штука опасная, даже смертельно опасная, если только ты не находишь сиделку — призрака, который мог бы охранять твоё тело, пока ты где-то болтаешься. Поскольку единственный, кому я могу доверять, это Билли-Джо, я стараюсь избегать подобных перемещений. Особенно в Вегасе, где полно всяких соблазнов, и отказаться от них Билли просто не в состоянии. Другой недостаток перемещений в виде духа состоит в том, что на это уходит слишком много энергии, если только я не вхожу в чье-либо тело, от которого могу подпитываться. Да только я из чужой чашки-то не могу пить, что уж тут говорить о чужой энергии!

Став наследницей пифии, я приобрела способность перемещаться в собственном теле, хотя и в этом нашлись свои неудобства. Один раз я едва не лишилась пальца на ноге; вернувшись в своё тело, я потом долго лечила ногу. Но если что-то случится сейчас — я пропала. Правда, привидение не может причинить ощутимый вред человеку, для этого ему просто не хватит силы. В определенных условиях призраки способны пожирать себе подобных, однако нападать на живых они не решаются. И все же лучше их не злить.

— Я здесь ненадолго, — сказала я, от всей души надеясь, что говорю правду. — Выполню небольшое поручение и сразу уйду.

— Значит, ты не участвуешь в представлении? — с явным разочарованием спросила голова.

— Нет-нет, у меня свои дела, — поспешно сказала я, заметив, как блеснули глаза дамы. Очень нехороший признак, между прочим, он означает, что призрак начал аккумулировать энергию. — Честное слово, я очень хочу уйти, но пока не могу. Надеюсь, это не займет много времени.

— Она говорила то же самое, — сказала дама; от очередной волны энергии ее темные волосы слегка шевельлись. — Потом отравила вино, но не ушла. А теперь здесь ты. Довольно, нужно положить этому конец.

— Она? — переспросила я, предчувствуя недоброе. — Но со мной только один человек, мужчина. Может, вы его видели? Примерно пять футов восемь дюймов, блондин, одет как Терминатор. Простите, — быстро опомнилась я, заметив недоумение в глазах дамы. — Я хочу сказать, что на нем длинный плащ, под которым он прячет уйму пистолетов. Скоро он вернется, и мы отправимся домой.

— Маг нас не интересуется, — твердо сказала дама. — Ты и вторая женщина — вот кто опасен. Уходи немедленно.

— Боюсь, она слишком рьяно защищает свою территорию, — извиняющимся тоном сказала голова, глядя на меня. — Видишь ли, мы обитаем здесь уже очень давно. Когда-то эта земля принадлежала моей семье, но потом на ней построили театр, он нас и подпитывает. — Голова весело ухмыльнулась. — Ну и что, так даже веселее. Чертовы пуритане позакрывали все театры, все пабы, все бордели, в общем, все, что не имело отношения к церкви. Они даже запретили спортивные состязания по воскресеньям! Слава богу, мне отрубили голову до того, как это произошло, иначе я бы этого все равно не пережил. И все-таки мы победили.

— Угу, — ответила я, почти не слушая призрака.

Почему-то каждое привидение на моем пути стремится поведать мне историю своей жизни, и если бы со временем я не научилась кивать и улыбаться, думая при этом о своем, то

давно сошла бы с ума. А мне нужно было еще многое обмозговать.

Из тех крупиц информации о моем нынешнем положении, составленной в основном из слухов, которые собрал Билли-Джо, я уяснила следующее: если кто-то из нашего времени решил со мной поиграть, я должна ответить тем же. Это была моя проблема, и мне предстояло ее решать. Но если этот «кто-то» был из другого времени, тогда в дело должна была вступить пифия. И если все было действительно так, то сюда меня перенес кто-то из тех, кто живет в одном времени со мной. Вместе с тем единственному человеку, способному перемещаться из столетия в столетие, было сейчас не до меня. Билли, поговорив со своими приятелями-привидениями, уверял меня, что раны, полученные бестелесной оболочкой Майры, превратились в физические раны, как только она вернулась в свое тело. И теперь, чтобы подлечиться, ей понадобится не меньше недели.

Но если женщина-призрак говорила не о Майре, значит, речь могла идти только о пифии. Может быть, что-то случилось с моей энергией? Или меня перенесли сюда, чтобы я помогла в чем-то разобраться? Все возможно. Только бы найти эту пифию! Тогда я упростила бы ее кое в чем меня просветить, а потом отправить вместе с Приткиным домой.

— Вы не могли бы показать мне ту женщину? Возможно, я сумею уговорить ее уйти и заодно отправить меня назад.

Дама в голубом платье задумалась, а голова сразу оживилась — видимо, обрадовалась возможности оказать услугу.

— Ну конечно покажем! Она где-то здесь, совсем рядом, — бодро проговорила она. — Мы только что видели ее в одной из лож.

Видимо, заразившись энтузиазмом своего спутника, дама вышла из задумчивости и решительно кивнула.

— Хорошо, идем, только быстрее.

Привидения повели меня вниз по лестнице, вежливо пропуская вперед и не пролетая сквозь мое тело. Вскоре мы подошли к ложе, расположенной рядом с той, где сидел Мирча. Осторожно раздвинув портьеры, я заглянула внутрь. Ложа была пуста. На сцене трагически заламывала руки актриса, облаченная в зеленое платье с огромными рукавами с красной оторочкой, какие носили в Средние века. Я перевела взгляд на Мирчу. Он сидел, уставившись на пышные декорации, и совсем не обращал внимания на актеров. Вид у него был такой, словно он забыл, где находится и зачем сюда пришел. Я ощущала то же самое. Один взгляд — и все мгновенно переменялось. Мне не раз приходилось испытывать на себе влияние колдовства, но сейчас со мной происходило нечто особенное. Я прекрасно сознавала, что все это иллюзия, что я нахожусь под влиянием чар — мне было все равно. Гейс действовал гак, что все мысли и чувства казались мне абсолютно реальными. Я хотела ненавидеть Мирчу — и не могла. Более того, даже мысль о ненависти к нему казалась мне абсурдной.

— Смотрите-ка, — сказала женщина-призрак. — Вино уже принесли.

Она показала на маленький столик позади Мирчи и его блондинки. На столике стоял поднос с бутылкой вина и бокалами.

— О чем вы? — спросила я, с трудом отводя взгляд от Мирчи. — Вы намекаете на то, что вино отравлено?

— Она сказала, что останется до тех пор, пока вино не будет выпито, но, возможно, ей не хватило запаса энергии, — с довольным видом ответила дама.

Мне показалось, что я слышу ее мысли: «Так, один долой, остался еще один».

Я же думала только об одном: как спасти Мирчу от грозившей ему опасности. Страх настолько поглотил меня, что я сломя голову выбежала из ложи и едва не врезалась в Приткина, который стоял в коридоре, тревожно оглядываясь по сторонам. В последний момент маг успел увернуться, иначе мы оба грохнулись бы на пол.

— Пусти! — крикнула я, пытаясь высвободиться из его рук. — Пусти, мне нужно к нему!

— Я же велел тебе держаться от него подальше. Или ты хочешь спятить окончательно?

— Тогда спаси его сам, — сказала я, подумав, что маг, вероятно, прав.

Возможно, мне и в самом деле не следует заходить в ложу.

— Там стоит бутылка вина, оно отравлено! Убери его!

Не знаю, может ли вампир погибнуть от яда, но в тот момент я об этом не думала.

Маг взглянул на меня, и я поняла, что сейчас у меня будут неприятности.

— Если я заберу вино, ты поклянешься, что ответишь на все мои вопросы, не перемещаясь во времени и не пытаясь меня убить, заколдовать, проклясть или что-нибудь в этом роде?

Я заморгала.

— Ты хочешь со мной поговорить? — Дело в том, что мы еще ни разу не разговаривали. Мы дрались на ножах, стреляли друг в друга, но никогда не разговаривали, — О чем? — спросила я, но Приткин лишь зло улыбнулся. Он загнал меня в угол и знал это. — Хорошо, давай поговорим. Но при условии: если ты сам не станешь в меня стрелять или не попытаешься утащить с собой, чтобы отдать кругу... или кому-нибудь еще. Да, и вот еще что: не думай, что впереди у нас целая вечность. Один час — ни больше ни меньше.

— Согласен.

Следует отдать ему должное — маг не стал тратить время попусту, а сразу нырнул за портьеру. Последовало несколько томительных минут. Наконец я не выдержала и зашла в соседнюю пустую ложу, чтобы хотя бы оттуда посмотреть, что происходит с Мирчей. Как выяснилось, ничего хорошего.

На сцене тощий Макбет с обвислыми усами начал свой кровавый монолог, а в это время блондинка угрожала Приткину ножом, приставив его к горлу мага. От зрителей, сидевших в партере, ее закрывал Мирча, но мне из ложи все было видно как на ладони.

Не успела я придумать, что теперь делать, как ситуация изменилась, причем в худшую сторону. Мирча начал откупоривать бутылку с вином. Его взгляд был направлен на мага, губы слегка улыбались. Что-то в его взгляде мне не понравилось. Мирча всегда считал, что степень наказания должна в точности соответствовать тяжести преступления, и, значит, если он решил, что Приткин хотел его отравить, то не задумываясь заставит мага выпить содержимое бутылки, а потом будет смотреть, что получится.

Честно говоря, Приткин вполне мог за себя постоять, но ему явно не хотелось привлекать к себе внимание публики. Похвальная позиция — никогда не вмешиваться в ход истории, но сейчас она могла сыграть с ним в злую шутку. Тут я вспомнила, что я пифия, хоть и временно, и решила, что не дам магу погибнуть. В другой раз я бы и глазом не моргнула — пусть его убивают, но ведь в ложу он вошел по моей просьбе, и, стало быть, его смерть будет на моей совести.

Я вздохнула и вскинула руку. Из браслета тут же вылетел маленький кинжальчик и выжидательно завис в воздухе, еле слышно жужжа от возбуждения. Я же пребывала в нерешительности — а что, если вместо бутылки кинжал поразит Приткина? Ведь когда-то

они воевали на одной стороне.

— Просто разбей бутылку, — решительно приказала я. — Не трогай волшебника, понял?

Кинжал чуть качнулся вверх-вниз, что я восприняла как знак согласия. В следующее мгновение он пулей влетел в соседнюю ложу и врезался в бутылку с вином, которую Мирча уже поднес к губам Приткина. Раздался звон, брызнули осколки, и красная жидкость залила пальто мага и белоснежную рубашку Мирчи. Тот резко обернулся — и увидел меня. Хотел что-то сказать, но промолчал и лишь в изумлении таращил глаза.

К несчастью, мой кинжал не стал следовать его примеру, а решил проявить собственную инициативу. В это время Макбет как раз произнес: «Что в воздухе я вижу перед собою? Кинжал!»^[3] И тут мой сверкающий ножик метнулся через весь зал, пролетел над головами изумленных зрителей, вызвав испуганные возгласы, и завис перед лицом потрясенного Макбета. Затем слегка покачался, словно отвешивая поклоны, и спокойно вернулся ко мне. Зал взорвался аплодисментами, в которых потонули дальнейшие реплики актера.

Едва кинжал занял свое место, как я ощутила знакомое головокружение и чувство дезориентации — приближалось смещение во времени.

— Возьми меня за руку! Скорее! — крикнула я Приткину. — Начинается перемещение!

Маг одним прыжком отскочил от блондинки, которая стояла как раз между нами, закрывая ему путь к отступлению, но волшебника это ничуть не смутило. Совершив невероятный кульбит, Приткин запрыгнул на ближайшее свободное кресло, оттолкнулся от него и приземлился на барьер, разделяющий ложи; там он закачался, теряя равновесие, но я вовремя схватила его за руку. В следующее мгновение мы уже летели во времени.

Мы кучей свалились на белый плиточный пол. Рядом с моим носом шлепнулось что-то мягкое. Я скосила глаза, пытаюсь разглядеть нечто бледно-розовое... В следующий момент я взвизгнула и отчаянно поползла прочь, сильно толкнув Приткина. Чья-то скрюченная рука цвета и текстуры серого камня подхватила предмет и вернула его на серебряный поднос.

— Посторонним сюда нельзя, — произнес скрипучий баритон.

Я не ответила, с ужасом глядя на блюдо, наполненное отрезанными пальцами, которое сжимала рука с длинными кривыми когтями; лучше бы я присмотрелась к зеленовато-серому, словно замшелый камень, лицу, торчащему над подносом. От виска до шеи его пересекал широкий шрам, на лбу торчал один-единственный желтый глаз, а над ним — два кривых рога. Что и говорить, такое не каждый день увидишь. Но я не могла отвести глаз от блюда.

Их было около двадцати — отрезанных указательных пальцев, переложённых кусочками хлеба. Каждый палец был аккуратно завернут в лист салата ромэн. Сэндвичи с пальцами, подумала я. К горлу подкатила тошнота, и у меня вырвался истерический смешок.

Я огляделась. Кажется, мы попали на кухню. Еще одна тварь цвета замшелого камня — на этот раз с горящими зелеными глазами и широкими крыльями, как у летучей мыши, — стоя на невысоком стульчике, что-то месила в миске, формуя из этой массы небольшие колбаски, похожие на пальцы. К этому времени мой застывший от ужаса мозг начал постепенно оттаивать.

— Ох, слава богу, — прошептала я, бессильно опуская голову на плечо Приткина. — Это же паштет!

— Где мы? — спросил он, помогая мне подняться.

Едва оказавшись на ногах, я вновь чуть не упала, во-первых, потому, что умудрилась потерять одну туфлю, а во-вторых, из-за еще одной серой твари, которая, пробегая мимо, задела меня своим длинным хвостом. Тварь щеголяла в белом поварском одеянии, на шее у нее красовался алый платок, на голове — высокий колпак. В глаза мне сразу бросился вышитый на груди халата крест, это были цвета Тони — красный, желтый и черный.

— Мы в казино Данте.

Наверное, когда в театре Приткин упал прямо на меня, я отвлеклась и ослабила концентрацию. В результате мы немного сбились с курса.

— Ты уверена, что это казино? — спросил маг, рассматривая блюдо с горкой редисок, искусно вырезанных в форме человеческого глаза, и с маслинами в качестве зрачка.

Мне даже показалось, что эти глаза-редиски сердито наблюдают за нами. Я пригляделась к геральдическому щиту, вышитому на одежде поваров и вырезанному на вращающихся дверях кухни. Он показался мне очень знакомым.

Антонио Галлина родился в семье крестьянина в окрестностях Флоренции примерно в то время, когда Микеланджело служил при дворе старика Медичи. Спустя два столетия, когда обнищавший английский король Карл Первый начал торговать дворянскими титулами, дабы поддержать свою страсть к искусству, у внебрачного крестьянского сына, ставшего к тому времени вампиром-хозяином, оказалось достаточно средств, чтобы купить себе титул баронета. Лично я всегда считала, что герольдмейстеры, которым было поручено придумать для Тони герб, накануне хорошенько надрались. Хотя могло быть и хуже — как у того

французского аптекаря, на чьем гербе были изображены три серебряных ночных горшка. Впрочем, потешная желтая курица на гербе Тони также выглядела не слишком аристократично. Возможно, ее можно было рассматривать как намек на фамилию Тони, которая в переводе с итальянского означает «курица», и все-таки жирная желтая клуша в центре герба подозрительно напоминала его обладателя.

— Абсолютно уверена, — ответила я.

Я уже собралась объяснить Приткину причины своей уверенности, как вдруг мимо проскакал один из поваров — крохотная тварь с длинными ослиными ушами, украшенными сеткой для волос. По дороге горгулья наступила мне на ногу своей когтистой лапой, я поморщилась и отскочила назад, налетев на Приткина, отчего тот немедленно повалился на тележку, нагруженную подносами с крошечными черными фор мочками.

— Что это такое? — спросила я, сбрасывая с ноги вторую туфлю, чтобы не свернуть себе шею, если мне придется срочно ее спасать. Мой вопрос был обращен к твари, стоявшей перед нами и поварешкой энергично указывающей на дверь. Несмотря на свирепый вид, существо оказалось совсем не злобным.

— Ромовый торт, — прокаркал крошечный повар на бегу. На нем была только верхняя половина костюма, да и та волочилась по полу, а из-под нее выглядывал длинный хвост ящерицы.

Существо напоминало большинство тварей, суетившихся на кухне, — у всех были крылья, когти и длинные хвосты, однако на этом сходство заканчивалось. Головы у них были самые разнообразные — от птичьих до змеиных, мохнатые и совсем голые. У одних были рога, у других — длинные обвислые уши, а самые высокие из коротышек едва доходили мне до груди. Глаза у них также были всевозможных цветов и форм, но при этом горели так, словно внутри кто-то установил мощные лампочки. Все это несколько нервировало, поскольку существа кого-то мне напоминали, только я никак не могла вспомнить, кого именно.

— Это горгульи, — сказал Приткин, когда мы вышли из кухни и оказались в небольшом коридоре.

Пройдя через резную деревянную дверь, которая только казалась старинной, потому что была подозрительно легкой, мы попали в другой коридор, гораздо длиннее и шире; на стенах было развешано средневековое оружие, а вдоль них стояли покрытые паутиной рыцарские доспехи. Коридор освещали тускло мерцающие светильники — также подделка под старину, разумеется. Дело в том, что на верхних этажах казино линии магической защиты были не слишком сильными, поэтому электричество здесь работало почти нормально, разве что иногда немного искрило. Настоящие светильники были категорически запрещены — в целях пожарной безопасности.

Я остановилась и взглянула на мага; тот тревожно оглядывался по сторонам, словно ожидая внезапного нападения из-за угла. А что, это было бы неплохо... в смысле, если бы жизнь перестала без конца подсовывать мне существ из сказок, мифов и ночных кошмаров. «Это не могут быть горгульи!» — заявила я в тот момент, когда из дверей кухни выползли два маленьких монстра и, пыхтя, покатали по коридору тележку. Пол в коридоре, также выкрашенный в цвет старого камня, был застелен вытертой ковровой дорожкой темно-бордового цвета, примерно два фута в ширину. Не могу сказать, что она украшала коридор, к тому же тележка постоянно цеплялась за ее складки.

— Горгульи, — продолжала я, хотя мои глаза говорили совсем иное, — это резные

фигуры, ими в старину украшали водосточные трубы. Это всем известно.

— Не понимаю, как ты умудрилась жить в нашем мире и ничего про него не знать? — сказал Приткин. — Ты не могла не видеть разные чудеса. Ты же выросла среди вампиров!

К этому времени монстрики прошли коридор и остановились возле лифта. Один из них нажал на кнопку вызова кончиком острого хвоста. У маленькой твари была морда собаки и тело летучей мыши; его спутник был покрыт серой чешуей, а изо рта у него торчал двухфутовый язык, с которого стекали тягучие слюни.

— С одним нашим поваром в Филли произошла престранная история, — сказала я. — Он почти оглох от того, что постоянно гремел кастрюлями. Правда, это был человек. Так вот, — немного помолчав, продолжила я, — однажды Тони пригласил к нам очень важного гостя, чтобы угостить его фетучини, а нашему Альфредо послышалось «бекон», «салат» и «помидор»... Слушай, а разве они не должны сидеть на крыше какого-нибудь собора?

— Существа, что украшают крыши готических соборов, не горгульи, а химеры, — терпеливо объяснял мне маг, пока мы шли по коридору.

— Да брось ты! Я не о том. Как они сюда попали?

— Нелегально, — коротко бросил он. — В качестве дешевой рабочей силы.

Я с подозрением уставилась на него. Нет, если бы он шутил, я бы это сразу заметила.

— Нелегально? Откуда?

— Из Страны эльфов, — отрезал маг. Он говорил короткими рублеными фразами, когда сердился. То есть практически всегда. — В наш мир горгулий привозили в течение столетий. За последнее время их стало очень много, и все из-за светлых эльфов, которые пошли войной на темных, а ведь горгульи относятся именно к темным эльфам. Маги, наблюдающие за лесным народцем, жалуются, что не успевают уследить за нелегально прибывающими в наш мир горгульями.

— Они прилетают, чтобы работать прислугой?

В это время пришел лифт, и горгульи вкатили в него свою тележку, не обращая никакого внимания на людей.

— В древности их использовали для охраны храмов, потом — зданий, где собирались маги. Но со временем, когда началось бурное развитие магических сил защиты, надобность в горгульях отпала. В отличие от светлых эльфов они совсем не похожи на людей, поэтому их так легко отыскать и отправить обратно. — Волшебник нахмурился. — Вот им и приходится искать нелегальные лазейки.

— Зато здесь они, похоже, освоились, — сказала я, но Приткин меня уже не слушал.

Осторожно подобравшись к тому месту, где коридор делал поворот, он заглянул за угол с таким видом, словно там притаилась целая армия.

— Стой здесь, — приказал он. — Я пойду на разведку. Когда вернусь, ты, как обещала, ответишь на мои вопросы, иначе... в нашу следующую встречу тебе не поздоровится.

— Вот, значит, как. И что, хотелось бы знать, ты мне...

Я не договорила. Маг свернул за угол и растворился во тьме, словно персонаж видеоигры. Нет, у этого парня определенно не все дома, но я дала обещание, и я его сдержу. Раз уж у меня появился шанс раз и навсегда избавиться и от волшебника, и от круга, я его использую.

Решив, что в кухню возвращаться не стоит, я начала прохаживаться по коридору. Рыцарские доспехи, расставленные вдоль стен, перемежались омерзительными гобеленами с чересчур подробными изображениями батальных сцен, на которых циклоп пожирал людей.

В каждой руке страшилище держало по солдату, а из его окровавленной пасти торчала человеческая нога. Я предпочла разглядывать рыцарские доспехи.

Это оказалось интереснее, чем я ожидала. Каждый рыцарь стоял на деревянной подставке, снабженной медной табличкой с надписью на латыни. Когда-то я изучала латынь — моя гувернантка считала, что она просто необходима любой благовоспитанной барышне, однако воспользовалась этим языком я всего один раз — когда мы с Лорой, моей подружкой-привидением, развлекались, придумывая шуточные девизы для Тони. Лоре больше всего нравился такой: «Nunquam reliquiae redire: carpe omniem impremis» («Ничего не оставляй на потом: бери все сразу и сейчас»). А я придумана такой: «Mundus vult decipi» («Каждую минуту в мире рождается болван»), но в конце концов мы остановились на следующем: «Revelare pecunia!» («Покажите мне деньги!»), потому что он лучше других смотрелся на гербе. Латынь я немного подзабыла, однако кое-что еще помнила и вскоре выяснила, что надписи на подставках были шуточными, как и наши девизы.

«Prehende uxorem meam, sis!» («Заберите мою жену, пожалуйста!») — умоляла надпись на табличке, прикрепленной под первым рыцарем. Усмехнувшись, я пошла дальше, переводя на ходу. Самыми смешными были такие: «Certe, toto, sentio nos in kansate non iam adesse» («Знаешь, Тото, у меня такое чувство, что мы не в Канзасе»), «Elvem vivere» («Элвис жив») и «Estne volumem in amiculum, an solum tibi libet me videre?» («Это у тебя просто складка на одежде или ты рад меня видеть?»).

Я как раз читала надпись на очередной табличке, пытаюсь вникнуть в ее смысл, когда из-за угла на полном ходу вырвался Приткин. Он еще и рта не успел раскрыть, а я уже поняла, что у нас проблемы — за магом тянулась целая стая летающего оружия.

— Уходим! — крикнул на бегу Приткин, когда на него ринулся нож такой длины, что ему впору было называться мечом.

Если бы в последнюю секунду волшебник не увернулся, его голова слетела бы на пол. И все же нож задел Приткина по уху, едва не отхватив его целиком; из раны хлынула алая кровь.

Признаюсь, я на секунду замешкалась. Мне уже приходилось видеть, как на Приткина нападало летающее оружие, но ведь сейчас на него напали его собственные ножи. Пока я размышляла, что могло произойти, из-за угла выскочила парочка магов-воинов. Я их узнала — это они сражались с Энио в баре казино.

— Разве вы не вместе? — с глупым видом спросила я.

Приткин не ответил.

— Перемещай нас отсюда! — завопил он и коряво выбросил вперед руку, словно неумелый танцор диско. Внезапно преследующие его маги остановились. Почему, я поняла только тогда, когда натолкнулась на невидимую стену. Вокруг нас поблескивали и слегка изгибались, словно по ним проходили волны, голубые линии магической защиты. — Чего ты ждешь? Перемещай! — снова крикнул волшебник.

— Отдай нам самозванку, Приткин, — сказал один из магов, высокий мужчина с выступающим кадыком, бледной кожей и звучным и низким голосом, который так не вязался с его внешностью. — Она того не стоит.

— Обещаю, что ее выслушают и будут судить по справедливости, — добавил второй маг, пухлый афроамериканец, бросавший на меня злобные взгляды, — Отдай ее нам — и уходи с миром, пока можешь.

— В чем дело? — спросила я.

В ответ мимо лица, едва не задев меня по носу, просвистело что-то большое и тяжелое. Я с криком отпрянула, и в тот же миг в стоявшего рядом со мной рыцаря врезалась тяжелая булава. Я еще счастливо отделалась, поскольку еще немного — и эта груда ржавого металла обрушилась бы на меня свой меч. Булава ударила рыцаря в грудь, проделала в нем дыру и отбросила к стене, где он врезался в гобелен.

Я дико оглядывалась по сторонам, пытаюсь понять, что происходит. Булава преодолела защиту Приткина так, словно ее и не было. Более того, бросали ее вовсе не маги — она прилетела сама, откуда-то сзади, но ведь там никого не было! Правда, один из рыцарей стоял без оружия, но ведь кто-то должен был его забрать!

Внезапно сзади что-то лязгнуло, и я резко обернулась, приготовившись отразить новую атаку магов. Но они, хоть и бросали свирепые взгляды, на время оставили меня в покое. Опустив оружие, маги смотрели в другую сторону — на лежавшие на полу разбитые рыцарские доспехи, которые к этому времени успели соединиться в одно целое и отчаянно пытались выпутаться из гобелена. Выбравшись из-под тяжелой материи, рыцарь начал шарить рукой по полу в поисках меча, выбитого из его рук булавой. Однако Приткин действовал быстрее: схватив меч, он угрожающе направил его на ожившее существо.

Рыцаря это ничуть не смутило. Сорвав со стены щит, он запустил его в нас, словно стофунтовую тарелку фрисби. В последний момент Приткин толкнул меня к стене; там, где мы только что стояли, со свистом пролетел плоский кусок железа и врезался в окно в дальнем конце коридора. На пол посыпался град осколков.

Не успела я и глазом моргнуть, как Приткин рывком повалил меня на пол, упал сверху и так прижал, что я на собственном опыте смогла проверить, до чего же тверда имитация природного камня. Впрочем, жаловаться было некогда, потому что в следующий момент над нами пролетел второй щит, едва не задев меня по голове. Отколов кусок стены, щит наполовину вошел в слой штукатурки и каменной кладки, где и остался.

Вероятно, маги-воины сделали что-то такое, что привлекло внимание оживших доспехов, ибо напавший на нас рыцарь внезапно развернулся и направился в их сторону, оставляя за собой дорожку ржавой пыли. Совершенно сбитая с толку, я в ужасе вцепилась в руку Приткина. «Как этой твари удалось пробить мою магическую защиту?» Первый щит пролетел примерно в футах от нас, зато второй — не более чем в полудюйме. Интересно, сколько еще потребуется атак, чтобы мой ангел-хранитель наконец проснулся?

Приткин не обратил на меня внимания. Одним прыжком он вскочил на ноги и подхватил меч, который выронил, когда мы с ним едва не влипли в стену. Неверный ход. Голова рыцаря в шлеме с опущенным забралом немедленно повернулась в нашу сторону. Думаю, ему не понравилось, что кто-то посмел притронуться к его оружию. Я понимала, что сражаться сразу с тремя магами рыцарь все равно не сможет, и все-таки чувствовала себя очень скверно.

В следующую секунду мне стало еще хуже, ибо коридор наполнился грохотом и лязгом железа, когда все рыцарские доспехи внезапно ожили и начали сходить со своих подставок. Создавалось впечатление, что внутренняя защита, о которой мне рассказывал Казанова, решила повысить ставки. Армия железных солдат, действуя абсолютно синхронно, словно какой-то средневековый кордебалет, решительно двинулась на нас, держа оружие на плече.

— Круг нашел способ блокировать твою магическую защиту, поэтому она не срабатывает, — коротко бросил Приткин.

Я молча поднялась, не обращая внимания на боль в коленках и свой распухший нос. Маг

смотрел на шеренгу приближающихся рыцарей, пытаюсь выискать в ней хоть какую-то слабинку. Я очень надеялась, что ему это удастся, потому что ближайšie к нам рыцари уже раскручивали над головой тяжелые булавы, а остальные начали вытаскивать из ножен острые мечи. Но тут до меня дошел смысл слов, произнесенных волшебником. Я потянулась за спину и потрогала свою кривую пентаграмму. Она по-прежнему была на месте, только немного сдвинулась у меня под пальцами.

— Убрать ее совсем круг не сможет до тех пор, пока ты не окажешься в его власти, — добавил Приткин. — Но и действовать в полную силу она тоже не будет, так что слишком на нее не рассчитывай.

— И когда, интересно, ты собирался мне об этом сообщить?

Приткин не ответил, в этот момент он как раз выхватил из-за пояса старомодный сорок пятый калибр и принялся палить в ближайшего рыцаря. Одна за одной пули проделывали в груди рыцаря круглые дыры, но ни крови, ни развороченного тела я не увидела. В это время следующий рыцарь попал в луч света, отбрасываемый светильником на стене, и я поняла, в чем дело — внутри шлема не было ничего, кроме ясно различимого фрагмента гобелена на дальней стене. Нам было некого убивать.

Видимо, и Приткин это понял, потому что убрал пистолет в кобуру и метнул в шеренгу рыцарей светящийся оранжевый шар, который зацепил на лету свисающее с потолка знамя и мгновенно обратил его в пепел. Когда дым рассеялся, я увидела, что на рыцарей это не подействовало столь внушительно. Двое из них, угодившие в самый огонь, расплавились и слились в одно целое, но не упали, а продолжали двигаться вперед, словно некое трехногое существо, в то время как остальные всего лишь были сбиты с ног.

— Все ясно, их оружие заколдовано, — мрачно изрек Приткин. — А я свою защиту использовал целый день, без всякой передышки. Она совсем ослабела и долго не продержится. Немедленно переноси нас отсюда!

Мне бы тоже этого хотелось, если бы не одна небольшая загвоздка. У меня был запас энергии, причем небывалой силы, но я не торопилась его расходовать. Энергию никто не дает даром, особенно в больших количествах. Я выросла среди магов и знала: если ты запрашиваешь какой-то объем энергии, тебе его дают, но потом выставляют счет. И я вовсе не стремилась узнать, каким будет этот счет и кто мне его пришлет.

— Почему рыцари нас атакуют? — спросила я, отчаянно надеясь на то, что услышу другое объяснение. — Мы же ничего им не сделали!

Почему-то хотелось верить в то, что рыцари были магической защитой казино и просто решили прийти нам на помощь, чтобы спасти от магов-воинов.

Но Приткин мигом развеял мои надежды.

— Эндрю и Стивен включили автоматическую защиту, когда вошли в казино с оружием. Я не стрелял, поэтому мы пока в безопасности, но маги подошли к нам слишком близко. Защита приняла нас за нападающих, и теперь мы тоже превратились в мишень. Скорее переноси нас!

Объяснить ему мою точку зрения на этот вопрос я уже не успела, так как в этот момент мне пришлось увернуться от брошенного копья. Я отскочила в сторону — и копьё вонзилось в пол там, где я только что стояла. В воздух взвилась бетонная крошка. По щеке что-то потекло, и я потрогала ее дрожащей рукой. Кончики пальцев стали красными. Не понимаю, что творится с моей защитой. Я озадаченно рассматривала свои испачканные в крови пальцы. Вот тебе и сверхъестественная защита!

— Ну что же ты? Давай! — крикнул мне Приткин.

— Не могу!

Я была готова использовать свою энергию, но лишь в том случае, если бы нам угрожала смерть. Если бы раньше мне прислали счет, скажем, за события в Лондоне, я бы ответила, что действовала в целях самообороны, чтобы выпутаться из беды, в которую попала не по своей вине. Сейчас у меня такого предлога не было, к тому же мне вовсе не улыбалось запрашивать энергию, а потом расплачиваться за нее всю оставшуюся жизнь. В мире магов долги подобного рода — весьма опасная вещь.

Приткин продолжал что-то кричать, но тут упавшие рыцари вдруг начали резко подниматься на ноги. Маг направил на них свой летающий арсенал, и среди нападавших заметались длинные ножи и кинжалы. Им вдогонку я послала свои кинжалы из браслета, помощь оказалась весьма кстати — один из них успел отбить удар тяжелой булавы, точно направленной в череп мага. Он ее не заметил, поскольку в это время отражал атаку пики, едва не пронзившей его насквозь. Когда-то давно, когда мы с Приткиным сошлись в жестокой схватке, я видела на его лице удовольствие, маг упивался битвой. Однако теперь он был совершенно серьезен; хотя, возможно, у него просто болело раненое ухо.

Я оглядывалась по сторонам, ища возможный путь к спасению, но его не было. Лестница, усыпанная миллионами крошечных острых осколков, превратилась в настоящее минное поле и стала труднейшим препятствием для моих босых ног; правда, если Приткин смог поднять тяжелый рыцарский меч, то, наверное, сможет нести на руках и меня. Хотя для этого нам сначала придется пробиваться через шеренгу рыцарей. То же относилось и к двери, ведущей на кухню. Подход к ней закрывал рухнувший рыцарь, сраженный моими летающими кинжалами, но трое его товарищей были по-прежнему на ногах.

— Здесь где-нибудь есть потайные лестницы? — неожиданно спокойно спросил Приткин.

— Откуда мне знать? — ответила я, лихорадочно оглядываясь по сторонам.

Внезапно мое внимание привлек рыцарь, который двигался на нас, размахивая двуручным топором. В коллекции Альфонса, обожавшего холодное оружие, был такой топорик. Он и на стене-то выглядел внушительно, а сейчас, пущенный в ход, в любой момент мог снести голову Приткина... или мою.

— Посмотри за гобеленами! — приказал мне маг, делая выпад вперед, чтобы подцепить рыцаря за ноги. — Там должна быть потайная дверь!

Его меч отсек ногу одному из нападавших, и тот с грохотом повалился на пол, но не остановился, а продолжал ползти, упираясь руками в пол и волоча туловище. Но страшнее всего было то, что отрубленная нога ползла за своим хозяином, стараясь вновь соединиться с туловищем. Получалось, что для того, чтобы остановить рыцарей, нам пришлось бы их всех смять в лепешку и расколотить на мелкие кусочки, но... рыцарей было слишком много, а нас слишком мало, и все шло к тому, что на мелкие кусочки разорвут нас.

Я отдернула один из гобеленов — за ним не было ничего, кроме глухой стены. Я начала ощупывать ее руками, пытаюсь найти дверь, но ничего не нашла. Лампочка над дверью лифта показывала, что он стоит в пяти этажах от нас. Не говоря о том, что прямо перед ним вели отчаянный бой два мага.

Пока я ощупывала стену за другими гобеленами в бесплодных попытках найти спасительный выход, отрезанная нога рыцаря все-таки соединилась с туловищем. Металл тут же расплавился, став жидким, как ртуть, — и вот уже нога вновь стала неотъемлемой частью

туловища, словно от него и не отделялась. Итак, приходилось признать, что мы попали в безвыходную ситуацию. Даже отрезанные конечности не останавливали нападавших. Тони, конечно, всегда был скупердьяем, но на охране не экономил. Черт бы его взял.

— Нет никаких лестниц! — крикнула я.

Приткин резко обернулся, ударил по ногам еще одного рыцаря и изо всех сил двинул меня локтем. Я упала и так ударилась головой об пол, что в ушах зазвенело. Прямо перед моим носом находилась табличка с надписью: «Medio tutissimus ibis» («Всего безопаснее пройти по середине»). Это была цитата из Овидия, в которой говорилось об умеренности. Странно было видеть ее в казино, где умеренностью и не пахло.

Пока я с трудом садилась, в конце коридора появились еще шесть рыцарей и дружно двинулись на нас. Таким образом, у нас появился прекрасный выбор: быть насаженными на меч ими или разрезанными на кусочки их приятелями, потому как стало окончательно ясно, что долго нам не продержаться. Я уже собралась послать все к чертям и переместить нас куда-нибудь в другое место, как вдруг заметила кое-что интересное.

Один из огромных ножей Приткина одним ударом отсек кисть рыцарю. Рука откатилась в сторону, продолжая сжимать оружие, но странное дело — рыцарь не пытался поднять свою конечность, лежавшую на полу всего в нескольких футах от него. И отсеченная рука также лежала неподвижно, не стремясь вернуться к своему хозяину, как только что сделала отделенная от туловища нога. Внезапно я поняла, почему могу спокойно над этим раздумывать: я находилась на середине коридора и рядом со мной не было ни одного рыцаря.

Все они группами стояли вдоль лежащей на полу бордовой дорожки, стараясь при этом на нее не наступать. Я оглянулась назад — та же история. Рыцари преследовали магов, преследовали Приткина, но при этом ни один из них не выходил на середину коридора. На какой-то миг мне захотелось расцеловать этого параноика Тони, который всегда и всюду устраивал потайные выходы — даже из собственных ловушек.

Тем временем Приткин упал на колени, чтобы отбить удар пики, но тут его окружили еще два рыцаря и занесли над ним мечи. Я не стала смотреть, успеет ли он справиться с этим затруднением, а бросилась ему на выручку, навалившись на него с такой силой, что мы оба покатались по ковру. Мы лежали сцепившись, как две кошки, но левая нога Приткина и правая половина моего тела выступали за край дорожки. Не успела я сменить положение, как один из рыцарей взмахнул мечом и вонзил его в лодыжку мага, торчавшую у меня между ног.

— Не двигайся! — крикнула я, когда маг отпихнул меня в сторону и вонзил меч в живот рыцаря.

От удара воин качнулся назад, но меча из рук не выпустил и только сильнее нажал на него, загоняя глубже в ногу волшебника. Тот задохнулся от боли, но вскочил на ноги и хотел броситься в атаку, словно возле нас находился всего один рыцарь, а не целая армия, окружившая нас со всех сторон. Мне пришлось повиснуть на волшебнике и даже, схватив его за волосы, повернуть лицом к себе, чтобы до него дошло, что я ему говорю.

— Спасены! — в самое ухо крикнула я Приткину. — Мы спасены! Держись середины коридора!

Схватив Приткина за ногу, я втащила его на дорожку, где вновь навалилась на него всей тяжестью, прижав к полу. Даже раненый, он продолжал отчаянно сопротивляться, пытаясь вырваться, но вскоре и сам заметил, что рыцари ведут себя так, словно потеряли нас из вида.

Немного потыкавшись туда-сюда, они толпой двинулись за угол, в ту сторону, куда отступили маги. Приткин не мог прийти в себя от изумления, но все понял, когда взглянул на латинскую надпись.

— Нам надо вернуться в кухню, — сказал он, вставая на колени.

Маг изо всех сил старался не выходить за дорожку, но я видела, как сильно его шатает. Взглянув вниз, я поняла, в чем дело. Его правая штанина насквозь пропиталась кровью, не говоря уже о пораненном ухе; крови было столько, что я начала опасаться, не задета ли главная артерия. Словно подтверждая мои опасения, Приткин бессильно прислонился ко мне, и мы медленно двинулись по коридору, стараясь не сходить со спасительной дорожки.

Из-за угла доносился шум яростной битвы, но нам было не до этого. Теперь, когда я узнала, как и что можно проделывать в казино, я готова была кричать «ура!», хотя магам, думаю, в этот момент приходилось нелегко.

Мы ввалились в кухню.

— Вызовите «скорую помощь»! — крикнула я, зажмуриваясь от яркого света, ослепившего меня после сумрака коридора. К нам осторожно приблизились две неясные тени и уставились на нас горящими глазами.

— Не надо, я сам, — сказал Приткин, опускаясь на пол.

Он снял сапог, и на белоснежный кухонный пол хлынул поток темной крови. Приткин, и без того бледный, стал еще бледнее.

Схватив кухонное полотенце, я крепко прижала его к ране. Не знаю, можно ли считать меня человеком с железной волей, но ждать, пока маг умрет от потери крови, я не могла.

— Подожди, сейчас я перемещу нас в больницу, — сказала я, но маг лишь оттолкнул меня в сторону.

— Не надо! Я сам все сделаю.

Он что-то пробормотал, кровь действительно остановилась; и все же мне очень не нравились его прерывистое дыхание и смертельная бледность, а при виде того, как почти отрезанное ухо приподнялось и начало медленно занимать свое обычное положение, у меня и вовсе мурашки побежали по телу.

— Почему ты не хочешь в больницу? — спросила я, стараясь не смотреть на ухо, которое к этому времени окончательно приладилось к голове. Внезапно все осколки мозаики встали на свои места. — Постой. Тем магам нужна была не я. Они преследовали тебя! Что, круг охотится и за тобой?

Приткин не ответил, поскольку в это время нараспев произносил какое-то заклинание. Внезапно сверху что-то задвигалось; я подняла глаза и увидела горгулью с красными горящими глазами и невероятно изящными рубиновыми серьгами, вдетыми в острые, как у рыси, уши. Опустившись на пол, горгулья мягко, но решительно отодвинула меня в сторону.

Я неловко отступила, не зная, сопротивляться или нет, но промолчала, поскольку не чувствовала присутствия зла. Наверное, мне понравились ее украшения, а может быть, то, что на ее волосатом подбородке застыла капелька шоколадной глазури. Как выяснилось, я приняла верное решение. Когтистая рука, больше похожая на лапу, зависла над рваной раной волшебника, и та начала медленно затягиваться.

Наверное, так должно было проходить исцеление, но, судя по стиснутым зубам волшебника, ему было очень больно. Маг беззвучно зашевелил губами, и я склонилась над ним, стараясь держаться подальше от его кулаков.

— Me oportet propter praesertum te nocere (Подожди, я еще до тебя доберусь), —

задыхаясь от боли, прошептал он.

— Очень смешно.

— Ты же в любой момент могла нас переместить!

— Ага, но за какую цену?

Глаза Приткина сверкнули.

— Цену? Да тебя могли убить! И меня тоже!

— *Stercus accidit* (Бывает и такое), — ответила я.

И пока маг пытался перевести мою чудовищную латынь, я отправилась на поиски другого выхода из здания. Возвращаться в коридор я больше не собиралась, равно как и заниматься перемещением — после всего, что нам удалось сделать!

Мне повезло. Если бы раньше я не пялилась на горгулий, а хорошенько осмотрела помещение, то избежала бы передраги, приключившейся с нами в коридоре. Пройдя ряд огромных холодильников, встроенные морозильные шкафы, холодный чулан и кладовку для продуктов длительного хранения, я обнаружила грузовую площадку, выходящую на задний двор казино.

Выглянув наружу, я увидела залитую солнцем парковку и, признаюсь, испытала сильное искушение послать мага ко всем чертям и сбежать, пока он занят своим исцелением; у меня и своих дел по горло, что бы он там ни говорил. Мне нужно заставить Казанову выяснить, где скрывается босс. Майра наверняка с ним; стопроцентной уверенности у меня, конечно, нет, но скорее всего. Оба они работают на одного хозяина — главаря русской мафии вампиров, известного в истории под именем Распутин. Книжки умалчивают об одном факте его биографии: после того как один русский князь «убил» его, Распутин нашел себе другое занятие, не менее выгодное. Немного «полежав на дне», он занялся торговлей наркотиками, фальшивомонетничеством и контрабандой магического оружия, а именно: продажей ракет в Восточную Европу. Кроме того, он планировал расширить свою империю за счет вампирских сообществ Северной Америки, которые решил подчинить себе путем захвата власти в Сенате, и даже убил четырех сенаторов, однако на этом его деяния закончились, ибо нынешний консул, возглавлявшая Совет вампиров, оказалась дамой куда более решительной и жесткой, чем ожидал Распутин. В общем, все это сильно смахивало на что-то вроде холодной войны и не слишком меня интересовало... до тех пор, пока я сама не оказалась в центре событий.

После провала попытки переворота Распутин куда-то исчез. На его поиски были брошены тысячи вампиров и магов, но он как в воду канул. И поскольку спрятаться в нашем мире не так-то легко, а Тони и Майра исчезли одновременно с Распутиным, я пари готова была держать, что они скрылись все вместе. Найти Мойру раньше других было для меня вопросом жизни и смерти — пока она не оправилась после нашего первого знакомства и не опередила меня. Впрочем, ничего хорошего я от предстоящей встреч и не ждала. Я могла ее и не пережить.

С другой стороны, я дала обещание; к тому же меня забавляла мысль, что впервые в жизни мы с Приткиным оказались союзниками, а не врагами. Враг моего врага необязательно может быть моим другом, но и данной ситуации меня устраивало все — за исключением открытой вражды. Я приму любую помощь, откуда бы она ни пришла; кстати, увидев Приткина, Казанова сильно перепугался. Интересно почему? Нужно это выяснить.

Я пропустила вперед двух горгулий, кативших тележку, нагруженную кочанами капусты, и двинулась обратно в казино. Вот тут-то все и началось.

— Кэсси!

Казанова легко взлетел по пандусу, стараясь не выходить на солнце, а еще через секунду показались мои разбойницы — сестрички ленивой походкой тащились по пятам Казановы. Чудесно. А я про них и забыла.

При виде старух горгульи подняли такой визг, что мне захотелось заткнуть уши.

— Ты только посмотри, что тут вытворяла твоя дурацкая магическая защита! — набросилась я на Казанову, как только он оказался возле меня. — Меня чуть не убили!

— Ничего, у нас бывало и похуже.

Схватив Энио за руку, я рывком оттащила ее от горгульи, в которую она принялась тыкать палкой. Маленькое существо, похожее на птичку, мгновенно скрылось на кухне, возмущенно чирикавая.

— Где вы шныряли? — резко спросила я старух, от злости позабыв, что гневить древнюю богиню все же не стоит. — Лезете всюду, затеваете драки, а когда вы нужны, вас нет, вы, видите ли, делаете маникюр!

Действительно, длинные когти Дейно был и покрыты ярко-красным лаком; и все же я была не права — граи очень помогли мне во время стычки в баре. Просто в тот момент я до того рассердилась, что забыла об этом. Мысль о том, что круг блокировал мою магическую защиту, начисто выбила меня из колеи. Я лишилась единственного оружия и стала совершенно незащищенной.

Энио бросила на меня обиженный взгляд, однако послушно отдала палку. Пемфредо и Дейно стояли в сторонке, слушая мою тираду.

— Между прочим, Приткин лежит чуть не при смерти, а маги, конечно...

Демон так крепко сжал мою руку, что я вскрикнула.

— Где он? — спросил Казанова и принялся лихорадочно шарить по карманам, — Где этот чертов мобильник? Вечно не могу его найти! Нужно немедленно вызвать врача!

На минуту мне показалось, что демон просто дурачится, но, взглянув ему в лицо, я поняла, что ошиблась. Парень был вне себя от ужаса.

— Что с тобой? С каких это пор ты...

Предоставив мне говорить самой с собой, Казанова опрометью ринулся внутрь здания. Я побежала за ним, за мной засеменили граи. Подхватив на ходу метлу, Энио переломила палку так, чтобы образовался зазубренный конец. Я не стала отбирать у нее это оружие; хотя Энио вновь превратилась в мирную старушку, постоять за себя она умела.

Я вбежала на кухню; Казанова бросился к Приткину и принялся его ощупывать, но в следующую секунду рассерженный маг с такой силой оттолкнул от себя вампира, что тот растянулся на полу, а Приткин вперил злобный взгляд в горгулью, которая занималась его исцелением. Видя, как легко он вскочил на ноги, я поняла, что волшебное снадобье сделало свое дело.

— Прочь! — рявкнул маг. — Пошел прочь!

Казанова молча поднялся. Он даже не огрызнулся, более того, было видно, что он слегка трусит.

— Я мог бы привести лекаря. Пять минут — и он здесь.

Я не верила своим глазам: нет, видимо, вампир окончательно спятил. Дело в том, что

вампиры и маги вечно конфликтуют между собой, поскольку до сих пор не могут решить, кто из них достоин править миром потусторонних сил. Но у меня никак не укладывалось в голове, почему такой древний вампир, как Казанова, заискивает перед магом-воином.

— Я не нуждаюсь в лекарях. Мне нужно другое — убрать чертов гейс, — задыхаясь от ярости, сказал Приткин.

Я мгновенно насторожилась.

— А что, эта горгулья может его убрать? — спросила я, выступая вперед и не осмеливаясь верить, что все так просто.

Граи дружно шагнули за мной. Ответа я не получила, потому что горгульи внезапно начали галдеть так, словно наступил Армагеддон; от их пронзительных криков треснуло несколько оконных стекол.

Зажав уши, я упала на колени; сверху на меня шлепнулась Дейно. Не знаю, зачем она это сделала, — то ли по ошибке, то ли для того, чтобы закрыть собой, поскольку сверху на нас посыпался град продуктов — булочки, печенье, куски паштета. Но, падая, Дейно потеряла глаз, который откатился далеко в сторону. Грайя вскрикнула и бросилась за ним, на ходу расшвыривая горгулий. Сестры ринулись ей на помощь, я быстро поползла к ближайшему укрытию — разделочному столу и обнаружила под ним Казанову и Приткина.

— Тебя могли ранить! Зачем ты сюда пошел? — перекрывая общий шум, вопил Казанова, обеими руками сжимая руку Приткина. — Кухня для горгулий — священный храм, они охраняют его так, как когда-то охраняли соборы, а грай они ненавидят, но ведь я мог бы объяснить...

— Да плевал я на тебя и твои объяснения! — рявкнул Приткин, хватая вампира за рубашку и притягивая к себе. — Заставь ее снять с меня гейс, или у тебя будут такие проблемы, какие тебе и не снились!

— Эй, это на мне лежит гейс, если вы забыли, — напомнила я. — Это с меня его надо снимать.

— Ты-то здесь при чем? — огрызнулся Приткин, но в этот момент на стол грохнулось что-то тяжелое и скатилось на пол. Это была маленькая горгулья с сеточкой на голове и ослиными ушами; упав на пол, она больше не шевелилась.

Высунувшись из-под стола, я затащила ее к нам, но тут передо мной встала задача: как пощупать ее пульс и бывает ли у них вообще этот самый пульс. Горгулья была вся в зеленоватой крови, что мне очень не понравилось.

«Ах так? Ладно».

Я выбралась из-под стола и выпрямилась. Шум стоял невероятный, и через несколько секунд я уже участвовала в общей потасовке; к этому времени кухня превратилась в настоящее поле боя. Дейно уже отыскала свой глаз и теперь стояла в дальнем углу, отбивая атаку горгулий — четыре из них повисли у нее на руках, в то время как пятая, зайдя сзади, колотила грайю скалкой. Торжествующая Энио, залитая кровью, подняла над головой горгулью с рубиновыми серьгами, собираясь швырнуть ее через всю кухню. Прикончить знахарку мог не только удар об пол — на другом конце кухни ее поджидал и острые ножи ухмыляющейся Пемфредо.

Набрав в грудь побольше воздуха, я заорала на пределе своих возможностей. Горгульи не обратили на меня никакого внимания, зато граи немедленно остановились и вопрошающе уставились на меня. Вид у них был абсолютно спокойный — если не считать кривой ухмылки Пемфредо.

— Немедленно прекратите! — уже более спокойным тоном приказала я. — Когда я сказала, что вы мне нужны, я имела в виду не драку с горгульями!

Пемфредо хихикнула и опустила ножи. Энио бросила на меня кислый взгляд и отпустила целительницу; та зашипела и быстро заковыляла прочь. Дейно, воспользовавшись замешательством, попыталась выхватить глаз из рук Энио, но та ловко перебросила его в другую руку, не заметив, как Пемфредо тихонько подобралась к ней с тыла и с торжествующим видом забрала глаз себе. Внезапно меня осенило.

— Вы что, держали на меня пари?

Энио устало оперлась о разделочный стол, отшвырнув в сторону блюдо с глазами-редисками; вид у нее был довольно унылый. Не знаю почему; наверняка она что-то видела и без глаза, вероятно, просто огорчилась, что пропустила свою очередь им владеть.

Увидев, что грайи остановились, горгульи также прекратили драку; они стояли в отдалении и настороженно следили за противником. Некоторые из них примялись вытаскивать из кухни убитых и раненых сородичей; вместе с другими утащили и Ослиные Уши. Сеточка для волос сбилась у нее на сторону, но горгулья, судя по всему, была жива. Оставалось только надеяться, что она поправится, ибо больше я для нее сделать ничего не могла — только прекратить драку. Пошарив под столом, я ухватила Казанову за модный галстук и подтащила к себе.

— Скажи им, что мы уходим.

— Никуда мы не пойдем, черт бы тебя взял! — прошипел Приткин, вылезая из-под стола; в окровавленной одежде и с растрепанными волосами, он сильно смахивал на психопата. Оглянувшись по сторонам, он заметил горгулью-целительницу.

— Мы никуда не пойдем, пока она не снимет с меня гейс!

— Миранда! — придушенным голосом позвал Казанова, и только тогда я заметила, что слишком сильно затянула галстук.

Горгулья подошла к нам. Ее покрытое шерстью лицо ничего не выражало, однако язык тела был весьма красноречив. Не знаю, удалось ли кому-нибудь изобразить угрюмую походку, но горгулья явно в этом преуспела. Подойдя к Приткину, она ткнула мага в живот; наверное, потому, что не могла дотянуться до груди.

— Ты здоров. Вс-се нормально. Удачная сделка.

Маг хотел ее схватить, но она одним едва заметным движением выскользнула из его рук. Наверное, он все же задел ее, потому что горгулья вновь громко зашипела, отвела уши и высунула длинный раздвоенный язык. Затем скрестила руки на груди и встала возле Казановы, с недовольным видом размахивая длинным хвостом.

— Я не заключаю сделок с эльфами, — надменно заявил Приткин, словно это казалось ему чем-то унижительным. — Меня не интересует, как ты сюда попала — легально или нет. Тебе нечего бояться. А теперь снимай заклятие!

— Ты можешь объяснить, что здесь происходит? — спросила я Казанову, пока он старательно расправлял свой галстук. Вампир ответил мне ледяным взглядом.

— За то, что она его вылечила, Миранда наложила на него гейс — он никому не должен рассказывать о горгульях, работающих на кухне казино. Если круг их обнаружит, то немедленно всех депортирует.

— И это все? — спросила я Приткина, который в это время пристально смотрел на Миранду. Тоже мне, гейс. Мне бы такой. — Ты же все равно не собираешься на них доносить. Так что пойдем отсюда, маги могут появиться в любую минуту.

— Я никуда не пойду, пока она не снимет гейс, — упрямо повторил Приткин.

Мне захотелось дать ему пинка. Вместо этого я ткнула в бок Казанову. Тот закатил глаза.

— Миранда... — страдальческим голосом начал вампир, но горгулья лишь крепче сжала зубы и продолжала хранить гордое молчание.

— Иди ты к черту, Приткин! — не выдержала я. — Я не собираюсь стоять и ждать, пока нас изловит круг. Хочешь поговорить — давай. Или я уйду.

— У меня идея! — внезапно оживился Казанова. — Я вызову вам машину.

В это время в дверь стремглав влетел Билли-Джо. При виде его горгульи вновь подняли визг и даже попытались поймать призрака. В другой раз я бы задумалась, почему они его видят, но в этот суматошный день такие глупости мне даже в голову не пришли.

— Это со мной, — сказала я Миранде, но та продолжала что-то говорить Казанове на своем шипящем языке. Очевидно, сообщала, что на сегодня с нее хватит визитов.

— Какая, к чертям, машина, — сказал Билли; вид у него был встревоженный. — Здесь есть еще какой-нибудь выход, кроме главного и боковых? Понимаешь, они все перекрыты.

— Кем? Что здесь вообще происходит?

— Вот уж не знаю, — язвительно ответил Билли. — Говорят, вы тут расколошматили каких-то магов? Круг узнал, что вы здесь, и прислал за вами своих людей. Их человек двадцать — тридцать, я начал считать, да потом сбился со счета. В баре мы встретили их авангард, эту троицу прислали спросить, не явишься ли ты на совет по доброй воле. Но, учитывая, как ты поступила с парламентарями, переговоров больше не будет.

— Они первыми напали, — возмутилась я, но потом прикусила язык и призадумалась, а так ли было на самом деле.

Я же не знала, что происходило в баре, когда я оттуда сбежала, а Энио набросилась на магов. Не будь с ними Приткина, дело, возможно, закончилось бы миром. Теперь понятно, почему они так разозлились, когда мы повстречались вновь.

— Это не имеет значения, — словно прочитав мои мысли, сказал Приткин. — Они хотят тебя убить. Больше им ничего не нужно.

Я нервно сглотнула. Подозрения о том, что круг не станет меня оплакивать, если со мной вдруг произойдет несчастный случай, и раньше закрадывались в мою голову, но слышать, как кто-то говорит об этом открыто, было не слишком приятно. Можно подумать, что за мной всю жизнь гонялись, чтобы убить!

— Ты уверен?

— Абсолютно. Об этом я и хотел с тобой поговорить, — ответил маг и взглянул на Казанову. Тот тяжело вздохнул.

— Здесь есть несколько аварийных выходов, но вряд ли они подойдут, — сказал демон. — Может быть, ты просто переместишься, как раньше? А магам я скажу, что ты приперла меня к стенке и потребовала дать информацию об Антонио, после чего скрылась, перевернув здесь все вверх дном. — Он оглянулся по сторонам. — И это будет чистая правда.

— Кстати, о правде. Так где же Тони?

— Насколько я помню, я сделал все возможное, чтобы тебе этого не говорить. — Казанова протянул мне свой носовой платок, чтобы я стерла с волос сладкий крем, но я молча отвела его руку. — Я помогу тебе отсюда выбраться, chica, и с радостью направлю магов по ложному пути, но что касается Антонио...

— Этот вампир, — злобно прошипела Миранда и сплюнула на пол, — пришел в Страну эльфов, привез нас с-с-сюда, потом брос-с-сил. Мы работаем, как рабы.

Казанова сник, а я улыбнулась горгулье, решив, что ее вполне можно назвать привлекательной — если хорошенько присмотреться к ее раскосым красным глазам.

— Спасибо, Миранда. А что ты еще знаешь?

Горгулья дернулась всем телом, как кошка.

— Не много. Он в Стране эльфов. — Она взглянула на Казанову. — А этот круг... они пришли с-с-сюда?

Демон провел рукой по слегка взъерошенным волосам. Каким-то образом ему удалось остаться совершенно чистеньким, и летающая пища не оставила никаких следов на его одежде, только шикарный галстук немного смялся.

— Возможно. Похоже, у нас сегодня день открытых дверей.

— Нет! — заявила горгулья и вцепилась ему в ногу острыми когтями. — Нужно работать! Хватит бес-с-порядка!

Тут я заметила, что парочка маленьких горгулий пытается поставить на колеса перевернутую тележку, которая чудом уцелела во время драки, а другая горгулья в это время уже говорит по телефону и что-то записывает. Я уже собралась вслух согласиться с Мирандой и сказать, что нам давно пора слезть с их шеи — или рогов, или что там у них, — как на кухне появился еще один визитер. В дверях показался голем Приткина, и горгульки вновь принялись пронзительно верещать.

Я застонала и заткнула уши. Приткин некоторое время смотрел на голема, словно ведя с ним немой разговор, затем повернулся ко мне. Маг взмахнул рукой — и наступила тишина. Видимо, он сотворил какое-то заклятие, поскольку жуткий шум продолжался, просто нам его не было слышно.

— Они идут сюда. Нам пора уходить.

Я кивнула.

— Хорошо. Но прежде заставь своего любимчика открыть, где находится портал Тони, ведущий в Страну эльфов. А ты не смей лгать! — сказала я Казанове — Я точно знаю, что он у Тони есть.

— Да, есть, но я не знаю, где он, — в смятении ответил Казанова. — Миранда! Ты не могла бы утихомирить своих сородичей? Пожалуйста! Им ведь все равно ничего не будет... — Демон взглянул на Приткина. — Или будет?

— Будет, если ты не скажешь мне правду, — мрачно сказала я.

Казанова вопросительно взглянул на статую, и та ответила ему суровым взглядом — если, конечно, темные углубления вместо глаз могли что-то видеть. У этого существа не было ни рогов, ни клыков, ни чего-то еще. Это была просто грубо слепленная статуя вроде обычного глиняного горшка, который начали лепить, а потом бросили. И все же когда глиняный болван повернул голову в мою сторону, мне стало не по себе — как и Казанове.

— Я не знаю, где этот проклятый портал! — повторил демон. — Тони продавал колдунов в рабство, но занимался этим не сам. Для этого у него была специальная группа, и я в нее не входил! Когда он скрылся, то прихватил их с собой, а оставшиеся уехали с последней партией товара на прошлой неделе! Здесь больше никого нет.

Я взглянула на Миранду.

— Вы должны были проходить через портал. Где он?

Горгулья покачала головой.

— На другой с-с-стороне. Не здесь, нет. — Она накинула полотенце на голову ближайшей горгульи. — Вот так было.

Ничего не видя, маленькая горгулья слепо тыкалась во все стороны, пока не натолкнулась на ноги Приткина. Маг наклонился, сдернул с малышки полотенце и бросил его в руки Миранде.

— Очевидно, прежде чем переправлять их сюда, им завязали глаза, — сказал Казанова. — Думаю, Тони не хотелось, чтобы тем же путем до него добрались маги.

— А ты что скажешь? — обратилась я к Приткину. — У членов круга должен быть доступ к порталу!

— Да, он есть, только находится в помещении МОППМ.

Я вздохнула. Ну конечно. Метафизическое Объединение Представителей Потустороннего Мира, то есть МОППМ, не может не иметь такого доступа. Это своего рода ООН потусторонних сил, и ее делегаты, то есть маги, вампиры, оборотни и эльфы, должны как-то попадать в наш мир. С одной стороны, хорошо, что оно находится недалеко, где-то в пустыне в окрестностях Вегаса. Но с другой стороны, и это уже гораздо хуже, оно вечно заискивает перед теми самыми людьми, которые разыскивают меня по всей стране, и вовсе не для того, чтобы поздравить с днем рождения. Короче говоря, это сообщество заняло выжидательную позицию, видимо решив посмотреть, доживу я до своего двадцатичетырехлетия или нет. Впрочем, самолично совать голову в петлю я тоже не собиралась. К сожалению, порталы, ведущие в Страну эльфов, на земле не действуют, а другие входы строго охраняются. В общем, выбирая из двух зол меньшее, я решила сделать выбор в пользу МОППМ. По крайней мере, там я уже была и кое-что о них знала.

— Ты знаешь, где это? — спросила я.

МОППМ — большая организация, и было бы удобнее, если бы мне сузили район поисков.

Бросив на меня недоверчивый взгляд, Приткин хотел что-то сказать, но его голос потонул в вое сирен. Правда, сквозь волшебную оболочку их было почти не слышно; Казанова громко выругался.

— Маги вызвали подкрепление — это общегородская тревога, — сказал он.

— Выведи из казино людей, — приказал Приткин, беря демона за руку.

Казанова кивнул, делая вид, что не замечает этого.

— Уже выводим. Объявлено, что в здании произошла утечка газа, так что людей сейчас эвакуируют. А магам все это ни к чему, точно?

— В общем, да. Но маги во что бы то ни стало хотят заполучить вот ее, — сказал Приткин, кивнув в мою сторону.

Казанова пожал плечами.

— Ладно, добавим немного фейерверка. Людям это не повредит. Мы недаром отделали наше казино под преисподнюю — здесь раньше бывали кое-какие происшествия. — Судя по усмешке на губах Приткина, об этих происшествиях, естественно, не сообщалось. — Все, давайте я вас выведу, а потом буду разбираться с ущербом.

— Где ближайший аварийный выход? — спросила я.

— По твоей милости почти все уже заблокированы, так что вам остается рассчитывать на тот, что ведет из винного погреба на Спринг-Маунтин, возле Стрип-стрит. — Подойдя к внутреннему телефону, Казанова вырвал аппарат из лап горгульи, в это время принимавшей заказ, и оглянулся на нас. — Там за углом стоит машина, это я вызвал. Больше я ничего для

вас сделать не могу.

— Постой. У вас тут есть сейф?

— Зачем он тебе? — сразу насторожился Приткин.

— Ох, черт, — выругался Билли.

— А ты хочешь, чтобы они отправились с нами в Страну эльфов? — сказала я. Билли застонал и взглянул на грай, которые в это время с аппетитом поедали сэндвичи с «пальцами». — Ты помнишь, что они вытворяли в прошлый раз? Все, с меня хватит.

Я взглянула на Казанову, он с кем-то говорил по телефону.

— Маги проходят защиту так, словно ее вовсе нет, — сообщил он нам. — Один отряд занял позицию в оркестровой яме, еще два где-то спрятались и... mierda!^[4] Они застрелили Элвиса. Скажи, что это неправда! — потребовал он у своего собеседника на другом конце провода.

— Они застрелили двойника? — удивленно переспросила я.

Магам полагалось защищать людей, а не использовать их в качестве мишеней, но, видимо, они об этом забыли.

Казанова покачал головой.

— Нет, настоящего. — И снова заговорил в трубку: Нет, нет! Пусть об этом позаботятся некроманты! За что мы им платим? И пусть вызовут Хендрикса, нам понадобится замена.

Тут я перестала прислушиваться к разговору, потому что раздался грохот, дверь кухни слетела с петель и повалилась прямо на меня. Пемфредо, до этого стояла абсолютно неподвижно, едва заметным движением подхватила дверь на лету и швырнула ее в группу ворвавшихся на кухню магов-воинов. Энио хотела затолкать меня под стол, но я схватила ее за руку.

— Как насчет того, чтобы немного поразвлечься?

Грайя бросила на меня испепеляющий взгляд. Очевидно, она уже поняла, что наши представления о развлечениях, мягко говоря, не совпадают.

— Я серьезно, — сказала я и кивнула в сторону магов, которые отражали атаку шипящих горгулий, явно не пришедших в восторг от уничтожения двери их драгоценной кухни. Магов практически не было видно под кучей крыльев, хвостов и мелькающих лап, но я знала: продлится это недолго. — Давайте действуйте. Только никого не убивайте.

По лицу Энио расплылась широкая улыбка, сразу сделавшая ее похожей на ребенка наутро после Рождества; в следующий момент грайя подхватила разделочный стол и швырнула его в пролом, образовавшийся на месте входной двери. После этого она и ее сестрицы одним прыжком перескочили через дверь и с победным дьявольским кличем атаковали второй отряд магов, пытавшихся ворваться на кухню.

— Так, теперь у нас есть короткая передышка, — сказала я Приткину, с тревогой наблюдавшему за грайями. Может, у него и были разногласия с кругом, и все же магу явно не хотелось, чтобы его коллеги становились игрушкой в руках трех свирепых сестричек. Лично меня это мало волновало после того, как я узнала о вынесенном мне смертном приговоре, я слишком хорошо знала цену их так называемого правосудия. — Пошли!

Пропустив мои слова мимо ушей, Приткин ловко вытащил одного мага из-под трех горгулий, те как раз собирались познакомиться с беднягой с теркой для сыра. Очевидно, его магическая защита не сработала против жителей Страны эльфов, и, судя по его перекошенному от ужаса лицу, этот урок парень запомнит надолго.

Отбросив в сторону незадачливого вояку, Приткин схватил Миранду. Горгулья

попыталась его укусить, но он стиснул ее за горло и поднес к лицу. Это не спасло его от мощного удара когтистой лапы, но он не разжал рук. Вероятно, его концентрация подействовала на магическую защиту, поскольку противошумная оболочка внезапно исчезла. Маг что-то сказал, но я уже ничего не слышала из-за адского воя сирен, перекрывавшего даже визг горгулий.

Приткина же, по-видимому, больше всего на свете беспокоил наложенный на него гейс, который мне казался абсолютно безвредным, потому что круг и сам обнаружил горгулий. Но, хорошо зная крутой нрав волшебника, я решила не тратить времени на бесполезные пререкания.

— Миранда! — крикнула я во всю силу легких. — Сними гейс! Казанова спрячет тебя от магов!

Горгулья скосила в мою сторону красные глаза, не выпуская когтей из Приткина, но мне было на него наплевать.

— Обещаешь-ш-шь? — прошипела она. — Нас-с не отправят назад?

— Обещаю! — крикнула я и локтем подтолкнула Казанову, который в это время пробрался ко мне. Демон хотел что-то возразить, но я перебила его: — Ты ведь ей поможешь? У Тони здесь полно потайных мест.

Демон закатил глаза.

— ¡Claro que sí!^[5] Только уходите!

Миранда улыбнулась. Если можно так назвать странное выражение на мохнатой мордочке, когда губы горгульи на секунду раздвинулись, обнажив ряд острых клыков.

— Я это запомню, — сказала она мне, и в руках Приткина внезапно оказался шипящий и фыркающий комок меха, а на его лице остались четыре полосы от острых когтей.

— Отпусти ее! — крикнула я. — Отпусти, она поможет!

Приткин разжал руки, Миранда отскочила в сторону и тут же принялась тщательно разглаживать свой мех. Потом она вдруг изящно помахала ему лапкой, выглядело это довольно уморительно. Мне казалось, ничего не произошло, но маг внезапно развернулся и, схватив меня за руку, побежал вслед за Казановой; вид у него был такой рассерженный, словно он во всем винил только меня.

— Я выведу вас к туннелю, только уходите скорее, нас не должны видеть вместе, — говорил на бегу вампир.

Я оглянулась, надеясь увидеть Билли-Джо, но он куда-то исчез. Оставалось уповать на то, что призрак отправился выполнять мое поручение, а не увлекся очередной игрой. При хорошей концентрации он умел передвигать небольшие предметы и находил мошенничество за рулеточным столом чертовски веселым занятием.

Внезапно перед нами появился голем; из его глиняной груди торчал огромный мясницкий нож, но статуя, по-видимому, его не замечала. Мы подбежали к холодной кладовке, и Казанова быстро отодвинул большой пластиковый контейнер, полный зеленого салата.

— Вам туда. — Демон ткнул в глухую цементную стену. — Машина ждет, водитель отдаст вам ключи. Оставьте мне, что там у вас есть ценного, и уходите.

— Я передам с водителем. Слушай, мне правда очень жаль, что...

Казанова только махнул рукой.

— Беги и постарайся сделать так, чтобы мне больше не пришлось работать на этого bidonista^[6], — мрачно произнес он.

— Договорились, — сказала я, втайне надеясь, что мне удастся дожить до этого дня.

В конце длинного душного туннеля нас дожидался человек. Он стоял, лениво прислонясь к новенькому роскошному «БМВ», и явно скучал. Увидев парня, я лишь молча разинула рот; в мозгу немедленно всплыл образ душевной ночи, смятых простыней и великолепного секса. Нет, дело было не в густых черных локонах, при виде которых у любой женщины младше восьмидесяти немедленно возникало жгучее желание запустить в них пальцы. И не в худощавом мускулистом теле, облаченном в узкие джинсы и футболку, и не в нежной оливковой коже. Не было никаких сил противостоять взгляду мерцающих темных глаз, таких прекрасных, что они казались нереальными. Возможно, я бы и дальше любовалась обворожительным юношей, если бы знала его чуть больше чем десять секунд.

«Инкуб», — подумала я; во рту сразу пересохло. Но судя по тому, как внезапно заговорило мое тело, весьма опытный. Я сглотнула и заставила себя улыбнуться.

Инкуб улыбнулся в ответ, бросив оценивающий взгляд на мою фигуру.

— Тебе известна наша такса, *querida*?^[7] Двадцать процентов со всех видов услуг.

— Нас прислал Казанова, — сказала я.

— Ах вот как. Меня зовут Чавес. Это означает: «тот, кто умеет воплощать мечты».

— Извини, мы очень торопимся, — перебила я, пока он, чего доброго, не догадался о моих мечтах.

Чавес приехал не один, а с приятелем — тот, вероятно, должен был отвезти его назад после того, как он отдаст нам ключи. На водительском месте сверкающего кабриолета сидел симпатичный блондин в бейсболке с символикой казино и футболке с большим вырезом, открывавшим значительную часть великолепного торса. Заметив мой взгляд, парень весело улыбнулся, а я сразу представила себе пляж, брошенное на песок одеяло, соленый ветер и душевную ночь, полную страсти.

— Меня зовут Рэндольф, — сказал он с акцентом уроженца Среднего Запада, беря мою руку в свою широкую загорелую ладонь. — Но вы можете называть меня Рэнди, как все.

— Еще бы.

В результате пришлось взять у Чавеса визитку, три брошюры и рекламный флаер, после чего они наконец соизволили меня выслушать. Рэнди согласился отвезти Приткина в один магазинчик татуировок, где, по словам мага, был парень, который смог бы его подлатать. Смысла в этом я не видела, так как его раны почти все затянулись, но, возможно, в том магазинчике можно было найти чистую одежду и душ. Пропитанная кровью одежда мага непременно привлекала бы к нему внимание, а нам это было ни к чему.

— А ты куда? — спросил Приткин, с подозрением уставившись на меня.

— Я обещала, что мы поговорим, значит, поговорим, — твердо сказала я, усаживаясь в машину рядом с Чавесом. — Только чуть позже. Не могу же я бегать по городу в таком виде!

Пока мы разговаривали, откуда-то появился Билли и хотел забраться в машину через заднее стекло, но я остановила его взглядом. Я по-прежнему не доверяла магу. Возможно, он и в самом деле чем-то провинился перед кругом, но ведь это могла быть и ловушка. Мне нужна была пара зорких глаз, чтобы присматривать за магом в мое отсутствие, и очень хорошо, что глаза эти принадлежали призраку. Билли скорчил гримасу, но все же выплыл из автомобиля и полетел за Приткиным, перед этим вложив мне в руку какой-то маленький металлический предмет.

— Тебе нельзя возвращаться в отель, — сказал Приткин таким тоном, словно отдавал приказ.

— Правда? — отозвалась я и оттолкнула мага, чтобы захлопнуть дверцу. — В таком случае Чавес подвезет меня к ближайшему супермаркету. Мне нужно переодеться — этот костюмчик привлекает к себе внимание даже в Вегасе. К тому же он ужасно неудобный. И знаешь, я даже чего-нибудь перекушу, если ты хорошенько попросишь.

Приткин нахмурился, но возражать не стал. Заставить меня поступать так, как ему хочется, он все равно не мог, и он это знал. Немного помедлив, маг отодвинулся настолько, что Чавес уже не мог ненароком задавить его. Поскольку со стороны Приткина это можно было считать почти проявлением вежливости, я решила, что прихвачу еды и для него.

— Мне хочется покататься на коньках, — сказала я Чавесу, когда мы наконец пулей сорвались с места под звуки сальсы, льющиеся из великолепной стереосистемы.

Инкуб бросил на меня вопрошающий взгляд, но возражать не стал. Когда работаешь на Казанову, поневоле привыкаешь не задавать лишних вопросов.

В Вегасе прекрасный общественный транспорт, однако на автобусных остановках, расположенных в центре города, не предусмотрены камеры хранения, поэтому я долго ломала голову над вопросом: где припрятать кое-какие вещицы. Оставить их в отеле я не могла, поскольку мой номер в любой момент могли обыскать как маги, так и вампиры. Конечно, мы меняли отели почти каждый день, всякий раз регистрируясь под вымышленными именами, но ведь для МОППМ это не проблема. Всю неделю ; прислушивалась и вздрагивала при малейшем шорохе, что, впрочем, отчасти объяснялось тем, что я приобрела новую профессию — мошенницы.

Когда-то Билли помогал мне заработать немного денег в казино, заставляя игральные кости и шарик рулетки останавливаться там, где мне было нужно. Нехорошо, конечно, но у меня не было другого выхода. Снимать деньги со своего счета в банке или пользоваться кредитными карточками я не могла из страха быть обнаруженной. Сейчас мне ничего не стоило бы остановиться возле первого попавшегося банкомата, чтобы каждая собака в Вегасе узнала о моем появлении, но о необходимости пробежаться по магазинам я солгала. Перед тем как отправиться к Данте, я купила кое-какую одежду и позже, вместе с кошельком и трофеями из Сената, уложила ее в спортивную сумку. Сумку я заперла в шкафчике раздевалки на катке, а ключ спрятала в укромном углу комнаты для персонала казино. То, что Билли не приставал ко мне с просьбами забрать сумку, говорило о том, что он, так же как и я, был рад сбавить кое-какие вещички с рук.

В жаркие летние дни каток становится самым популярным местом отдыха. Когда мы приехали, как раз началось время бесплатного катания. Мы влились в толпу жаждущих развлечений туристов и горожан и через некоторое время вместе со всеми вздохнули от удовольствия, ощутив живительную прохладу. На катке можно было купить все необходимое, так что, пока я ходила за сумкой, Чавес приобрел кое-какие продукты. Я хотела отдать ему деньги, но инкуб лишь рассмеялся:

— Я буду счастлив, если ты заплатишь мне за другие услуги, *querida*.

Я поскорее ушла — чтобы не поддаваться искушению и не ответить «да». Зайдя в дамскую комнату, я наконец сменила костюм черта на легкие кроссовки, мятые шорты цвета хаки и ярко-красную безрукавку. Не самый элегантный наряд, но все же это лучше, чем расхаживать по городу босиком и в блестках. Даже в Вегасе я ловила на себе любопытные взгляды, несмотря на то что рядом вышагивал Приткин, с ног до головы покрытый кровью.

Когда я вернулась, Чавес флиртовал с заторможенной девицей из камеры хранения; та, очевидно, забыла, что за две большие сумки, которые она нам выдала, кроме улыбки нужно

получить кое-что еще. Видимо, с деньгами у инкуба было негусто.

— Ну как я выгляжу, ничего? — спросила я, очень надеясь, что смысла с себя последствия продуктовой битвы на кухне казино.

— Как это — ничего? — окинув меня взглядом, ответил инкуб. — ¡Estas bonita!^[8] Ты всегда будешь притягивать взоры.

Поскольку мои волосы слиплись от сладкого крема, а одежда была такой мятой, что ею побрезговал бы и бродяга, словам инкуба я не придала никакого значения, ибо произнес он их исключительно по привычке. Возможно, Чавес просто не мог оскорбить женщину, независимо от ее внешности. Бизнес есть бизнес.

— Спасибо, а теперь давай... — начала я и вдруг осеклась, глядя на человека, который только что выкатился на лед.

На какую-то долю секунды мне показалось, что это Томас. То же стройное, мускулистое тело, те же длинные густые волосы и нежная кожа. Но это был не Томас; я поняла это, когда за мужчиной, неловко перебирая ножками, на лед вышла маленькая девочка и мужчина обернулся, чтобы подхватить ее на руки. Конечно, это не Томас. Последний раз, когда я его видела, он пытался удержать голову на сломанной шее.

— Что с тобой, querida? Ты как будто увидела привидение.

Я могла бы ответить, что увидеть Томаса для меня гораздо страшнее любого привидения, но промолчала. Я больше не хотела вспоминать о своем бывшем соседе по квартире. Он помог Распутину прорваться через магическую защиту, установленную МОППМ, и получил за это награду: смерть своего хозяина и контроль надо мной. Таким образом, Томас одним ударом убивал двух зайцев: во-первых, избавлялся от своего хозяина, а во-вторых, поскольку Алехандро занимал пост главы Сената вампиров Латинской Америки, получал возможность занять его место. Для этого Томасу нужен был помощник. Интересно, дождусь ли я светлого дня, когда встречу парня, который не будет использовать меня как орудие? Наверное, нет. Мне всегда не везло.

Однако все пошло не так, как планировал Томас. Думаю, что в битве на территории МОППМ он уцелел, но смог ли после того уйти от преследования разъяренных магов, я не знала. В любом случае, даже если его не схватили, сейчас ему нужно скрываться, а не кататься на коньках среди бела дня.

— Ничего, все в порядке, — ответила я.

Чавес встал рядом со мной и облокотился на барьер.

— Красивый мужчина. Muy predido, симпатяга, как говорят у вас в Америке.

Я бросила на него быстрый взгляд. В глазах инкуба появилось какое-то хищное выражение.

— Разве ты не инкуб? — спросила я, искренне полагая, что инкубов интересуют только женщины. Среди клиентов Казановы я еще ни разу не встречала мужчину.

Чавес пожал плечами.

— Инкубы, суккубы^[9], какая разница?

Я удивленно заморгала.

— То есть как это?

— Мы рождаемся бесполоыми, querida В настоящий момент у меня тело мужчины, в другое время я был женщиной. Мне абсолютно все равно, какого я пола. — Глаза демона блеснули; он наклонился и мягко погладил меня по щеке. От этого прикосновения я вздрогнула. — В конце концов, какая разница, как получать удовольствие?

Во мне вдруг проснулось желание. Оно не было таким сильным, какое вызывал Казанова, и не привело в действие гейс. Это было скорее приглашение, не больше и не меньше, сознание того, что любой намек с моей стороны будет понят и принят — и закончится обоюдным удовольствием. Эта мысль сразу привела меня в ярость. Я разозлилась не на инкуба, а на себя; выходит, своими страстями я управляю хуже какой-нибудь монашки? Даже если бы я на секунду потеряла голову и решила навечно сунуть шею в ярмо, то есть стать пифией за один краткий миг наслаждения, у меня бы ничего не получилось. Я бы просто ничего не смогла сделать — в буквальном смысле этого слова. Мирча предусмотрел все.

— Ты шокирована? — насмешливо спросил Чавес. Я могла бы ему ответить, что выросла у Тони и, значит, меня не так-то легко шокировать, но вместо этого лишь молча пожала плечами. — Я уже давно этим занимаюсь, — доверительно сообщил инкуб. — Мой любовник — мужчина, и он вампир, поэтому я такой... как это у вас называется? Толстокожий?

— Я не думала, что вампир может запасть на инкуба.

— Он на меня не западал, как и я на него. Просто я такой испорченный, — весело сказал инкуб.

Я невольно улыбнулась.

— Может, пойдём?

Чавес хотел взять мою сумку, но я отказалась под предлогом, что ему и так придется тащить пакеты с едой. Не знаю, может быть, я и задела его мужское самолюбие, но вида он не подал. Когда мы сели в машину, я извлекла из сумки костюм черта и несколько черных ящичков; оставив один из них себе, остальные я бережно завернула в украденный костюм. В отношении ящичка, где держали грай, у меня были свои планы.

— Казанова сказал, что не станет наказывать девушку, которая... э-э... одолжила мне свой костюм, — сказала я, передавая сверток Чавесу, когда тот завел мотор.

— Думаю, у него и без того забот хватает, — ответил инкуб, бросив на меня зовущий взгляд. — В этом казино тебя запомнят надолго, *querida* Думаю, что Данте уже никогда не станет таким, как прежде.

Инкуб небрежно бросил сверток на заднее сиденье; я поморщилась, когда он плюхнулся на мягкую кожу. До сих пор я задавала себе вопрос, правильно ли поступила, когда спрятала черные ящички, а потом сообщила МОППМ, где они находятся. Когда Сенат вампиров объявил магам войну, я решила, что эти ящики вместе с их содержимым окажутся весьма кстати, а Казанова уж точно не захочет в них заглядывать, особенно после того, что натворили в его баре три грайи, так что ящики будут в безопасности, пока я не решу, что с ними делать.

Вскоре мы подъехали к убогому салону татуировок, где я оставила Приткина. Когда я выходила из машины, инкуб задержал мою руку в своей.

— Не знаю, что ты задумала, *querida* только будь осторожна. Магам нельзя доверять, поняла? Особенно: лому. Хорошенько запомни вот что: ты должна «цветком невинным выглядеть и быть змеей под ним»^[10]. — Заметив мой удивленный взгляд, Чавес рассмеялся. — А ты думала, я просто красивый, и больше ничего?

Я начала было мямлить, что вовсе так не думала, но инкуб не дал мне договорить.

— У тебя есть моя визитка? Если понадобится помощь, звони. — Он улыбнулся, сверкнув белыми зубами. — Звони, если тебе вообще что-то понадобится. Для тебя, Кэсси, я

сделаю все, что угодно, причем бесплатно.

Я засмеялась, он нажал на газ, и машина рванулась с места. Только когда она скрылась из вида, я спросила себя, откуда инкуб знает мое имя, ведь я его ни разу не называла. Ничего не придумав, я передернула плечами; наверное, он узнал его от Казановы.

Я вошла в салон, волоча на себе сумку и пакеты с едой. Внутри оказалось так же жарко, как и снаружи, несмотря на натужно гудящий кондиционер, по-видимому находившийся на последнем издыхании. Внешний вид помещения был под стать кондиционеру: грязный потолок, выцветший коричневый ковер на полу и прилавок, покрытый старым ламинатом. Унылую картину оживляли лишь сотни ярких рисунков с разнообразными вариантами татуировок.

Прилавок отделял переднюю часть магазина от задней, которую скрывала коричневая портьера. За прилавком никого не было, и я ткнула пальцем в звонок, бросив хмурый взгляд на выпуск «Кристал гейзинг», оставленный на стойке. На первой странице этого самопровозглашенного стража демократических свобод в сообществе потусторонних сил, как обычно, красовался броский заголовок: «В ВЕГАСЕ ПОЯВИЛСЯ ДРАКУЛА — БИ ЕВРОПЫ ЖИВ!» Ага, его, наверное, застукали возле бассейна, где он уплетал печенье мармеладом на пару с Элвисом. Я быстро сунула газету под прилавок, радуясь, что мое имя пока не упоминается. Мне вполне хватало проблем и без папарацци.

Через несколько секунд из-за портьеры появился костлявый лысый мужчина с длинными седыми усами. За исключением мест, скрытых вытертыми джинсами, все его тело было покрыто татуировкой — от тощей шеи до ступней в сандалетах. Более того — эти изображения шевелились. Кобра, обвившаяся вокруг шеи, увидев меня, высунула раздвоенный язык, а нарисованная на лбу ящерица быстро юркнула назад, куда-то за левое ухо. Орел на груди лениво захлопал огромными крыльями и скосил на меня темный глаз.

Похоже, я попала туда, куда нужно.

Заметив мой зачарованный взгляд, расписной мужчина усмехнулся.

— Бабочек и цветочки колют на другом конце города, лапуля. — Он говорил с легким акцентом, кажется австралийским. — И учти, сегодня я никого не принимаю — срочная работа.

— Мне не нужна татуировка, — сказала я, стараясь не смотреть на живот мужчины, где был нарисован агаме^[11], с которого каждую минуту стекала капля крови и скрывалась за поясом его обтрепанных джинсов. — Приткин просил меня зайти за ним. Я принесла поесть.

Увидев пакеты, мужчина смягчился.

— Так ты и есть Кассандра Палмер? — с легким удивлением спросил он. Я кивнула. Интересно, а что он ожидал увидеть? Представляю, что наговорил ему обо мне Приткин. Лучше не спрашивать. — Что же ты сразу не сказала? Я Арчи Макэдам, друзья зовут меня Мак.

— Кэсси, — представилась я, пожимая протянутую руку.

Все его бесчисленные татуировки окружал густой лес; разноцветные листья и лианы тихо шелестели, словно под легким ветерком, а из зарослей за мной наблюдала пара чьих-то узких оранжевых глаз. И взгляд этот был недобрым.

Мак откинул портьеру, и я, с трудом протиснувшись мимо прилавка, скользнула внутрь. Первый, кого я увидела, был полуголый Приткин, он лежал животом на кушетке, отвернув голову. Зная, сколько драк и стычек ему пришлось пережить, я ожидала увидеть покрытую рубцами и шрамами спину, но ничего подобного на ней не было, лишь на лопатке виднелись

белые рубцы, словно от чьих-то когтей. В остальном кожа ж волшебника была ровной и гладкой, если не считать красной наметки на левом боку — видимо, маг решил сделать себе татуировку. Рисунок стилизованного меча был выполнен тонко и очень умело. Неподходящее время для татуировок, но это его час. Пусть проводит его, как хочет.

Мак поднес к глазам Приткина зеркало, чтобы тот мог разглядеть рисунок. Волшебник помрачнел.

— Нет, все-таки слишком витиевато. Простой меч — вот что мне нужно.

— Тебе не угодишь, — проворчал Мак. — Ты посмотри, какая работа! Да я превзошел самого себя!

Приткин презрительно фыркнул, но я его понимала. Наверняка он потратил на татуировку целый день. Меч тянулся через весь бок и заканчивался где-то на бедре. Джинсы были немного сдвинуты вниз, открывая моему взору верхнюю часть ягодицы. Спина мага, как его руки и лицо, была светло-золотистого цвета, словно к ней плохо приставал загар, но нижняя ее часть, включая ягодицы, была нежно-персикового оттенка. Глядя на эту спину, я попыталась представить себе, какова она на ощупь, но тут же отвела взгляд, с ужасом осознав, что думаю не о ком-нибудь, а о Приткине. Нет, все-таки общение с инкубом вызывает странные побочные эффекты.

— Отдохни, Джон, — сказал Мак. — Тут пришла юная красотка и принесла тебе поесть.

Приткин бросил на него хмурый взгляд, потом сел к нам спиной и застегнул джинсы. Следов крови на них не было — наверное, одолжил у Мака. Видя его застенчивость, я усмехнулась.

— Тебя зовут Джон?

— А что, хорошее, настоящее английское имя, — почему-то зло ответил он.

— Извини, — сказала я и протянула ему пакет с едой в знак примирения. — Просто оно тебе не очень идет.

— Почему? — спросил Билли-Джо, вылетая из стены, возле которой столб столбом стоял голем, даже более молчаливый, чем статуя. — Потому что слишком хорошее или слишком английское?

Не обратив на него внимания, я ухватила один сэндвич с мясом и передала остальную еду Маку. От вкусных запахов у меня проснулся аппетит, и я вспомнила, что за целый день съела только горсть орешков в казино у Казановы. Сэндвич заметно улучшил мое настроение, и я даже смогла улыбнуться Приткину, который в это время натягивал зеленую футболку.

— Ты что, забыл, что я должна за тобой заехать?

— Я на это не надеялся, — коротко бросил он.

Я промолчала, решив лучше заняться едой, чем тратить время на пустые пререкания. Окинув взглядом комнату, я пришла к выводу, что ничего интересного в ней нет. У голой кирпичной стены стояла какая-то металлическая штука, похожая на стиральную машину, маленький холодильник, койка, заваленная старыми книгами, забитая мусором корзина для бумаг и столик с набором инструментов для татуировки.

Я проглотила последний кусок сэндвича и стерла с подбородка томатный соус.

— Ну вот, все тип-топ. У тебя пятьдесят минут. Если хочешь потратить их на еду или татуировку, давай, но через пятьдесят минут меня здесь не будет.

— А ты куда собралась? — спросил Приткин, глядя на свой сэндвич с таким видом,

словно я напихала и него какую-то гадость. — Если задумала в одиночку отправиться в Страну эльфов, то позволь тебе кое-что напомнить. Там твоя энергия либо совсем потеряет силу, либо будет действовать абсолютно непредсказуемо. По этой причине прежние пифии предпочитали к эльфам не соваться. Ты, конечно, можешь нарушить эту традицию, но с такой энергией, да еще с заблокированной защитой не продержишься и дня.

Волшебник уселся на кушетку и принялся за еду, а я призадумалась. Мак молча сидел на табуретке возле стола и приканчивал остатки провизии, принесенной мной. Билли подлетел ко мне и полупрозрачным пальцем сдвинул на затылок свою ковбойскую шляпу.

— А знаешь, он, пожалуй, прав, — сказал призрак.

— Ну, спасибо.

Билли взгромоздился на край стола и внимательно взглянул на меня. Он так редко заводил со мной серьезные разговоры, что я тоже посерьезнела.

— Слушай, Кэсс, этот парень нравится мне не больше, чем тебе, но если ты и в самом деле собралась в Страну эльфов, он может нам пригодиться. Сама подумай. Попасть к эльфам и в мирное время не так-то легко, а мы находимся в состоянии войны. Эльфы не любят чужаков, значит, придется прятаться, пока мы будем разыскивать толстяка и эту ясновидящую курицу. А когда мы их найдем, само собой, поднимется заваруха. И если эльфы их прячут, значит, встанут на их сторону. Нам понадобится помощь, без этого никак.

— Пока что нам ее никто не предлагал, — напомнила я.

При этих словах Мак удивленно взглянул на меня, но Приткин промолчал. Я думаю, он догадался, с кем я веду разговор.

— А там, в казино, разве он тебе не помог? Если бы не он, ты уже давно была бы в руках магов.

— Ничего подобного, я бы и сама справилась, — коротко бросила я.

Грубо, конечно, даже для меня, зато правда. Я не нуждалась в помощи — ни Приткина, ни кого бы то ни было.

— Ага, но я видел, что ты не хочешь использовать свою энергию.

Я почувствовала раздражение.

— Слушай, ты еще долго будешь есть? — набросилась я на Приткина.

Маг с отвращением взглянул на меня. Не знаю, может быть, ему просто не понравился сэндвич, поэтому я не придала его взгляду большого значения.

— Было время, когда мы с тобой воевали на одной стороне, — сказал он. — Тогда у нас была общая цель, как и теперь. Предлагаю объединить усилия во имя решения общей проблемы.

— Ты что-то имеешь против Тони? С каких это пор?

Надо же, как это кстати.

— Круг приказал его арестовать, но мне не это нужно.

Я скомкала пакет из-под сэндвичей и швырнула его в мусорную корзину. Пакет пролетел мимо.

— А что?

Приткин отхлебнул колы и поморщился.

— Я хочу, чтобы ты помогла мне найти и вернуть сивиллу по имени Майра, сказал он.

— Что? — не веря своим ушам, спросила я.

Вот уж ее имя я услышать никак не ожидала!

— На нее не действует ни одно из наших заклинаний, поэтому мы пришли к выводу, что

она скрывается в Стране эльфов. За твою помощь я обещаю не выдавать тебя кругу и помочь свести счеты с бывшим хозяином.

Я прищурилась.

— Даже не знаю, с чего начать. Во-первых, ты меня никому не выдашь, а во-вторых, с какой стати я должна помогать в поисках своей конкурентки? Чтобы круг меня прикончил, а ее поставил вместо меня? Звучит не слишком заманчиво.

— Круг не собирается ставить ее вместо тебя, мрачно сказал маг. — Что касается остального, то не стоит преувеличивать свои способности и недооценивать мои. Если бы я захотел взять тебя в плен, я бы давно это сделал. А если не я, так кто-то другой. Круг будет расследовать тебя постоянно, и тебе останется уповать лишь на свое везение. Ты будешь жить в вечном страхе и, плохо зная магический мир, все равно попадешься — рано или поздно. Только с моей помощью ты сможешь избежать судьбы, уготованной тебе кругом. Тебе и ей.

— Выходит, они готовы убить единственную обученную наследницу? Что-то не верится.

Убить меня — еще куда ни шло, но зачем им Майра? Идет война, и маги отчаянно нуждаются в помощи пифии.

Приткин взглянул на Мака, тот ответил ему угрюмым взглядом.

— В последнее время с верхушкой круга что-то происходит. С каждым годом его все меньше волнует наша традиционная миссия и все больше — власть. Серебряный круг никогда не соглашался с Черным не только в вопросах захвата власти, но и в том, как ее использовать. Боюсь, наш Совет об этом забыл.

Мак кивнул.

— У них появилась новая кандидатка в пифии, — сказал он, — более послушная, более покорная. И они надеются, что в случае вашей с Майрой смерти наследницей станет она. — Мак устало покачал головой, и стрекоза на его правом плече затрепетала сверкающими зелеными крылышками. — Я давно подозревал, что центр прогнил, но не думал, что дело зашло так далеко. Пифию выбирает сама энергия. Так было заведено испокон веку, поскольку сделать неверный выбор — значит привести мир к катастрофе. Черные маги давно ищут способ проникать в прошлое, чтобы переделать мир по своему желанию, и иногда им это удается. Если на троне не будет истинной пифии, под угрозой окажется само наше существование! Совет надо остановить!

— Так-так... — произнесла я и взглянула в грубое серьезное лицо Мака, пытаюсь сказать что-то такое, что могло бы развеять его опасения, но не смогла подобрать слова.

Мир, окружавший меня с детства, основывался на простейшем принципе: получать награду и избегать наказания. Чем больше риска, тем выше награда или жестче наказание. Учитывая степень риска, о котором говорил Мак, наградой за него будет весь мир.

Но время воодушевленной речи своего приятеля Приткин молчал, уставившись в пространство. Я щелкнула пальцами перед его лицом.

— А ты что скажешь? Ты тоже в этом замешан, добрая ты душа?

Маг зло усмехнулся.

— Да, потому что мне не нравится, когда из меня делают убийцу. Мне велели выследить Майру и доставить ее на суд, хотя в данном случае приговор известен заранее. Другие маги разыскивают тебя, и можешь не сомневаться, тебя ждет та же участь. Мне даны инструкции: если нельзя будет взять Майру живой — применить крайние меры, дабы она

больше не представляла угрозы для интересов круга.

Внезапно я насторожилась.

— Ты сказал — суд? — Вряд ли круг преследует ее за то, что она пыталась меня убить.

За это он наградил бы ее медалью. — За что ее могут судить?

— За то, что погубила пифию.

Сначала я подумала, что он говорит обо мне. Потом я все поняла.

— Ты имеешь в виду Агнес?

— Проявляй к ней почтение! — строго одернул меня Приткин. — Называй ее полный титул.

— Она умерла, — возразила я. — Какая ей разница, как ее теперь называют?

— Но Майра не могла это сделать! — сказал Мак. — Обвинения Совета абсолютно беспочвенны. Зачем ей было убивать пифию?

— Очевидно, чтобы занять ее место, — сказала я. — Пока она не успела передать энергию мне.

— В том-то и дело, Кэсси, — сказал Мак. — Джон так и сказал на Совете: энергия никогда не переходит к убийце пифии или ее наследнице. Это старинное правило, введенное для того, чтобы наследницы не убивали друг друга.

— А я, значит, его нарушила? — спросила я, чувствуя, что голова у меня идет кругом.

— Энергия никогда не переходит к убийце пифии или ее наследнице, — медленно повторил Мак.

— Ты этого не знала? — спросил Приткин.

— Нет.

Мне ужасно хотелось во всем разобраться, но как же это было трудно! Получалось, что убивать меня Майра вовсе не собиралась. И все-таки я не могла отделаться от мысли, что поступила она так неспроста. Не ее стиль, так сказать, особенно если учесть, что я проделала в ней две большие дыры. Не говоря уже о том, что если она и решила поступать по-своему, то Распутин вряд ли даст ей выйти из игры. Чтобы выиграть войну, ему крайне необходима пифия. Нет, здесь что-то не так.

— Разве Агнес умерла не от старости? — спросила я Мака, он почему-то казался мне более приятным собеседником.

— Сначала мы тоже так думали. Но когда тело готовили к погребению, на нем были обнаружены странные следы. Пригласили врача, после чего провели повторное вскрытие. Выяснилось, что она умерла не от старости, Кэсси. Ее отравили. Учитывая количество охраны, можно себе представить, как это было нелегко.

— Кто-то использовал мышьяк, а не заклятие, которое могла бы обнаружить магическая защита, — добавил Приткин, явно потрясенный мыслью, что великую Агнес отравили обычным ядом. — Вот, взгляни. Что ты ощущаешь?

Я быстро попятилась, даже не посмотрев на предмет в его руке.

— Я обещала, что мы поговорим, и больше ничего, сказала я.

— Здесь нет свидетелей, а у нас есть шанс найти убийцу!

Приткин держал в руке маленький амулет — непритязательный серебряный медальон на потускневшей цепочке, с полустертой гравировкой на крышке. От вещицы не исходило никаких сигналов, обычно предвещающих начало видений, да мне этого и не хотелось.

— Ну что? — повторил Приткин и шагнул ко мне. Я попятилась.

— Это твои проблемы, — сказала я, стараясь держаться подальше от амулета, — а не

мои.

— Ты так думаешь? — с таинственным видом спросил маг.

Вместо ответа я спряталась за спину Мака. Затем сделала вид, что смотрю на часы.

— О, мне пора. Давай больше не будем пробовать такие штуки, ладно?

Приткин ловко поймал меня за руку и прижал к ней серебряный амулет.

— Ой! — вскрикнула я. — Мне же больно!

— Что ты видишь?

— Большое красное пятно, — раздраженно ответила я, потирая руку. — Хватит тыкать в меня этой штукой!

— Если ты солгала...

— Если бы у меня было видение, ты бы это понял! — с негодованием сказала я. — С некоторых пор я не просто наблюдаю — у меня место в первом ряду, я прихватываю того, кто стоит рядом, и отправляюсь с ним в путешествие! Или ты забыл?

Приткин не ответил; он так и стоял, держа амулет на вытянутой руке. Наконец я сдалась и со вздохом взяла у него медальон.

— Как он действует, ты можешь сказать?

— В том-то и дело, — ответил Мак с таким видом, словно решал головоломку. — Мы этого сами не знаем. В этом медальоне хранили мышьяк — мы его вчера открыли.

— Ответ следует искать в самом медальоне! — заявил Приткин. — Пифия умерла, сжимая его в руке; в медальоне находился тот же яд, каким она была отравлена, откуда еще ему было взяться? К пифии никого не подпускали, особенно тех, кто с ней уже общался!

Я с интересом разглядывала серебряную вещицу. Совсем недавно в ней что-то лежало, но сейчас она была пуста. Наверное, поэтому я ничего не чувствовала. Кто-то успел поработать с медальоном, тем самым нарушив его физическую целостность, и вместе с ней стерлась и психическая аура. Взглянув на Приткина, который смотрел на меня так, словно давление у него подскочило до небес, я решила скрыть от него свои домыслы.

— Что значит — «тех, кто с ней уже общался»? — спросила я.

— Яд давали не сразу, а постепенно, — пояснил Мак. — На это ушло почти шесть месяцев. Пифию травили маленькими дозами, пока она не скончалась. То, что прорицательница болела и чахла, приписывали ее старости и тоске по сбежавшей наследнице.

— Шесть месяцев? — повторила я.

Ровно шесть месяцев в одной квартире со мной жил Томас, опекавший меня по приказу Сената. Странное совпадение. Я промолчала, но Приткин, видимо, о чем-то догадался.

— Майра не могла приносить яд, — сказал он, — она сбежала задолго до болезни пифии, да и выгоды от смерти Агнес она не получала никакой. Совет хочет ее убрать, поэтому ее обвиняют в соучастии. Есть люди, которым смерть пифии куда более выгодна, чем Майре, но их-то Совет трогать не станет.

Ну, не думаю. На время войны Совет и Сенат стали союзниками; зачем им затевать ссору и обвинять друг друга в убийстве? Не хотелось об этом думать, но меня бы не удивило, если бы в смерти пифии был замешан Сенат. Вполне в духе вампиров — убрать препятствие самым радикальным способом. И они бы это сделали, если бы точно знали, что энергия пифии перейдет ко мне. Тогда они получили бы прирученную пифию, которая впервые за много веков подчинялась бы им, а не кругу. Да за такой куш они убили бы кого угодно, а не только какую-то старушку! При условии, что ее смогла бы заменить сильная конкурентка.

— А круг?

— Что — круг? — сузив глаза, спросил Приткин.

Я пожала плечами.

— Ты намекал, что во всем виноват Сенат, но ведь он не единственный, кто охотится за кандидатками, вставшими на пути выбранной им наследницы.

Мак как-то сник, но Приткин не обратил на него внимания.

— Кругу не нужна смена руководства. Госпожа Фемоноя была прекрасной пифией.

— Ну да, в этом все дело. Агнес была прекрасной пифией, вот в чем ее проблема. Возможно, она слишком часто поступала наперекор Совету, вот они и решили, что молодая и более сговорчивая пифия могла бы...

Приткин яростно взмахнул рукой.

— Ты сама не понимаешь, что говоришь! Совет никогда не пал бы так низко!

Я с удивлением уставилась на него. Неужели он забыл, что произошло сегодня утром? Его драгоценный Совет, не моргнув глазом, приказал меня убрать, а самого Приткина отправил на поиски Майры.

— Допустим, но в таком случае зачем она тебе нужна? Ты считаешь, ей что-то известно?

— Я отказался убивать ее без суда и следствия, — сказал Приткин, — но круг, по всей видимости, передал ее дело другому агенту. Если он найдет ее раньше меня, у нее не будет ни малейшей возможности оправдаться.

— Ты их здорово прижал, вот они и разозлились.

— Я узнал, что один из информаторов выследил в казино и тебя. Мне пришлось пробиваться с боем, один из агентов круга меня узнал.

А еще Приткина видели вместе со мной в коридоре казино, когда мы сражались с рыцарями. Не думаю, что это улучшило его репутацию.

— Предположим, ты ее нашел. Что тогда?

— Тогда ей придется ответить на мои вопросы, — сухо произнес маг. — От этого будет зависеть ее судьба.

Я опустила глаза, чтобы Приткин не видел мой недоверчивый взгляд.

— Похоже, у тебя уже готов план. Но скажи, зачем тебе я? Ты же сам говорил, что в Стране эльфов я долго не протяну.

— Затем, что Майра может ускользнуть от меня, переместившись в другое время, — неохотно ответил Приткин. — Твоя энергия может лишить сивиллу этой способности. Обычно такие вещи используют для тренировки, когда пифии приходится самой вызволять сивиллу из того времени, в котором она застряла. Ты просто не дашь Майре от меня сбежать.

Я молча отхлебнула содовой. В это время ко мне тихо подобрался Билли.

— Либо эти парни самые искусные в мире конспираторы, — сказал он, — либо считают тебя дурой.

— И то и другое, — ответила я. — Слушай, ты не мог бы пойти в одного из них и выяснить, что они задумали?

— Не-а. У них такая защита, что и мышь не проскочит. Но мы и так выясним, врут они или нет. Если в стране эльфов твоя энергия не работает...

— ...тогда прощай, Майра. Это я и сама знаю. Но зачем я им понадобилась?

— Ты что, не понимаешь?

— Думаешь, для этого?

Билли хохотнул, и его смех эхом разнесся в моей черепной коробке.

— Пойду проверю, что творится в заведении Данте. Как ты, справишься без меня с этими двумя умниками?

Прежде чем я успела ответить какой-нибудь грубостью, призрак снова рассмеялся и исчез. Я взглянула на Приткина; маг ответил мне равнодушным взглядом. Из него получился бы отличный игрок в покер, но я его знала как облупленного и не верила ни единому его слову.

Приткин прекрасно знал, что Майра пыталась меня убить. Более того, он наверняка ждал, когда она сделает вторую попытку. Я была чем-то вроде приманки. Зачем Майра понадобилась ему и Маку, тоже было ясно. Разыскать ее — значит получить мощное оружие в борьбе за лидерство в совете круга. Возможно, эти ребята считали себя революционерами, разрушающими прогнившую систему, а может, просто рвались к власти, как завзятые оппортунисты. До них мне не было никакого дела, меня беспокоило другое: Майра ни за что не перейдет на их сторону, если они не пообещают сделать ее пифией. Интересно, когда я перестану быть нужной, Приткин сам меня убьет или доверит это Майре?

Конечно, они и сами понимали, что так просто она в их схему не впишется. Как говорила Агнес, передавая мне энергию, наследница присоединилась к Распутину, потому что сама была злом, а может, не злом, а просто размазней. В любом случае, она была бы плохой пифией. Учитывая, что она хотела меня убить, я склонялась к первому варианту. Лично мне титул пифии не нужен, но и Майра его не получит. Ни за что.

Я задумалась. Билли прав — нам понадобится помощь, и парочка магов-воинов вполне для этого подойдет. Значит, Приткин хочет меня использовать, а потом бросить? Отлично, мы еще посмотрим, кто кого. Пусть только поможет мне разыскать Майру, а там я его сама обставлю; ну а для Майры у меня приготовлен ящичек, где когда-то сидели грайи.

Я улыбнулась, глядя на Приткина.

— Как интересно. А что, давай поработаем вместе. Может, из этого что-нибудь и выйдет.

Тот день начался с лекции. Хотя я и выросла среди вампиров, но мир магов знала не слишком хорошо. Они считают ясновидящих чем-то вроде отбросов общества, людьми, обделенными талантом, которые зарабатывают на жизнь тем, что рассказывают простым смертным то, что те хотят услышать. Обычно это звучит так: «Имя вашего духовного двойника начинается с буквы М, или С, или Р, или...» В общем, перебираются все буквы алфавита; для этого ясновидящему требуется несколько сеансов, причем каждый стоит недешево. Я такими вещами никогда не занималась, даже за хорошие деньги. Находясь в отчаянном положении, я могла жульничать в казино, но при этом никогда не унижала свой дар. Впрочем, большинство магов, приходившие к Тони, презирали ясновидящих и никогда не обращались ко мне за помощью.

Вампиры, конечно, тоже наделены магическими способностями; это относится не только к их невероятной живучести. Многие из них достигают в магии большого мастерства. Я видела, как некоторые вампиры летали по воздуху и поднимали в воздух других, как они сдирали кожу на расстоянии и одной силой мысли извлекали из груди человека бьющееся сердце. И все же они не умеют того, на что способны маги, а если маг становится вампиром, то теряет свои способности, поэтому магов-вампиров не существует.

Думаю, что в тот день я узнала о магах больше, чем за десять лет жизни у Тони. Все

началось с того, что Приткин снова разделся и улегся на кушетку, чтобы Мак закончил татуировку. Я спросила, зачем им это нужно. При этом я старалась не смотреть на обнаженный торс волшебника, который отчего-то казался мне гораздо привлекательнее, чем мне того хотелось. Оставалось надеяться, что побочный эффект, вызванный инкубом, скоро пройдет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— В Стране эльфов моя магия, как и твоя, потеряет силу, — сказал Приткин таким тоном, словно от души хотел послать меня подальше, но вынужден был сдерживаться.

Я решила воспользоваться моментом:

— Значит, ты будешь воздействовать на эльфов своей ослепительной татуировкой?

Мак рассмеялся. Приткин лежал, отвернувшись к стене, но я знала, что он, как всегда, злится. Его спина напряглась, под гладкой кожей перекатились мышцы. Я встала, чтобы взять еще одну банку колы.

— Это не просто татуировка, — пояснил Мак, беря в руки какую-то машинку, похожую на электрическую зубную щетку, только без волосков. — Если я все сделаю правильно, у него появится магическая аура, вроде как вторая кожа, она будет его оберегать. Отличное оружие, прекрасно заменяющее магическую защиту. Технику ее изготовления мы узнали у эльфов, поэтому в их стране она должна работать лучше, чем здесь.

Мак приставил машинку к кончику меча и точечными движениями начал выводить рисунок. Приткин не дрогнул, но мышцы на его руках чуть напряглись. Я отхлебнула колы и окончательно оставила попытки отвести от него взгляд.

— Что-то я не понимаю, — через некоторое время сказала я. — Если у вас есть надежное оружие, то почему бы не использовать его против эльфов?

Стерев со спины волшебника несколько капель крови, Мак начал объяснять:

— Обычное оружие в Стране эльфов не годится. Здесь нужна магия, но, как уже говорил Джон, против них наша магия бессильна. — Он вновь взялся за машинку, и на этот раз Приткин слегка вздрогнул. — Во всяком случае, большая ее часть, а те штуки, что могли бы помочь, для нас недоступны.

— Какие штуки?

— Да разные, — ответил Мак под тихое жужжание машинки. Он на секунду остановился, сверился с рисунком в старинном фолианте, лежавшем рядом на стуле, и начал что-то бормотать, склонившись над почти законченной татуировкой. Рисунок вспыхнул и через мгновение погас. Мак крикнул и продолжил работу. — Например, есть такое оружие — нулевые бомбы. Достать их крайне трудно, к тому же для их использования требуется специальное разрешение, иначе можно поплатиться головой. Такие бомбочки даже на черном рынке не достать, торговцы ни за что не продадут.

— А что это за бомбы?

— Мерзкое изобретение, зато действенное, особенно там, где не работает магия. Никто не знает, кто их изобрел, но пользуются ими уже несколько столетий. Делают их так: черный маг берет мага-нулевика, то есть мага, обладающего врожденной способностью разрушать магию, высасывает из него жизненные силы и собирает их в серебряный сосуд. Нулевик, естественно, погибает, но его жизненная сила остается в запечатанном сосуде, и если тот взрывается, то уничтожает всю магию, находящуюся поблизости, включая и магию эльфов. На какое время — зависит от силы нулевика и его возраста на тот момент, когда из него выкачали жизнь.

— Интересно. — Я ощутила легкую тошноту. — Как они выглядят? — спросила я, стараясь не смотреть на свою сумку, мирно стоявшую рядом с холодильником.

Я постаралась говорить небрежным тоном, но Приткин, видимо, что-то заподозрил, потому как сразу повернул голову и взглянул на меня.

— А почему ты спрашиваешь? — прищурившись, спросил он, и его зеленые глаза, обрамленные светлыми ресницами, блеснули.

Я пожала плечами.

— Да просто так. У Тони было полно оружия. Может быть, я эти бомбы видела.

Мак покачал головой.

— Вряд ли, красавица. Такие штуки стоят целое состояние, потому что обладают небывалой силой и строго охраняются. Те, что используются сейчас, остались с прошлых веков. Пока не было установлено перемирие, вампиры охотились за магами-нулевыми, поэтому сейчас их почти не осталось. Чтобы пополнить свои арсеналы, вампиры под корень сводили целые семьи.

— Значит, ты не видел ни одной нулевой бомбы?

— Почему, видел несколько раз. Круг скупает все, что может достать, лишь бы разоружить вампиров. Аукционный дом Донована в шестьдесят третьем приобрел одну из таких бомб. Круг хотел ее сразу купить, но старик Донован отказался и выставил бомбу на аукцион, сказав, что приобрел ее абсолютно легально. Она была ужасно древней, я держал ее в руках. Судя по клейму, двенадцатый век, не позже; в те времена их, конечно, делали совершенно открыто. — Мак глянул на испачканный в крови половичок у кушетки и поморщился. Не хочешь отдохнуть? — спросил он Приткина.

— Нет, заканчивай, — сквозь стиснутые зубы ответил Приткин, продолжая смотреть на меня. Выражение его глаз мне не понравилось.

— И как прошел аукцион? — спросила я, надеясь, что рано или поздно Мак ответит, как выглядит нулевая бомба.

— О, мы ее купили, — ответил он. — А что нам оставалось делать? Выложили сумасшедшие деньги. Во время торгов я постоянно звонил в Совет и сообщал очередную цену; в конце концов им это надоело, и они велели мне выкупить бомбу за любую сумму, сколько бы ни запросили. Когда я доставил ее в Совет, те принялись жаловаться, что не собирались выкладывать четверть миллиона за какой-то серебряный шарик, но сделка уже состоялась, кроме того, я следовал приказу.

Слова «серебряный шарик» звучали у меня в мозгу, пока я пыталась придать своему лицу равнодушное выражение. Вероятно, мне это не удалось.

— Ты видела такую бомбу, — укоризненно произнес Приткин.

Мне захотелось сказать: «Да, парочка лежит у меня в сумке», но я не знала, можно ли доверять моим новым «союзникам». Приткину нужна моя помощь, поэтому вряд ли он схватит сумку и убежит, но Мак? Четверть миллиона в начале шестидесятых, сколько же это сейчас? Не знаю, но, думаю, достаточно, чтобы поколебать преданность доброго старого Мака. Его бизнес явно не процветает, а жить, ни в чем не нуждаясь, мечтают даже маги.

— Возможно. Только это было давно, — сказала я.

Я взглянула на Мака.

— Он рискует своей жизнью, — сказал Приткин, с презрением глядя на меня. — Можешь верить ему так же, как мне.

Я лишь приподняла бровь, и тут Приткин взорвался. Его лицо начало медленно

багроветь; видимо, пришло время магу как следует выкрикаться.

— Если ты и мне не доверяешь, то какого черта мы все это затеваем? Еще немного — и наша жизнь будет зависеть от того, сможем ли мы сработаться! Если ты мне не веришь, скажи это сейчас! Лучше пойти одному, чем погибнуть из-за чьего-то недоверия!

Я спокойно хлебнула колы.

— Если бы я тебе не доверяла, то давно бы ушла. Кстати, твои пятьдесят минут уже закончились, — Я перевела взгляд на Мака. — Чисто гипотетически я, пожалуй, знаю, где можно раздобыть кое-какое оружие. Я вам его опишу, а вы мне скажите, как оно действует. И если мы с вами решим, что оно может нам пригодиться, то я, пожалуй, кое-что для вас сделаю.

Приткин был взбешен, но Мак лишь пожал плечами.

— Ну что ж, — сказал он и поменял цвет на конце своей машинки — с синего на золотой. — Вполне справедливо. Выкладывай.

— Хорошо.

Мне не нужно было ломать голову над вопросом, где достать оружие, потому что в Сенате я стащила не только ловушки и нулевые бомбочки, но и небольшой бархатный мешочек. В нем находилась горсть желтоватых костяных пластинок с грубо начертанными рунами. На каждой имелось отверстие, в которое был продернут кожаный шнурок, — значит, их носили на шее. Когда я описала эти пластинки Маку, тот застыл с разинутым ртом.

— Но... это невозможно, — сказал он. Приткин молчал, но его взгляд мог бы прожечь во мне дырку. — Я не считаю тебя лгуньей, Кэсси, но как может жалкий гангстер вроде твоего Тони владеть рунами Ланггарна, я не в состоянии...

— Он ими не владеет, — перебил его Приткин. — Где ты их видела?

— Я же сказала — чисто гипотетически.

— Мисс Палмер!

— Можешь называть меня Кэсси.

Странно, конечно, говорить это человеку, который намерен тебя убить рано или поздно.

— Отвечай на вопрос, — сжав зубы, процедил Приткин.

— Давайте лучше я расскажу, что мне о них известно, — вмешался Мак. — Легенда гласит, что эти руны были заколдованы в десятом веке Эгилем Скаллаgrimссоном^[12]. — Заметив мой недоуменный взгляд, он пояснил: — Он был викингом, поэтом и отчаянным скандалистом. Первое убийство совершил в возрасте шести лет, когда во время игры ударил мячом по голове другого ребенка. Эгиль был величайшим знатоком рун. Ходили слухи, что эти руны он похитил у Гунгильды, колдуньи и жены Эйрика по прозвищу Кровавая Секира, короля Норвегии и Северной Англии. Поговаривали, что в Гунгильде текла кровь эльфов, поэтому вполне возможно, что руны были заколдованы еще раньше, когда в Стране эльфов жил какой-нибудь...

— Мак, — окликнул его Приткин, видя, что приятель слишком увлекся.

— Ох, прости. В общем, об Эгиле рассказывают разные истории, многие упоминались в его стихах. В них он изображал себя великим героем, совершавшим невероятные подвиги — играючи справлялся с целым войском, взглядом поджигал сараи, одним словом подчинял себе королей и пережил множество покушений на свою жизнь. Гунгильда была одним из его самых заклятых врагов — то ли потому, что он украл у нее руны, то ли потому, что убил ее сына, никто этого уже не помнит, да только Эгиль спокойно дожил до восьмидесяти лет. И

это в те времена, когда большинство мужчин едва дотягивали до сорока! Интересная личность.

— Так в чем же сила этих рун? — стараясь не выказывать нетерпения, спросила я. Мне нужна была информация, а не урок истории.

— Говорят, что изначально был полный комплект, но несколько веков назад какие-то руны исчезли. Впрочем, это не имеет значения, потому что их все равно используют раздельно. В каждой руне заключена определенная магическая сила; после применения их следует вроде как заряжать в течение целого месяца. Эти руны — мощное оружие. Против них нет защиты, и даже нулевые бомбы на них не действуют.

Я бросила на Мака недоверчивый взгляд. Мне еще никогда не приходилось слышать о магии, против которой не было бы защиты. Казанова наплел мне про гейс, но даже Приткин признался, что и его наверняка можно снять. Просто я пока не знала как.

— Невероятно, — покачал головой Мак. — Две руны находятся в руках круга, я их своими глазами видел, когда двадцать лет назад круг решил испытать на них новую форму магической защиты. Руна стояла как скала. Против нее магия оказалась бессильна. Двадцать лучших магов пытались в то утро пробить защиту руны, перепробовали все известные им способы, а защита даже не покачнулась. Тогда старый Марсден — он в то время возглавлял Совет — решил попробовать сам. Он выбрал руну «турисаз»^[13]. Никогда этого не забуду, до конца своих дней.

— А что произошло? — быстро спросила я.

— Если бы ты видела Марседена! Только представь: старенький, сухонький, тщедушный. Правда, в то время он обладал мощной энергией, но даже тогда он был уже слишком стар. Руки у него дрожали так, что он даже ложку не мог поднести ко рту, не расплескав, к тому же был почти слепым. Ходил, натываясь на предметы, но носить очки отказывался и магию не использовал, чтобы улучшить зрение. Говорил, что глаза ему не нужны, а сам пытался пожать руку пальто, висящему на вешалке. В общем, первейший кандидат в дом престарелых... пока ты с ним не сталкивался. И вот тогда становилось ясно, почему он возглавляет Совет уже семьдесят лет.

— Мак!

— Я вижу, вижу. Ну так вот. Марсден выбрал «турисаз» и решил испробовать его на себе. Миг — и вместо шуплого старичка перед нами стоял огромный — я подчеркиваю, огромный — огр. Он был такой высокий, что не помещался в зале Совета и вынужден был присесть на корточки, а ведь потолок был больше двадцати футов! Великан схватил дубовый стол, который весил бог весть сколько, и швырнул его через весь зал. Натолкнувшись на магическую защиту, стол отлетел и сторону, а великан взревел так, что я оглох на целых десять минут, после чего монстр ринулся вперед. Магическая защита окружала небольшую вазу с цветами; в зале она стояла уже давно, и до сих пор не пострадал ни один лепесток. Через минуту после действия «турисаза» магия была уничтожена, и ваза превратилась в пыль.

— Надо же...

Я-то забралась в Сенат в поисках какого-нибудь оружия; похоже, я его все-таки нашла. Зная крутой нрав Тони, я обязана была принять меры для своей защиты.

— Да, зрелище было потрясающее, но тут возник вопрос: а что нам делать с чудовищем? Убить — значит убить главу Совета. Кто на такое решится? И тогда мы гурьбой бросились к дверям, выскочили из зала и попрятались кто где, как трусливые кролики. Потом вылезли из

щелей и принялись обсуждать, что нам теперь делать. Учти, огр разрушил магическую защиту зала и в любой момент мог вырваться на свободу. И тогда в дверях неожиданно появился наш Марсден и объявил, что волшебство исчезло через час после того, как начало действовать.

— А другие руны что могут? — спросила я. — Есть про них какая-нибудь книга?

Мак взглянул на Приткина.

— Может, у Ника что-нибудь найдется? Я про эти руны мало что знаю, так, отдельные отрывки из легенд.

Приткин не обратил на него внимания.

— Сколько у тебя рун? — спросил он меня. Возле его виска пульсировала маленькая жилка.

Я молчала; затем, решив, что информация может мне пригодиться, ответила:

— Три.

— Господи боже, — прошептал Мак и выронил машинку. Торнадо на его правом бицепсе ожил и закрутился еще сильнее.

— Опиши их, — приказал Приткин, пристально глядя мне в лицо.

— Я уже описала.

— Что на них нарисовано? — повысил голос маг. — Какие это руны?

— Может, ты их нарисуешь, и тогда мы... — начал было Мак.

Я нахмурилась. Они что, принимают меня за тупую блондинку? Все-таки я ясновидящая и свои руны знаю.

— Это «хагалл», «йер» и «дагаз».

— Я сейчас, — пробормотал Мак и выскочил из комнаты.

Было слышно, как он с кем-то говорит по телефону. Может быть, вызывает подкрепление? Вряд ли. Никому и в голову не придет, что столь ценные и опасные вещи я таскаю с собой в обычной спортивной сумке. Я бы и сама так не подумала.

— Где ты их взяла? — спросил Приткин.

— Там же, где и грай. В Сенате.

— Ты не могла запросто прийти в Сенат и взять их.

— Это как сказать. — Тут я решила сменить тему. — Слушай, ты, случайно, не знаешь, как мне засадить обратно в ящик трех известных тебе дам? — Мне просто нужно было узнать заклинание, с помощью которого я могла бы запереть в ящик Майру. Было бы очень удобно, если бы Приткин мне его открыл.

— Я спросил тебя о рунах.

Черт, вот же упертый какой!

— А я спросила тебя о грайях. Назови заклинание, и я, может быть, кое-что вспомню о рунах.

— Грайи будут служить тебе ровно один год и один день либо до того дня, когда спасут тебе жизнь. После этого они будут свободны и смогут вновь терроризировать человечество.

Я сверкнула на мага глазами.

— Я тебя не об этом спрашиваю! И вообще, я выпустила их по чистой случайности, и тебе это известно!

— Ты не могла их выпустить! Для этого нужно знать одно очень сложное заклинание. Где ты его узнала?

Я не стала говорить, что ничего не узнавала, а просто взяла в руки радужный шар, чтобы

его рассмотреть. Приткин и без того считает меня опасным существом, к чему усиливать его страхи? Кроме того, может быть, ничего страшного не случилось. От долгого хранения шар мог испортиться, ведь кто знает, сколько он там пролежал? Хотя если он испорчен, то использовать его против Майры я не смогу. Как бы это проверить?

— Ну? — грозно произнес маг.

— Ты знаешь, как вернуть грай на прежнее место или нет?

— Знаю.

И это все?

— Хорошо, предлагаю сделку. Ты говоришь мне заклинание, а я говорю тебе, где спрятаны руны.

— Ты и так мне все скажешь, — возразил маг. — Без меня тебе ни за что не найти своего вампира, так что и руны тебе не понадобятся. И даже моей помощи может оказаться недостаточно. Мы должны использовать любое преимущество.

Не успела я придумать достойный ответ, как в комнату вошел Мак.

— Ник ужасно удивился, когда я его спросил, но, кажется, я сумел его заболтать, — Мак взглянул на листок бумаги у себя в руке. — Он говорит, что две руны были проданы на аукционе Донована в тысяча восемьсот семьдесят втором году. Их хотел купить круг, но его обошел некий покупатель, выложивший за них баснословную сумму. После этого руны исчезли, и никто про них ничего не слышал. — Мак взглянул на меня. — Даже представить себе не могу, где ты их нашла.

— Она их не находила, она их украла. В Сенате, — пояснил Приткин.

Мак присвистнул.

— Ну-ка, расскажи.

— Потом, — ответила я в надежде услышать от него продолжение рассказа.

— Ладно, тогда я должен сообщить тебе вот что. — Он снова взглянул в свои записи. — В общем, все это в основном слухи, но Ник в этих вещах разбирается, так что вникай. «Хагалл» вызывает сильнейший град, поражающий все, что находится поблизости, кроме обладателя руны, конечно, и того, кого он хочет защитить, то есть, как мне кажется, того, кто находится в пределах действия руны, хотя относительно этого Ник не уверен. В перевернутом виде руна усмиряет самую страшную бурю.

Я просияла. Очень полезная руна. Мак кашлянул и взглянул на меня.

— Э-э... «йер»... как бы это сказать...

— Руна плодородия, — приходя ему на помощь, сказала я. — Применяется, чтобы получить богатый урожай.

— Ну да. Говорят, что она... э-э... также применяется в тех случаях, когда...

Приткин вырвал у него листок и прочитал параграф, вызвавший у Мака такие колебания:

— Применяется для усиления мужской потенции, то есть «йер» — что-то вроде магической «виагры». — Приткин бросил на Мака испепеляющий взгляд. — И это все? Больше ничего?

Мак смутился.

— Ник сказал, что больше ничего не знает. Он и эту-то информацию получил у аукциониста, а им, сам знаешь, лишь бы выгоднее продать. Может быть, у этой руны есть еще какие-нибудь свойства. Она была заколдована в те времена, когда трон передавался по наследству, и никак иначе. Владеть рунами считалось важнее, чем владеть любым оружием.

Способность лишать врагов возможности продолжить свой род приводила к разорению целых королевств и смерти королей и в конечном итоге — к захвату их земель.

Приткин нахмурился.

— Возможно, только нам-то это зачем? Ну а последняя руна? «Дагаз»?

— Прорыв в делах, — буркнула я. — Начало чего-то нового, новый этап.

Мак кивнул.

— В общем, да. Но что это означает? И как она связана с рунами борьбы... Ник этого не знает.

— А какие-нибудь мысли по этому поводу у него есть? — спросил Приткин.

— Нет. — Мак вскинул руки. — Не стреляйте в вестника! Кстати, эту руну не продавали вместе с остальными, ее вообще никогда не продавали.

Я почувствовала разочарование. Одна бесполезная руна — еще куда ни шло, но две...

— А еще кого-нибудь можно спросить?

Мак покачал головой.

— Ник сказал, что попробует разузнать, но у этого парня не мозг, а компьютер, лапуля. Вряд ли он что-то забыл, руны — его любимое хобби. Есть несколько древних книг, но о действии рун они умалчивают.

— Придется выяснять самим — сказал Приткин. Я удивленно приподняла бровь. — Доставай.

— Ты что, спал, когда Мак рассказывал о великане?

— Ладно, если ты боишься, я сам, — усмехнулся маг. — Где они?

Я молчала. Мне и самой хотелось узнать, как действует руна «дагаз», и если волшебник не боится рискнуть жизнью, почему я должна ему мешать? К тому же у Приткина был свой резон: без него я не смогу найти Тони, а если и найду, то что я буду делать, если руна эта окажется чем-то вроде руны «йер»? Сначала нужно все выяснить и уж потом применять на толстяке. Представив себе распаленного Тони, я содрогнулась. Мак быстро взглянул на меня.

— Ты говорил, что каждый раз после использования руны нужно вновь «заряжать», — сказала я. — Значит, если мы сейчас проверим «дагаз», то потом сможем применить ее только через месяц.

— Вероятно, — ответил Приткин. — Но их не использовали уже сотни лет, так что «заряда», наверное, хватит на несколько раз.

— А может, их уже использовали?

— Или накопившаяся энергия окажется слишком сильной, — добавил Мак.

Приткин бросил на друга сердитый взгляд, но промолчал.

— Одно можно сказать определенно, — сказал он. — Нельзя пользоваться рунами, если не знаешь, как они действуют. Такие руны нам не нужны. Так что придется их испытывать, хотим мы того или нет. — Я собралась возразить, но промолчала, — Так где же они?

Я вздохнула.

— Обещай, что откроешь мне заклинание, которым я смогу запереть грай в ящике, тогда скажу.

Приткин не раздумывал ни секунды.

— Согласен.

Я пожала плечами.

— В этой сумке.

Я думала, маги переломают всю мебель, когда они одновременно рванулись к сумке. Победил Мак, но только потому, что стоял ближе, и потому что с Приткина чуть не свалились штаны. Пока он их застегивал, я пялилась на него, но потом мысленно дала себе оплеуху. Нет, еще немного — и мне понадобится консультация врача.

Мак открыл сумку и принялся вынимать из нее вещи, раскладывая их на холодильнике. Он действовал так осторожно, словно имел дело с нитроглицерином. В тусклом свете лампочки блеснули два серебряных шара. За ними последовал ничем не примечательный черный ящичек, в котором грайи провели много веков. Наконец Мак извлек бархатный мешочек и одну за другой выложил на стол руны.

— Ничего себе коллекция, — охрипшим от волнения голосом проговорил он.

Нарисованный на его спине волк прервал свой нескончаемый вой и с интересом оглянул хозяину через плечо, чтобы выяснить, из-за чего поднялась суматоха.

— Это все? — спросил Приткин. — Ты забрала все, что там было?

— Нет, конечно. В сокровищницу Сената я попала, когда война только начиналась, помнишь?

— Что еще ты там видела? — спросил Приткин, пока Мак с восхищением разглядывал вещи.

— Не твое дело.

Будет лучше, решила я, если Приткин подумает, будто я пробралась в Сенат, рискуя жизнью; знать правду ему вовсе не обязательно. На самом деле было так: мы с Мирчей вернулись из путешествия в прошлое, и встречала нас только консул. Она протянула ко мне руку, я инстинктивно отпрянула и благодаря своей непредсказуемой энергии вновь оказалась в прошлом, вернувшись на три дня назад. При этом я сместилась только во времени, но не в пространстве, то есть снова вернулась в вампирское отделение МОППМ. Как можно было отказаться от такого искушения, когда прямо у тебя перед носом целый склад магических предметов? Конечно, прежде чем направиться к выходу, я решила кое-что прихватить.

Я спешила, ведь магическая защита наверняка уже сообщила о моем пребывании. Хватала, что под руку попадется.

— Все это нам понадобится в Стране эльфов, — стараюсь говорить как можно спокойнее, сказал Приткин. — Если ты смогла украсть одно, сможешь украсть и другое.

Я не собираюсь больше ничего красть! Идет война, и вампирам нужно оружие!

На Мирчу мне было, конечно, наплевать, но оставлять его на милость Распутина и его подручных в мои планы не входило. К тому же с ним был мой старый друг Раф. Среди вампиров есть много подонков, и все-таки не стоит мерить всех одной меркой, что бы там ни говорил Приткин.

— Кроме того, я не смогу туда попасть, не используя мою энергию, а мне этого не хочется!

— Почему? — с искренним удивлением спросил Приткин. — Это же отличное оружие.

— И страшное. Ты же сам говорил, что иногда я сама не понимаю, что делаю. И если с моей энергией что-то пойдет не так, погибнет много людей.

— Значит, поэтому ты не стала перемещать нас из казино? — спросил маг. Я кивнула, и

на его лице отразились удивление и гнев. — Глупость какая-то. Совсем недавно ты перенесла нас в девятнадцатый век всего лишь для того, чтобы от меня удрать.

— Никого я не переносила!

— Я был там, если ты забыла, — сердито возразил Приткин. — И твой любовник, между прочим, меня чуть не убил.

Честно говоря, Мирчу я своим любовником не считала. У нас с ним ничего не было. И, спасибо гейсу, не будет. Но объяснять это Приткину я не стала. Не его ума это дело, и вообще мне до черта надоело чувствовать себя на скамье подсудимых, будто он и судья, и присяжные, и палач в одном лице.

— Мне наплевать, что ты думаешь обо мне и Мирче, — холодно отчеканила я. — Но больше я в эти игры не играю. Так сработала моя энергия, и я не знаю почему. Я хотела только одного — спасти себя и тебя.

— Пифия управляет энергией, а не наоборот, — сказал Приткин таким тоном, словно уличал меня во лжи.

— Думай что хочешь, — устало ответила я. Эти бессмысленные споры с магом отнимали у меня много сил. — Если ты по-прежнему считаешь, что нам пригодится любое преимущество, у меня есть работенка для Мака.

Мак встрепенулся и поднял глаза.

— Что?

— Надо поправить защиту, — ответила я и резко дернула майку кверху, показывая им верхушку магической пентаграммы у себя на спине. — Приткин сказал, что круг отключил ее. Восстановить сможешь?

— Я не говорил «отключил». Это невозможно, — сказал Приткин, пока Мак разглядывал пентаграмму, подойдя поближе. — Твою защиту просто на время заблокировали, чтобы ты не могла ее использовать. Полностью лишить тебя защиты нельзя, потому что круг постоянно должен знать, где ты находишься. — Внезапно Приткин шагнул ко мне. — Ты как-то странно говоришь о своей энергии, — хрипло сказал он. — Настоящая пифия никогда бы так не сказала.

Наверное, Приткин хотел меня припугнуть, но добился совсем другого эффекта. Он стоял прямо передо мной, и его голый торс находился в дюйме от моего лица. Я видела, как под кожей перекачиваются упругие мышцы, а на светлых волосах, густо покрывающих грудь, поблескивают капельки пота. У всех мужчин, к которым я до этого прикасалась, торс был гладкий или почти гладкий. Внезапно я ощутила безумное желание провести по груди мага руками и посмотреть, что станет с этими влажными светлыми завитками, если я запущу в них пальцы.

Не знаю, почему маг так действовал на меня, ведь я его терпеть не могла, но я чувствовала себя словно человек, который после длительной голодовки вдруг увидел торт из мороженого. Руки внезапно взмокли, дыхание участилось. Еще секунда — и я начала бы задыхаться. Опасаясь потерять над собой контроль, я быстро отвела взгляд от груди волшебника, но сделала только хуже, потому что теперь я смотрела на то, что скрывали его тесные джинсы. Судорожно сглотнув, я заставила себя встряхнуться, отчаянно борясь со жгучим желанием стянуть с него штаны.

Мне даже почти удалось сделать шаг назад, и пусть он думает, что я испугалась. Наплевать — лучше так, чем правда. Но тут я совершила одну ошибку — посмотрела магу в глаза. Внезапно мне стало ясно, почему он всегда казался мне каким-то странным: его

светлые ресницы и брови были такого же цвета, как и его кожа, поэтому издали казалось, что у него вовсе нет глаз. Я увидела, что ресницы у него длинные и густые, а глаза ярко-зеленые — редкий цвет, такой нечасто встретишь.

Я уже ничего не могла с собой поделать — мои руки сами легли на его грудь и принялись ее гладить. Зрачки Приткина расширились так, что глаза стали совсем черными, на лице появилось изумленное выражение; наверное, если бы я его ударила, он удивился бы меньше. Но он не отстранился от меня. Там, где мои руки касались его груди, я ощущала легкий трепет и его кожа словно становилась теплее. А может, это мои ладони становились теплее, какая разница? Мне было все равно; в голове осталась лишь одна мысль — как растегнуть его чертовы джинсы.

Я не успела привести свой план в действие — Приткин крепко сжал мои запястья. Не знаю, чего он хотел — оттолкнуть меня или, наоборот, прижать к себе; судя по выражению его лица, он не стал бы меня отталкивать. Выяснить это я не успела.

Внезапно я ощутила такой жар, словно меня облили бензином и подожгли. Это была не просто боль, это была пытка, от которой содрогнулось все тело. Я вскрикнула и отпрыгнула в сторону, сбив Мака, и мы оба рухнули на пол. Приткин повалился на нас, потому что не успел разжать руки, сжимавшие мои запястья, Мак что-то закричал, но я уже ничего не соображала. У меня выгнулась спина, потом начались дикие конвульсии; я извивалась, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег, только мне хотелось не воздуха, а избавления от мучительной боли.

Теперь я понимала, что это такое — гореть заживо. Огонь пожирал мой позвоночник, проникая в каждый нерв, заставляя тело корчиться от нестерпимой боли. Я забыла, кто я, где нахожусь, забыла обо всем на свете; все казалось мне пустяком по сравнению с пожирающей меня адской болью. Наверное, еще секунда, и я бы окончательно спятила, если бы боль не прекратилась так же внезапно, как и началась.

Я обнаружила, что лежу на полу в рабочей комнате Мака, и попыталась вспомнить, как нужно дышать. Подняв глаза, я увидела, что Мак крепко держит Приткина за руки. Наверное, это он оттащил от меня волшебника; за это я бы его расцеловала, если бы могла подняться и не дрожала с головы до ног. Увидев, что опасность миновала, Мак отпустил Приткина и обратился ко мне:

— Как ты, Кэсси? Ты меня слышишь? — Я кивнула. — Хорошо. — Вид у Мака был встревоженный, от его безоблачного настроения не осталось и следа. — Ты пока лежи, я сейчас вернусь. Только ни к чему не прикасайся!

Мак выскочил за дверь, и я услышала его быстро удаляющиеся шаги. Боль в теле прошла, но воспоминания о ней продолжали жечь мозг. Я больше не корчилась, а только дрожала мелкой дрожью, боясь пошевелиться, чтобы боль не вернулась вновь.

Рядом раздавалось чье-то прерывистое дыхание, и я скосила глаза, чтобы посмотреть, кто это. Приткин лежал на спине, глядя в потолок побелевшими глазами. Его лицо горело, мышцы напряглись, дыхание было таким же тяжелым, как и у меня. Очевидно, пострадала не только я.

Мак вернулся с мокрым полотенцем и положил его мне на лоб. Я хотела сказать, что мне нужно кое-что другое, вроде укола кодеина или бутылки виски, но не смогла. Я смотрела на галогеновые лампы под потолком и пыталась шевельнуть хотя бы рукой. Сама мысль о том, чтобы принять сидячее положение, казалась мне безумной, так что пока Мак хлопотал над Приткиным, я лежала и думала. Такого со мной не бывало ни разу, а я

навидалась всякого. Значит, есть над чем поразмышлять.

Весь день я как-то странно реагировала на мужчин. Обычно я замечаю симпатичных парней, как и привлекательных женщин, однако опыт научил меня наблюдать за людьми на расстоянии, не привлекая к себе внимания. Жизнь в бегах не предполагает близких отношений; любой парень, с которым я решила бы закрутить роман, получил бы в качестве бонуса смертельную угрозу для своей жизни. Мне совсем не хотелось, чтобы кого-то из-за меня убили, поэтому я приучила себя смотреть на людей так, чтобы они этого не замечали.

Противостоять обаянию Казановы и Чавеса было трудно, но мне это удалось. Кто они такие, в конце концов? Обыкновенные красавчики, к тому же инкубы. Мне полагалось на них запастись, поскольку я самая обычная женщина, и я была даже благодарна им за то, что не попыталась затащить кого-нибудь из них или даже обоих в ближайший «кабинет». Но Приткин — это совсем другое.

С первого дня нашей встречи я не просто считала его совершенно невыносимым, я не находила его даже привлекательным... до сегодняшнего дня. Да, у него красивое тело и довольно приятное лицо — когда на нем нет обычной кривой ухмылки. Волосы, конечно, не очень, торчат в разные стороны, словно их обкорнали тупыми ножницами, но ведь в мире нет ничего совершенного. Дело в другом — Приткин был не в моем вкусе. Мне никогда не нравились блондины, особенно те, кто гоняется за мной, чтобы ухлопать. И все же при виде его обнаженного торса во мне проснулось острое желание.

Я резко села, чувствуя себя совершенно разбитой, и сорвала с головы мокрое полотенце. А что, если это опять Мирча? Что, если он, используя гейс, вздумал завершить ритуал? Однажды он уже пытался это сделать — с помощью Томаса. Может быть, он сделал так, что теперь гейс сам побуждает меня искать себе новых партнеров? От боли я закрыла лицо руками, только это была боль иного рода. Мысль о том, что Мирче, возможно, абсолютно все равно, кто завершит ритуал, навеки сделав меня пифией, подействовала на меня, как удар кулака.

Через несколько минут я медленно поднялась, хватаясь руками за стол. Странно, но тело вновь меня слушалось.

— А мог Мирча изменить гейс? — спросила я, гордясь тем, что голос мой не дрожит.

Приткин тоже встал и даже сумел натянуть рубашку. Бросив на меня быстрый взгляд, он отвернулся.

— Вряд ли.

— Кто-нибудь может мне внятно объяснить, какого черта здесь происходит? — спросил Мак.

— Тогда почему я вдруг стала кидаться на каждого встречного мужика?

Приткин упорно смотрел на стену за холодильником, и я, поймав себя на том, что снова пялюсь на его джинсы, решила последовать примеру мага.

— Боль означает, что гейс защищает тебя от нежелательного партнера, — сказал он. — Чтобы у тебя с ним ничего не было.

От радости у меня задрожали колени. Я ухватилась обеими руками за стол, изо всех сил стараясь сдержать идиотскую улыбку. Может быть, на этот раз Мирча и не подставлял меня, хотя проблема-то все равно остается.

— Как это?

— Я... не знаю, — тяжело дыша, ответил Приткин и закрыл глаза. Его пылающие щеки начали постепенно бледнеть. — Когда начался ритуал, у вас что-то пошло не так?

— Какой ритуал? — спросил Мак, он явно пытался понять, что происходит, только ничего у него не получалось. Как, впрочем, и у меня.

— Ритуал превращения, — пояснила я. — Превращения в пифию. Не знаю, как он точно называется. Его начала Агнес, а потом сказала, что мне придется... э-э... — Тут я замолчала из уважения к старомодным чувствам Мака.

— Но ведь Мирча об этом позаботился, — сказал Приткин.

— Не успел. — Я понимала его замешательство. В тот день, когда Приткин видел меня с Мирчей, мы были голыми и потными. Я, правда, завернулась в одеяло, но что с того? Все и так было ясно, — Видишь ли, нас прервали. Распутин начал штурм, помнишь?

— Прекрасно помню, — сказал маг, наморщив лоб, словно проделывал напряженную умственную работу. — Ты хочешь сказать, что так и осталась девственницей? — наконец спросил он без обиняков.

Если бы кому-то сообщили, что на лужайке перед Белым домом приземлился космический корабль, в его голосе прозвучала бы та же степень недоверия. Теоретически возможно, но совершенно невероятно.

Я оторвала взгляд от стены.

— Это тебя не касается! Ну, в общем, да.

Приткин покачал головой.

— Никогда бы не подумал, — сказал он.

Я уже собралась всерьез разозлиться, но вместо этого поймала себя на том, что люблюсь завитками светлых волос на его шее. Черт, черт, черт!

— У тебя что, есть какие-нибудь предположения?

— Скорее всего, ритуал посвящения в пифии взял дело в свои руки.

Я с изумлением уставилась на мага, который сосредоточенно пересчитывал кирпичи на противоположной стене.

— Давай проясним ситуацию, — сказала я слегка придушенным голосом. — Получается, если Мирчи здесь нет, незавершенный ритуал сам начал притягивать ко мне мужчин, чтобы наконец завершиться. Гейсу все это не нравится, и он предупреждает меня и любого, кто подошел ко мне слишком близко, чудовищными пытками. Верно? В таком случае, у меня вопрос — сколько это будет продолжаться?

— Какой гейс? На тебе лежит гейс? — спросил Мак.

— Ее хозяин-вампиры назначил ей дюрахт. А этот гейс противоречит обряду посвящения в пифии, и он никак не может завершиться, — объяснил ему Приткин.

— Ох ты черт, — проговорил Мак, опускаясь на стул.

— Ответь мне! — Если бы я только осмелилась прикоснуться к магу, я вытряхнула бы из него всю душу.

— Я не настолько хорошо знаком с ритуалами и выхода из этого положения не знаю, — мрачно ответил Приткин. — Церемонии проходят во владениях пифии, и записей о них очень мало.

— А свидетели? — стараясь говорить спокойно, спросила я. — Ведь Агнес-то проходила ритуал!

— Это было более восьмидесяти лет назад. Даже если кто-то из свидетелей еще жив, толку от них не много. Ритуалы почти всегда проводятся келейно. Единственные, кому он известен от начала и до конца, это сама пифия и ее наследница.

— Майра. — Итак, я вернулась туда, откуда начала. — А что же гейс?

— Ты вступила с ним в борьбу уже потому, что отделилась от Мирчи. Это должно хотя бы замедлить процесс. Остановить его можно одним способом — полностью снять заклятие.

— А как это сделать?

— Никак.

— Не смей так говорить! Должен быть какой-то выход!

— Может, он и есть, только я о нем ничего не знаю, — устало сказал маг. — А если бы и знал, то все равно бы тебе не сказал. Пока ритуал не завершен, ты будешь притягивать мужчин, а гейс будет их отгонять, всех — за исключением Мирчи. И с каждым днем он будет только набирать силу. Дюрахт — страшное заклятие, когда ему пытаются противостоять.

— Но...как же тогда Чавес? — чуть не плача, спросила я. — Он ко мне прикасался, и ничего не случилось. Я не падала на лед и не корчилась.

— На какой лед? Ты что, ходила на каток? Зачем? — встрепнулся Приткин.

— Вот за этим, — ответила я, показывая на сумку. — Я ее там оставила, в раздевалке, чтобы не тащить в казино.

— То есть бросила в общественной раздевалке, где полно народа и где любой мог ее стащить?

— Я заперла ее в шкафчике, — угрюмо сказала я. — Давай лучше о деле. Я что-то почувствовала, когда до меня дотронулся Казанова. Конечно, это не имело ничего общего с тем, что было сейчас, но я точно что-то почувствовала. Какое-то предостережение. Казанова сразу отпустил мою руку. А на Чавеса гейс и вовсе не отреагировал. Почему? Ты же говоришь, что действие заклинания будет только усиливаться.

— Не знаю, — с озадаченным видом ответил Приткин.

— У меня есть только одно объяснение, — задумчиво проговорил Мак. — Гейс сам определяет степень угрозы и реагирует соответственно. Казанова почувствовал к тебе влечение, а этот Чавес — нет. Поэтому Казанова стал как бы потенциальной угрозой и был предупрежден, в то время как Чавеса ты не интересовала, поэтому гейс остался спокоен.

Мак был явно доволен собой, а мы с Приткиным в ужасе уставились друг на друга. Мы оба молчали, все было и так ясно. Господи, только не это! Я больше не хочу! Никогда.

— Разумеется, — продолжал Мак, — когда возникает взаимное влечение, гейс реагирует сильнее и предостережение предназначается для обеих сторон... — Тут он смутился и замолчал.

— Понятно, — сказала я и положила руку на голову, пульсирующую в такт с сердцем. Если дело так пойдет и дальше, я стану самым молодым индивидуумом, умершим от стресса. — И что мне теперь делать? — спросила я Мака, потому как Приткин в это время изо всех сил пытался придать лицу равнодушное выражение.

Мак поскреб небритый подбородок.

— Как правило, любое заклятие можно снять, и дюрахт не исключение. Тем более что он все переворачивает вверх дном, поэтому я не думаю, чтобы кто-то стал его применять, не зная, как потом снять. Однако есть только два человека, которые знают, как это сделать.

— Мирча и тот, кто наложил заклятие.

Мак кивнул.

— Тот маг, несомненно, находится под протекцией твоего вампира и вряд ли захочет ее терять, даже если — ты только представь себе — из сотен и сотен магов мы сумеем отыскать того, кто помогал Мирче. Конечно, подобных мастеров за пределами Черного

круга не слишком много, но что с того? Скажем, их будет всего несколько десятков, но ведь их всех нужно разыскать, чтобы потом вычислить одного — его или ее. Будь это так легко, мы бы давно уже это сделали.

— А нет ли какого-нибудь способа замедлить действие заклятия, чтобы реакция была менее... бурной? — спросила я Мака; вместо него ответил Приткин:

— Как только мы попадем в Страну эльфов, это уже не будет иметь значения. Там перестает действовать любая магия, и гейс в том числе. — Маг упорно продолжал разглядывать стену, словно не мог ею налюбоваться. — А сейчас тебе... э-э... лучше побыть где-нибудь в другом месте, пока мы с Маком закончим татуировку. Потом Мак поработает над твоей защитой.

Я не возражала. Прихватив очередную банку колы, я сложила наши сокровища в сумку и вышла в другую комнату, забрав ее с собой. Приткин был до того ошарашен тем, что с нами случилось, что даже ничего не сказал.

Усевшись на колченогий стул, я принялась размышлять. Значит, я так и буду привлекать симпатичных мужиков, пока не окажусь в Стране эльфов. Оставалось надеяться, что Приткин не ошибся и действие гейса там ослабеет, может быть, настолько, что я успею разыскать Майру. Так себе план, но другого у меня нет. Я выпила колу и принялась думать о самых разных вещах, чтобы не представлять себе, как на кушетке лежит голый Приткин, а Мак рисует на его золотистой коже меч.

Так я просидела больше часа, листая толстенные черные каталоги с образцами натальной живописи. Их было великое множество, на любой вкус — от татуировок колдунов вуду до раскраски индонезийских туземцев, однако большую часть составляли магические символы и индейские тотемы. Из описаний под фотографиями я довольно быстро поняла, что все татуировки Мака обладают сверхъестественной силой. Меча, который вскоре должен был появиться на теле Приткина, я среди них не увидела — очевидно, это был спецзаказ.

Два каталога делились на разделы и уровни. Сначала нужно было определить назначение татуировки — скажем, защита. Дальше — от чего. От порезов, ссадин, потери крови, от огня, травм головы, ядов и, среди прочего, обморожений. Список всевозможных опасностей был таким длинным, что я даже поразилась, как еще находятся люди, решившие стать магами-воинами. Странно, что Приткин до сегодняшнего дня не сделал себе ни одной наколки. Ведь были татуировки, ускорявшие заживление ран, но я видела, что Приткин восстанавливался почти так же быстро, как вампир, и без них. А может, они просто в таких местах, которые сразу и не увидишь... Тут я тряхнула головой и быстро перелистнула несколько страниц.

Другая группа предназначалась для слежки и нападения, такие татуировки улучшали зрение и обостряли слух, а еще предлагали целый список отвратительных способов покончить со своим противником. Я не стала подробно изучать этот раздел, чтобы не знать, что могут сделать со мной члены круга. Помимо всего прочего, я узнала, что татуировка подходит не каждому. Какая она должна быть и в каком количестве, зависит от уровня магических способностей. Поскольку магические рисунки частично берут силу из внешнего мира, их действие ограничено, как у талисманов, но вместе с тем они питаются и внутренней магической силой человека. Ну, вроде как автомобиль-гибрид, работающий и на электричестве, и на газе. В конце каталогов приводились длинные сложные диаграммы, по которым можно было определить, какая татушка вам подходит. Я так и не смогла в них

разобраться, потому что никогда этим не занималась. Дети магов обычно рано проявляют свои способности, после чего их тестируют и отправляют к соответствующему учителю, но меня это не коснулось — мне Тони уготовил особую участь.

Я узнала, что существуют допустимые лимиты и даже самый могущественный маг не может превысить их. Например, если кто-то умеет неслышно подкрадываться, потому что у него вытатуирован снежный барс, и мастерски создает иллюзии благодаря изображению наука, ему придется расстаться с определенным количеством баллов из того источника, откуда он берет свою энергию. И как бы ни был силен маг, его энергия все же имеет пределы. В общем, все это было очень сложно, и вскоре мне стало скучно. Ни одна из приведенных диаграмм не могла объяснить, как разблокировать мою защиту.

Наконец появился Приткин, бледный и усталый, и я заняла его место на кушетке. Пусть Мак колдует над моей пентаграммой, я не боюсь. В любом случае я нужна им живой, так что восстановить мою защиту — в их интересах. Меня немного беспокоила реакция гейса, но я, видимо, была не во вкусе Мака. Даже когда я сняла майку, ничего, кроме легкого жжения, я не почувствовала. Лифчика на мне не было, я просто прикрыла грудь рубашкой, пока Мак осторожно и бесстрастно, как доктор, водил по моей спине руками.

— Можно задать тебе один вопрос? — спросил он, чем-то постукивая меня по спине. Было не больно, но моя аура слегка вздрогнула.

Я поморщилась.

— Давай.

— Зачем тебе все это? Ты не похожа... в общем, ты не производишь впечатления мстительной особы.

Я бросила на него взгляд через плечо.

— О каком мщении ты говоришь?

Он пожал плечами.

— Джон говорил, что ты хочешь убить этого вампира, Антонио. Думаю, он это заслужил, но...

— Я не произвожу впечатления убийцы-маньяка?

Он рассмеялся.

— Ну, что-то вроде этого. Прости за любопытство, но что он тебе сделал?

Пока он менял инструменты, я думала. Можно было бы ответить: «Все, что только мог», но мне не хотелось затевать длинный разговор, да еще на столь печальную тему. Такой приятный день, зачем лишний раз расстраиваться? С другой стороны, молчать тоже глупо. К чему Приткину знать, что сейчас меня гораздо больше интересует Майра, а не Тони? Я решила остановиться на полуправде. Благо выбор обвинений был огромен.

— Мсть для меня не главное. Я бы сказала, что хочу вернуть кое-что из того, что мне принадлежит.

Тут я подскочила, потому что по спине внезапно пробежала искра. Новый инструмент Мака проделал трещину в моей ауре; после этого я сидела смирно.

— Он у тебя что-нибудь украл?

Я подавила вздох. Похоже, краткий ответ Мака не удовлетворит.

— Двадцать лет назад Тони решил завести себе хорошего прорицателя, такого, кому он мог бы доверять. Но хороших прорицателей мало, а честные не рвутся работать на вампирскую мафию. Тогда Тони решил самолично воспитать себе прорицателя. Ему повезло: у одного из его работников-людей была маленькая дочь, которая, как выяснилось,

обладала всеми необходимыми качествами. Но хотя мой отец работал на Тони не один год и полностью от него зависел, отдать ему свою дочь он категорически отказался.

— Твой отец был мошенником? — с удивлением спросил Мак.

— Не знаю, кем он был. Мне говорили, что он умел общаться с духами, значит, у него были какие-то способности. Но был ли он магом... — Я пожала плечами. Может быть, придет день и я сама спрошу его об этом — и о многом другом. — Я знаю только, что он был одним из любимцев Тони. До тех пор, пока не сказано ему «нет».

— Он должен был предвидеть реакцию вампира.

— Думаю, отец хотел от него сбежать, прихватив меня и мою мать, поскольку отказать Тони значило рисковать жизнью, но не успел. Тони решил, что убийство будет слишком простым наказанием для такого предательства. Он призвал одного из своих магов и приказал ему изготовить магическую ловушку, в нее и угодила душа отца, когда взорвалась машина, где находились он и моя мать. Теперь Тони использует эту ловушку в качестве пресс-папье.

Руки Мака замерли. Оглянувшись, я увидела, что он стоит, впери в меня взгляд.

— Да ладно... ты не шутишь?

— Нет. Насколько мне удалось узнать, оно размером с мячик для гольфа, значит, его легко спрятать. У Тони три дома и более десятка заведений, не считая тех, о которых я ничего не знаю. Вряд ли я смогу их все обыскать, значит, нужно сделать так, чтобы Тони сам мне его отдал.

На самом деле я была уверена, что он носит его с собой. Вполне в стиле Тони — не бросать трофеи, даже когда нужно срочно уносить ноги.

Мак так и замер, положив мне руки на плечи.

— Неужели у тебя никогда не возникало соблазна?

— Какого?

— Ты же пифия. Ты могла вернуться в прошлое и все изменить. — Он наклонился и заглянул мне в глаза. — Ты могла спасти свою семью, Кэсси.

Я вздохнула. Конечно могла.

— Ты не знаешь Тони. К тому же я считаю, что задача пифии — охранять время, а не нарушать его ход. Я могла случайно что-то перепутать, и тогда, возможно, все было бы еще хуже.

Ага, возможно... это с моим-то везением!

— И все-таки технически это было возможно, — бросив на меня пристальный взгляд, сказал Мак.

— Тогда мои родители не погибли бы, но и моя жизнь сложилась бы совсем по-другому, да и не только моя. А Тони их все равно бы убил, рано или поздно, — хмуро улыбнулась я. — Он в таких делах на редкость настойчив.

Мак смотрел на меня таким взглядом, что я смутилась.

— Большинство людей считают энергию великим даром, который дает им огромные возможности, — наконец сказал он. — Ты же могла получить все... ну, почти все, что тебе нужно. Богатство, влияние...

Я вскинула на него глаза.

— Единственное, чего я хочу, — это спокойной жизни. Когда никто не пытается меня убить, использовать или предать. И чтобы мне не нужно было никого убивать. Почему-то мне не кажется, что работенка пифии мне в этом поможет. — Честно говоря, я уже устала от

допроса и хотела одеться. — Ну как, все?

— Да-да, — ответил Мак, сложил инструменты в сумку и вежливо смотрел в сторону, пока я одевалась, — А теперь скажи, с какой новости мне начать — с хорошей или плохой?

— С хорошей.

Почему бы и нет, для разнообразия?

— Я думаю, что смогу восстановить твою защиту.

Я удивленно захлопала глазами. Надо же, а я-то уже думала, что отправлюсь к эльфам без всякой защиты.

— Правда? Вот здорово!

— Ты знаешь, как она действует?

Я покачала головой.

— Немного. Мне ее передала мать, но подробностей я не помню. Мне было всего четыре года, когда она погибла. Потом я долго считала, что это обычная защита, поставленная Тони для дополнительной подстраховки.

Мак почти обиделся.

— Обычная защита! Да такой защиты ты ни у кого не увидишь! Ей сотни лет, она бесценна, даже у круга такие сокровища наперечет.

— Мак, это просто татуировка, а не произведение искусства.

— Не только. — Мак вытянул правую руку и показал нарисованного на сгибе локтя небольшого коричнево-оранжевого ястреба. — Смотри.

Он что-то пробормотал и оттянул складку кожи на локте. В следующую секунду на его ладони, раскинув крылья, сидела маленькая, отливающая металлическим блеском птичка, очень похожая на ту, нарисованную. Приглядевшись, я поняла, что это действительно та самая птица, потому что на коже волшебника ее больше не было, остался только ее четко обрисованный контур. Я взяла птицу в руки. На ней не было ни перьев, ни всего остального. По всем признакам это был цельный кусок золота. Сначала я подумала, что это какой-нибудь фокус, но Мак, выждав, пока я рассмотрю ее со всех сторон, невозмутимо взял у меня золотую птичку и приложил ее на прежнее место. Я с изумлением увидела, как она растворилась в его коже.

— Что это такое?

— Краснохвостый ястреб. Обостряет наблюдательность. Не остроту зрения, а именно способность все замечать и запоминать.

Я никак не унималась.

— Вот в твоих фолиантах черным по белому написано, что количество татуировок даже для самых сильных магов ограничено, потому что каждая из них забирает часть энергии, особенно в те моменты, когда она активна. — Я оглядела его испещренное рисунками тело. — А как же ты умудрился завести столько татуировок?

Мак усмехнулся.

— Кэсси, я вовсе не суперволшебник, как ты, наверное, подумала. Есть два вида татуировок. Одни вживляются непосредственно в ауру и потом питаются энергией своего владельца, поэтому их не должно быть много. Но другие — такие как мой ястреб или твоя пентаграмма — получают энергию от внешних источников, и лимиты на них не установлены. Правда, многое зависит от твоих личных способностей, то есть сколько ты сможешь выдержать. Даже самая маленькая может действовать несколько месяцев, про твою я вообще боюсь предполагать.

— Значит, ты что-то вроде ходячей рекламы?

Лично я убедила бы людей полистать каталоги, а не стала бы превращаться в рекламный щит.

— А у меня нет другого выхода. Магам время от времени требуется энергетическая подпитка, мне же она нужна постоянно, если, конечно, я не решу навсегда покинуть мир магов. — Заметив мое смущение, он улыбнулся. — Несколько лет назад у меня случилась неприятность — мое заклятие не сработало, мне пробрили защиту и повредили ауру. В той стычке я получил физические раны, они зажили быстро, а вот те, что оказались в моей метафизической оболочке, остались навсегда. Вот почему я не знал, что тебе назначен гейс, пока ты мне об этом не сказала. С разорванной аурой мне приходится тратить много сил, чтобы чувствовать ауру других людей.

Я потрясенно смотрела на него, приходя в ужас от его невозмутимости. Меня поразила не столько мысль о несчастье, которое случилось с Маком, сколько сознание того, что на свете существуют такие заклятия. Чем больше я узнаю о магах, тем страшнее мне становится.

— А твоя магическая защита? Она-то действует?

Я старалась смотреть Маку в лицо, чтобы не думать о своей ауре, целой и невредимой. При данных обстоятельствах это было бы не слишком справедливо.

Мак, по-видимому, уловил ход моих мыслей. Он взмахнул рукой — и между нами вспыхнули яркие красно-оранжевые огоньки, словно в холодной ночи вспыхнул веселый костер.

— Моя защита действует, Кэсси, но она уже никогда не будет такой, как прежде, абсолютно надежной, без единой трещинки. Обычному человеку ее не пробить, но мага-воины — люди необычные. Рано или поздно какой-нибудь черный колдун найдет лазейку, и тогда... Когда все узнали, что со мной случилось, меня отчислили из отряда магов-воинов. — Заметив выражение моего лица, он усмехнулся. — Да ладно, не так уж это и страшно. Мне сейчас хорошо — не так много опасностей.

Он старался говорить небрежным тоном, но его выдавали глаза. Не знаю, как живут вышедшие на пенсию маги-воины, но Маку, судя по всему, было не слишком весело. Он мечтал о военных подвигах, о славе, может быть, даже об опасностях.

Я решила сменить тему.

— Значит, моя защита будет питаться энергией круга, пока они ее не перекроют?

Мак кивнул.

— Да, они дают тебе силу и одновременно следят за тобой. Я думаю, Джон прав, Совет действительно боится, как бы их собственная магия не повернулась против них, вот они ее и заблокировали.

— Или решили, что проще будет меня убить.

— Возможно, — слегка смутившись, сказал Мак. — Но это значит, что с твоей защитой все в порядке, только твоя мать по неопытности допустила ошибку, когда передавала ее тебе и она чуть искривилась. Я все исправлю, но, похоже, дело не в этом. Она просто остановилась, как часовой механизм. Нужен новый источник энергии.

— Какой? Откуда?

А вот и плохая новость.

— Такой же мощный, как круг, только другой. — Мак мягко улыбнулся. — Тебе нужна энергия пифии.

— Нет. Ни за что, — сказала я и кивнула в сторону портьеры. — Принеси мне одну из тех книг в приемной.

Видела я там парочку жутких вариантов, наверняка что-нибудь подойдет.

Но Мак лишь покачал головой.

— Я не знаю, насколько сильна твоя врожденная магия. Твоя аура полностью слилась с энергией пифии, я не могу их разделить. У нас нет возможности выяснить, можешь ли ты своими силами поддерживать энергию защиты. Если нет, то любая татуировка, которую я тебе сделаю, будет притягивать к себе энергию пифии, то есть делать как раз то, чего ты стремишься избежать.

— Тогда сделай мне что-нибудь простенькое, не такое мощное!

Мак мрачно взглянул на меня.

— Ты собираешься в Страну эльфов, большинство магов туда даже на спор не рвутся. Никакая моя защита тебя там не спасет, на это способна только твоя собственная. Таких теперь не делают, почти забытое ремесло.

— А может, я сильнее, чем ты думаешь.

Какая же я ясновидящая, если не смогу обеспечить себе надежную защиту.

Мак пожал плечами; маленькая ящерка на его лбу встрепенулась и испуганно юркнула под кольца свернувшейся кобры. Змее это не понравилось, и она оттолкнула нахалку кончиком хвоста. Ящерка отпрыгнула в сторону, перебежала по щеке Мака на его лоб и остановилась, поглядывая из-за кустистой брови волшебника сердитыми черными глазками.

— Магия — та же мышца, Кэсси, — вывел меня из оцепенения голос Мака. — Метафизическая, конечно, но все-таки мышца. Чем больше ты с ней работаешь и тренируешь, тем сильнее она становится. Врожденная магия — это всего лишь сырой материал. На нем далеко не уедешь.

— Тони не позволял меня ничему учить.

— Он навредил тебе больше, чем ты думаешь. Сильный, но необученный маг — всего лишь мишень, не более того. Энергия может уйти, если ты не знаешь, как с ней обращаться. Черный круг без зазрения совести ворует энергию везде, где только может. Сейчас твой поединок с черным магом будет похож на бой младенца с чемпионом по бодибилдингу — если, конечно, ты не подключишь свои внутренние резервы. Тебе нужно тренироваться, Кэсси, научись хотя бы защищаться, и чем скорее ты этим займешься, тем лучше.

— Ну да, обязательно внесу это в свой список, — резко ответила я. Все лезут ко мне с поучениями, дают задания, читают нотации, а мне нужна помощь, реальная помощь. — Только сейчас меня беспокоит другой вопрос... — Я обернулась; в дверях стоял Приткин, — ...а именно: как мы попадем в Страну эльфов?

— Как-нибудь попадем, — ответил маг, и я увидела, что он уже повесил на себя весь свой арсенал. Длинное кожаное пальто было перекинуто через руку. — Нет проблем.

— Отправляемся прямо сейчас?

— Нет. — Я едва сдержала вздох облегчения. — Сегодня ночью.

— Ночью? — переспросила я и пошла за магом в приемную. — Но по ночам рыщут вампиры.

Я не знала, где сейчас Мирча — в безопасном месте или нет. Вампиры первого уровня солнца не боятся и могут разгуливать даже днем. И все же большинство вампиров в светлое время спят, зато ночью их активность резко возрастает. Когда Мирча днем бодрствовал, он иногда становился вялым и слабым. Но сегодня все могло измениться.

— Мы не пойдём через территорию вампиров, — сказал Приткин. — А портал охраняют маги.

— Утешил, нечего сказать, — съязвила я; связываться с магами-воинами мне хотелось не больше, чем с вампирами. Честно говоря, встреча с толпой магов-воинов меня тоже не вдохновляла, их я боялась даже больше, чем вампиров. — Сенат, по крайней мере, не собирался меня убивать. Может быть.

— Сегодня дежурит кое-кто из моих друзей, — пояснил Мак. — Думаю, они вас пропустят.

— У меня ещё есть дела, — сказал Приткин, надевая пальто.

Да уж, ему не позавидуешь — на улице почти тридцать пять градусов жары; наверное, у него просто нет другого выхода, дело есть дело. Думаю, полиции вряд ли понравится, когда по городу станет разгуливать вылитый персонаж из «Взвода»^[14]. С другой стороны, выходить на улицу без оружия в нашем положении куда опаснее для здоровья, чем тепловой удар.

— Оставайся здесь и никуда не выходи, — сказал Приткин, стараясь на меня не смотреть. — Отдохни, если сможешь. Другой возможности у тебя, скорее всего, не будет. И пусть Мак поработает над твоей защитой, — уже на ходу бросил он. — Она тебе понадобится.

И вылетел за дверь так, будто за ним гнались черти. Мак взглянул на меня и пожал плечами.

— Решай сама, лапуля. Страна эльфов — опасное место даже в мирное время, а мы на грани войны. Честное слово, даже представить себе не могу, чтобы кто-то решился туда сунуться по доброй воле.

— Я подумаю, — ответила я и хотела задать ему ещё один вопрос, но в это время в комнату влетел Билли и тут же принялся строить мне рожи, это должно было означать, что у него есть новости. — Знаешь, я что-то устала, — сказала я Маку.

Я и вправду устала; делить комнату с грайями нелегко, а мне очень нужно было побыть одной.

— Ложись на койку в дальней комнате, — сказал Мак. — Сегодня у меня клиентов не будет, я отменил все сеансы, так что тебя никто не потревожит. Поспи немного, Кэсси.

Он от души желал мне добра, поэтому я не стала закатывать глаза. Ну да, как же. Поспишь тут.

Билли полетел за мной. Сбросив на пол книги, альбомы с набросками, пакетики из-под чипсов и образцы татуировок, я плюхнулась на койку.

— Ну что у тебя?

Билли стащил свою полупрозрачную шляпу и принялся ею обмахиваться.

— Мне нужна одна затычка, — без обиняков заявил он.

— Обойдешься.

— Эй, ты знаешь, какой у меня был день?

— А у меня? Как там в казино? Все нормально?

— Нормально, если не считать, что круг его закрыл. Они там рыщут по всем углам в поисках какой-то сивиллы и чужаков-нелегалов, помогших ей сбежать.

— Они обыскивают казино? Но ведь это собственность вампиров! — Причина, по которой я отослала Казанове часть содержимого своей сумки, заключалась в том, что между магами и вампирами был заключен договор и каждая из сторон обязалась никогда не

посвягать на собственность противоположной стороны. — Они что, с ума сошли?

— Не знаю. Наверное. Когда я уходил, Казанова бился в истерике, а потом помчался в МОППМ жаловаться. Странные у нас дела творятся, Кэсс. Казино принадлежит Тони, а он, как известно, союзник Распутина, из-за которого Сенат и круг объявили друг другу войну. Не знаю, по каким законам полагается жить в военное время, и Казанова, похоже, не знает. Сейчас его прижали, и он пытается выкрутиться. Чтобы его не заподозрили в пособничестве, он наплел, что ты ввалилась в казино и давай там все крушить, потому что взбесилась из-за Тони. Маги примчались будто бы для того, чтобы найти тебя.

— Отлично. Значит, теперь я психопатка, которая бегает по городу и устраивает дебоши.

— Нет, теперь ты психопатка, которая бегает по городу и убивает людей.

— Что?

— Ну да. Парочка магов так и заявили: она, мол, убийца. Не знаю, почему они так сказали, наверное, из-за тех погибших магов.

Мне стало худо.

— Только не говори, что грайи...

— Нет. Грайи только учинили погром, а магов убили, скорее всего, горгульи Миранды. Часть этих тварей попытались задержать магов, чтобы дать уйти остальным сородичам, а маги давай по ним палить, ну, горгульи и разозлились. В общем, двое убитых магов.

— Но ведь горгульи только защищались!

— Говорить можно все, что угодно, кто их станет слушать? Казанова где-то спрятал Миранду и некоторых ее сородичей, а сам вопит на весь свет, что Тони нелегально провез их к нам, а он об этом ничего не знал. Короче, свою задницу спасает, а вот твою выставил напоказ.

Я молча вытянулась на койке. Нет, этого не может быть, это какой-то кошмар. Сейчас я проснусь, и все будет хорошо.

— Если круг знает, что магов убили горгульи, то в чем он обвиняет меня?

— Не знаю. Я видел тела магов, на них кровь и следы укусов. Круг говорит, что ты очень опасна.

Вот зараза.

— Точно. Слушай, в самом деле, я совсем выдохся. Не люблю просить, но...

— С каких это пор?

— Кэсс, я носился целый день, доставил тебе кучу ценнейшей информации, а ты...

Я слишком устала, чтобы начинать наши обычные препирательства.

— Ладно. Получай свою затычку, только потом вернешься к Данте. Передашь кое-что Казанове.

— Он может меня не услышать, — возразил Билли. — Демоны не слышат призраков, во всяком случае те, что находятся в человеческом теле.

— Что-нибудь придумаешь.

Учитывая реакцию Казановы на Билли, я была уверена, что демон его прекрасно услышит. Но даже если и нет, Билли знать об этом вовсе не обязательно. Казанова должен был спрятать отосланные мной вещи. Если маги их найдут, ему не отвертеться; в крайнем случае он все свалит на меня, то есть даст кругу еще один гвоздь, который тот вобьет в мой гроб. Не говоря уже о том, что я потеряю ценности, что находятся в ящичках. Я вздохнула. Лучше бы я их никуда не отсылала.

Билли улетел, получив огромную затяжку, а я решила немного вздремнуть. Вместо этого меня внезапно охватило ощущение дезориентации, предшествующее перемещению во времени. Я хотела позвать Мака, чтобы предупредить, но тут перед глазами все померкло, и я провалилась во тьму.

Сначала колени, потом голова стукнулись обо что-то твердое — опять пол, на этот раз мраморный. Перед глазами маячило нечто зеленое, расплывчатое, и я прищурилась, пытаюсь рассмотреть этот предмет. Порфировая ваза высотой в человеческий рост, с ручками в виде головы горгоны Медузы. Какое-то время я лежала, распростершись на полу и глядя на вазу, пока голова и колени состязались за звание самого больного места. Наконец я замерзла и решила встать. Ухватившись за вазу, я приняла сидячее положение и огляделась по сторонам.

Я находилась в нише большой круглой комнаты. Сверкающий пол из темно-зеленого мрамора с золотистыми прожилками в виде звездочек, огромная люстра со свечами под потолком. Еще три такие же люстры освещали извилистую лестницу; крошечные искорки света от хрустальных подвесок падали на стоящих внизу людей.

Мимо меня тянулся пестрый людской поток. Мужчины во фраках, дамы, увешанные драгоценностями. Изысканная парча соперничала с безвкусными шелками. Мелькали яркие веера и расшитые подола, сплетаясь в единый калейдоскоп красок и движений, отчего моя голова начала болеть еще сильнее.

Фасоны большинства нарядов напоминали те, что я уже видела недавно в театре, но теперь в толпе гостей попадались и экзотически одетые персонажи вроде парня в тоге или африканского вождя, на котором было столько золота, что хватило бы на покупку небольшой страны. Кто-нибудь менее искушенный решил бы, что попал на костюмированный бал, но я сразу поняла, где нахожусь. Поджав под себя ноги, я забилась в темный угол ниши. Не слишком надежное укрытие, учитывая род занятий этой публики. На какое-то мгновение меня охватил ужас. Я еще никогда не видела такого скопления вампиров.

Неожиданно внимание мое привлекло еще более странное зрелище. Вдоль стены скользила прозрачная, едва заметная тень. Она то и дело растворялась в других тенях, которые отбрасывали длинные свечи на люстрах, и я поначалу решила, что чутье меня подвело. Потом она остановилась напротив какой-то картины, настолько почерневшей от времени, что понять, кто был на ней изображен, казалось совершенно невозможным. На фоне этого древнего полотна я наконец разглядела бледно сияющий столбик более отчетливо. Сначала я решила, что это призрак, но ничего, кроме двух огромных серебристых глаз на том месте, где полагалось быть голове, мне различить не удалось. Это существо никогда не было человеком.

Я была до того заинтригована, что на минуту даже забыла об опасности. О пифиях я знала очень мало, зато в привидениях и духах разбиралась неплохо. Мне попадались и совсем дряхлые, в возрасте нескольких сотен лет, и те, которые даже не знали, что умерли, попадались дружелюбные, враждебные и те, что только казались призраками. Однако это существо нельзя было отнести ни к одной из известных мне категорий. Впервые в жизни я не знала, кто это.

Вместе с гостями существо продвигалось в сторону бального зала. Рассмотреть его было трудно, поскольку освещение предназначалось для глаз вампиров, а не моих; я видела лишь смеющиеся лица, мягкий свет свечей и поблескивающие дорогие ткани. Однако густой удушливый запах духов и крови, исходивший из зала, напомнил мне, что заходить туда не стоит.

Недалеко от меня остановился какой-то юноша лет девятнадцати. На фоне строго одетой толпы он выглядел странновато — босой, голый по пояс и в спущенных на бедра шелковых бордовых брюках. Волна длинных темных волос лежала на его плечах, оттеняя бледную кожу.

Мне захотелось убежать, чтобы никто не услышал, как громко колотится у меня сердце, но юноша преграждал мне путь. И мне совсем не улыбалось отвечать на вопрос, что я здесь делаю, тем более что я и сама этого не знала. Вскоре я заметила, что в нашу сторону направляется светловолосый вампир в красном, военного типа кителе с золотыми галунами, таких же красных брюках и черных сверкающих сапогах. Вампир подошел к юноше и окинул его оценивающим взглядом.

Юноша сжался и сделал шаг назад. Затем робко наклонил голову, и свет люстры заиграл на его высоких скулах и подбородке с ямочкой. Лицо юноши было чистым и здоровым, как у херувимов, что взирали на нас с потолка.

Вампир стянул белую перчатку и властным жестом провел рукой по груди юноши, тонкие пальцы пробежались по его ребрам и замерли на поясе брюк. Юноша часто задышал, но промолчал и с места не двинулся. Я взглянула на его босые ноги; честно говоря, мне ужасно хотелось куда-нибудь провалиться. Ступни юноши казались какого-то неестественно белого цвета и выглядели ужасно жалкими по сравнению с тяжелыми сапогами вампира.

Когда вампир опустил голову и наклонился к нему, юноша невольно отпрянул, вероятно увидев блеснувшие клыки, но вампир решительно удержал его за спину. Потом я услышала, как юноша тихо вскрикнул, когда острые клыки прокусили ему шею, по телу его пробежала дрожь. Но уже через несколько секунд он сам обхватил вампира за шею и приник к нему, издавая тихие стонущие звуки.

Через минуту вампир поднял голову; его губы были такими же красными, как и его мундир. Юноша улыбнулся, и вампир любовным жестом потрепал его по голове. Затем набросил на его плечи свой короткий плащ, обнял, и оба направились в сторону бального зала.

Меня затошнило; только сейчас я поняла, почему вокруг не снуют официанты с подносами, почему не слышно звона бокалов. Дело в том, что, когда сердце останавливается, давление падает до нуля, вены сжимаются и кровь начинает свертываться. В таком виде ее практически невозможно высосать. Даже вампиры-младенцы знают, что сосать кровь нужно только у живых. На этом балу официанты были не нужны — напитки сами расхаживали среди гостей. А я в своих шортах и майке выглядела скорее как предлагаемый напиток, чем приглашенная.

Словно услышав мои мысли, ко мне резко обернулся один из вампиров. У него была седая бородка, в тон серебряной вышивке на плаще, подбитом каким-то серым мехом вроде волчьего, на плечи была небрежно наброшена большая шкура. Да и сам вампир чем-то напомнил мне волка, когда насторожился, поставив одну ногу на ступень лестницы, и начал принюхиваться, словно хищник, почуявший добычу. Взгляд его черных глаз остановился на мне, и через секунду в них сверкнул явный интерес.

Я с трудом встала и, спотыкаясь, поспешила смешаться с толпой. Жуткий страх подгонял меня. В бальный зал вела только одна дверь, и я отчаянно рванулась к ней, словно от этого зависела моя жизнь. Мне удалось проскочить в нее первой; возможно, вампир был излишне учтив и не решился продираться сквозь толпу, расталкивая гостей. Однако, оказавшись в полутемном зале и бросив взгляд через плечо, я обнаружила, что вампир

продолжает меня преследовать, причем расстояние между нами быстро сокращается. От вожделения, сверкавшего в его темных глазах, мне едва не стало худо. Некоторые вампиры любят, когда жертва сопротивляется, и, похоже, я нарвалась именно на такого. Мне, как всегда, «повезло».

Я окинула взглядом зал — другого выхода из него не было. Ну конечно, как же я сразу не догадалась, ведь мы находимся под землей! Напрасно я пыталась сосредоточиться — со всех сторон меня обволакивала мощная энергия, облепляя кожу, словно тучи назойливых насекомых. Она не была направлена на меня, просто я ощущала энергию существ, скопившихся в бальном зале. Внезапно я с ужасом поняла, что нахожусь не просто среди толпы вампиров. Вокруг меня были сотни вампиров-хозяев.

Собрание хозяев, сообразила я. Два раза в год Сенат собирает вампиров-хозяев на такие сходки, где они обсуждают свои текущие дела. Мне на таком сборище бывать не доводилось, но я видела, как Тони готовился к ним за несколько дней, придирчиво подбирая одежду и свиту. На такие собрания полагается являться во всей красе, и вот почему. Только в это время — а собрание длится примерно неделю — вампиры низшего уровня получают возможность встретиться с верхушкой, так сказать, сливками общества вроде сенаторов и другой знати со всех стран мира. Здесь лижут сапоги, целуют ручки, заключают сделки и заводят полезные знакомства на ближайшие два года.

Тони всегда выходил в свет, вооружившись до зубов и окружив себя толпой телохранителей — просто так, во избежание недоразумений, коих на подобных ассамблеях было немало.

В надежде избежать участи очередной жертвы вампирской элиты я машинально кинулась к оркестровой яме, потому как блестящие инструменты были самым ярким пятном в полутемном зале. Но побежала я туда совершенно напрасно. Служебных входов там не оказалось, это был просто альков, со всех сторон окруженный темно-бордовыми портьерами, между тем как мой преследователь был уже в двух шагах. У меня перехватило дыхание.

Бросив на него затравленный взгляд, я едва не вскрикнула от ужаса. То, что я приняла за волчью шкуру, действительно было шкурой, только не волчьей. Лапы, что свисали на груди вампира, казались вполне обычными на вид, хотя и довольно крупными. А вот голова, болтавшаяся у него за спиной, была ярко розового цвета, с копной рыжеватых волос. Я заметила ее лишь мельком, когда вампир протянул ко мне руку, но этого было вполне достаточно. Невероятно! Он снял шкуру с оборотня в самый момент превращения, и теперь граница между серым мехом и человеческой плотью проходила точно по его плечам.

Мне захотелось немедленно переместиться во времени, но ужасная головная боль мешала сосредоточиться. Чтобы не потерять сознание, я до боли закусила щеку и попыталась забраться в оркестровую яму, надеясь найти хоть какой-нибудь выход, но кларнетист вытолкнул меня обратно, да так сильно, что я растянулась на полу. Перед глазами сверкнули начищенные до блеска черные сапоги, чья-то рука схватила меня за волосы и рывком поставила на ноги.

Взглянув в черные глаза, в которых метался темный огонь, я тут же забыла о боли.

— Ты, вонючая ведьма, — низким голосом произнес вампир с каким-то непонятным акцентом. — А я уж думал, что англичанам не хватит смелости преподнести нам столь редкое угощение.

Я взглянула на скальп, болтавшийся у него за спиной. Зрелище было настолько

омерзительным, что у меня сжалось горло. Я увидела его вполне отчетливо — искаженные черты лица, тусклые волосы, пустые глазницы; скальп напугал меня гораздо больше, чем сам вампир. Если бы я даже ненароком коснулась шкуры оборотня, то благодаря своему дару увидела бы именно последние минуты его жизни.

Я постаралась отодвинуться от нее как можно дальше, чтобы не узнать, что чувствуешь, когда с тебя живьем сдирают кожу, и тогда вампир, отпустив мои волосы, схватил меня за локоть. Его большой палец начал нежно поглаживать мою кожу, но мне казалось, что на нее льют расплавленный металл. Не могу сказать, что я ощутила боль, но пронзившее меня ощущение было таким острым, что на глазах выступили слезы; я перестала ощущать все, кроме собственного тела. Рука вампира скользнула к моей кисти, но мне показалось, что он вонзил в нее нож.

— Они, видите ли, не любят отдавать нам магов, боятся их мести, — высокомерно процедил вампир. — Нужно будет не забыть поблагодарить нашего радушного хозяина.

Я ощутила резкий прилив адреналина, но бежать было некуда. Зная, что это бесполезно, я попыталась выдернуть руку, и вампир улыбнулся.

— Что ж, посмотрим, какова ты на вкус. Пахнешь ты весьма аппетитно.

Но тут на мое плечо мягко легла чья-то рука, и вампир сразу перестал улыбаться.

— Она со мной, Дмитрий.

Мне не было нужды поворачивать голову, чтобы выяснить, чей это голос. Я узнала его мгновенно; по телу разлилось тепло, и резкая боль сразу ушла. На лице Дмитрия отразился гнев.

— Тогда вы должны держать ее возле себя, Басараб. Правила вам известны.

Мои плечи окутал плащ такого глубокого красного цвета, что казался почти черным.

— Наверное, вы меня просто не расслышали, — благодушно сказал Мирча. — Это немудрено — оркестр так громко играет.

— А почему я не чувствую на вас ее запаха? — с нескрываемым подозрением сказал Дмитрий.

— Как только я приехал, меня подозвал к себе наш хозяин. Я не стал брать с собой свою спутницу, зачем нам лишние уши? — ответил Мирча; теперь в его голосе отчетливо слышались металлические нотки.

По-видимому, Дмитрий этого не заметил. Уставившись на пульсирующую жилку на моей шее, он усмехнулся, обнажив длинные острые клыки.

— А если бы она что-то и услышала, что с того? Она все равно долго не протянет.

Пальцы Мирчи буквально впились мне в кожу. На плече у меня был порез; из-за нажатия он расширился, и по руке поползла струйка крови.

— Позвольте решать это мне, — ледяным тоном сказал Мирча.

Его рука обвилась вокруг моей талии, и он прижал меня к себе. Другой рукой он сжал кисть Дмитрия. Вампир побледнел и согнулся от боли. В воздухе столкнулись две энергии; посыпались искры, и нас окутала светящаяся дымка. Мне показалось, что еще немного — и она сожжет мою кожу.

Я стояла, прижавшись к Мирче, и изо всех сил старалась не упасть. Его энергия пронзала мое тело, обдавая теплыми волнами. Однако Дмитрий, судя по всему, блаженства не испытывал. Он поморщился, но упрямо продолжал держать меня за руку, да так крепко, что она онемела. Два вампира молча жгли друг друга взглядом, затем Дмитрий внезапно шагнул назад, схватился за свою руку и замер, тяжело дыша и сверля Мирчу убийственным

взглядом.

Взяв мою исцарапанную руку, Мирча вытянул ее, обнажив раны на коже. Затем склонил голову и, не сводя глаз с противника, принялся нежно водить по ней языком. Словно в тумане, я смотрела, как он слизывает с руки кровь, и любовалась его гордо склоненной головой, не в силах пошевелиться и отвести руку от этих теплых и влажных прикосновений. Через несколько секунд Мирча поднял голову, и я с изумлением посмотрела на свою руку. От кровоточащих ссадин и царапин не осталось и следа, кожа снова была чистая и ровная.

Мирча ни на секунду не отрывал глаз от Дмитрия.

— Если вы хотите продолжить дуэль, я к вашим услугам.

Губы Дмитрия шевельнулись, но он промолчал и отвел взгляд.

— Я не стану применять насилие в доме нашего гостеприимного хозяина, — ледяным тоном сказал он и отступил назад. Весь его вид говорил о том, что он едва сдерживает гнев. — Но ваше возмутительное поведение не будет забыто, Мирча!

Как только он ушел, красноватая дымка вокруг нас мгновенно рассеялась, словно туман под солнцем. Адреналин улетучился, и я вновь начала дрожать от волнения и холода, и если бы Мирча меня не поддерживал, то повалилась бы на пол. Несколько гостей, с большим интересом следившие за развитием событий, повернулись и с разочарованным видом отошли в сторону.

Мирча медленно увлек меня к стене, в тень. Неподалеку пара вампиров, высокая брюнетка и блондин, пили кровь молодой женщины. Брюнетка сидела на стуле, положив девушку себе на колени, и сосала кровь из ее яремной вены. Длинные светлые волосы девушки разметались, резко выделяясь на фоне темно-розового платья вампирши. Вампир-мужчина стоял перед ними на коленях; его темно-синяя мантия струилась по полу, словно водопад. Было совершенно очевидно, что он наметил себе другую цель.

Очень осторожно он отстегнул украшенные драгоценными камнями пряжки на плечах девушки, и легкая фиолетовая туника скользнула к ее бедрам. Она падала тихий стон, то ли от страха, то ли от наслаждения. Вампир ласково провел руками по ее животу, а потом прижал палец к голубой жилке на ее груди. Девушка робко положила руку на плечо вампира, словно обнимая его.

Вампир нежно погладил ее грудь, слегка прижав большим пальцем сосок. Девушка вздрогнула, но не отстранилась, когда за рукой вампира к ее груди потянулись его губы. В следующую секунду она дернулась — в белую плоть впились острые клыки.

Вампирша продолжала насыщаться, изогнув тело девушки так, что оно образовало дугу, в то время как вампир тянул его к себе, действуя руками, губами и зубами. Их движения слились в какой-то единый гипнотический ритм. Вскоре юное тело мелко задрожало, дыхание стало прерывистым, девушка задыхалась, не в силах справиться с охватившими ее ощущениями, только тихо просила еще и еще.

Я сглотнула. Европейские вампиры явно не желали следовать методам нашего Сената, по которым кровь можно получать в виде молекул через кожу или через воздух. Возможно, в этом была виновата эпоха, или они просто играли по своим правилам. Вампиры Тони частенько пили кровь прямо на публике, поэтому я отлично знала, как это делается, однако у них эта процедура проходила куда прозаичнее, без единого намека на чувственность. Честно говоря, будь у меня выбор, я бы предпочла грубость. Когда тебе грозит смерть, лучше встретить ее как врага, а не как страстного любовника.

Рука вампира скользнула под складки туники, и через несколько секунд девушка

вскрикнула от наслаждения. Однако вампир смотрел не на нее; его горящие глаза были устремлены на брюнетку. Процесс насыщения считается у вампиров делом интимным, они почти никогда не сосут кровь одновременно у одного и того же человека. Девушка, казалось, впала в забытие, а может быть, ей уже было на все наплевать. Внезапно она выгнулась, приподнялась и вскрикнула так громко, что привлекла к себе внимание стоящих неподалеку вампиров.

Мне стало тошно, и я отвернулась. Не знаю, сознавала ли эта девица, что для вампиров она всего лишь канал, по которому они передают друг другу свою страсть. Интересно, подумала я, она так и умрет с улыбкой на устах или же вампиры сочтут, что полностью лишать жертву крови — признак дурного тона? Неужели Мирча смотрит на меня так же? Неужели и для него я всего лишь канал, только не страсти, а энергии?

К моей шее прижались теплые губы.

— Смертные присутствуют здесь исключительно в виде развлечения и пищи, — раздался у меня над ухом хриплый шепот. — А ты кто — развлечение или пища?

Его дыхание обожгло мне шею и плечи, у меня бешено застучало сердце. Он глубоко втянул носом воздух, и я задрожала от страха и желания. Гейс молчал, хотя передо мной стоял не тот Мирча, которого я знала, а вампир-хозяин, вставший на мою защиту. Гейс не понимал, что вампир просто желает удовлетворить свое любопытство, выяснить, что случилось в театре. Гейс не понимал, что вампир, возможно, голоден.

— Я пришел тебя предупредить. Ты в опасности.

— Это для меня это давно уже перестало быть новостью.

— Да, я знаю. Дмитрий следит за нами. Он добычу просто так не отпустит. Придется играть очень убедительно.

Глаза Мирчи сверкнули, когда он положил ладонь мне на затылок и прижался горячими губами к моим губам. Я ожидала прилива страсти, но вместо этого меня охватило чувство огромного облегчения, которое прошлось по всему телу, наполнив его радостью. Мне казалось, что когда-то я надолго задержала дыхание и вот теперь могу наконец свободно вздохнуть. Я обхватила Мирчу за шею и не шевелилась, пока он осыпал меня поцелуями. Моя рука скользнула по его плечу, потом опустилась вниз, к изгибу бедра. Я не хотела его ласкать, все получилось само собой. Широкая ладонь легла мне на талию, теплый язык раздвинул мои губы, и тут гейс по-настоящему очнулся.

Невозможно сравнивать горящую спичку и пылающий костер. Я всхлипнула и потянула Мирчу вниз. От поцелуя по нашим телам пробежал огонь, осыпая нас дождем обжигающих искр. Все оказалось даже лучше, чем я могла предположить. Казалось, мои руки созданы лишь для того, чтобы ласкать эти густые темные волосы, а рот — для того, чтобы ощущать этот гладкий язык.

Сильные руки приподняли меня и прижали к стене; потом мы начали ласкать друг друга, дрожа от наслаждения и неутоленной страсти. Обнимая меня за талию, Мирча начал осторожно, но настойчиво раздвигать мои ноги, я почувствовала, как его теплое мускулистое бедро прижимается к моему. Умирая от желания, я перестала обращать внимание и на гостей, и на свои жалобные стоны, в точности как та девица. Я хотела Мирчу так, что даже сама испугалась.

От долгого поцелуя я начала задыхаться и уткнулась Мирче в грудь, чтобы вдохнуть воздуха. От него всегда пахло сосновой хвоей; вот и сейчас этот запах буквально поглотил меня, я увидела густой зеленый лес и вечернее небо над ним. Я вдохнула тепло его тела и

почувствовала слабость. Теперь меня поддерживали, не давая упасть, лишь руки и тело Мирчи.

Внезапно Мирча слегка отстранился, и я медленно встала на ноги.

— А ты не лишена талантов, маленькая ведьма.

Я хотела что-то сказать, но ответ замер у меня на губах, когда я увидела, как одет Мирча. Если в театре его наряд смотрелся слегка небрежно, то сейчас он выглядел на все сто. На нем была длинная темно-красная накидка, такая просторная, что могла сойти за плащ. Она была сшита из дорогой шерсти, с шелковой подкладкой и золотой отделкой. Накидка опускалась немного ниже колен, касаясь голенищ темно-коричневых сапог. Из-под накидки выглядывала золотистая рубашка из великолепного кашемира. Тонкая материя, мягко облекая тело, подчеркивала мускулистую грудь Мирчи, его длинную талию, узкие бедра и тяжелую мужскую плоть.

Я решила, что Мирча надел традиционный костюм румынской знати, который, кстати сказать, был ему к лицу. Вряд ли он выбрал его, следуя моде. Мирча предпочитал одежду простую, но сшитую самыми лучшими портными. В эту ночь он оделся так, как и подобает представителю древнего аристократического рода. Драконы на его рубашке были почти не видны, хотя, я думаю, вампиры их прекрасно замечали. Дракон — это фамильный герб Мирчи, и если в театре костюм лишь слегка намекал на его высокое положение, то сейчас он об этом просто вопил. Странно, зачем ему это понадобилось? В таком наряде Мирча был похож на вождя какого-то варварского племени.

Это впечатление усиливал меч, висевший на украшенном драгоценными камнями поясе. В свете свечей поблескивали золото и огромные старинные рубины, некогда принадлежавшие крестоносцам. Раньше я никогда не видела, чтобы Мирча носил оружие; вампирам-хозяевам оно ни к чему, поэтому, увидев меч, я онемела от изумления.

— Ты вооружился?

— А как же. В такой компании это необходимо.

Мирча подошел ко мне сзади, заслонив от зала, крепко прижал к себе и принялся целовать мои плечи. Его волосы, длинные и шелковистые, упали мне на грудь. Мирча закинул мою руку себе на шею, и вдруг я ощутила, как в мою кожу впилась острое клыки.

Он нацелился точно на артерию, но его интересовала не кровь — Мирча начал высасывать из меня энергию, не прокусывая при этом кожу. Со стороны все выглядело так, словно мы целуемся. Мирча шептал мне на ухо хриплым зловещим голосом:

— Странные вы существа. Называете себя людьми, но ведь вы вовсе не люди. Вы либо очень глупы, либо... способны на большее, чем хотите показать. Зачем ты сюда пришла?

Гейс таял от удовольствия, когда шелковое дыхание Мирчи обдавало мою щеку. По телу разлилось тепло, мне стало так хорошо, что я не могла не то что говорить, но даже дышать. Что я могла ему ответить? Мне нужно было сюда попасть, но зачем, я и сама не знала.

И уж конечно, в такой компании я не могла рассчитывать на успех. Я уже начинала думать, что моя энергия сама не ведает, что творит.

— Ты мне испортила удовольствие от спектакля, — прошептал Мирча. — Я все время думаю о тебе. Я везде вижу твое восхитительное тело... в моей ложе... в моей карете... в моей постели.

Он вновь притянул меня к себе и впился губами в мои губы. Его поцелуй был и грубым, и нежным; меня охватило несказанное блаженство.

Наконец Мирча оторвался от меня; его глаза пылали, щеки горели.

— Почему меня так тянет к тебе? — хрипло прошептал он. — Что ты со мной сделала?

Я решила, что пришла пора действовать.

— Я пришла, чтобы помочь тебе, — дрожащим голосом сказала я. — Ты в опасности.

Его пальцы ласкающим движением коснулись моего лица, словно он прикасался к чему-то интимному. Я облизнула губы.

— Да неужели?

— Мирча! Я говорю серьезно!

— О, мы уже перешли на имена? Отлично; ненавижу формальности.

Пока он говорил, гейс сверлил меня, словно раскаленная игла. Я обнимала его сильные плечи, чувствовала, как к моему бедру прижимается его твердая плоть. Мне стоило огромного труда не умолять его овладеть мной немедленно, сейчас же.

— Итак, мое имя ты знаешь. Могу я в таком случае узнать твое?

Я уже открыла рот, чтобы назвать себя; вот до чего я дошла. В последний момент в мозгу что-то щелкнуло, и я прикусила язык. Боль вернула меня к действительности, к звукам вальса и тихому гулу голосов.

Я оглянулась по сторонам, но увидела лишь оркестр, темноту и тусклый свет свечей. Высокий потолок уходил куда-то во тьму, в которой изредка вспыхивали хрустальные подвески люстры. Два вампира, расположившиеся у стены, закончили принимать пищу; странно, но их «закуска» осталась жива. Мужчина чем-то поил девицу из фляги, и она жадно глотала питье, бросая на вампира благодарные взгляды. Думаю, если бы сейчас он велел ей спрыгнуть с крыши, она сделала бы это не задумываясь.

Я же упорно напрягала память; я пришла сюда, чтобы решить проблему, но какую? Мне нужно сосредоточиться, тогда я все вспомню.

— Там, в театре, с тобой была женщина, — сказала я. — Она здесь?

Лучше пусть их будет двое, хотя мне-то что делать, если на нас нападет еще один вампир-хозяин?

Мирча приподнял темную бровь.

— Зачем она тебе? Я знаю, кто ты. Послушай, я стараюсь быть вежливым, особенно с молоденькими и хорошенькими ведьмочками, к тому же полуголыми. — Он провел пальцем по моей спине. — Странно, с каждой нашей встречей на тебе остается все меньше одежды. Великолепно. — Он не сводил взгляда с моего лица. — Но... хотя Августа и бывает порой совершенно несносной, ее смерть меня бы огорчила.

— Так помоги мне ее предотвратить!

— За этим ты сюда и пришла? Сначала ты спасла человека, который хотел нас отравить...

— Это не он! Вас хотел отравить кто-то другой, а он пытался вас спасти!

— ...а теперь отказываешься назвать свое имя. И после этого хочешь, чтобы я тебе доверял?

— Если ты считаешь меня врагом, тогда зачем ты меня спасал? Пусть бы Дмитрий делал со мной, что хотел!

Мирча зло улыбнулся.

— Мне нужно было продемонстрировать свою силу. На таких собраниях это бывает весьма полезно. Дмитрий меня не интересовал. Его вкусы известны многим, а я нахожу их... отвратительными. Я решил немного поразвлечься и отобрать у него добычу. Это не составило большого труда. — Его руки легли на мои ягодицы, и по спине у меня пробежал

жар. — А теперь, маленькая ведьма, ты мне расскажешь, зачем ты здесь, и объяснишь, что же все-таки произошло в театре два дня назад.

Я молча уставилась на него. Сказать правду было невозможно — я изо всех сил старалась не вмешиваться в ход времени, но, если я начну лгать, Мирча мгновенно меня раскусит. Выход был только один.

— Отведи меня к Августе, и я тебе все расскажу. Может быть. — Видя его сомнение, я вымученно засмеялась. — Ну надо же! Великий Мирча испугался какой-то безоружной девчонки!

Губы вампира скривились в легкой усмешке, а вскоре он уже широко улыбался, отчего лицо его заметно помолодело. Мирча взял мою руку и прижался к ней губами.

— Ну разумеется. Что такое жизнь, если в ней нет опасностей? — Он взял меня за руку. — Пошли. Посмотрим, как к тебе отнесется Августа.

Несмотря на толкотню, найти Августу оказалось совсем не трудно. Вместе с какой-то хорошенькой изящной брюнеткой они облюбовали место в противоположном конце зала. Вокруг них на некотором расстоянии стояла толпа, гости смеялись и выкрикивали одобрительные возгласы, хотя мне и не удалось понять, что там происходит. Казалось, две вампириши просто стоят в центре круга.

Мы остановились возле вампира в римской тоге.

— Ваша Августа становится популярной, — бросил он Мирче.

Тот скорчил недовольную мину.

— Она не моя, — буркнул он, и вампир рассмеялся.

Когда я увидела его первый раз в толпе некоторое время назад, он показался мне вполне заурядным — всклокоченные, как у Приткина, волосы, хмурое обветренное лицо. Но улыбка сразу преобразила его, а в светло-карих глазах блеснули веселые искорки. Теперь его можно было назвать даже красивым.

— Правда? Она так не считает.

— Вам следовало бы знать, консул, что женщины склонны к преувеличениям... и перепадам настроения.

— Только самые темпераментные, — согласился консул. — Ради таких можно многое стерпеть. Кстати, о темпераментных женщинах. Как поживает ваш консул?

— Прекрасно. Странно, что вы спросили о ней только сейчас.

— От ваших новостей я обо всем забыл.

— Мне ей так и передать?

Вампир в тоге вновь рассмеялся.

— Только если вы решили затеять войну, друг мой. — Во время разговора консул едва взглянул в мою сторону. Наверное, считает меня «закуской», подумала я. Но он вдруг посмотрел прямо на меня.

— А это кто? Мирча, вы начали коллекционировать грациозных блондинок?

Консул улыбался, но глаза его оставались серьезными. Мирча крепче сжал мою руку.

— Разве нам запрещено приводить с собой гостей, консул?

— Гости можно. Если они такие же, как мы, или люди.

Консул взял меня за подбородок. Внезапно в его глазах появилось какое-то жестокое выражение, как у убийцы.

— Очень хорошенькая. И очень сильная. Вы за нее отвечаете, друг мой.

Мирча слегка поклонился, и консул пошел дальше, весело болтая и перебрасываясь

шутками с гостями. Я почувствовала, что дрожу.

— Кажется, магов здесь не жалуют, — слабым голосом сказала я.

— От них одни проблемы. Приходится принимать дополнительные меры предосторожности.

— Странно, что он разрешил мне остаться.

— Просто был в хорошем настроении. Мы с Августой недавно оказали ему небольшую услугу.

— От меня не будет никаких проблем, уверяю тебя! — горячо заговорила я. Мирча лишь скривил губы. — Никаких, правда!

— Ну конечно никаких. В день нашей первой встречи меня чуть не отравили, а когда мы встретились во второй раз, мне пришлось участвовать в дуэли. — Он широко улыбнулся. — К счастью, я проблем не боюсь. К тому же, как сказал консул, ради некоторых женщин можно стерпеть многое.

Не найдя что ответить, я стала смотреть на женщин. Я так и не могла понять, чем они заняты, поскольку женщины стояли к нам спиной. Брюнетка была в бледно-голубом платье, с избытком украшенном кружевами, а на Августе было роскошное атласное платье цвета шампанского с открытыми плечами и длинным, расшитым золотом шлейфом. Эта женщина мне не нравилась, но приходилось признать, что одеваться она умеет. На какое-то мгновение пышные платья дам закрыли от меня происходящее, однако в следующий момент из круга выскочило какое-то существо и понеслось прямо на меня.

— Ой, он вырвался! — вскрикнула Августа, трясясь с от смеха. Голое существо с дикими глазами заметалось среди гостей; оно стояло на четвереньках, за ним тянулся кровавый след, четко выделявшийся на зеленом ковре. Существо не успело добежать до меня — внезапно его голова резко откинулась назад, и оно повалилось на бок.

Августа медленно приближалась к нам; в ее руке был поводок. Существо лежало на спине, дрожа от ужаса. Августа встала возле него.

— Ап! — скомандовала она и дернула за поводок.

Голова существа приподнялась, и сквозь копну грязных волос я увидела его глаза. Существо зарычало от боли, затем его охватила ярость, отчего его лицо исказилось до неузнаваемости. Но эти черные глаза я узнала. Они снились мне по ночам, когда меня мучили кошмары.

— Джек, — прошептала я, и он повернул голову в мою сторону.

— Что это с тобой? — спросила брюнетка. — Я думала, ты любишь забавляться с женщинами.

— Наверное, только с незащитными, — сказала Августа и провела по груди Джека острыми красными ногтями, оставив на ней красные полосы. — Значит, тебя называют Потрошитель? Когда я с тобой наиграюсь, ты действительно оправдаешь свое имя.

Мужчина извивался, пытаясь оттолкнуть от себя длинные и острые, как кинжалы, ногти; потом он повернулся ко мне спиной, и я ахнула. Она была расплосована так, что кожа свисала лохмотьями; это была не спина, а кровавое месиво. Это увидел и Мирча.

— Августа, если ты не оставишь его в покое, он умрет и испортит тебе все веселье, — произнес он спокойным голосом.

Августа рассмеялась.

— Ну, не думаю, — сказала она и скромно потупила глазки.

Мирча нахмурился и опустил голову возле Джека на колени. Затем вскинул глаза.

— Ты что, сделала этого сумасшедшего одним из нас? — спросил он.

Августа пожала плечами.

Когда он мне надоест, я от него избавлюсь. Или, если хочешь, отдам тебе — за все, что он тебе сделал. Но не сейчас. — Она почти ласково провела рукой по щеке Джека, и тот издал пронзительный вопль. Взглянув на его лицо, я поняла, что Августа проткнула своим длинным ногтем его правый глаз. Меня затошнило. — Мне это нравится, — сказала Августа. — Он так замечательно кричит.

Мирча отбросил руку Джека, которой тот в отчаянии цеплялся за его сапог, и Августа потащила своего пленника обратно в круг. Чтобы показать его всем, решила я. Мирча взглянул на меня; я изо всех сил старалась казаться равнодушной.

— Откуда ты знаешь его имя? Августа показала его только сегодня.

— Я о нем кое-что слышала, — судорожно сглотнув, выдавила я. — Как он к вам попал?

— Сам пришел. Нам нужен был другой. — Джек завопил, когда брюнетка ударила его острым каблуком в пах, и я невольно поморщилась. — Ничего, скоро он сломается, и она оставит его в покое.

Я промолчала. Скоро они поймут, что трудно сломать и без того сломленный разум.

От Джека меня отвлекли две призрачные фигуры, они выплыли из толпы зрителей и окружили его. Одна из них была тем самым непонятным существом с огромными глазами, которое я видела раньше, вторая была... Майра.

Я застыла на месте. В двух шагах от меня во всей своей призрачной красе стояла та, что доставала меня, словно заноза в заднице. Узнать ее было легко, потому что в прошлую нашу встречу она предстала передо мной в том же обличье. Я не верила своим глазам. Майра выглядела намного здоровее, чем до того, как я проткнула ее ножом. Ее прежде грязные, неухоженные волосы были теперь аккуратно причесаны и сияли чистотой. Лицо было бледным, но при этом она явно набрала несколько фунтов. Как, черт возьми, ей удалось так быстро выздороветь?

— Что ты здесь делаешь? — сурово спросила я ее.

Мирча решил, что я обращаюсь к нему.

— Ты же хотела видеть Августу. Вот она, живая и здоровая.

— Восстанавливаю справедливость, разумеется, — ответила Майра. Ее голос был чистым и звонким, как у ребенка, что резко контрастировало с выражением ее лица. Если бы взглядом можно было убить, я бы давно уже валялась на полу мертвой. — Разве нас не этому учили? Майра стояла рядом с брюнеткой, однако близко к ней не подходила — то ли опасалась Августы, то ли решила использовать ее как щит, чтобы в случае опасности загородиться от моих ножей. Я высвободила руку из-под плаща Мирчи, но он крепко сжал мое запястье.

— У тебя очень милое украшение, но не советую его использовать его против Августы. Ты видела, что она делает с теми, кто безрассудно пытается на нее нападать.

Я пропустила его слова мимо ушей.

— О какой справедливости ты говоришь? — спросила я Майру.

— Ах, прости, я забыла, — сладким голоском пропела та. — Тебя же ничему не учили. Это ужасно.

Ее слащавый тон начинал действовать мне на нервы.

— Хватит валять дурака, Майра. Мыс тобой не в игрушки играем.

— Конечно, — согласилась она. — Мы вступили в схватку, где очень высокие ставки.

Высочайшие, я бы сказала.

— Это ты о чем?

Мирча проследил за моим взглядом, но, конечно, ничего не увидел.

— С кем ты говоришь? — спросил он.

— О том, что ты не имеешь права быть пифией, — ответила Майра, смерив меня взглядом своих некогда голубых, а теперь совсем белых глаз. Наверное, они не были белыми, когда Майра приобретала облик человека, и все-таки смотреть на них было неприятно. — Старая Агнес была не в своем уме, когда назначала тебя. Если бы процедура выбора пифии проходила по всем правилам, тебя просто выгнали бы вон. А пифия все делала по-своему. Наплевала на всех, наплевала на традицию, которой уже несколько тысяч лет! Ну вот я и приехала, чтобы это исправить.

— Убив меня?

— Ну зачем же так жестоко? Позволь дать тебе небольшой урок, первый и последний, — проворковала Майра. — Всякое существо, скользящее во времени, попадает в прямую зависимость от своего прошлого. Вмешайся в прошлое, измени его, и ты изменишь само это существо. — Она ядовито улыбнулась. — Или оно вообще исчезнет.

— Это я знаю. — Интересно, почему Майра оказалась здесь, именно в этом времени? Судя по тому, что Августа только что обратила Джека, мы находились в восьмидесятых годах девятнадцатого века. Рановато для изменения моего прошлого. — И что ты задумала?

— Ты можешь мне объяснить, что происходит? — резко спросил Мирча, переводя взгляд с меня на гостей.

— Что я задумала? — передразнила меня Майра. — Ну ты и тугодумка! Пифии-первогодки и то схватывают быстрее!

Майра взглянула на Мирчу, и я похолодела. Выражение ее лица мне не понравилось.

— Если ты хочешь убить меня, зачем тебе он?

— Все никак не можешь связать причину и следствие? — с искренним удивлением спросила Майра. — Так и быть — я тебе растолкую. Мирча защищал тебя большую часть твоей жизни. Как ты думаешь, почему Антонио на тебя злился, но ни разу не попытался убить? Почему принимал с распростертыми объятиями, когда тебя в очередной раз возвращали домой? Не будет Мирчи, не будет и защиты. А значит, ты умрешь задолго до того, как превратишься для меня в проблему.

Призрачное существо за спиной Майры внезапно дернулось, словно ему не понравились ее слова. Призрак переводил свои огромные глаза с меня на Майру, и цвет полупрозрачного столбика менялся с серебристого до темно-красного. Потом края его стали неровными, затрепетали, и неожиданно загадочное существо стало меняться. На бледном, почти невидимом лице появился рот, полный устрашающих клыков, серые глаза налились кровью и стали темно-красными. Я с изумлением смотрела на призрака, но Майра, казалось, его не заметила. А может, глядя на мои гримасы, решила, что я ее передразниваю.

— Значит, Агнес тоже стала для тебя проблемой? — резко спросила я, предположив, что Майра и была той женщиной в театре, которая хотела отравить Мирчу. Больше никому. Я не знала, этим ли ядом она отравила Агнес, но почерк был тем же. — За это ты ее и убила?

Майра засмеялась так, словно я сказала что-то очень смешное.

— Это против правил! Ты этого не знала?

С этими словами она вошла в тело брюнетки и исчезла.

Мирча схватил меня за руки.

— Ты что, сумасшедшая?

— Брюнетка, — задыхаясь, прошептала я.

Больше я ничего не успела сказать, потому что Майра в облике вампириши внезапно рванулась к Мирче. Не успела я и глазом моргнуть, как он схватил ее за горло. Она извивалась, пытаясь вырваться, но не могла до него дотянуться. Впрочем, это мало бы что изменило. Очевидно, Майра считала, что вампир он и есть вампир. Она не понимала, что брюнетка по сравнению с Мирчей — дитя и он шутя справится с ней. Впрочем, соображала она быстро. Через минуту она уже вылетела из тела женщины и растворилась в толпе.

Повалившись на пол, брюнетка рыдала, хватая Мирчу за сапоги и умоляя о прощении.

— В нее вошел призрак, она сама не понимала, что делает, — пыталась я ему объяснить.

С потемневшим от гнева лицом он поднял ревушую вампиршу на ноги и взглянул на меня.

— Призрак не может войти в вампира!

Я вспомнила о Казанове, но обсуждать этот вопрос не стала.

— Ну да, почти никогда, — сказала я, окинув взглядом толпу, собравшуюся поглазеть на сцену насилия.

Когда-то я и сама вошла в вампира, причем хозяина первого уровня. Это получилось случайно, я сама не понимала, что делаю, и потому жутко испугалась. Вампиру тогда тоже досталось. Но Майра, судя по всему, отлично умела это делать, к тому же в зале было полно вампиров — выбирай кого хочешь.

— Что здесь происходит?

Мирча толкнул брюнетку к Августе — ее хозяйке, как я догадалась, и стал мрачно вглядываться в лица гостей.

Я не успела ответить, потому что из толпы внезапно выскочила женщина в кремовом кринолине и с почти двухметровой прической, она словно приехала на бал прямо из Версаля. Дама не пошла к Мирче, как я ожидала, вместо этого она нетвердой походкой обошла круг и натолкнулась на Джека, отчаянно пытавшегося отползти в тень. Они шлепнулись на пол, и в воздухе замелькали голые ноги женщины, ее кружевные панталоны и атласный подол. Августа резко дернула за поводок и оттащила Джека в сторону.

Однако вампирша в кринолине не встала, а продолжала валяться на полу, раскинув руки и ноги, откинув голову и закатив побелевшие глаза. Было видно, что она отчаянно борется с призраком, пытаясь вытолкнуть его из себя. В этом случае мне было бы значительно проще. Мои ножи с одинаковой легкостью могли испаривать и плоть, и дух, но я не могла напасть на Майру, пока она находилась в чужом теле. Во-первых, ее жертвы ни в чем не виноваты, а во-вторых, нельзя вмешиваться в ход времени.

К женщине бросились несколько вампиров. Я схватила Мирчу за руку.

— Верни их! Я смогу это прекратить, пусть только мне никто не мешает!

— Нет! Не смей убивать ее только для того, чтобы...

— Я никого не собираюсь убивать, — возразила я, стараясь перекричать вопли женщины. — Как только дух поймет, что он не может ею управлять, он ее оставит, и тогда я...

Я осеклась, но было уже поздно. В обычном состоянии Майра не услышала бы моих слов, но сейчас у нее был слух вампира. Женщина приподняла голову и, глядя на меня, ухмыльнулась, словно хотела скорчить гримасу, затем бессильно опустила голову на пол.

Одна из дам, хлопотавших возле нее, внезапно бросилась в сторону и смешалась с толпой — разумеется, с пассажиром на борту. Черт!

Я лихорадочно оглядывала гостей, пытаюсь отыскать Майру, но, когда я ее наконец заметила, она вошла в тело молодого вампира. Не иначе как решила поиграть со мной в прятки.

— Следи за женщинами, — громко сказала я Мирче, надеясь, что Майра меня слышит.

До сих пор она входила только в тела женщин, возможно, ей нравилось занимать мужские тела не больше чем мне. А рядом с Мирчей стояли одни дамы. Если Майра меня услышит и переключится на мужчин, у меня будет доля секунды до того, как она вновь ринется в атаку.

Я быстро оглядывала одного вампира за другим; гости перешептывались, но не проявляли признаков беспокойства. Более того, из зала прибывали все новые зрители — вероятно, слух о том, что в соседней комнате что-то происходит, облетел весь дом. И чем больше вокруг нас собиралось вампиров, тем труднее становилось отыскать среди них Майру.

По спине пополз холодок. Меня окружали возбужденные вампиры, только и ждавшие, когда прольется кровь или кто-нибудь умрет. Вампир в ярко-зеленом бунусе упал на пол, но тут же с глухим рычанием вскочил, оскалив белоснежные клыки, которые казались еще белее на темном лице. Внезапно я заметила в центре круга какое-то движение и натолкнулась на взгляд Августы. Ее лицо пылало ненавистью, голубые глаза сузились, превратившись в холодные льдинки. Значит, молодой вампир был лишь отвлекающим маневром.

— Мирча, смотри! Она вошла в Августу!

По толпе пробежал глухой ропот; все понимали: что-то происходит, но соваться в драку никто не собирался. Мы находились в Европе, а Мирча и Августа были членами североамериканского Сената. Если они решат друг друга поубивать, это их личное дело. Никто и пальцем не пошевелит, чтобы вмешаться или помочь. — Ты не сможешь ее убить, — торопливо сказала я Мирче. — Просто... вырубь ее как-нибудь, что ли.

Нужно было выгнать Майру из Августы, чтобы встретиться с ней лицом к лицу. В это время Августа схватила огромный железный канделябр, подняла его, как пушинку... и тут я поняла, что в моем плане есть одна брешь. Если Августа — член Сената, значит, она вампир-хозяин первого уровня.

Как и Мирча.

Размахивая пылающим канделябром, Августа ринулась на нас. В последний момент Мирча оттолкнул меня в сторону и отскочил сам. Августа пролетела мимо, но молниеносно развернулась и понеслась назад, размахивая канделябром, как мечом. От горящих свечей посыпались искры; в толпе начался переполох. Дело в том, что вампиры до смерти боятся огня; гости бросились к выходу, в дверях началась давка.

Августа сделала новый заход, Мирча увернулся, но в это время от стены отделилась темная фигура и, вытянув руку, бросилась к Мирче. Тот ничего не замечал до тех пор, пока ему в бок не воткнулся остро заточенный кол. Я завизжала. Дмитрий с ухмылкой взглянул на меня, но тут же застыл на месте. Из его груди торчал клинок меча, который, несомненно, прошел сквозь сердце; рукоять находилась в руке Мирчи. Дмитрий посмотрел на клинок, словно не веря своим глазам, затем рухнул на пол и забился в агонии.

Держась за бок, Мирча упал на одно колено, и я поняла, что дела его плохи. Клинок был

сделан из металла, значит, Дмитрий рано или поздно поправится. А вот Мирча был ранен деревянным колом. Когда я это увидела, у меня потемнело в глазах. Я твердила себе, что даже если кол прошел через сердце, хозяина первого уровня это не убьет, но рядом находилась Августа, она явно решила довести дело до конца.

Когда Мирча упал, она остановилась, с изумлением глядя на него, но в следующую секунду сообразила в чем дело, и рванулась к Дмитрию, чтобы вытащить из его груди меч. Увидев меня, она засмеялась.

— Ну что, так и будешь стоять? — сказала она и повернулась к Мирче.

Я больше не колебалась. Убийство Августы могло изменить течение времени, но позволить ей убить Мирчу я тоже не могла. Никогда в жизни мне не было так страшно, как в те минуты, когда я смотрела на кровь, льющуюся из его раны, и не могла ее остановить. И я не собиралась спокойно ждать, пока ему отсекут гонту.

Мои кинжалы вылетели из браслета и ринулись на Августу. Обладая мгновенной реакцией вампира, она сумела отразить нападение, выставив перед собой канделябр, но от удара из него вывалилась свеча. Падая, она задела плечо Августы, и одна искра попала на ее корсет. Этого оказалось достаточно. Сначала на нем появился маленький огонек, как от спички. Человек просто сдул бы его или загасил пальцами, но Августа завизжала и начала метаться по комнате, как утопающий, который цепляется за все, что попадется под руку.

Очевидно, от страха перед огнем Майра совершенно потеряла над собой контроль. Мирча пытался ее успокоить, просил остановиться, чтобы он смог сбить пламя носовым платком, но она его не слышала. На бегу она поскользнулась в луже крови, пролитой Джеком, и, грохнувшись на пол, проехала на задку через всю комнату; мне пришлось отскочить в сторону, чтобы она не сбила меня с ног.

— Августа! Успокойся, стой на месте! — ревел Мирча, но она уже ничего не соображала.

От ее беготни пламя разгоралось еще сильнее, с корсета огонь перекинулся на один из ее прелестных длинных локонов. Августу уже не просто визжала, она истошно вопила, потом сдернула с головы завитые по моде пряди и отшвырнула их в сторону. Теперь понятно, почему ее голова не вспыхнула как факел — золотые кудри были накладными.

Видя, что она уже не может управлять ситуацией, Майра покинула тело Августы. Я отчаянно замахала руками и закричала, чтобы привлечь внимание своих ножей, которые в это время зависли над бившейся в истерике Августой.

— Нет, не эта! Вон та — бейте Майру!

Но они меня либо не слышали, либо отказывались повиноваться забавы ради.

Зато призрачное существо с огромными глазами оказалось более преданным. Словно дуновение ветра, оно вошло в Майру; та отшатнулась и взвизгнула, схватившись за грудь. Опомившись от изумления, я поняла, что призрак вроде как ограбил ее среди бела дня. В следующую секунду он выплыл через ее спину с изрядным багажом энергии, превратившей его в слепящий серебряный столб.

Я зажмурилась, а когда открыла глаза, призрак уже исчез. Майра стояла на коленях, едва различимая в полумраке зала; призрак лишил ее энергии, позволявшей ей действовать на протяжении многих часов.

— Ничего, — прошипела она, сверля меня ненавидящим взглядом, — все равно ты не сможешь стеречь его постоянно.

Она исчезла в тот момент, когда Августу вскочила, рыдая и обвиняя Мирчу во всем, что

произошло. Я бросила ему плащ, и он накинул его на Августу, чтобы погасить огонь.

— Открой мне тайну, маленькая ведьма, — сказал он, с трудом удерживая бьющуюся в истерике вампиршу, — что бывает, когда ты и в самом деле хочешь устроить переполох?

Я не успела ответить. Едва сдерживая приступ рвоты, я почувствовала, что падаю. В следующую секунду я с шумом повалилась на койку Мака, где в это время мирно сидел Билли-Джо и раскладывал пасьянс.

— *Сегодня приема не будет,* — сказала я и потеряла сознание.

Следующие полчаса я провела в туалете в обнимку с унитазом. От потери энергии я совершенно обессилела, меня просто выворачивало наизнанку. Как обычно, мне повезло: Мак решил проверить, сплю я или нет, и заглянул ко мне в тот момент, когда я лежала на койке, дрожащая и зеленая. Потом он ушел перекусить, очевидно решив, что у меня произошел резкий скачок давления. Если бы Билли подвинулся, чтобы я могла вытянуться, не проходя сквозь него.

— Ну что, видел Казанову? — хрипло спросила я.

Решив промочить горло, я взяла одну банку пива из обширных запасов Мака, но от пива меня затошнило еще сильнее.

— Видел, а Чавес смылся. Наверное, затаился где-нибудь, ждет, когда маги уйдут из Данте. В общем, не знаю. Казанова сказал, что надежно спрячет твои вещи, как только он сможет попасть в казино.

Я кивнула. Очень хорошо. Если Чавесу хватило ума вовремя скрыться и не угодить в руки магов, значит, мои вещи пока в безопасности.

— Ну что ты решила? — спросил Билли, тасуя карты.

Этот призрак никогда и ничего не бросает на полпути. Замечательное качество, но сейчас мне было не до него.

— Ты о чем? — спросила я, лежа на спине и пытаюсь убедить желудок, что в нем не осталось ничего, что можно было бы исторгнуть. Я перемещалась во времени уже не раз, но такого со мной не бывало никогда.

— Ты собираешься восстанавливать свою защиту?

Я удивленно вскинула глаза. Надо же, я совсем забыла про защиту! А ведь она могла здорово помочь, когда меня преследовал Дмитрий.

— Собираюсь, к тому же я кое-что ей должна.

— По-моему, это она тебе должна. Ты у нее вроде как на побегушках. Ты же не хотела перемещаться!

— Кажется, она так не считает.

Билли затянулся призрачной сигаретой и выдохнул колечко дыма, оно поднялось почти к самому потолку и медленно растаяло в воздухе. Как-то раз я спросила Билли, почему курить призрачные сигареты он может, а поглощать призрачную выпивку — нет, это избавило бы меня от множества затруднительных ситуаций и от его вечного нытья. Билли ответил, что в момент смерти с тобой остаются предметы, находившиеся у тебя в руках или где-то рядом. После этого они становятся частью тебя самого, то есть, по сути, Билли курил самого себя, что в какой-то степени можно было считать выходом из положения. Жаль, что в момент погружения в реку у Билли не было с собой бутылки виски.

— А почему мы говорим об энергии как о живом существе? — задумчиво спросил Билли — Послушать тебя, так ты ее должница и она в любой день может потребовать вернуть долг. А если это не так? Может быть, энергия — просто явление природы, что-то вроде гравитации. Только она не притягивает предметы, а манипулирует временем, скажем, отправляет кого-нибудь в прошлое, чтобы уладить разные проблемы.

Я покачала головой. Конечно, рассуждения моего друга-призрака были не лишены логики, но мне почему-то казалось, что сила, с которой я имею дело, не какая-нибудь

безмозглая субстанция. И она прекрасно осознает, что мне не нравится выполнять ее поручения. Просто ее это не волнует.

— Нет, я так не думаю, — сказала я.

— Ладно, тогда давай проясним ситуацию.

Одним движением Билли вытащил из колоды несколько карт — два туза, две восьмерки и короля пик. В покере такой набор называется «Рука мертвеца», потому что, согласно легенде, именно такие карты находились в руке Неистового Билла Хикока^[15], когда ему выстрелили в спину. Хикок погиб в тысяча восемьсот семьдесят шестом году, то есть почти через двадцать лет после смерти Билли, однако же Билли прекрасно разбирался в законах покера, а также в том, как использовать их в своих целях.

— Значит, ты не собираешься восстанавливать защиту, несмотря на то что за тобой охотится куча народа, и ты отправляешься в Страну эльфов, где чужаков уничтожают на месте? И все это ради того, чтобы не становиться должницей энергии?

— Не знаю, — отрезала я, потому что слишком устала, чтобы спорить.

— Превосходно! Я рад, что ты хотя бы об этом думала.

— Слушай, чего ты ко мне пристал?

— Да потому, любовь моя, что мы с тобой заключили сделку. Или ты забыла? Я свое слово сдержал, теперь твоя очередь. Что я получу, если ты погибнешь? Ладно, ладно, ты не любишь, когда тобой командуют. Этого никто не любит. Только вот что я тебе скажу: стать покойником — это еще хуже. Да попроси ты Мака восстановить эту чертову защиту! Если она тебе не нужна, значит, тебе вообще никто не нужен. Или нет?

— Угу, — ответила я, решив, что, пока Билли торчит возле меня, поспать мне не удастся. — А что, если она придет в действие в самый неподходящий момент? Кто знает, что она сочтет угрозой? Один раз она уже меня чуть не прикончила... — Я замолчала, потому что не хотела рассказывать Билли о Приткине. К счастью, призрак ничего не заподозрил.

— Согласен, ты рискуешь. И все-таки это лучше, чем поставить на карту свою жизнь, а потом выяснить, что проиграла. Послушай моего совета, Кэсс: никогда не играй на деньги, если знаешь, что не сможешь отыгратья.

Наш спор прервал Мак. Он притащил все четыре составляющие фастфуда — соль, жир, сахар и кофеин в виде жареной картошки, бургеров и огромных картонных стаканов с приторно-сладким кофе. Я заставила себя поесть, поскольку это был скорейший способ восстановить энергию, хотя и чувствовала себя довольно скверно. Жуя бургеры, я сказала Маку, что решила активировать свою энергетическую защиту. Билли пришел в восторг, а я скорчила ему рожу. Хуже Билли в плохом настроении может быть только Билли в хорошем расположении духа. В этом я уже давно убедилась.

Когда вернулся Приткин, я только что закончила одеваться. Моя пентаграмма так и осталась кривой — сейчас было не до красоты. Мак сказал, что все прошло хорошо, но у меня на этот счет были кое-какие сомнения. Дело в том, что я ничего не чувствовала — ни единой искорки разряда. Конечно, в спокойном состоянии защита не ощущается, но мне бы все-таки хотелось получить хоть какое-то подтверждение. Но я ничего не получила. Видимо, мне предстояло дожидаться, пока кто-нибудь не решит меня уколошить — только тогда я смогу проверить степень мастерства Мака. Учитывая мой образ жизни, ждать мне оставалось недолго.

— Нам пора, — прямо с порога заявил Приткин.

С этими словами он что-то набросил мне на шею, и оно зацепилось за ухо. Я поправила

прочный красный шнурок и увидела, что на нем висит амулет. Точнее, несколько амулетов. Среди всякой всячины был полотняный мешочек с сушеной вербеной, я узнала его по запаху — так пахнут старые носки. Происхождение остальных оберегов было мне неизвестно.

— Рябиновый крест, — тут же определил Билли, — с янтарными и коралловыми вставками. Говорят, эльфы такие штуки терпеть не могут. Пентаграмма, судя по всему, железная, — добавил он, прищуриваясь, будто это могло улучшить его зрение. — Похоже, маг относится к делу серьезно. Я начинаю думать, что он такой же придурок, как и ты.

В это время Приткин извлек из своего рюкзака еще один предмет — на этот раз ожерелье. Прямо как Санта-Клаус, только слишком мрачный. Бросив что-то Маку, Приткин хмуро произнес:

— Круг идет сюда.

— Так я и думал, — беззаботно ответил тот и смахнул со стола несколько крошек. Пока он занимался моей защитой, мы болтали о разных пустяках; наверное, тем самым Мак хотел меня отвлечь. Сейчас он взглянул на меня, улыбнулся и вытянул правую ногу. — Смотри, об этом я тебе не сказал.

Ниже колена татуировки у него не было.

— Ну и что?

Мак улыбнулся еще шире, вытащил из кармана листок бумаги и положил на койку. Это была карта Лас-Вегаса и его окрестностей. Карта была совсем старой, пожелтевшей; в некоторых местах на ней виднелись яркие красные точки, вроде как станции метро с той лишь оговоркой, что метро в Вегасе нет.

— Здесь, — сказал Приткин, показывая на точку, расположенную возле зданий МОППМ.

— Нет проблем, — кивнул Мак и взглянул на меня. — Ты смотрела фильм «Волшебник из страны Оз»?

— Да, а почему ты спрашиваешь?

— Потому что это может тебе пригодиться, — только и успел сказать он, когда комната неожиданно вздрогнула и заходила ходуном, словно началось землетрясение.

Я ухватилась за койку, ножки которой были привинчены к полу, Приткин обеими руками вцепился в стол. И только Мак, не обращая внимания на болтанку, продолжал спокойно разглядывать карту, водя пальцем по линии, проложенной от города в пустыню. Через несколько секунд после того, как он оторвался от карты, дом содрогнулся еще пару раз и затих. На пол медленно опустилось несколько листочков бумаги, круживших под потолком. Наступила тишина.

— Что это было?

— Иди посмотри, — ответил Мак, махнув рукой в сторону входной двери.

Дождавшись, когда у меня перестанут трястись ноги, я вышла в приемную. Распахнув дверь и выглянув наружу, я увидела не асфальтированную улицу и расположенный напротив маленький ресторанчик, а бескрайнюю пустыню да одинокие кактусы.

— Мне кажется, ей нужно дать какое-нибудь оружие, — сказал Мак, выходя за мной.

— У нее есть ножи.

— Они ненадежны. Это оружие черного мага, кто знает, как оно себя поведет? Сейчас они ей служат, потому что их интересы совпадают, а что будет потом? — Мак покачал головой. — Нет, мне это не нравится. К тому же мы даже не знаем, будут ли они действовать там.

— Ты же восстановил защиту; по-моему, этого вполне достаточно, — ответил Приткин, выкладывая на прилавок содержимое рюкзака. — Она и так сильна, как никогда.

Ничего не ответив, Мак протянул руку к своему левому плечу и схватил то, что пряталось в густой листве нарисованного дерева. Затем прижал палец к губам и оглянулся на Приткина, который раскладывал на прилавке целую коллекцию всевозможного оружия. Я решила, что без тележки ему не обойтись, если он собирается тащить все это на себе.

Мак тихонько взял меня за руку и прижал к моему локтю маленький кусочек золота, по форме напомилавший кошку. Едва коснувшись кожи, золото превратилось в черную пантеру с оранжевыми глазами; я узнала эти глаза — это они сверкали сквозь лесную чашу. По-видимому, кошке не понравилось ее новое место обитания, поскольку, пробежав по моей руке, она скрылась где-то под рубашкой.

Мне даже показалось, что я чувствую прикосновение мягкой шерсти и маленьких коготков. Это было странное ощущение, и оно мне не понравилось.

— Что за...

— Пойдем, Кэсси, тебе нужно еще поесть, — перебил меня Мак и затащил обратно в дом.

— Слушай, какого черта ты делаешь? — возмутилась я. Мак зашикал и начертил в воздухе какой-то знак.

— Противозумная защита, — пояснил он. — У Джона слух как у кошки, все слышит.

— Мак, немедленно объясни, что...

— Я просто сделал тебе еще одну защиту, как ты и хотела. Шеба о тебе прекрасно позаботится. Она у меня само совершенство.

В это время мисс Совершенство ползла у меня по животу, время от времени облизывая его своим теплым языком.

— Мак! Убери ее!

Он рассмеялся.

— Не могу. Таких, как она, можно перемещать только раз в день, так что извини.

Поскольку вид у него был самый беззаботный, я решила, что он меня дурачит.

— Мак! — повторила я.

— Она может тебе пригодиться, Кэсси, — уже серьезно повторил он. — Я восстановил твою защиту, но вспомни, что говорил Джон: в Стране эльфов она может не сработать. Если у тебя не будет энергии, не будет и защиты, и тогда тебе на помощь придет Шеба, она станет твоим оружием. В Стране эльфов магическая защита не действует, но к Шебе это не относится. Я ее приобрел у одного эльфа. И вообще, как джентльмен, я не могу позволить тебе отправиться в опасное путешествие без оружия.

— Но ведь я буду не одна!

Шеба перебралась мне на спину и принялась ее царапать. Я передернула плечами и попыталась достать нахалку, но в ответ получила удар маленькой лапкой. К счастью, немного повозившись, пантера свернулась клубком где-то в районе моего копчика и уснула. До меня даже доносилось тихое мурлыканье.

— Вам придется идти мимо часовых. Учти, это не так просто.

— Ты же говорил, что знаешь их.

— Да, но и они меня знают. Пока я не ушел в отставку, я был напарником Джона. Теперь, после того, что вы с ним натворили сегодня утром, его разыскивают. Так что мое неожиданное появление и попытка завязать милую беседу могут показаться им несколько

странными. Лучше я отвлеку их внимание, а вы тем временем проскочите в портал. Но учти: он может не сработать. А если и сработает, вам с Джоном все равно придется действовать самостоятельно после того, как часовые меня задержат.

Я поморщилась; во-первых, Шеба щекотала меня хвостом, а во-вторых, меня раздражала беззаботность Мака. Бросить вызов кругу — это не шутка.

— А что будет, если тебя схватят?

Он пожал плечами.

— Скорее всего, ничего. С другой стороны, легким шлепком я тоже не отделаюсь; возможно, меня вышвырнут на улицу, только и всего. Но я знаю парочку фокусов, так что, думаю, если мне повезет, я сумею их убедить, что Джон меня заколдовал и заставил ему помогать.

— А если не повезет?

Мак усмехнулся и ласково похлопал меня по плечу.

— Поэтому мы и отправляемся сегодня. Мои приятели, конечно, вряд ли будут рады меня видеть, но и убивать меня они не станут. Пару раз я им здорово помог, можно сказать, вытащил из огня, так что они мне кое-что должны.

— Но круг...

— Это уж мое дело, — сказал Мак, заметив, что Приткин наблюдает за нами из соседней комнаты.

— Чем вы там занимаетесь? — прочитала я по его губам, прежде чем Мак взмахнул рукой и снял противошумную защиту.

— Забиваем свои сосуды вредным холестерином, — весело отозвался Мак. — Я бы предложил и тебе присоединиться, но, насколько знаю, ты свой лимит на сегодня уже исчерпал. — Мак подмигнул мне. — Никогда не доверяй Джону покупать продукты, Кэсси. Он будет кормить тебя пыреем и сливовым соком.

— Это лучше той гадости, которую ты называешь едой, — огрызнулся Приткин и скрылся за дверью.

Я хотела доесть свой бургер, но он был жирный и давно остыл, к тому же у меня пропал аппетит. Как же я устала доставлять людям одни неприятности, почему из-за меня кто-то должен попадать в лапы круга! Может, маги-часовые ему и обязаны, но будет ли этого достаточно? А что, если его схватят и будут пытаться? Что, если нам не удастся проскочить в портал? Меня снова затошнило, то ли от жирной пищи, то ли от волнения. Мак, у которого, видимо, таких проблем не было, невозмутимо дожевывал мой бургер.

Когда я вышла в приемную, Приткин уже был в полной боевой готовности. Гора оружия исчезла, но я не сомневалась, что он спрятал его под пальто, хотя ничего не было заметно. Только когда я увидела, как он цепляет очень необычные амулеты на какой-то браслет, я поняла, в чем дело.

— Железный, — пояснил он, застегивая браслет на запястье. — Втягивает в себя энергию эльфов и действует на их чары, как серебро на оборотня.

— Не знала, что ты любишь побрякушки, — съязвила я, хотя прекрасно понимала, что он делает.

Оказывается, не одни только маги-убийцы носят такие браслеты, увешанные крошечными пистолетами, винтовками и даже чем-то вроде гранатомета. Появление последнего было особенно эффектно, когда маг неожиданно вытаскивал его из заплечного мешка.

— Я их уменьшил, — пояснил Приткин. — Иначе как я все это потащу?

— Ты же говорил, что наше оружие в Стране эльфов не действует.

— Я говорил про магию, а не про оружие. А это, — Приткин похлопал по кобуре, — вовсе не магия. Он заряжен железными пулями. Кстати, — добавил он и протянул мне такое же пальто, как у него, — надень.

Я взяла пальто у него из рук... и чуть не полетела на пол. Наверное, кто-то набил его свинцом. Через секунду я поняла, что так оно и есть. Все многочисленные карманы пальто были до отказа заполнены коробками с патронами всевозможного калибра.

— Ты, наверное, шутишь, — сказала я и бросила пальто. Послышался глухой стук. — Мне его не поднять! Я даже ходить в нем не смогу, не то что бегать!

— Бегать тебе не придется, — сказал Приткин, поднял пальто и сунул его мне в руки. — От эльфов нам не уйти, так что мы и пытаться не будем. Если мы их встретим и они разозлятся... А это уж непременно, — сказал Мак, подходя к нам. В руках у него был небольшой пакет с вещами из моей сумки и парой банок пива.

— ...то мы не отступим и будем драться, — закончил Приткин. — Убегать — пустая трата времени, к тому же мы можем разделиться, а это только сыграет им на руку. Нет, будем драться. Главное — не паниковать.

— Конечно. Я ни за что не отступлю, буду стоять и ждать, когда эльфы со мной разделаются.

Мне было ужасно душно в тяжелом кожаном пальто и хотелось покапризничать.

Приткин проверил свой дробовик и впервые взглянул мне в глаза.

— Пока я жив, с тобой ничего не случится, — Это прозвучало так убедительно, что я ему даже поверила — на полсекунды.

— А почему ты мое оружие не уменьшил? — спросила я, глядя в сторону.

— Потому что не уверен, что в Стране эльфов смогу вернуть ему прежний вид, так что я понесу и заколдованное, и обычное оружие, а ты — боеприпасы.

Во мне боролись ярость и жуткий страх. Я так и не знала, чему отдать предпочтение, пока мы не вышли за порог. Только тогда я вспомнила, где мы находимся. Такого невероятного перемещения я еще не совершала.

— Как мы сюда попали? — спросила я Мака.

— Кратчайшим путем, — ответил тот и нахлобучил на лысую голову широкополую шляпу. Затем наклонился и постучал по белому квадрату, нарисованному на колене. И тут, прямо посреди голой пустыни, возник магазинчик татуировок. Не успела я как следует удивиться, как он сжался, начал быстро уменьшаться и исчез без следа. Мак что-то пробормотал, и магазинчик, вместе с входной дверью, витриной и неоновой вывеской «Магические татуировки», появился внутри квадрата, как будто находился там всегда.

Неоновая вывеска мигала, словно настоящая. Через секунду я поняла, что она и в самом деле настоящая.

— Мы что же, провели целый день в одной из твоих волшебных картинок? — недоверчиво спросила я.

— Точно так, — ответил Мак. — Мой магазинчик всюду следует за мной.

— Как это? Ты что, выбираешь место, хлопаешь в ладоши и там появляется магазин?

Мак усмехнулся.

— Ну, примерно так.

— А как же прохожие? Человек идет себе, и вдруг перед ним возникает дом! А копы?

— А что копы? Обычные люди его не видят, как не видят и мою тагуировку. — Он дружески взял меня за руку. — Пойми же наконец: вся так называемая магия, которую ты видела до сих пор, это всего лишь верхушка айсберга. Те несчастные, которых вампиры используют для своей защиты, — это никчемные, жалкие существа. У них нет никаких способностей, в противном случае они проучили бы своих обидчиков. Или, раз им так плохо, сбежали бы и присоединились к черным магам, хотя те не слишком жалуют таких недоумков. На вампиров работают одни слабаки, они только и умеют, что кричать о своем могуществе. На самом деле они не способны сотворить даже мало-мальски сложное заклинание. Мы покажем тебе, что такое настоящая магия, Кэсси.

Приткин остановился и вытащил что-то из кармана.

— Неплохая идея, — буркнул он, и я поняла, что сейчас произойдет.

Нет, мое предвидение было здесь ни при чем, просто этот идиот достал руну.

Я бросилась на землю и потащила за собой Мака, но мои ноги запутались в длинных полах тяжелого пальто и, чтобы не упасть, я отпустила его руку. Упав на острые камни, я, несмотря на боль, попыталась сбросить с себя пальто; на это ушло несколько секунд. Внезапно что-то вспыхнуло, раздался громкий хлопок, словно кто-то открыл шампанское... а Приткин и Мак исчезли.

Я окинула взглядом пустыню. Ничего, ни обрывка ткани, ни следов на песке. Я проверила свои ощущения — знакомой вибрации не было. Странное дело, только что было сотворено мощное заклятие, и вместе с тем на многие мили вокруг метафизические колебания не ощущались. Все, что я смогла воспринять, было тихое жужжание магической защиты вокруг МОППМ, где-то на северо-востоке.

Я растерялась. Если руна убила Приткина и Мака — пусть даже при этом их тела испарились — я бы увидела их души, но ничего подобного не было. Несколько раз пройдя по тому месту, где только что стояли маги, и ничего не обнаружив, я начала усиленно соображать, что мне теперь делать.

До Вегаса много миль, а у меня нет ни воды, ни пищи, ни средства передвижения. И хуже всего то, что найти это можно лишь там, где меня немедленно сцапают. Вламываться туда, пусть даже и с Билли, было бы безумием. К тому же и он куда-то запропастился. От этой мысли я пришла в ужас. А что, если руна уничтожает призраков и поэтому я не вижу ни Приткина, ни Мака? Меня пробрала дрожь. Билли, конечно, не сахар, но он со мной уже много лет, мы не раз выбирались из самых жестоких передряг. Страшно подумать, что я осталась совсем одна, без единого друга или союзника, хотя бы и мертвого.

Одно хорошо — у меня столько боеприпасов, что хватит на небольшую войну. Вот только придется не стрелять, поскольку у меня нет оружия, а швырять в противника патроны. Мой личный «смит-и-вессон» остался в сумке, которую Мак сунул в свой рюкзак.

В состоянии растущей паники я смотрела, как над пустыней разгорается роскошный закат, и вдруг заметила в небе маленькое черное пятнышко. Вот оно блеснуло в лучах заходящего солнца и начало быстро увеличиваться. Кажется, Мак был прав, когда говорил о стране Оз... Через некоторое время этот предмет завис надо мной; он был таким большим, что заслонял солнце. Я бросилась на землю, укрывшись с головой кожаным пальто; в мозгу возникла страшная картина — я лежу, раздавленная домиком Дороти, и из-под него торчат мои ноги. Жаль, что у Данте я потеряла свои модные туфли — в такой ситуации они смотрелись бы неплохо.

Мой внутренний монолог прервался, когда что-то с грохотом опустилось на землю. В

воздух взметнулся град песка и камней, и я приготовилась к смерти, успев лишь подумать, что все-таки несправедливо мне, простой ясновидящей, погибать как злой колдунье. Внезапно все стихло.

Я осторожно высунула голову из-под пальто. Меня не окружали жевуны, рядом не было дороги, вымощенной желтым кирпичом. А дом был. Только через несколько секунд, когда я протерла запорошенные песком глаза, до меня дошло, что это не домик девочки из Канзаса, а магазинчик татуировок с неоновой вывеской, сияющей так же ослепительно, как улыбка Мака.

Я лежала посреди пустыни и дрожала, когда дверь магазинчика распахнулась и оттуда вышли Приткин и Мак. Вид у них был довольно потрепанный. Заметив меня, Мак присвистнул, подбежал ко мне и принялся стягивать с меня пальто, приговаривая: «Кэсси! Как ты? Мы так...»

— Где вы были, черт бы вас взял? — рыдая, говорила я, но при этом чувствовала невероятное облегчение.

Мне хотелось их поколотить, даже убить, но я совсем ослабела. От злости и обиды я ударила Мака в грудь; не думаю, что сделала ему больно, но его орел издал пронзительный крик и больно клюнул меня в руку. Я вскрикнула, отскочила, запнулась и шлепнулась в грязь. Меня клюнула нарисованная птица! Это с моей-то защитой! Но тут проснулась Шеба, и началось...

Я почувствовала, как по спине пробежал меховой комок, а когда Мак нагнулся, чтобы помочь мне подняться, комок перебрался мне на грудь, откуда перескочил на руку. Внезапно на груди Мака появилась ярко-красная полоса. Хотя лапка пантеры была совсем маленькой, полоса оказалась три дюйма в длину и такой глубокой, что ее нужно было зашивать. Но что еще хуже — я не знала, как отозвать Шебу.

Приткин резко оттолкнул меня от Мака и быстро убрал руку, пока в нее не вцепилась Шеба. Его губы дрожали от гнева.

— Прекратите вы, оба! Сейчас ваши заклинания заработают в полную мощь, и от вас только клочья полетят!

Я взглянула на свою руку, где красовалась глубокая царапина, и, набрав в грудь воздуха, спросила:

— В полную мощь?

Значит, бывает и хуже? Я хотела еще что-то сказать, но в это время появился Билли, и я обо всем забыла.

— Где ты был? — тыча в него дрожащим пальцем, спросила я. — Уже совсем темно, а МОППМ в двух шагах!

— Успокойся, Кэсс, все нормально. Только ты держи свою новую питомицу, чтобы она когти не распускала.

— У меня защита не сработала, — сказала я, глядя, как Мак залечивает свою царапину.

Хорошо ему, а мне с моей придется долго ходить. И хотя пострадал Мак, взбучку я получила от Приткина. Это было очень обидно и несправедливо, поскольку начал-то все Приткин, не кто-нибудь.

— Это ничего не значит, — сказал Мак. — Твоя защита реагирует на угрозу, а какая от меня угроза? — Он уже остановил кровь, но края раны еще не сошлись, и в зарослях на его груди появилось что-то вроде дорожки. — Прости, Кэсси, я не должен был хватать тебя за руку. Просто когда ты исчезла, мы не поняли, что произошло.

Выходит, они решили, что я погибла. Хорошо хоть, что обо мне беспокоятся; от этой мысли мне сразу стало легче, а еще оттого, что мне не придется действовать в одиночку.

— Я не исчезала, — дрожащим голосом сказала я. — Это вы куда-то пропали. Где вы были?

— Ты заметила, что мы исчезли? — нахмурившись, спросил Приткин и бросил взгляд на Мака — Значит, мы ошиблись.

— Вовсе нет, — ответил Мак и пристально взглянул на меня. — Может быть, смещение времени на нее действует не так, как на нас. Потому она и не переместилась вместе с нами, хотя стояла совсем рядом.

— Вы переместились во времени? А еще раз можете так сделать?

— Видишь ли, мы считаем, что... — Мак показал на руны в руке Приткина, — ...эта руна вроде как работа над ошибками.

— Что-что?

— Она переносит своего владельца на двадцать минут назад. То есть если ты где-то напортачила, то руна может вернуть тебя в прошлое, и ты исправишь ошибку.

Я со злостью взглянула на Приткина.

— Ничего не скажешь, полезная штука, особенно там, куда мы отправляемся.

— Согласен, — ответил он и сунул руны в карман.

Я могла бы ему напомнить, что это моя руна; впрочем, в таком случае он бы ответил, что я сама ее украла. Вместо этого я взглянула на Билли и слегка кивнула, показав глазами на мага. Призрак завис над ним, а я начала заговаривать Приткину зубы.

— А зачем она нам? Ее можно будет использовать только через месяц.

— Нельзя использовать руны, пока не знаешь, как она действует, — упрямо повторил Приткин, как обычно сдвинув брови. — Кроме того, ею давно не пользовались, так что мы сможем пустить ее в дело еще раз.

— Откуда ты знаешь? — не унималась я. — Нельзя зарядить севшую батарейку. Может быть, руна действует так же.

— Извини, но о магических артефактах я знаю немного больше, чем ты, — раздраженно сказал Приткин в тот момент, когда Билли сунул ему в карман свою прозрачную руну. Секунду спустя руна вылетела из кармана волшебника и подплыла ко мне. Я быстро спрятала ее в карман. — Я почти уверен, что она сработает, — добавил маг. — А теперь, если у тебя прекратилась истерика, нам пора.

Ничего не ответив, я забрала у Мака рюкзак и вытащила оттуда свой пистолет. Он был заряжен, но я на всякий случай проверила его еще раз. Наблюдая за мной, Приткин сжал губы; ничего, то ли еще будет. Ему явно не понравилось, что у меня будет оружие — наверное, испугался, что я выстрелю ему в спину, — но спорить он не стал.

Приткин пошел вперед, я — за ним; за нами потянулись Билли и Мак. В течение получаса мы молчали, пока впереди в низине не показались смутные очертания МОППМ.

Комплекс зданий был специально спроектирован наподобие большой фермы, на тот случай, если любопытные смертные вздумают заглянуть за ограду. Правда, расположена эта ферма в центре глубокого каньона, куда не доберется ни один турист. Не говоря о том, что на подходе к ней — начиная примерно за милю — устроено множество магических ловушек, которые очень не нравятся обычным людям.

Под звездным ночным небом местность, с ее таинственными темными кратерами и бескрайним морем серебристого песка, стала напоминать лунный пейзаж. Сами здания

МОППМ были темными и тихими; внешнее освещение уже отключили, на территории — ни души. Словно все провалились под землю.

Выбрав более-менее свободное от камней место, я без сил плюхнулась на песок, пока Приткин и Мак спорили, как лучше подойти к зданию. Переход до каньона был ужасен. Я то и дело спотыкалась в темноте, больно ударилась ногой о камень и дважды растянулась во весь рост. Ноги цеплялись за полы длинного пальто, и временами мне казалось, что я тащу на спине еще одного человека. Тренажерный зал я давно забросила, теперь это сказывалось. То, что я всю жизнь от кого-то убегала, видимо, не в счет.

— Он там? — спросил Билли, висая в нескольких футах над песком.

Я плотнее запахнула пальто — ночи в пустыне холодные.

— Не знаю.

— Хочешь, я выясню?

— Нет.

Я не хотела знать, там Мирча или нет. Если нам повезет, мы попадем в Страну эльфов, а он так и не узнает, что я имела глупость забраться на территорию МОППМ.

— Твой призрак здесь? — спросил Приткин.

Удивительно, что он решил проявить осторожность, наверное, близость представителей потустороннего мира пугает даже его. Он описал Билли друзей Мака, и тот отправился на разведку — проверить, не произошла ли смена часовых. Призрак ушел в песок и скрылся из глаз. Мы стали ждать.

Когда я была ребенком и читала сказки, я умирала от желания пережить какое-нибудь приключение. Нет, я не хотела быть принцессой, сидящей в башне в ожидании, пока ее вызволят. Я хотела быть рыцарем, сражающимся с разными чудовищами, или простой сельской девушкой, которую отдали в ученицы великому волшебнику. Став старше, я поняла, что настоящие приключения совсем не похожи на книжные. Когда начинается приключение, ты сначала умираешь от страха, потом жутко скучаешь, а затем в кровь разбиваешь ноги. Теперь я начинала думать, что вовсе не так люблю приключения, как мне когда-то казалось.

Билли вернулся минут через тридцать с новостями. На посту стояли именно те часовые, в подробностях описанные Маком, и, на наше счастье, на территории вампиров царила жуткая неразбериха.

— Кэсс, там такая суматоха, будто цирк приехал! Все туда сбежались, а в других местах почти никого нет — покой и тишина.

— Ну? — не выдержал Приткин — Что говорит призрак?

— Все в порядке, дежурят приятели Мака. — Я заметила, что Билли как-то слишком сияет. Может, он просто радовался, что наша задача окажется не столь трудной, как мы рассчитывали? Или была другая причина? Я слишком хорошо изучила все гримасы старины Билли — его прямо-таки распирало от восторга. — Ладно, что еще?

Билли ухмыльнулся и принялся крутить на пальце свою шляпу. Шляпа была хорошо видна, а палец — нет, поэтому казалось, что она крутится сама по себе.

— Ничего, все в полном порядке, — лучезарно улыбаясь, ответил Билли. — Хороший знак!

— Ты о чем?

— Что-нибудь не так? — спросил Приткин, но мы не обратили на него внимания.

— Я знаю, Кэсс, что до твоего дня рождения еще два часа, но подарок ты можешь

получить уже сейчас.

— Билли! Немедленно выкладывай, в чем дело!

Он весело загоготал.

— Да в этом пакостнике, Томасе. Его схватили вчера утром. Думаю, сейчас там решают, как побольнее его казнить. Вот почему все ушли на территорию вампиров — хотят присутствовать на шоу, — Билли подбросил шляпу в воздух. — Я бы и сам на это полюбовался, будь у нас время. Я не упала только потому, что сидела на песке. Томаса хотят казнить, а сейчас его, возможно, пытаются? Я молча смотрела на Билли, хлопая глазами и пытаясь вникнуть в смысл его слов. Заметив выражение моего лица, призрак сразу перестал смеяться и энергично затряс головой.

— Нет! Даже не думай! Он получит по заслугам, Кэсс, ты сама это понимаешь. Он ведь тебя предал, да, черт возьми, из-за него ты чуть не погибла! Слушай, судьба сама решила о нем позаботиться, и мы должны только радоваться! Давай улыбнемся, скажем ей «спасибо» и смоемся отсюда ко всем чертям!

У меня онемело лицо. Не знаю отчего — то ли от холода, то ли от ужаса. Наверное, все же последнее.

— Не могу, — тихо ответила я.

— Нет, можешь. — От волнения Билли качался в воздухе, как свеча на ветру. — Это очень просто. Мы тихонько заходим в здание, пробираемся через портал и исчезаем. Вот и все.

— Нет, не все, — сказала я и встала, при этом я слегка пошатнулась, и Приткин схватил меня за руку. Как всегда, он сделал это грубо, но сейчас я была ему благодарна, потому что продолжала покачиваться, даже опираясь на его железную руку. — Далеко не все, Билли.

— О чем ты? Что происходит? — спросил Приткин, но я его почти не слышала. В ушах звучал пронзительный крик истязаемого Томаса, перед глазами вставала страшная картина: он связан, как зверь, и ждет, когда придет Джек.

Я закрыла глаза и снова увидела Томаса. Вот он возится на кухне в нашей квартире в Атланте, хмурится и что-то бормочет. Шоколадное печенье, которое он хотел приготовить мне на завтрак, не получилось, и Томас расстроен. На нем мой фартук с надписью «Только для своих» и пижамные штаны веселенькой расцветки, я их купила, чтобы он не спал голым. Мы спали в разных комнатах, но мысли о его обнаженном теле лишали меня покоя по ночам. Я объясняю ему, как работает духовка, и мы съедаем полный противень печенья, потом я уйду на работу и весь день не могу избавиться от приторного вкуса во рту.

Тогда я впервые начала думать о том, чтобы остаться с Томасом навсегда. За те пять или шесть месяцев, что мы провели под одной крышей, он стал моим лучшим другом. Впервые у меня появилось что-то похожее на обычную человеческую жизнь. Мне нравилась наша маленькая светлая квартира, моя работа в туристическом агентстве и мой сногшибательный сосед. Томас был настоящим воплощением девичьих грез — красивый, сильный, надежный и вместе с тем ранимый — ровно настолько, чтобы вызывать желание о себе заботиться.

Мне бы тогда вспомнить старую поговорку «Слишком хорошо, чтобы быть правдой»! Так нет, я с головой ушла в эту жизнь и не замечала ничего вокруг. И что же? Вскоре выяснилось, что судьба подбросила мне не подарок, а наказание и что моя нормальная жизнь — всего лишь мираж. Радужные мечты превратились в дым, оставив в моем сердце незаживающие раны. Внезапно я вспомнила, что тот случай с печеньем произошел всего несколько недель назад. Не может быть; наверное, прошло уже десять лет.

Приткин что-то говорил и тряс меня за плечи, а я молчала. Открыв глаза, я видела лишь бледное лицо Джека. Любимый палач консула обожал свою работу и был поистине превосходным «специалистом». Вдобавок он, наверное, кое-чему научился и у Августы. Однажды я видела его за работой и забыть это не смогу никогда. Нет, решила я, Томаса этот мясник не получит. Неважно, что он натворил, неважно, что я здорово на него разозлилась. Теперь это не имеет значения.

Выходит, мне все-таки подвернулась возможность почувствовать себя рыцарем на белом коне. Только никогда, даже в самых буйных мечтах, я не предполагала, что все будет так трудно. Одно дело — смело бросить вызов судьбе, и совсем другое — чувствовать себя самоубийцей. Я попадала во вторую категорию. Если казнь Томаса должна происходить публично, значит, на ней будет присутствовать почти все руководство МОППМ: вампиры, маги, оборотни, может быть, даже эльфы. Нам придется не только проскочить под самым их носом, но и забрать с собой Томаса, после чего с боем пробиваться к порталу. Такое может привидеться лишь в кошмарном сне. Это безумие.

— У нас проблема, — сказала я Приткину, едва сдерживая нервный смех. Ну, сейчас начнется...

Маг сузил глаза.

— Какая? — стиснув зубы, спросил он. Судя по тону, он уже что-то заподозрил.

— Билли говорит, что там почти никого нет, потому что все ушли смотреть, как вампиры будут совершать казнь.

— И кого они собрались казнить? — глядя на меня в упор, спросил Приткин.

Я слабо улыбнулась в ответ, вспомнив, как Приткин и Томас впервые встретились. Сказать, что они не понравились друг другу, значило ничего не сказать. Обычно при первом знакомстве люди не пытаются снести друг другу голову.

— Ну, это... понимаешь... — Я вздохнула. — Это Томас.

Слова дались мне с невероятным трудом, и я ужасно обрадовалась, когда Приткин на них почти не отреагировал, разве что в глазах мелькнуло едва заметное облегчение.

— Хорошо, — сказал он. — Все оказалось проще, чем я рассчитывал. — Тут он нахмурился и взглянул на меня. — А почему это проблема?

Я сглотнула. Вот бы у меня было время подготовиться, скажем, годик или два... Но времени у меня не было. Теперь дорога каждая секунда. Джек любит помучить свою жертву и только потом ее убивает, к тому же короткое шоу не понравилось бы публике. А темнота наступила уже час назад. За это время Джек вполне мог покалечить Томаса.

Я взглянула на Приткина и заставила себя улыбнуться. Улыбки не получилось.

— Потому что... видишь ли, нам придется его спасти.

Приткин посмотрел на меня так, словно не мог решить: я окончательно сошла с ума или у меня просто временное помешательство.

— Ты хоть понимаешь, куда мы пришли? — прошипел он, махнув рукой в сторону громадного здания. — Да если бы с нами была целая армия магов, то и этого было бы недостаточно!

За спиной Приткина стоял Билли и кивал в знак согласия.

— Слушай мага, Кэсс, — сказал он. — Он дело говорит.

О том, чтобы попросить призрака помочь Томасу, не могло быть и речи. Билли еготерпеть не мог и даже до предательства воспринимал наш с ним союз как посягательство не только на меня, но и на себя заодно. Я в отчаянии посмотрела на Мака, но тот лишь молча отвел глаза. Он был добрым малым, но он был другом Приткина, к тому же маги и вампиры никогда не ладили между собой.

— Если никто из вас не хочет мне помочь, — со вздохом сказала я, — тогда ждите меня здесь. Справлюсь и без вас.

Нет, сегодня Томас не умрет.

— Он же пытался тебя убить! — Приткин явно взывал к моему разуму.

— Вообще-то он пытался убить тебя. Думал, что помогает мне; просто он иногда туго соображает.

Приткин шагнул ко мне, но Мак неожиданно загородил ему дорогу.

— Силой ты ничего не добьешься, Джон, — сказал он очень спокойно. — Я не знаю, чем ей так дорог этот вампир, но если мы позволим ему умереть, то навсегда распрощаемся с пифией и ее помощью.

— Она еще не пифия, — процедил Приткин сквозь зубы. — Она глупая девчонка, которая...

Я молча развернулась и начала спускаться по склону, раздумывая, а не спятила ли я на самом деле, но уже через минуту Приткин догнал меня и взял за плечо.

— Слушай, зачем тебе это нужно? — немного смущаясь спросил он. — Ты ведь его не любишь, неужели ты готова рисковать нашими жизнями только ради плотских утех с каким-то вампиром?

Я молчала. Я и сама не могла определить, какие чувства вызывает во мне Томас; во всяком случае, не любовь.

— Он мой друг. — Мне очень хотелось, чтобы Приткин меня понял. — Да, он предал меня, но в его извращенном сознании это выглядело как помощь! Да, он поставил под угрозу мою жизнь, но ведь он и спас меня. Так что теперь мы в расчете.

— Значит, ты ничего ему не должна.

— Дело не в том, должна я ему что-то или нет. — Вот это верно. Мне хотелось спасти Томаса, но, как внезапно поняла, хотелось чего-то еще. — Речь идет о моей чести. Всем известно, как Томас важен для меня, и вот теперь его хотят публично унижить, пытать, а потом казнить. И никто в этом уважаемом сообществе ни маги, ни Сенат — даже не подумал спросить моего разрешения!

— А зачем им твое разрешение? — удивленно поинтересовался Приткин.

В ответ я лишь молча покачала головой. Да пошли они все! Еще немного — и мне

придется иметь дело свраждебно настроенной могущественной организацией, так что не мешает и мне кое-что им напомнить.

— Потому что я пифия, — спокойно ответила я и исчезла, переместившись в пространстве.

Как я и предполагала, для предстоящего зрелища Сенат выбрал главный зал заседаний, где были произведены кое-какие перестановки. Огромный стол красного дерева был на прежнем месте, но теперь исполнял другую функцию. Возле него полукругом были расставлены стулья, раньше стоявшие вдоль стен, а теперь вместо них поставили длинные лавки, на которых важно восседали вампиры, маги и оборотни. Наверное, были здесь и эльфы, но, поскольку они ничем не отличались от магов, распознать их было трудно.

Я оказалась именно там, где хотела, — рядом с Томасом. Мне было не до магических изысков; я собиралась просто дотронуться до него и переместить вместе с собой. Когда я нарисовалась, Джек отступил на несколько шагов назад, но, к моему удивлению, даже не попытался схватить меня.

Лихорадочно оглядывая ряды зрителей, я выискивала только одно лицо. Я увидела его сразу — он устроился с краю в первом ряду, совсем близко от меня. На Мирче был модный черный костюм, превосходно сидящий по фигуре, и дымчатая шелковая рубашка с круглым воротничком. На манжетах тускло поблескивали платиновые запонки — единственная драгоценность, которую он себе позволил. Мирча был, как всегда, сдержан и элегантен, но его аура буквально ходила ходуном. Когда вампир увидел меня, она оцетинилась острыми зубьями, однако сам Мирча остался неподвижен.

Зато остальные зрители шумно вскочили с мест, опрокидывая кресла, и начали кричать. Тогда поднялась консул и вскинула руку — призывая к тишине, надо думать. Территория объединения делится на отделы или секции, каждая из них принадлежит одной группе потусторонних сил и считается неприкосновенной. Что-то вроде посольства какой-нибудь страны в чужом государстве. На территории вампиров оборотням и магам полагается вести себя прилично, в противном случае вампиры могут объявить им войну.

Я почувствовала, как проснулась Шеба и принялась вылизывать свою лапу на моей левой лопатке. Она была готова к бою, только вот силы казались слишком неравными — одна против тысячи.

— Кассандра, ты вернулась. — Как всегда, консул сохраняла полную невозмутимость. Шевелился лишь ее наряд — клубок змей, обвивавших обнаженное тело. На этот раз это были совсем маленькие змейки, покрывавшие ее, словно вторая кожа. — Мы о тебе беспокоились.

Внезапно по мне пробежала какая-то волна, кожу начало покалывать. Мне было не больно, но я не знала, что это такое, и потому насторожилась. Будь что будет, а там посмотрим.

— Не сомневаюсь. Ладно, приятно было повидаться. С удовольствием бы с вами поболтала, но, извините, спешу.

Схватив Томаса за плечо, я хотела переместиться, но ничего не произошло. Моя энергия даже не дернулась, хотя всего минуту назад была яркой и сильной.

— Ты не сможешь переместиться, Кассандра, — спокойно проговорила консул.

У нее был красивый голос — звучный, низкий и чуть хрипловатый. Мужчина нашел бы его сексуальным; у меня он вызывал несколько другую реакцию.

Томас шевельнулся, и я наклонилась к нему.

— Это ловушка, — прошептал он еле слышно. — Они так и говорили, что ты придешь за мной, а я не верил. Зачем ты пришла? Это бессмысленно.

Силы оставили его, и он потерял сознание. Я посмотрела на консула. Она ответила мне равнодушным взглядом; ни тени смущения или сожаления не было на ее прекрасном лице.

Томас был жив, но ужасно истерзан. Он лежал, распростершись на темном столе, словно жутковатое произведение современного искусства — нечто подобное мог бы изобразить Пикассо, если бы решил перенести на холст образы из своих кошмарных снов. Возможно, меня просто заманили в ловушку, и все же было очевидно, что Сенат отдал бы его на растерзание Джеку, если бы я не появилась. Теперь, когда он сыграл свою роль, он был им больше не нужен.

Я с ненавистью смотрела на консула, но она и бровью не повела. Однажды я видела, как она небрежным взглядом прикончила двух древних вампиров, стоявших от нее гораздо дальше, чем я сейчас. Странное дело, я не ощущала ни песка у себя под ногами, ни волн энергии; в зале, где было полно разных существ из магического мира, я совсем не чувствовала присутствия магии.

— Вы взорвали нулевую бомбу?

— Ты же не все успела забрать, — улыбнулась консул далеко не ласковой улыбкой.

Вот именно, не успела. А жаль.

— Черт! В следующий раз не буду суетиться.

— Следующего раза у тебя не будет, — прервал меня один из старых магов. — Действие бомбы длится недолго, взрывать еще одну мы не можем, так что...

Одна из членов Сената, брюнетка в пышных юбках, внезапно схватила его за горло так, что старик захрипел, и подняла в воздух. Потом вопросительно взглянула на консула, та лишь молча покачала головой, а мне все стало ясно. Оставалось только ждать, пока закончится действие нулевой бомбы. После этого я активирую свою энергию, хватаю Томаса, и мы исчезаем. К несчастью, я не знала, сколько длится действие бомбы.

— Послушайте, мне нужен только Томас, — сказала я ей. — Вы все равно собирались его убить, так что скучать не будете.

Жалкая попытка втянуть консула в разговор.

— Мне жаль, что все так получилось, Кассандра, — спокойно ответила она и повернулась к сидящим рядом вампирам — самым могущественным на земле. — Возьмите ее.

Я даже не попыталась бежать. Смысла не было. Только повеселила бы публику. О чем я думала, когда собиралась противостоять десятку вампиров-хозяев первого уровня? Без своей энергии, без магической защиты я не смогла бы справиться даже с малолетним вампиром, который с легкостью превратил бы меня в свой обед.

Но тут выяснилось, что консулу придется иметь дело не только со мной.

— Назад!

Мирча вскочил со своего места; его лицо оставалось бесстрастным, кулаки были крепко сжаты. Не слишком добрый знак для того, кто всегда считался воплощением сдержанности. Вампиры остановились. Они смотрели не на меня — они следили за Мирчей.

— Мирча, — мягко сказала консул, подходя к нему сзади, и положила ему на плечо гладкую смуглую руку.

Наверное, так она хотела его успокоить, но он резко дернул плечом. По залу пронесся общий вздох, а одна знойная южанка даже вскрикнула. Консул быстро схватила Мирчу за

горло, но он, казалось, этого даже не заметил.

— Предлагаю тебе отпустить его, — обратилась она ко мне. — Я заметила, что Мирча, несмотря на ее хватку, продолжает медленно двигаться в мою сторону. — Чего ты добьешься, если будешь продолжать это?

— Продолжать что? — спросила я, переводя взгляд с Мирчи на консула и обратно. Спокойное лицо Мирчи едва заметно дернулось. Нет, здесь явно что-то было не так. Лицо Мирчи стало белым как мел, глаза горели яростным огнем.

— Не понимаешь? — презрительно спросила консул. — Отпусти его, и мы с тобой поговорим как старые друзья. Иначе...

— Иначе... что?

Возможно, я и не понимала, что происходит, но я всегда чувствовала угрозу.

— Увидишь, — спокойно ответила консул. — Вот тогда и посмотрим, сможешь ли ты справиться с последствиями своей мести. Это тянется уже достаточно долго. — Темные глаза консула блеснули, и тут я поняла, почему она возглавила империю вампиров, будучи еще совсем молоденькой девушкой. — Он мне нужен, Кассандра! Идет война. Он мне нужен, но не такой, как сейчас.

— Кэсси... — проговорил Мирча и невероятным усилием высвободил правую руку, на которой буквально повис какой-то сенатор, такой же старый, как сама консул.

Теплые волны, исходившие от его руки, клубились, как дым от костра. Сначала я подумала, что он просто теряет энергию, но, когда волны коснулись меня, я все поняла. Ко мне словно вернулось одно из тех старых видений, когда в сознании вспыхивали картины будущего. После того как я встретилась с пифией, они прекратились, и, как я надеялась, навсегда. Сколько я себя помнила, видения всегда были частью меня, но ни разу не показали мне ничего хорошего. Этот вечер не стал исключением.

Вокруг моей руки завертелись обрывки образов, и, сколько ни пыталась, отогнать их я не могла. Кисть горела, как от ожогов. Перед глазами, соперничая в жестокости, замелькали страшные сцены — вот окровавленный Мирча с мечом в руке схлестнулся с кем-то в смертельном поединке, уже в следующую секунду ликующая Майра выскакивает из тени и что-то бросает в него, потом я вижу взрыв, от которого содрогаются земля и воздух, и там, где только что стояли два вампира, остается лишь холм земли с кровавыми ошметками плоти и осколками костей.

Вскрикнув, я отпрянула, и видение исчезло. Я шаталась и всхлипывала, забыв о том, где нахожусь. В беспомощной ярости я оглядывалась по сторонам, но почти все вампиры в зале по-прежнему смотрели на Мирчу. Лишь немногие бросали на меня любопытные взгляды, но никто не казался встревоженным, хотя они только что, словно наяву, видели смерть одного из главных сенаторов. У меня больше не было сомнений. Не знаю, как ей это удалось, но Майра уверенно шла к победе.

Мне показалось, что на меня вылили ведро ледяной воды. Мои видения всегда оказывались верными — всегда. Раньше, особенно в юности, я еще пыталась что-то изменить. Сколько раз я предупреждала Тони о грядущих несчастьях, наивно полагая, что он выполнит свои клятвы и предотвратит их. Но он вместо этого, разумеется, начинал усиленно размышлять, как обернуть предстоящую катастрофу в свою пользу. И в конечном итоге все происходило в точности так, как я и предсказывала. Потом, когда я стала взрослой, я сделала еще одну попытку. Однажды я предупредила своего друга о том, что на него готовится покушение. Не знаю, получил ли он мое послание; во всяком случае, это его не спасло.

Теперь он мертв.

Но все это было до того, как я стала пифией, вернее, ее наследницей. С тех пор я изменилась. И потом, если Майра победила, то почему Мирча еще жив?

Я перевела взгляд на консула. Мне нужны были объяснения, а Мирча не мог их дать.

— Что здесь происходит? Это какой-то фокус? — спросила я, хотя заранее знала ответ. У меня было достаточно видений, чтобы понять, что все они — чистая правда.

Глаза консула превратились в узкие щелочки.

— Ты решила со мной поиграть? — едва слышно спросила она.

Я взглянула на Томаса, и у меня перехватило дыхание. Какие могут быть игры в таком месте?

— Мне нужен Томас, — дрожащим голосом сказала я. — Вам, очевидно, тоже кое-что нужно. Скажите, что именно, и, возможно, мы заключим сделку.

— Ты не знаешь, — сказала консул, и, к моему удивлению, маска невозмутимости на ее прекрасном лице чуть дрогнула.

Томас что-то пробормотал.

— Скажите, чего вы хотите? — почти крикнула я. У меня было мало времени — Томас истекал кровью.

Консул вздохнула — зачем ей это? — и кивнула.

— Хорошо. Сними тот гейс, что ты наложила на господина Мирчу, и я отдам тебе предателя.

Я вытаращила на нее глаза.

— Что? Это он наложил на меня гейс, а не я на него! Я сама не знаю, куда от него деваться! Живу как в аду!

— В аду? — внезапно рассмеялся Мирча. — Что ты об этом знаешь?

Стряхнув с себя живые путы, Мирча резко опустился на пол. Двое вампиров нырнули за ним под стол, но я так и не успела увидеть, чем закончилась эта погоня. Полагаю только, что Мирча оказался проворнее. В следующую секунду он уже придавил меня к своей твердой груди.

— Хочешь узнать, что такое ад? — прошептал он и впился губами в мои губы.

Его чувства хлынули ко мне через гейс, и я ощутила такой толчок, словно меня изо всех сил ударили в живот. В Мирче бушевала та самая энергия, которая возникала при каждой нашей встрече, только во сто крат сильнее. Это была не просто страсть. Тлеющий огонь будто ждал подходящего топлива, чтобы превратиться в бушующее пламя. Я словно погрузилась в раскаленную лаву. Сначала я почувствовала ее в его венах, потом она перекинулась на меня и обожгла нестерпимым желанием. Напрасно пыталась я выбраться из этих жгучих объятий, я только глубже погружалась в волны, забывая обо всем на свете, кроме своих ощущений. Огонь. Сладостный огонь.

Поцелуй Мирчи был грубым, словно он решил проглотить меня живьем. Ни единого намека на нежность, никакой романтики. Но именно такой и был мне нужен. Я обвила руками его шею, вцепившись ногтями в смокинг. Его губы не отрывались от моих, Мирча даже поддерживал меня за голову, чтобы я не вздумала отвернуться. Один из его клыков прокусил мне губу, и я ощутила вкус собственной крови. Вдруг Мирча хрипло вскрикнул и оторвался от меня; его глаза горели, на прекрасном лице появилось какое-то свирепое выражение.

Он высунул язык и принялся слизывать с губ мою кровь; потом закрыл глаза и

пошатнулся. Как слепая, я расстегнула воротник его рубашки, и голова вампира откинулась назад. Я дернула тонкую ткань, пуговицы посыпались на пол, а мой язык и губы уже ласкали его шею. Я водила ладоням и по его гладкой коже и слышала, как от моих прикосновений учащается его дыхание. Я целовала его крепкую грудь; наткнувшись на сосок, я сжала его зубами, и Мирча вскрикнул. Все его чувства отзывались во мне, наши энергии слились воедино и звучали в унисон; мне казалось, что еще секунда — и я взорвусь, не выдержав напряжения.

Мирча толкнул меня к стене; я не сопротивлялась, не в силах отвести взгляд от его горящих глаз, покоряясь воле его тела. Закинув на него одну ногу, я схватила его за шею и притянула к себе. Его руки скользнули к моим ягодицам и подняли меня в воздух; у меня перехватило дыхание, когда я ощутила его напрягшуюся плоть. Это было прекрасно, но мне этого было мало. Наверное, ему тоже, поскольку Мирча осыпал меня поцелуями, шептал мое имя и ругался по-румынски, окончательно позабыв о правилах приличия. Мне тоже было на все наплевать, я стонала и требовала еще и еще — когда могла вздохнуть.

Я почувствовала, что крепко прижимаюсь к нему бедрами. Даже через одежду я находила это ощущение потрясающим: сочетание животного наслаждения и острого голода. Вдруг Мирча вырвался из моих объятий и отошел на несколько шагов. На его лице было отчаяние, он выглядел даже больным, словно испытывал те же мучения, что и я. Я потянулась к нему, но он отвел мою руку.

И тут гейс показал нам, что такое настоящая мука. От дикой боли я закричала так, что едва не сорвала голос. Я заходила от крика, мне казалось, что по моим венам течет не кровь, а расплавленный свинец, и вместе с тем умирала от неутоленного желания. По моему лицу текли горячие слезы и капали на руки Мирчи, который пытался меня успокоить. Ничего не помогало; боль была невыносимой. Теряя силы от крика, я упала на колени, и Мирча подхватил меня на руки.

— Мирча! Пожалуйста...

Я не понимала, что говорю; я хотела только одного — чтобы он прекратил эту боль. Прижавшись к нему, я начала осыпать его поцелуями. Лишь несколько сладостных секунд я ощущала его теплые губы на своих губах, но потом Мирча вдруг отступил назад.

— Кэсси, нет! — едва слышно произнес он.

Он взял меня за плечи, и я почувствовала, как дрожат его руки; Мирча судорожно сглатывал. Очевидно, он так же, как и я, боролся с гейсом, а я не могла ему помочь. Он ласково провел рукой по моим волосам. Я умирала от боли и наслаждения, сердце колотилось так, что я почти ничего не слышала.

И в тот момент, когда мне начало казаться, что я на пороге безумия, моя энергия вспыхнула и перешла в иную форму — сверкая и искрясь, словно вода под солнцем, она накрыла нас, как волна. И боль ушла, уступив место чувству невероятного облегчения, за которым последовал прилив настоящей, искренней радости. В глазах Мирчи читалось удивление. Наверное, он испытывал то же самое.

Из моих глаз вновь полились слезы. Я плакала не от боли, а от сознания того, что мне так хорошо и покойно рядом с ним. Словно разом воплотились мои давние мечты о доме, семье, любви, понимании. От счастья я забыла обо всем, даже о Томасе и Майре, о Тони и своих бесчисленных проблемах. Какое мне до них дело?

Меня била дрожь. Выходит, у нас с Мирчей не просто взаимная привязанность. Привязанность не вызывает такую боль, отчаяние, ощущение собственной беспомощности и

страх потерять любимого. Я прижималась к Мирче, сознавая, что, пока действует заклятие, он ничем не сможет мне помочь, но мне не было до этого никакого дела. Мне не было дела даже до того, любит ли он меня. Я желала его, как наркоман желает дозу наркотика; он был мне нужен, чтобы я могла чувствовать себя живой. Еще немного — и я бы пошла на все, только бы с ним не расставаться.

Наверное, он чувствовал то же самое, потому что крепко сжал мою руку. И тут я все поняла. Страсть была одним из трюков из репертуара гейса, причем еще не самым жестоким. Так, серединка на половинку.

— Когда ты наложила заклятие? — резко спросила консул.

Я изумленно захлопала глазами, только сейчас вспомнив о ее присутствии. Мысли путались, я плохо соображала, сам воздух вокруг казался густым и тяжелым, а тут еще приходилось напрягаться и думать. С трудом вникнув в смысл ее слов, я поняла, что выбор у меня невелик. Ответ «не знаю» вряд ли имел бы успех, но и открыто дать понять консулу, что она ошибается, дело небезопасное. Я не знала, что она хотела от меня услышать, не знала, сколько времени у меня есть в запасе. А тут еще Мирча чем-то уколол меня в бок.

Взглянув вниз, я увидела, что это бледно-розовая туфелька на высоком каблуке, отделанная блестками. По-видимому, Мирча прятал ее во внутреннем кармане пиджака. Туфелька казалась удивительно хрупкой, тонкий атлас местами облез, блестки отвалились и едва держались на нитках. Она могла бы показаться старинной, да только в добрые старые времена никто не носил каблуки высотой в три дюйма.

Тут я кое-что вспомнила. В то утро я прыгала на одной ноге по кухне в казино Данте, потому что потеряла туфлю. Она была ярко-красного, а не бледно-розового цвета и выглядела ненадеванной. И тем не менее она была точной копией этой. К счастью, Мирча заслонял меня от взоров вампиров, иначе я просто не смогла бы сохранить на лице равнодушную мину. Театр. Свою туфлю я потеряла более ста лет назад в лондонском театре.

— Кассандра! — окликнула меня консул, очевидно потеряв терпение.

Я не ответила, вспоминая тот день, когда я на самом деле ощутила какой-то разряд, но тогда я думала, что мне это лишь показалось. Мирча из того времени не испытывал влияния гейса, а я уже находилась под его действием. Очевидно, заклятие узнало Мирчу и пришло в движение, чтобы использовать его как завершающий элемент ритуала. Я застыла, как громом пораженная. Выходит, это я наложила на него заклятие, длившееся вот уже более ста лет!

— Так когда же? — повторила консул голосом, ясно дававшим понять, что она не привыкла повторять вопрос дважды.

— Мне кажется... — хриплым голосом начала я. — Наверное... — Тут мне удалось сглотнуть. — Кажется, это было в восьмидесятих годах девятнадцатого века.

Рядом кто-то выругался, но я даже не обернулась. Мне едва хватало сил, чтобы сосредоточить взгляд на лице консула. Перед глазами все плыло, то ли от жара, исходившего от тела Мирчи, то ли от осознания того, что я с ним сделала. Страсть, ощущение вины и страх — все эти чувства навалились на меня в одну секунду. Желудок сжался, словно от резкой боли.

Консул скорчила недовольную мину.

— После твоего исчезновения гейс затих, ведь он не может завершить ритуал без твоего присутствия. Когда вы снова встретились, ты была еще ребенком и он не мог проявить себя. Теперь заклятие заработало в полную мощь.

Сделав над собой усилие, я кивнула. Мирча ни на секунду не выпускал мою руку, нежно

поглаживая ее, словно не мог противиться желанию прикоснуться ко мне. И там, где его пальцы ласкали мою кожу, возникало сладостное тепло. Оно просачивалось внутрь тела, и у меня начинала кружиться голова, словно я опьянела, а может быть, так оно и было. Не знаю, как действовало заклятие, только в тот момент я была счастлива.

Мне хотелось только одного — стоять так до скончания дней и чтобы гейс струился по нашим телам, как сверкающий водопад. Я понимала, что эти чувства не настоящие и вызваны лишь действием заклятия, но мне было все равно. Когда еще доведется пережить такое? За свои двадцать четыре года ничего подобного я не испытывала. Быть может, это и есть ложь во благо? Мое изнывающее тело тут же откликнулось решительным «да». Только тихий голосок внутри шептал, что гейсу нужно не «что-то подобное» и даже не «что-то», а все без остатка.

А вот этого он получить и не мог.

— Тот, кто насылает чары, обязан ими управлять, — говорила консул. — А ты свое заклятие бросила на произвол судьбы, да еще на целый век.

— Я этого не хотела!

Консул выгнула свою прекрасную бровь и произнесла негласный закон вампиров:

— Мы обсуждаем последствия, а не намерения.

Вампиры — существа практичные. Для них всегда важнее результат, а не способ его достижения. Результат же моих действий был катастрофичен.

— А как же первоначальное заклятие? То, что наложил на меня Мирча? — чуть не плача, спросила я. — Если он снимет чары, может быть... последствия не будут так ужасны.

И у нас появится шанс разыскать того мага, который снимет с меня гейс.

— Мы уже пытались это сделать, Кассандра, — спокойно ответила консул. — Заклятие оказалось на редкость... устойчивым.

— Значит, уже ничего нельзя сделать? — спросила я, пытаюсь привести в порядок свои мысли, хотя рядом с Мирчей это было нелегко.

Я хотела высвободиться из его объятий, но он лишь что-то пробормотал и крепче прижал меня к себе.

— Ничего, — мягко сказала консул.

Я ответила ей испепеляющим взглядом, даже не сознавая, как глупо себя веду. Если она хочет помочь Мирче, то делает все с точностью да наоборот. Казанова говорил, что заклятие будет действовать тем сильнее, чем ближе мы с Мирчей будем находиться друг к другу, а сегодня — куда уж ближе! Если так пойдет и дальше, то скоро мы с ним вообще перестанем обращать внимание на всё и вся. А значит, некому будет остановить Майру. Выходит, мое видение и в самом деле оказалось верным.

Я хотела объяснить это консулу, но раздумала. Вряд ли она мне поверит. Доказательств у меня не было, а словам вампиры не верят. Я повернула голову и взглянула на Мирчу. Он носил с собой мою туфлю, значит, понял, что произошло. Мне оставалось надеяться, что и сейчас он поймет то, что я ему скажу.

— Майра, — одними губами прошептала я.

Маги находились далеко от нас и ничего не слышали. Зато у вампиров слух превосходный.

Мирча ответил мне долгим взглядом. Значит, решила я, обдумывает ситуацию. Не знаю, что он понял, а что — нет, но ведь он был со мной в тот момент, когда я впервые встретилась с Майрой, и знал, что сначала она пыталась меня убить, а потом исчезла. Он слышал, как я

звала ее по имени, когда мы были в театре. Он должен меня понять! Но поймет ли он, что теперь Майра охотится не за мной, а за ним? Как мне сказать ему это?

Но даже если я и скажу, что он может сделать? Мирча способен защитить себя в настоящем, но что, если Майра набросится на него в прошлом? Правда, до сих пор ей это не удалось, но если я так и не смогу ее остановить, она своего добьется. История пойдет своим ходом, только в ней не будет Мирчи. А пифией станет Майра.

Мне показалось, что прошел целый год, прежде чем Мирча едва заметно кивнул.

— Две минуты, — прочитала я по его губам.

Что это значит? Немного подумав, я поняла: он сказал, сколько еще продлится действие нулевой бомбы.

Он хочет, чтобы я сбежала.

Я взглянула на него.

— А как же ты? — произнесли мои губы.

Мирча покачал головой. Не знаю, что это значило — то ли он не мог говорить, то ли не хотел ничего объяснять. Я сжала его руки так, что будь он человеком, то вскрикнул бы от боли. Но только когда я разжала пальцы, он поморщился. Тогда и я почувствовала боль и, сделав над собой усилие, отошла от него на шаг.

— Ты должна уйти, — прошептал Мирча.

Я сглотнула. Гейс держит Мирчу в своей власти вот уже сто лет. Я испытывала его влияние всего день, и то едва не умерла, а что же в таком случае должен чувствовать Мирча? Даже если консул права и действие гейса ослабело, когда я вернулась в свое время, он все равно остался и продолжал медленно развиваться. И, судя по его реакции, даже мстил своему обладателю.

От мысли, что своими руками обрекаю Мирчу на адские муки, я пришла в ужас, но что я могла поделать? Мне нужно разделаться с Майрой, в противном случае она разделается с нами, но и брать Мирчу с собой я тоже не могла — зачем подвергать его постоянным мучениям?

— Хорошо, — ответила я, с болью глядя на него.

Он закрыл глаза и крепко меня обнял. Я прижалась к нему, наши губы встретились, и я тут же почувствовала боль. До сих пор гейсу все нравилось, и я знаю почему. Я почти физически ощущала, как крепнет связывающая нас энергия, как весело она гудит, когда мы прикасаемся друг к другу. Сейчас гейс доволен, но что будет, когда я уйду? Я знала, какие муки испытывал Мирча до встречи со мной, и знала, что они возобновятся. Более того, ему наверняка станет еще хуже — как голодному, которому показали кусок хлеба и не дали.

Мирча медленно разжал руки и отошел от меня на шаг. Я была к этому готова и все же от дикой боли едва не упала на колени. Каким-то образом мне все же удалось устоять, но у меня перехватило дыхание. От болевого шока я начала дрожать, ладони стали холодными как лед. Чтобы перебороть мучительное желание вновь броситься в объятия Мирчи, я крепко обхватила себя руками.

Казанова говорил, что гейс будет утверждать свою власть постепенно, но у нас с Мирчей все вышло по-другому. Может, оттого, что заклятие было старым, а может, его сила случайно удвоилась. Я знала одно — это ужасно.

Мирча стоял рядом, словно желая меня поддержать. От боли в голове прояснилось, как если бы к носу поднесли нюхательную соль. Итак, Мирча хотел меня отпустить, а консул — нет. И все потому, что я отказалась стать послушной марионеткой, стащила ценные вещи из

ее сокровищницы и сковала ее первого помощника опасным заклятием. То, что, по крайней мере, последнее она сама допустила, консул во внимание не принимала. Интересно, что она со мной сделает, если маги не смогут разрушить чары? Впрочем, можно и не гадать. Очень немногие заклятия переживают их создателя. Если я так и не соглашусь стать ее ручной пифией, жить мне останется недолго.

Я взглянула Мирче в глаза.

— Я найду способ снять с тебя заклятие, — на этот раз громко сказала я. — Обещаю тебе, Мирча.

Он слегка улыбнулся, но в его глазах стояла бесконечная печаль.

— Прости меня, *dulceata*.

Консул что-то сказала, но я ее не слышала. В зале повисла звенящая тишина, но уже в следующую секунду с диким воем пронесся колючий ледяной ветер, разметав мне волосы. Потом он устремился к потолку, завис там на несколько мгновений, словно собираясь с силами, прежде чем обрушился вниз, превратившись в самую страшную снежную бурю, какую мне только доводилось видеть.

Неожиданно я заметила, что хлесткие удары обходят меня стороной, и решила, что моя защита наконец-то проснулась. Однако вокруг не было знакомого золотистого света, да и моя пентаграмма оставалась неизменной. Иная, неведомая сила защищала меня, и мне было все равно, что это, лишь бы оставаться на этом безопасном островке. Зато за ее пределами парил настоящий хаос.

Мирча отошел в сторону, и я задохнулась от боли, когда гейс заподозрил что-то неладное. Мне захотелось подбежать к Мирче, заключить его в объятия, но в снежной пелене его почти не было видно.

— Мирча! — закричала я, но мой голос потонул в оглушительном вое ветра.

Не зная, что делать, я подбежала к столу и закрыла собой Томаса. К счастью, мой защитный круг последовал за мной. Он не мог укрыть Томаса целиком, но хотя бы оберегал его кровоточащие раны. То, что ноги приговоренного могут отморозиться в ледяном потоке, волновало меня гораздо меньше.

Я пыталась нащупать связывающие Томаса веревки, но не видела ничего, кроме мелькающей перед глазами белой поземки. Что-то с громким стуком ударилось о стол, покатило и упало на пол. Вскоре этот звук уже слышался со всех сторон, и я догадалась, что вызвало такой грохот. Снежные вихри принесли с собой град; огромные градины, величиной с шар для боулинга, сыпались сверху и, не находя себе места в замкнутом пространстве, рикошетили о стены зала. Все это напоминало какой-то адский бильярд. Нужно было как можно скорее освободить Томаса, пока громадные куски льда не раздробили ему ноги, а тащить его на себе я бы не смогла.

А еще нужно было выбраться отсюда и найти Майру, хотя я совершенно не представляла, как справлюсь с ней в таком беспомощном состоянии. Мне хотелось свернуться калачиком и ждать Мирчу. Я была уверена, что он найдет меня, если я останусь. Какая бы сила ни встала между нами, гейс все равно окажется сильнее. Мне не придется долго ждать.

Что-то свалилось Томасу на ногу, он вздрогнул всем телом. Я тянулась из последних сил, чтобы прикрывать его собой, но его ноги все равно оказывались незащищенными, да еще и связанными. Мне никак не удавалось переместиться, хотя один раз я даже почувствовала легкий толчок.

«Скорее!» — с отчаянием думала я.

Когда ценой невероятных усилий мне наконец удалось освободить руки Томаса, в зале неожиданно появился еще один участник событий. В самом центре, рядом со столом, за которым заседали члены Совета, возник магазинчик татуировок. В окне под сияющей вывеской, еле различимая сквозь хлопья снега, маячила физиономия Мака. В следующую секунду открылась дверь, из нее высунулась разрисованная татуировками рука, схватила Томаса за лодыжку и одним ловким движением сорвала веревки.

Как только Мак втянул Томаса в дом, я бросилась за ними. Магазинчик приземлился на широких ступенях, ведущих к столу для заседаний, и был слегка наклонен в мою сторону. Мне оставалось лишь разогнаться и влететь в него.

Я уже уцепилась за протянутую ладонь Приткина, когда кто-то схватил меня за ногу. Моя защита, как назло, не реагировала, зато неожиданно очнулась Шеба. Мирчу она проигнорировала — то ли из-за действия нулевой бомбы, то ли просто не видела в нем угрозу. А вот тот, кто схватил меня за ногу, ее по-настоящему разозлил. Я почувствовала, как пантера пробежала по моему телу, затем послышался ее грозный рык и за ним — визг, не подобающий величественной представительнице Сената. Одного прыжка черной кошки было довольно, чтобы консул тут же отпустила мою ногу.

— Прыгай! — закричал Приткин, и я, оттолкнувшись от пола, пролетела все оставшееся расстояние до домика.

Мы оба свалились на пол, а ко мне внезапно вернулось зрение. Я только успела заметить, что Мака и Томаса поблизости нет, как Приткин рявкнул: «Погнали!» — и дом сразу начал трястись.

В следующую минуту, двигаясь самыми невероятными зигзагами, мы уже летели через каменный туннель в самое сердце МОППМ. Пока длился этот безумный полет, я двумя руками цеплялась за Приткина, а он мертвой хваткой держался за прилавок. Не знаю, сколько это продолжалось, только в конце концов я стала различать впереди какие-то неясные очертания, и вскоре в наш опрокинутый домик с размаху влетел Кит Марлоу.

Несмотря на взъерошенный вид, настроен он был явно решительно и вид имел довольно свирепый. Помню, в детстве Марлоу произвел на меня совсем иное впечатление, хотя я видела его только один раз. Правда, тогда он наслаждался гостеприимством Тони, а теперь истекал кровью.

— Ох, черт! — выругался Приткин и оттолкнул меня в сторону. — Держись! — крикнул он так громко, что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки, а сам бросился на Марлоу.

Сцепившись, они покатались по полу, но без магии их поединок превратился в обычную пошлую драку, где все решают мускулы. Силы драчунов оказались примерно равны. Марлоу что-то крикнул, но из-за грохота я не разобрала слов, к тому же вновь ожил мой гейс, и я боролась с новыми приступами боли.

Чем дальше я удалялась от Мирчи, тем хуже мне становилось. В конце концов я уже плохо соображала, что творится вокруг. Слезы лились ручьями, желудок скручивали спазмы, дышать становилось все труднее. Я вспомнила, как Казанова рассказывал о самоубийцах, которые не выдерживали боль разлуки и выбирали смерть. Теперь я их понимала.

Марлоу схватил Приткина за горло, оба повалились на стол, едва не сбив меня с ног. В следующую минуту Приткин достал нож и вонзил в грудь вампира. Противники отпрянули друг от друга и застыли на месте. Волшебник отчего-то не стал использовать свое

преимущество, он стоял неподвижно, в каком-то странном оцепенении. Потом вампир резко выдернул нож из груди, в этот момент дом содрогнулся и неожиданно замер.

Больно ударившись коленями об угол стола, я едва устояла на ногах, но мне было не до этого. Дело в том, что гейс внезапно исчез, как исчезает звук приемника, когда кто-нибудь поворачивает рукоятку. Сделав несколько судорожных вдохов, я поняла, что снова могу дышать. Голова кружилась от недостатка кислорода и огромной радости. Но тут передо мной встала новая проблема: я ощутила сильнейший голод.

Когда я его не чувствовала, то могла определить истинную силу связи между мной и Мирчей. Мне хотелось плакать и смеяться. Освобождение от боли наполнило меня какой-то сумасшедшей радостью. И чувством голода.

Пошатываясь, я обошла вокруг стола, ощущая странную пустоту внутри. Затем выглянула в окно... и замерла от изумления. Я даже позабыла о гейсе. Прямо перед нами был не каменный туннель и не бесконечная пустыня. Вместо этого я увидела огромный зеленый луг, по высокой траве то и дело пробегала рябь от слабых порывов ветра. Солнце стояло в зените, и в воздухе висела легкая дымка. Вдалеке виднелась гряда голубых гор с заснеженными вершинами, в дверь домика залетал теплый ветер, принося с собой запахи диких трав. Это было прекрасно.

Из-за занавески высунулся Мак, огляделся и завопил от радости:

— Вот это да! А говорили, невозможно! Надо же, у нас все получилось!

Я заметила, что его татуировки перестали шевелиться и были совершенно неподвижны, как подобает нормальной татуировке. Все стало ясно. Мак, чертов сукин сын, перенес свой магазинчик через портал прямо в Страну эльфов.

Предоставив Маку и Приткину заниматься пленником, я побежала в заднюю комнату, где на столе для клиентов лежал Томас. Вид у него был измученный, но мы успели его привязать, поэтому его не швыряло по комнате во время путешествия. Впервые я смогла как следует разглядеть его раны — и, сжав зубы, выругалась. Будь он неладен, этот Джек.

Томас застонал и попытался сесть, но его держали веревки. Если бы не они, из него бы наверняка что-нибудь вывалилось. Джек распорол ему живот, словно производил вскрытие или разделявал тушу убитого животного. Я в ужасе смотрела на то, что некогда было прекрасным телом. Лучше бы Августа довела свою игру до конца.

Едва сдерживая тошноту, я отвела глаза и стала искать какую-нибудь ткань для перевязки. Вампиры поразительно живучи, и далее с такими ужасающими ранами Томас мог со временем поправиться. Только нужно было его обязательно перевязать. Я направилась к койке, чтобы взять простыню или одеяло, но по дороге за что-то запнулась. На полу лежал темноволосый мужчина в ярко-красной рубашке. Я с удивлением уставилась на него — как он оказался в домике? В этот момент мужчина повернул голову — и все стало ясно.

— Забыл тебе сказать, — Билли сел и схватился руками за голову. — Так плохо мне не было с тех пор, когда я напился с двумя русскими.

Тут он застонал и вновь улегся на пол.

Я осторожно потыкала в него пальцем. Билли был таким же материальным, как и я. Я пощупала его пульс. Ровный. Я выпрямилась, сделала два шага и вновь замерла от удивления. На полу лежало что-то темно-оранжевое. Присмотревшись, я увидела руку, затем — обнаженный торс и наконец — все тело. Я не верила своим глазам, но мозг сказал мне, что это... голем Приткина. Только теперь это явно была не глиняная статуя.

Мне даже не нужно было щупать пульс — я отчетливо видела, как он дышит, как равномерно вздымается и опускается его широкая оранжевая грудь. Совсем как у человека. Только я-то знала, что передо мной просто большой кусок глины, оживший с помощью магии. К тому же, как я невольно заметила, все анатомические подробности были на месте, и виновник этого странного превращения, кто бы он ни был, явно не поскупился. Вдруг он неожиданно открыл глаза и посмотрел прямо на меня в большом смущении. Глаза были карими, без бровей и ресниц. Вообще-то говоря, у этого существа совсем не было волос.

Я оглянулась на Билли. Он был бледен, небрит, но в остальном все было в порядке. Просто парень вернулся себе тело, которое более ста лет назад отправилось на корм рыбам.

— Что за черт? — буркнула я, когда пол внезапно задвигался.

Ну нет, хватит с меня сумасшедших перемещений! Но тут домик вновь замер, только стены комнаты продолжали тихонько трястись. Я с испугом подумала, уж не бывает ли в Стране эльфов землетрясений, как вдруг Билли сел и с удивлением огляделся по сторонам. Затем пощупал свою грудь и вдруг истошно завопил, принялся колотить себя по голове, животу, ногам — так, словно по его телу ползло какое-то мерзкое насекомое.

Потом он вскочил и начал с криком носиться по комнате, срывая с себя одежду, чем дико напугал голема, который, выпучив глаза от ужаса, широко открыл рот и завизжал так, что заглушил даже вопли Билли. Спотыкаясь, я пробралась к койке, сняла простыню и стала рвать ее на полосы. Затем перевязала Томаса, пока Билли и голем, вопя и сталкиваясь друг с другом, бегали по комнате.

Испугавшись, что в суматохе кто-нибудь из них наступит на Томаса, я затащила его под стол и залезла туда сама, зажимая уши от пронзительных криков жертв магии. Все, пусть ими занимается кто-нибудь другой — для разнообразия, так сказать.

Однако вскоре стало ясно, что приключения только начинаются. Внезапно с домика слетело полкрыши, и в образовавшемся проеме появились сначала голубое небо и две желтые бабочки, а потом — голова величиной с небольшой автомобиль. Голова была покрыта зеленой сверкающей чешуей, у нее была вытянутая морда и такие челюсти, что слопать человека для этого существа было бы плевым делом. Из широких ноздрей дым не валил, но я уже поняла, кто перед нами. Оранжевые глаза с красными зрачками остановились на мне и слегка расширились, как у кошки, увидевшей необычную мышь.

В отверстие в крыше просунулась длинная шея, и существо оскалило зубы, показав ряд острых темно-желтых клыков. Я замерла, когда на меня пахнуло жарким зловонным дыханием, глаза сразу же начали слезиться, но тут дракон заметил голема. Оранжевые глаза огромной твари вспыхнули, и она потянулась за статуей, помогая себе когтями и пытаясь затащить в домик свое длинное тело.

Я выбралась из-под стола и принялась ловить Билли-Джо, который к этому времени сорвал рубашку и царапал себе грудь, оставляя на ней красные полосы.

— Билли! — крикнула я и хотела схватить его за руку, чтобы затащить под стол, но парень оказался проворнее и, вырвавшись, подбежал к маленькой двери возле кровати.

Я считала, что эта дверь была чем-то вроде элемента декора, потому что ее никогда не открывали, но Билли об этом то ли забыл, то ли просто не знал. Он рвал и дергал ручку с такой силой, что чуть не оторвал ее напроць.

Я с изумлением наблюдала за ним, не зная, что предпринять. Никогда еще я не видела Билли в таком состоянии и понятия не имела, как его уговорить. Кроме того, в человеческом облике он оказался не менее шести футов ростом, и справиться с ним без оружия я бы не смогла. А из оружия у меня был только пистолет да браслет с кинжалами. Вряд ли от них была бы какая-то польза.

В это время снаружи послышались ругательства и несколько взрывов, затем — свист ветра и оглушительный шум, словно разом взлетели сто вертолетов. Оказалось, что это стремительно набирает высоту дракон; развернув огромные черные крылья, ящер оглушительно ревел и царапал морду когтями, вернее, не морду, а то, что от нее осталось, — дымящийся обрубок; в его широких черных крыльях появилось несколько дыр. Через секунду дракон скрылся из вида, умчавшись в сторону далеких лесистых холмов.

Билли, в кровь разбив пальцы, прислонился к двери и затих, всхлипывая и сотрясаясь всем телом. К счастью, приступ безумия начал постепенно проходить. Я собралась поговорить с ним, чтобы окончательно привести его в чувство, но в это время в комнату ворвались Приткин, Мак и Марлоу, причем на вампире, как я сразу заметила, не было ни веревок, ни оков. И что же? Первым делом он рванулся к Томасу.

— Приткин! Держи его! — крикнула я, в то время как маг застыл на месте, разглядывая Билли. Поднырнув под стол, я выскочила с другой стороны и повисла на руке Марлоу, пока он не вытащил Томаса на солнце. — Оставь его, слышишь?

Марлоу удивленно взглянул на меня. Ну еще бы! Когда это было, чтобы простой смертный не позволил что-то сделать вампиру-хозяину первого уровня? Смешно, честное слово! Я отступила на шаг, подняла руку с браслетом, чтобы было виднее, и приказала ножам действовать. Никакой реакции. Я трянула рукой и уставилась на браслет. Что это с

ним?

— В Стране эльфов магия не действует, — мягко сказал Марлоу. — Не бойся, Кэсси, я ничего не сделаю Томасу. Наоборот, я хочу вам помочь.

Ну да, как же! Наверное, поэтому он сидел в первом ряду и смотрел, как палач разделяет Томаса на куски. Карьеру шпиона Марлоу начал еще в елизаветенской Англии; с тех пор он значительно преуспел этом подлом ремесле. Если хотя бы часть того, что о нем говорили, правда, я ни за что не позволю ему подходить к Томасу.

— Убирайся! — повторила я, думая о том, что в любом случае с Марлоу мне не справиться.

Однако вампир не стал спорить и вальяжно отошел в сторону, я же бросилась осматривать раны Томаса. Все было в порядке, он даже мог слегка приподнять голову.

— Я ничего не слышу, — прошептал Томас, и на его лице появилось блаженное выражение. Затем он закрыл глаза, и его голова бессильно опустилась на пол.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

С замирающим сердцем я схватила Томаса за руку и принялась искать пульс; разумеется, я его не нашла. Я почувствовала, что у меня вот-вот начнется нервный срыв. Помню, однажды Тони затеял нешуточную разборку со своим конкурентом. Произошла стычка, в результате которой один из наших вампиров потерял руку и едва не остался без кишок. Когда его принесли к нам, я думала, что он мертв, но Эжени тогда сказала, что он находится в состоянии исцеляющего транса. Несколько недель тот вампир пролежал абсолютно неподвижно, а потом вдруг сел и спросил, кто победил — он или его противник. Я надеялась, что и Томас погрузился в исцеляющий транс, хотя чем я могла ему помочь? Вампиры либо исцеляют себя сами, либо не исцеляются вовсе — в их распоряжении не так уж много лекарств и магических снадобий. Мне оставалось только одно — оставить Томаса в покое и ждать, что будет.

Я взглянула на Приткина.

— Почему Марлоу не связан?

— Потому что он может нам понадобиться, — угрюмо ответил тот.

— А ты знаешь, кто он? — спросила я.

— Знаю лучше тебя.

Приткин отвернулся от Билли, который теперь раскачивался взад-вперед, вперив невидящий взгляд в стену, и в упор посмотрел на меня. В его глазах не было гнева, но я почему-то забеспокоилась. Такого взгляда я у него еще не видела. Он буквально прожигал насквозь; так смотрит загнанный зверь, когда ему угрожает опасность.

— Я должен объяснить тебе наше положение. — Он даже говорил быстрее обычного, словно торопился сказать что-то очень важное. — Мы прибыли в Страну эльфов, но совсем не тем путем, на какой я рассчитывал. Почти вся наша магия здесь не действует, а обычного оружия у нас очень мало. Один из нас серьезно ранен, двое на грани помешательства. Вдобавок тот дракон был стражем портала; он не справился с нами в одиночку и полетел за подкреплением. Если эльфы еще не знают, что мы здесь, то очень скоро узнают. И еще — вернуться через портал мы не сможем.

— Значит, Сенат схватит нас здесь? — спросила я, хотя вовсе не хотела услышать ответ.

Приткин издал какой-то звук, отдаленно похожий на смех.

— Ну нет, если только сенаторы сами не попросят эльфов пропустить их сюда. Для вампира попасть в Страну эльфов равносильно смертному приговору. Как и для магов.

— Он хочет сказать, что теперь все мы в одной лодке, — добавил Марлоу. — Мне ведь тоже нельзя здесь находиться, а эльфы, как известно, никаких объяснений не признают. Если меня схватят, мне конец. — Вампир улыбнулся. — Так что я позабочусь о том, чтобы не попадаться им в руки, и вас не отдам.

Мак насмешливо фыркнул.

— То есть пока мы держимся вместе, мы в безопасности. Поодиночке нам не прожить и дня.

Марлоу пожал плечами.

— В общем, да. И в качестве первого жеста доброй воли хочу предложить всем немедленно покинуть это место. У нас очень мало времени.

Приткин подошел к Билли и сильно хлопнул его по щеке.

— Он прав. Если эльфы нас обнаружат, то либо убьют на месте, либо отдадут в руки круга или Сената. — После второй оплеухи Билли попытался дать Приткину сдачи, но тот увернулся и, заломив руку Билли за спину, толкнул его ко мне. — Следи за своим слугой, — сердито бросил он. — Я буду следить за своим. Все, пошли.

Следующие несколько минут Мак еще раз проверял состояние моей магической защиты, а я пыталась уговорить потрясенного Билли встать и следовать за нами.

— Послушай, что с тобой происходит? — спросила я, когда он немного успокоился. — У тебя появилось настоящее тело. — Тут я ущипнула его за руку, и он поморщился. Большое дитя. — Ты же давно этого хотел, разве нет?

Впрочем, Билли не слишком горевал о своем теле, когда одалживал мое.

Несмотря на ошарашенный вид, Билли понемногу приходил в себя, на его щеках даже заиграл легкий румянец. Внезапно он наклонился и смачно поцеловал меня в губы. Я отшатнулась и отвесила ему оплеуху, но он лишь рассмеялся. В его сияющих карих глазах стояли слезы; Билли потерял щеку, но его лицо светилось счастьем.

— Это случилось, это все-таки случилось, — как молитву, повторял он, потом вдруг вытаращил глаза и бросился к рюкзаку Мака. После недолгих поисков он выудил оттуда бутылку пива, глядя на нее так, словно это был слиток золота. Неловко обхватив вожделенную бутылку ладонями, он попытался свернуть крышку.

— Тебе этого не понять, Кэсс, — говорил он, глаза его лихорадочно блестели. — Ну да, иногда я входил в твое тело, но это же совсем не то, понимаешь? Ведь это была не настоящая жизнь, а теперь я могу все трогать, брать в руки, ощущать!

Потерпев очередную неудачу, Билли с яростным воплем попытался скovyрнуть пробку о край стола, но пальцы не слушались, и бутылка выскользнула.

Я поняла, что взывать к его разуму совершенно бессмысленно, пока он не выпьет.

— Дай мне, — сказала я нетерпеливо.

Билли протянул мне бутылку, не сводя с нее глаз. Когда я открыла ее о край стола, он тут же выхватил ее из моих рук и залпом выпил почти все пиво.

— О господи, — проговорил он и упал на колени. — Боже всемогущий!

Я уже собралась попросить его прекратить этот спектакль, но меня опередил Мак.

— Твоя защита цела, — сказал он, — значит, все дело в гейсе. Их создатели обожают все усложнять. Чем сильнее заклятие, тем больше препятствий оно вызывает. А дюрахт — одно из самых сильных заклятий.

— Но моя защита раньше прекрасно действовала, а заклятие появилось, когда мне было одиннадцать, — возразила я.

— Поэтому ты и жила спокойно, просто ты была слишком юна для того, чтобы гейс начал проявлять активность. Пойми, твоя защита создана точно под твою ауру и сидит на ней плотно, как перчатка на руке. Но чтобы не свалиться, ей требуется устойчивое поле. Активный гейс — очень серьезная опасность, и твоя естественная защита находится в постоянной боевой готовности, чтобы противостоять захватчику. Но из-за этого мы не можем создать тебе искусственную защиту.

Я начала кое-что понимать.

— Так вот почему Приткин набросился на Миранду как сумасшедший! Он знал, что если она не снимет гейс, он не сможет сделать себе магическую татуировку!

Мне пришлось тут же пожалеть о своих словах, потому что Мак прижал меня к стене и потребовал рассказать эту историю. Услышав, как Приткин сражался с маленькой горгульей, он чуть не умер со смеху. Но когда я стала приставать к нему с расспросами, он начал вилять и уходить от ответа.

— Кэсси, ты когда-нибудь пробовала натянуть перчатку на ручку младенца? Это очень трудно, ведь он беспрерывно шевелится. Вот почему им обычно надевают варежки.

Мак говорил со знанием дела, и я вдруг подумала, что у него может быть семья. И где-то есть люди, которые будут оплакивать его, если ему суждено умереть.

— Так ты можешь это исправить или нет?

— Прости, Кэсси. Без гейса я бы восстановил твою защиту в два счета. А так получается, что...

— Я в полном дерьме.

— Вроде того.

Словно в подтверждение моих слов, Билли выронил бутылку с пивом, и прямо у меня под ногами образовалась темная лужа. Я едва успела отскочить.

— Билли! Да что с тобой?

— Живот скрутило, сил нет, — со стоном еле выговорил он.

Я вздохнула и принесла ему стакан воды.

— Пей маленькими глотками, — сказала я. — У тебя теперь желудок как у младенца, а младенцам пиво нельзя.

Билли застонал еще громче.

— Имей совесть, Кэсс!

Я взяла бутылку и встряхнула ее перед глазами Билли.

— Помоги нести Томаса, и я, может быть, дам тебе пива.

— Там, куда мы идем, есть паб, — тихо заметил Марлоу.

— Откуда ты знаешь, куда мы идем? — спросила я с подозрением.

— Потому что больше идти некуда. — Билли посмотрел на вампира с таким видом, словно тот только что поздравил его с выигрышем в лотерею. — Пиво, классные девчонки и отличная музыка. Если я ничего не путаю.

Вдруг он подскочил как ужаленный.

— Где этот несчастный доходяга? Его нужно немедленно уложить в постель, чтобы он отдохнул и поправился!

— Что это за город? — спросила я Марлоу.

— Это замок, а вокруг него — маленькая деревушка. Там живут темные эльфы. Некоторые из них когда-то были информаторами моих агентов. У меня там вроде как разведывательная сеть — темные следят за светлыми, а мои агенты среди светлых — за

темными. Иногда они вырывают агентов, попавших в затруднительное положение, — за определенную плату, разумеется.

— Ты шпионишь за эльфами? — удивилась я.

— Я шпионю за всеми, — с улыбкой ответил Марлоу. — Это моя работа.

— Потом обсудите, — сказал Приткин, входя в комнату. За его спиной, стараясь ни к чему не прикасаться, стоял голем. — Если темные эльфы обнаружат нас до того, как мы пойдем...

— Понял, — буркнул Марлоу.

Взяв с двух сторон Томаса, он и Билли переложили его на носилки, сделанные из одеяла. Когда Марлоу сказал, что солнце в Стране эльфов для вампиров не опасно, я ему не поверила, но Мак отнесся к его словам абсолютно спокойно, и, поскольку Томас не превратился в пепел, когда на него упали солнечные лучи, я поняла, что они были правы.

Билли держал одеяло за один конец, Марлоу — за другой. Я шагала рядом и внимательно следила за вампиром, чтобы он тайком не устроил Томасу какую-нибудь пакость. Будь моя воля, я выбрала бы себе другого помощника, но приходилось довольствоваться тем, что есть. Вряд ли я смогла бы хоть сколько-нибудь протащить Томаса на себе, к тому же мне приходилось нести еще и пятьдесят фунтов боеприпасов. Мак шел последним; ему нужно было иметь свободные руки — на тот случай, если придется стрелять. Впереди шагал Приткин, он внимательно следил за големом — как бы тот чего не выкинул.

Бедняга голем дрожал, дико озирался по сторонам и подскакивал при каждом порыве ветра, крике птицы или звуках голоса Билли, который то и дело заводил свою любимую песенку «Я бродяга известный, редко бываю трезвым». В конце концов Приткину это надоело, и он пригрозил голему, что вновь превратит его в статую, если тот не перестанет трястись. А что мог поделаться этот бедолага? Он ведь в жизни не видел ничего подобного, во всяком случае, не видел глазами человека и, следовательно, понятия не имел о том, что можно считать опасностью, а что нет. Не знаю, сколько и какие у него были органы чувств, но, судя по тому воплю, который он издал, когда ветер швырнул ему в лицо пух одуванчика, их явно было не пять.

Наконец мы подошли к лесу; позади на траве остались три хорошо видимые дорожки. Не нужно быть опытным следопытом, чтобы выяснить, куда мы пошли. Я смотрела на темный лес и надеялась, что хоть у кого-нибудь из нашей группы есть план действий.

Следующий час нашего путешествия превратился в настоящий кошмар; мы пробирались через лес, оказавшийся на редкость омерзительным. Во-первых, он состоял из таких огромных деревьев, что по сравнению с ними столетние великаны, окружавшие усадьбу Тони, выглядели бы жалкими веточками. Мы прошли мимо двух гигантских дубов, в ствол которых, будь он пологий, мог бы запросто въехать автомобиль. Конечно, для этого пришлось бы сначала построить пандус, поскольку сами стволы начинались где-то высоко в воздухе, а держались они на корнях высотой с дом. Дубы стояли, как часовые у ворот замка, задрав поросшие мхом ветви — то ли в знак приветствия, то ли угрозы.

Сплетенные между собой корни обрывались у края тропинки. Когда мы пробирались через заросли кустарника и колючек, что-то задело меня по плечу. На секунду мне показалось, что перед глазами мелькнула чья-то скрюченная рука с невероятно длинными корявыми пальцами. Я в ужасе отпрыгнула в сторону, но оказалось, что это просто низко висящая ветка, поросшая влажным мхом.

Однако хуже всего был запах. На лугу было тепло и пахло цветами, а здесь не было даже

зелени. В лесу было душно и влажно, а от земли исходил запах сырости и плесени. С трудом шагая по мягкой лесной почве, я все время думала, что меня так удручает. Наконец я поняла. Находиться в этом лесу было все равно что сидеть возле постели лежачего больного. Неважно, как часто его моют, запах все равно есть, от него никуда не деться. Этот запах ни с чем не спутаешь. От леса пахло смертью — не той быстрой смертью, которой погибает убитое животное, а долгой, тяжелой болезнью того, за кем пришла смерть. Лучше бы мы остались на лугу.

Я жалась к Томасу — он, к счастью, по-прежнему не приходил в сознание — и старалась не подавать вида, что мне очень страшно. Было в этом лесу что-то неестественное. То ли унылый свет быстро наступивших сумерек был тому виной, то ли возраст древних деревьев, но на душе вдруг стало очень тягостно. И чувство это не покидало нас с первой же минуты, как мы покинули цветущий луг. Я даже не пыталась предположить, сколько лет этим великанам, а каждое новое дерево поражало своими размерами. В зарослях ветвей мне то и дело мерещились чьи-то лица — старые, сморщенные, с длинными волосами, густыми бородами и тускло мерцающими глазами.

Несколько раз Марлоу пытался завести со мной разговор, но я не отвечала, и он от меня отстал. Мне нужно было подумать. Например, о том, как отыскать Майру и что с ней делать, если я ее отыщу. Теперь мне было понятно, почему она скрылась в Стране эльфов. Это было совершенно новое игровое поле, о котором я ничего не знала. Я подошла совсем близко к капкану и не знала, когда сработает пружина; я не могла полагаться на свою энергию, не знала, кто помогает Майре и сколько их. После того, что случилось с Маком, я была уже не так уверена в своей магической силе. А что, если здесь она вообще не сработает?

Унылое настроение усугублялось еще и тяжелым пальто, которое мне пришлось тащить на себе, тоской по горячей ванне и отчаянным желанием увидеться с Мирчей. Гейс продолжал действовать, пусть и не в полную силу, но все же весьма ощутимо. Я чувствовала себя как заядлый курильщик перед двенадцатичасовым перелетом. Только для меня этот перелет растянется на неопределенное время.

Наконец мы решили сделать привал. Ветер шевелил верхушки деревьев, но внизу стоял мертвый штиль. Билли, который всю дорогу ныл и жаловался, какой Томас тяжелый, клялся и уверял меня, что мы идем уже целый день, хотя на самом деле прошло не больше часа. Сбросив свинцовую гирю, подsunутую мне Приткиным, я почувствовала себя немного лучше. Жаль только, что в воздухе не ощущалось ни единого дуновения ветерка.

Я согнулась пополам, тяжело дыша и чувствуя себя совершенно измотанной; по лицу струился пот и капал на мягкую подстилку из листьев... вот тут я это и увидела: первое доказательство того, что мы вошли в настоящий заколдованный лес. Корень дерева, покрытый ярко-красным лишайником, внезапно ожил и придвинулся прямо к моему носу. Испуганно вскрикнув, я отшатнулась, а корень досуха высосал каждый лист, пропитанный моим потом.

— Ч-что это такое? — пробормотала я и отодвинула ногу, когда корень с шуршанием пополз в мою сторону и начал рыться в листве, словно свинья в поисках желудей. Меня он не видел, но явно знал, что я здесь.

— Это шпион, — раздался рядом спокойный голос Марлоу. — Я знал, что мы их встретим, только не думал, что так скоро.

— Какой еще шпион?

— Шпион темных эльфов, — ответил Приткин, подходя ко мне. — Это их лес.

— Вполне возможно, — согласился Марлоу. — Нам лучше добраться до места до того, как...

— Дальше ты с нами не пойдешь, — перебил его Приткин. — Отдай мне амулет, я все сделаю сам.

— А куда мы идем? — спросила я, но никто не обратил на меня внимания.

— Они вас не знают, — возразил Марлоу. — Даже со мной вы будете в опасности.

Приткин ухмыльнулся.

— Ничего, рискнем.

Мак кашлянул.

— Будет лучше, если пойду я, — сказал он. — Вам хватит забот, чтобы следить за этим, — он кивнул на голема, который с выражением полнейшего изумления водил руками по стволу дерева, — меня-то он совсем не знает. Если что случится, я с ним не справлюсь.

— Голем может пойти со мной.

— Сейчас от него мало толку, — с сомнением проговорил Мак.

— Ну и что, все равно он драться не будет, — сказал Приткин и взглянул на меня. — Ты, я полагаю, останешься здесь, чтобы ухаживать за ним?

Он не назвал имени, но мы оба знали, что речь идет о Томасе. Я взглянула на Марлоу. Тот поправлял бинты у себя на голове; заметив мой взгляд, он ухмыльнулся.

— Пострадал в снежном урагане, — морщась, пояснил он. — Сначала Распутин раскроил мне череп, потом этот град. Вечно мне попадает именно по голове, будто других мест нет.

Я промолчала и даже не улыбнулась. Марлоу нельзя доверять. Может, ему и правда было больно, а может, он просто пытался меня разжалобить. Если так, то он напрасно терял время. Я выросла среди вампиров и прекрасно знала пока вампир шевелится, он смертельно опасен. Вряд ли я чем-то смогу помочь Томасу, но я, по крайней мере, прослежу, чтобы Марлоу не отрубил ему голову. Я взглянула на Приткина и кивнула.

— В таком случае тебе придется одолжить мне слугу, — сказал маг.

Когда мы остановились, Билли, отдуваясь, свалился на землю, а сейчас, ругаясь на чем свет стоит, стягивал с ноги черный сапог. Я подумала, что у него не только желудок стал как у младенца, но и пятки нежные не по возрасту.

— Ты уверен? Боец из него неважный.

— Ничего, он мне не помешает. А вдруг что-то пойдет не так? Тогда он прибежит к вам и предупредит об опасности.

— Ну, это он может, — сказала я и подтолкнула Билли. — Вставай.

Он выругался, но, очевидно, мечты о пиве пересилили мысли о мозолях, и Билли согласился идти.

Марлоу что-то быстро набросал на клочке бумаги, и Мак сунул записку в рюкзак. Обычный разлинованный листок из блокнота, исписанный шариковой ручкой, довольно странно выглядел в сказочной стране, по никто, казалось, не обратил на это внимания.

— Не уверен, что мои информаторы все еще там, — сказал Марлоу. — В Стране эльфов время идет по-другому. Иногда мои агенты выходили из дома с разницей в несколько месяцев, а встречались в один день, а иногда и с разницей в десять лет. Я так и не понял, как здесь считают время.

— Ничего, я справлюсь, — сказал Приткин, обшаривая мое пальто, после чего выудил оттуда три большие черные коробки.

Я не стала спрашивать, зачем ему столько патронов. Мне не хотелось это знать.

Приткин облачился в темный плащ с капюшоном из запасов Мака, а свое кожаное пальто после короткой борьбы нацепил на голема. Маскировка, конечно, так себе для оранжевого верзилы семи футов ростом, к тому же голого и босого, но лучше, чем совсем ничего.

— А может, ему лучше остаться здесь? — спросила я.

Приткин не ответил, но Марлоу едва заметно улыбнулся.

— Если маг придет без подарка, его никто и слушать не станет. Так принято у эльфов.

— Без подарка? Ты хочешь сказать... Но это же рабство!

— Кэсси, он не настоящий человек, — возразил Мак.

Младенец-гигант, хлопая глазами, смотрел, как

Приткин застегивает на нем пальто. Придя в полный восторг от пуговиц, голем тыкал в них оранжевым пальцем, который, кроме цвета, ничем не отличался от человеческого.

— Для меня он человек, — сказала я упрямо.

— Он нужен мне только как пропуск, потом я его заберу, — сердито сказал Приткин. — Может, ты предпочитаешь заменить его своим слугой?

Билли встрепнулся и бросил на меня отчаянный взгляд.

— Нет, конечно, — со вздохом ответила я.

— Тогда воздержись от комментариев в тех делах, где ты ничего не смыслишь, — было сказано мне, и вся троица скрылась в густой листве.

Прошло несколько часов, в течение которых судьба продолжала испытывать мои нервы. Сначала меня начали преследовать корни деревьев, они таскались за мной всюду, как слепые щенята. Я до смерти устала и мечтала посидеть спокойно хотя бы пять минут. Но не тут-то было. Мне пришлось играть в догонялки с местной флорой и в то же время быть объектом пристального внимания со стороны местной фауны.

Вскоре после того, как ушел Приткин, все птицы, что жили в этом лесу — во всяком случае, мне так показалось, — собрались, чтобы поглазеть на меня. Скопы, орлы, совы и даже несколько стервятников расселись поодаль, наблюдая за мной; вскоре к ним присоединились и мелкие зверушки. Птицы сидели тихо, лишь изредка раздавалось хлопанье крыльев — когда нужно было потесниться для вновь прибывших зрителей. Через несколько минут ветки деревьев начали понемногу сгибаться под их тяжестью, но птицы не улетали, молча и важно наблюдая за мной. Поскольку мы не делали ничего интересного, я решила, что главное шоу впереди. От этого настроение не улучшилось.

Как и от того, что я ничем не могла помочь Томасу, который недвижно лежал на одеяле. Вылечить его было не в моей власти, я даже боялась к нему подойти — ведь неизвестно, как поведут себя мои одетые в кору фанаты. Может, они обожают лакомиться не только потом.

Однако больше всего мне досаждал Марлоу. Как только Приткин ушел, вампир с бодрой улыбкой обернулся ко мне.

— Ну что, Кэсси, поболтаем? — спросил он. — Уверен, что смогу рассеять все твои страхи и сомнения.

Я перепрыгнула через корень, пытавшийся обвиться вокруг моей лодыжки.

— Что-то не верится, — сказала я.

— Потому что ты никогда не смотрела на эти вещи с нашей точки зрения, — сказал Марлоу с широкой улыбкой, от которой меня передернуло. — Мы давно хотели с тобой поговорить, но возле тебя все время был Мирча, так что разговор не получился.

— Я не стремлюсь беседовать с теми, кто хочет меня убить.

— Не понимаю. О чем ты? — сделав удивленное лицо, спросил Марлоу. — Я точно не хочу тебя убить, и Сенат тоже. Напротив, мы хотим тебе помочь.

— Ты и Агнес это говорил?

Марлоу сдвинул брови.

— Я тебя не понимаю.

Я вытащила небольшой амулет, полученный от Приткина, и, как маятником, покачала им перед лицом Марлоу.

— Узнаешь?

— Конечно, — ответил тот, внимательно разглядывая медальон.

Теперь настал мой черед изумляться. Если бы я узнала, что именно Марлоу задумал убийство пифии, я бы не удивилась — это было вполне в его духе, но его признание повергло меня в шок. Неужели он считает, что я стану его благодарить за то, что он расчистил мне дорогу к титулу пифии?

— Это медальон святого Себастьяна, — сказал Марлоу, беря амулет из моих дрожащих пальцев.

Мак внимательно прислушивался к нашему разговору, но молчал. Наверное, ждал, что сейчас Марлоу начнет раскалываться. Напрасные ожидания.

— Давно я таких не видел, — добавил Марлоу. — Просто в них не было необходимости.

— О какой необходимости ты говоришь? — живо поинтересовался Мак.

— Чума, маг, — раздраженно ответил Марлоу. — Считалось, что святой Себастьян мог предотвратить эпидемию чумы. В мое время такие амулеты пользовались большим спросом на континенте, хотя большинство из них было сделано в четырнадцатом веке, во время эпидемии «черной смерти».

— Выходит, это просто амулет на счастье? — спросила я.

— Вроде того, — улыбнулся Марлоу. — Люди верили, что эти безделицы могут защитить от болезни.

— Смешно получается, — сказала я. — Совсем недавно с помощью одной такой безделицы был убит человек.

Марлоу вздернул бровь; как ни странно, удивление его казалось неподдельным.

— Пифию убили?

Мак так разозлился, что даже позаимствовал одно ругательство из репертуара Приткина.

— Откуда ты это знаешь, если ты ни при чем? — воскликнул он.

Марлоу пожал плечами.

— Так мы же о пифии говорим, о ком же еще? — Тут он нахмурился. — Медальон кто-то открывал.

— Мы открывали, — сказал Мак и выхватил у него амулет. — В нем был мышьяк!

Очевидно, этим известием он хотел ошеломить вампира, но Марлоу остался невозмутим.

— Разумеется. — Заметив мое изумленное лицо, он пояснил: — Прежде чем запаять, е такие медальоны часто прятали порошок из толченых жаб, мышьяк и много других снадобий. Считалось, что они могут отгонять болезни. Такие медальоны с секретом были особенно ценными, ну и, конечно, стоили немало.

— Ты хочешь сказать, что он был предназначен для хранения яда? — спросила я и

оглянулась на Мака. — А ты уверен, что пифию убили?

— Кэсси... — повысил голос Мак.

Он явно не хотел продолжать разговор в присутствии Марлоу, но меня это не смущало. Если смерть пифии организовал Марлоу, все подробности ему и так известны, а если он ни при чем, то может оказаться полезным.

— Точно такой же медальон был найден возле ее тела, — сказала я. — Ты не знаешь, как его могли использовать?

Марлоу задумался.

— Яд может находиться во всем, что прикасается к коже человека, — сказал он. — Королева Елизавета однажды едва не погибла из-за отравленной луки седла. Да я сам как-то раз прикончил одного католика, пропитав раствором мышьяка его четки, — небрежно закончил он.

Он явно старался меня напугать; ничего, мы еще посмотрим, кто кого.

— А когда яд начинает действовать?

— Примерно через час.

— Но пифия умерла через шесть месяцев.

Марлоу покачал головой.

— Ну нет, если бы кто-то отравил ее ожерелье или медальон, пусть даже слабым раствором мышьяка, то шесть месяцев — срок немалый, яд не может действовать так долго. Мышьяк вызывает покраснение кожи и отеки — это сразу было бы заметно. Поэтому если человека нужно травить медленно, яд подсыпают в пищу. В малых дозах он вызывает те же симптомы, что и отравление обычными продуктами.

— За питанием пифии следили очень строго, — сказал Мак. — К тому же госпожа Фемоноя была чрезвычайно... осторожна по части ядов. Не параноик, конечно, но...

— А я слышал совсем другое, — весело отозвался Марлоу. Было видно, что мы затронули его любимую тему. — Говорят, что с возрастом пифия стала невероятно суеверна и подозрительна и скупала всевозможные средства от ядов. Она верила, что если провести ножом над отравленным продуктом, то нож позеленеет, или что старинное венецианское стекло лопнет, если его наполнить отравленной жидкостью, или что кубок с безоаровым камнем, если положить его на дно...

— Может, у нее были видения, — сказала я.

Агнес была ясновидящей, причем весьма талантливой. Я поежилась. Как это ужасно — увидеть собственную смерть и знать, что ничего не можешь сделать!

— Возможно, — Марлоу вновь улыбнулся, глядя на меня, и я сразу насторожилась. — К сожалению, это ей не помогло. Что и требовалось доказать. Маги больше не способны тебя защищать, Кассандра. Нам это удалось бы куда лучше, уверяю тебя.

Мак бросил на вампира враждебный взгляд.

— Не слушай его, Кэсси, — сказал он. Хватит с ним говорить. Пока я здесь, он тебя ни к чему не склонит.

— Не стоит быть таким самоуверенным, маг. Твоя репутация мне известна, но здесь магия бессильна, а мое могущество не изменилось. И почему ты решил, что я собираюсь к чему-то склонять Кассандру? Просто я хочу, чтобы она знала, кто ее новый союзник и чего он от нее хочет.

— Это не твое дело, — угрожающим тоном произнес Мак.

— Ах вот как! Но и не твое. Кассандра имеет право знать, с кем связалась, — Марлоу

повернулся ко мне и сделал невинное лицо. — Разве ты не знаешь, что Приткин — главный наемный убийца круга?

Мак поперхнулся содержимым фляги, к которой только что приложился, чем еще больше выдал себя.

— Что ты городишь? — выговорил он, когда отдышался.

Вампир не обратил на него внимания. Он смотрел на меня.

— Для тебя это новость, как я вижу? — спросил он.

— Рассказывай.

— Кэсси, не верь ни единому слову, они все лгуны! Это же полная... — начал Мак, но я не дала ему договорить.

— Я слишком устала, чтобы спорить, Мак, — сказала я.

Я и в самом деле устала. Больше всего мне хотелось найти мшистую полянку посуше, подальше от приставучих корней, и поспать часиков так двенадцать. Я буквально валилась с ног, и сил на эмоции уже не оставалось. Но я должна была все узнать, в этом Марлоу был прав. Верить этому или нет, я решу потом.

Марлоу не заставил себя долго ждать.

— Мы никак не могли понять, почему охотника за демонами круг назначил главным советником на переговорах. Среди вампиров много опытных дипломатов, которые вели бы себя более... сдержанно, чем Джон Приткин. Станным нам показалось и то, что назначили его всего за несколько часов до твоего появления. Создавалось впечатление, что круг знал, что ты идешь к ним, и хотел, чтобы тебя встретил именно Приткин.

— Они надеялись, что он примет меня за демона и прикончит, — сказала я.

Тоже мне, новость. Мирча давно это понял. Между прочим, все почти так и получилось. Приткин не слишком разбирался в вампирах, зато о демонах он знал все. И некоторые мои способности, особенно умение занимать чужие тела, вызвали у него подозрения.

— Я слышал такую версию, однако предположение круга о том, что ты спровоцируешь Приткина на нападение, показалось мне странным. Если бы все пошло так, как мы планировали, если бы ты не сбежала, а Томас нас не предал, тот вечер закончился бы тихо и мирно. — Вспомнив свою первую встречу с Сенатом, я подумала, что тот вечер был далеко не тихим и мирным, но спорить не стала. — Тогда я решил, что за этим что-то кроется, — продолжал Марлоу, — и начал свое расследование.

— И ничего не узнал, — вставил Мак.

Марлоу посмотрел на него так, как посмотрел бы король на крестьянина, испачкавшего дорогие ковры в его замке.

— Напротив, я узнал предостаточно. Например, что на счету Приткина более тысячи смертей. Что именно его посылают в тех случаях, когда нужно кого-то убрать, причем наверняка. Я узнал, что, выслеживая свою жертву, он применяет весьма необычную тактику. — Марлоу искоса взглянул на меня. — Ставит на жертве метку, чтобы потом...

— Не слушай его, Кэсси! — крикнул Мак и наступил на корень, который хотел обвиться вокруг моей ноги. Корень проворно уполз в лес, но я не сомневалась, что он вернется. Кажется, скоро мне мог понадобиться топор. — Ты плохо знаешь магов, но вампиров-то ты знаешь хорошо! Для них солгать — все равно что вздохнуть. Джон хороший парень.

Марлоу презрительно засмеялся.

— Скажи это тем, кого он убил!

Вампир вопросительно взглянул на меня, ожидая увидеть реакцию на свои слова, а на меня напал ступор, какой бывает от сильного перенапряжения и переутомления. Мне стало абсолютно все равно. Приткин хочет меня убить — пусть. Я сама давно об этом догадывалась.

Ничего не сказав, я начала рыться в рюкзаке. Мне нужны были сухие носки. Может быть, Мак забыл их положить? Нет, вы только подумайте — пиво есть, пистолеты есть, тонна боеприпасов есть, а чистой одежды — нет.

Видя, что бомба не произвела желаемого эффекта, Марлоу слегка приуныл, но не сдался.

— Ты доверила Приткину свою жизнь, а что ты о нем знаешь? Круг подослал его к тебе, чтобы убить!

— Так поступают все вампиры, Кэсси! — громыхнул Мак. — Разливают патоку, говорят полуправду, кажутся белыми и пушистыми, а потом выливают на тебя бочку дерьма.

— Ты нужна Приткину, чтобы найти вторую наследницу пифии, — серьезно продолжал Марлоу, не глядя на Мака. — Как только он ее найдет, тебе конец. И спасти тебя можем только мы. Сенат хочет...

— ...контролировать каждый твой шаг! — закончил за него Мак. — Кэсси, клянусь, Джон пришел в бешенство, когда узнал о намерениях круга. Они там все помешались! Им нужна энергия и только энергия. Даже если они добьются своего, и ты и Майра погибнете, никто не гарантирует, что новая наследница станет пифией. В мире сотни, тысячи никому не известных, необученных ясновидящих. Что, если энергия перешла к одной из них? Что, если Черный круг найдет ее первым?

Я слегка улыбнулась.

— Лучше знакомый дьявол, чем... Так?

Поняв, что сболтнул лишнее, Мак растерялся, но именно поэтому я поняла, что ему можно верить.

Я взглянула на Марлоу.

— Знаешь, мне кажется, Мак говорит правду. Сегодня Приткина самого объявили преступником только за то, что он мне помог. Его самого чуть не убили. Как-то слишком сурово для того, кто всего лишь использует меня в своих целях, ты не находишь?

— Это его обычная тактика, — спокойно сказал Марлоу, но его глаза прожигали меня насквозь. — Кэсси, мы не собираемся тобой манипулировать. Наша задача — защитить тебя от порабощения. Так было со всеми пифиями на протяжении нескольких поколений, но ведь ты можешь это изменить. Мы можем...

Я вскинула руку, потому что не хотела больше слушать и потому что Мак; стал таким красным, что я испугалась.

— Хватит, Марлоу, — сказала я. — Я все знаю. Кстати, я вообще не собираюсь превращаться в марионетку.

— Ты знаешь только то, что тебе сказали, — быстро ответил он. — Тебе необходимы надежные союзники, Кэсси. Ни один правитель, даже самый великий, не правил в одиночку. Елизавета вошла в историю как величайшая правительница, однако ее главный талант заключался в том, что она умело подбирала себе советников. Она была великой потому, что ее окружали великие люди. Одной тебе не справиться. Пройдет немного времени, и ты...

— Сейчас меня интересует только настоящее, Марлоу, — перебила я.

Мне бы этот день пережить, и то хорошо.

— Ничего, скоро ты поймешь, что тебе нужны союзники, и вспомнишь о Сенате. В отличие от магов мы хотим с тобой работать, а не контролировать каждый твой шаг.

— Ага. Поэтому Мирча и сотворил для меня дюракт?

Я, конечно, многого не понимала, но одно было предельно ясно: гейс предназначен вовсе не для того, чтобы давать советы; он меня контролирует. По выражению лица Марлоу я поняла, что и он об этом знает.

— Мы найдем способ его убрать, — пообещал вампир. — А пока Сенат предлагает тебе свое покровительство.

Я закатила глаза, а Мак фыркнул.

— Ну да, — сказал он. — Просто замени слово «покровительство» словом «тюрьма» и...

— Может, тебе это покажется странным, — терпеливо продолжал Марлоу, — но, несмотря на заблуждения господина Мирчи, Сенат всегда тебя защищал. У меня есть неопровержимые доказательства того, что маги хотят видеть на троне свою кандидатку и не остановятся ни перед чем, чтобы этого добиться. Включая твою смерть.

— Еще одна ложь! — в бешенстве крикнул Мак и вскочил на ноги.

Казалось, еще секунда — и он вцепится Марлоу в горло, но тут послышался громкий шорох, и корни, преследовавшие меня весь день, обвились вокруг Мака. Он попытался что-то сказать, но я ничего не разобрала. Не прошло и минуты, как его тело превратилось в сплошной клубок толстых гибких корней; остались только глаза. Мак отчаянно дергался, пытаясь освободиться, но путы держали крепко.

Марлоу постигла та же участь, но, в отличие от Мака, он вел себя смирно и не сопротивлялся. Я заметила, что хотя Марлоу был явно сильнее волшебника, корни держали его не так крепко и обвили тело только до груди. Возможно, это объяснялось просто: чем сильнее ты дергаешься, тем крепче сжимают тебя корни. Я последовала примеру вампира и замерла, надеясь, что меня они вообще не заметят. Однако, как выяснилось, это была не единственная наша проблема.

— Мы не шпионы, — громко и четко произнес Марлоу, обращаясь неизвестно к кому.

— Вы вступили на нашу землю без разрешения, — последовал ответ, — значит, вы шпионы.

— Кто ты? — властно спросил чей-то голосок, потом из-за спины Марлоу вылетело маленькое, похожее на куколку существо и зависло в воздухе перед моим лицом.

Ростом оно было фута два, не больше, с копной огненно-рыжих волос и парой огромных ярко-зеленых крыльев. Я сразу узнала его, вернее ее. Это была та самая фея пикси, которую я видела в казино Данте неделю назад. Правда, мне показалось, что в тот раз она была немного меньше, но, когда имеешь дело с эльфами, никогда и ни в чем нельзя быть уверенным.

— Не называй своего имени! — предупредил меня Марлоу.

Пикси нахмурилась, и тут же один толстый корень обвился вокруг лица вампира, заткнув ему рот. Хорошо, что вампирам не нужен воздух, потому что через минуту лицо Марлоу скрылось под густой сетью переплетенных корней. Я поняла, что с этой стороны ждать помощи уже бесполезно.

— Я пифия, — ответила я, решив, что мой титул будет звучать более солидно, чем имя. Кроме того, титул нельзя использовать во время колдовства. — Мы с вами уже встречались, в казино, если вы...

— Значит, я получу хорошую награду, — сказала пикси, не обратив внимания на мои слова. — Схватить их.

Из-за деревьев высыпала целая ватага косматых существ со щитами и дубинками наперевес. Не знаю, зачем им было оружие — кошмарный запах, исходивший от них, мог сразить кого угодно.

От ватаги отделилась парочка и заковыляла ко мне. Они были похожи на два корявых обрубка, которые вытащили из земли свои корни и отправились погулять. Тот, что находился ближе ко мне, даже напоминал человека, если человек может быть четыре фута в высоту и столько же в ширину. Правда, волосы его были цвета мха, иначе говоря, ярко-красные, несмотря на покрывавший их толстый слой грязи, а глаза и зубы — цвета навоза. Грубая шероховатая кожа «коротышки» напоминала древесную кору и по цвету ничем не отличалась от гнилых листьев, в изобилии устилавших землю. Из одежды на нем была лишь набедренная повязка из дубовых листьев, над которой свешивалось огромное пузо.

Его приятель был на фут выше и такой же толстый. Серые неряшливые волосы спускались почти до колен и напоминали испанский мох. Кожа его была серо-зеленая, а мускулистые руки казались неестественно длинными. Я бы сказала, что он скорее напоминал трухлявый пень, чем живое существо; все его тело было покрыто какими-то шишками и отростками, похожими на сучья. Свою наготу «длинный» прикрывал полосками омерзительного серого мха и ветками папоротника, которые, казалось, росли у него прямо из тела.

— Кто это такие? — спросила я, зажимая нос и впервые жалея о том, что, в отличие от вампиров, людям нужно дышать.

— Темные эльфы, — еле выговорил Марлоу. — Великаны и лесной народец.

И тут же корни отпустили его голову и сползли ниже, освободив тело вампира по плечи. Зачем, я поняла в тот момент, когда из толпы вышел великан футов десяти ростом и стукнул вампира по голове дубинкой размером с небольшое дерево. Марлоу издал вздох, пробормотал: «Снова по голове» — и потерял сознание.

Я попятилась и подняла руки, чтобы показать, что у меня нет оружия. К сожалению, так оно и было. Рюкзак с моим пистолетом валялся далеко в стороне, другого оружия у меня не было. «Коротышка» что-то сказал на своем гортанном языке, рассмеялся и направился ко мне. Я отступила на шаг и взглянула на корни. Они не двигались; дело кончилось тем, что я запнулась и полетела вверх тормашками, упав на мягкие листья. Но едва я оказалась на земле, корни намертво обвили вокруг моих запястий, а «длинный» навалился на меня сверху; мне показалось, что меня сунули головой в навозную кучу.

— Кэсси! — услышала я крик Мака, которому удалось вывернуться из цепких объятий корней; в следующую секунду он рванулся ко мне. Дальше все происходило как в замедленной съемке. Корни бросились вдогонку за магом, и не успела я вскрикнуть, как один из них пронзил его, как копьё. Я же могла лишь лежать и смотреть, как он корчится от боли, а из его бедра торчит острая, как нож, щепка. Только когда Мак повалился на землю, мне удалось пронзительно взвизгнуть.

Я почувствовала, как грубые пальцы хватают меня за ноги, дергают за шорты и пытаются расстегнуть на них молнию. В следующую секунду «длинный» потащил шорты вниз, а я с ужасом смотрела, как Мак извивается на земле, пытаясь вырвать из бедра острую деревянную палку. Наконец ему это удалось; кровь хлынула из раны ручьем, но в это время другой корень обвился вокруг его шеи и принялся душить.

— Не надо! Оставьте его — вы его задушите!

Но корни меня либо не слышали, либо не понимали. Тем временем «длинный», потеряв терпение, рванул шорты так, что они оказались где-то возле колен. Я пнула его ногой; с таким же успехом я могла бы пинать ствол дерева — «длинный» этого даже не заметил. Я дико озиралась по сторонам в поисках подмоги, но беспомощного Томаса в этот момент самого куда-то потащили, а Марлоу волокли по земле три великана, в то время как четвертый пытался надеть ему на голову мешок.

Тем временем Маку удалось одной рукой слегка ослабить хватку корней; другой он зажимал рану на бедре, из которой вылилось столько крови, словно ему перерезали артерию. Нам повезло, что остальные корни не принимали участия в драке. По-видимому, они нападали только на тех, кто сопротивлялся. Я мысленно уговаривала Мака затаиться и притвориться мертвым, пока он не сделался таковым на самом деле.

Я с ужасом поняла, что осталась совершенно одна. Моя магическая защита не действовала, а браслет с кинжалами превратился в украшение. После нападения на консула Шеба исчезла, да и гейс не подавал признаков жизни. Выходит, в Стране эльфов его энергия либо теряет силу, либо не считает эльфов угрозой. Мне мог бы помочь амулет, но он был спрятан под рубашкой, а мои руки были намертво прижаты к земле.

Тем временем «длинный» сорвал с меня шорты и бросил их далеко в сторону, а «коротышка» принялся стягивать с меня майку. Она была сшита из прочного эластичного материала, и лесному существу с его неловкими пальцами никак не удавалось с ней справиться. На секунду остановившись, он лизнул меня, словно пробовал на вкус, и на моей щеке остался вонючий слюнявый след. Я попыталась крикнуть, но вместо воздуха во рту оказались омерзительные грязные полосы.

На секунду я словно ослепла, задыхаясь под удушливой массой его спутанной шевелюры; эльф продолжал возиться с моей майкой и после долгих усилий все-таки стащил ее. Я почувствовала, как ветер обдувает мое голое тело. Не слишком задумываясь о последствиях, я попыталась переместиться во времени, но энергии оказалось недостаточно. Я не смогла поймать нужную волну, и она осталась вне досягаемости.

Чтобы не задохнуться, я как можно сильнее повернула голову... и тут увидела ее. Одно оружие у меня все-таки осталось, хотя до него нужно было еще дотянуться. Очевидно, руна выпала из кармана, когда «длинный» отбросил шорты в кусты; она была такой маленькой, что он ее не заметил. Костяной кружок лежал прямо возле моей головы, тускло поблескивая среди влажных листьев. До руны было всего несколько дюймов, но как ее взять?

Пока я лихорадочно соображала, как преодолеть эти несколько дюймов, вокруг щиколоток обвилились два тонких гибких прута и быстро поползли вверх. Добравшись до колен, они начали разводить мне ноги. Живые путы держали меня крепко, больно впиваясь в кожу, и сильно тянули в разные стороны, словно решили разорвать меня пополам. Когда дальше развести ноги было уже невозможно, они остановились. Не помня себя от ужаса, я отчаянно извивалась, пытаясь освободиться. С дерева на лицо упала веточка с несколькими зелеными листочками, словно оно решило меня успокоить; между тем лесные твари стали препираться, кто будет насиловать меня первым.

Спор был коротким. «Длинный» схватил «коротышку» и швырнул его о ствол дерева, где его тут же обвили ветви, словно захлопнув за ним дверцу клетки. «Длинный» повернулся и упал на меня. Две грубые корявые руки схватили меня за плечи, и я взглянула в равнодушные серые глаза, в которых не было ничего человеческого. «Длинный» извивался,

его грубая шершавая кожа больно царапала мое тело.

Не обращая внимания на боль, я схватила губами и сжала во рту свой единственный инструмент — зеленую веточку. Мои глаза нацелились на шнурок, продетый в дырку на костяном кружочке, который, кстати сказать, был почти не виден среди бурой листвы. Понимая, что это мой единственный шанс, я попыталась сосредоточиться. Мне удалось зацепить концом веточки петлю шнурка, и я начала медленно подтаскивать руну к себе. Если мне удастся сделать так, чтобы руна коснулась моего тела или хотя бы его ауры, я спасена. Тут послышалось короткое хлюпанье, и к моему животу прикоснулось что-то липкое и влажное. Я замерла.

И следующую секунду я почувствовала присутствие какой-то гадости, чего-то мягкого и скользкого, что долго лежало в земле, а теперь выбралось наружу. Словно жирный червяк, оно шевелилось где-то внизу моего живота. Я видела только плечо «длинного» и небольшой кусочек тропинки, но в мозгу возник образ личинки огромного жука. Когда эта холодная и влажная «личинка» оказалась у меня между ног, клянусь, у меня остановилось сердце.

С ужасом и содроганием я смотрела, как медленно раздувается мерзкая тварь, становясь похожей на гнилой фрукт, готовый вот-вот лопнуть. От его прикосновения по телу побежали мурашки, мне казалось, что по животу и ногам водят ледяной сосулькой. Умирая от отвращения, я вдруг поняла, что чудовищная желеобразная масса — это и есть «длинный»; видимо, он подбирал форму, соответствующую моему телу. Та, что он выбрал, не имела ничего общего с телом мужчины. Внезапно существо стало твердым, как деревянный кол; если оно меня проткнет, подумала я, мне не выжить. Тварь сожрет мое сердце и оставит вместо него сырость и холод. Мне вспомнилась одна легенда: в древние времена кельты приносили в жертву человека, которого называли «зеленый человек». Они как бы отдавали его земле, чтобы она была плодородной и давала богатый урожай. Похоже, в моем случае это будет «зеленая женщина».

Но когда эта пародия на мужской орган пришла в движение, действуя именно так, как положено у мужчин, я вышла из оцепенения. Завизжав, я выгнулась всем телом и забилась о землю. Не знаю, зачем я так поступила, но именно в этот момент мне на щеку упало что-то маленькое и твердое. Скопив глаза, я увидела, что это моя руна, и сердце вновь бешено заколотилось. Я не знала, как привести ее в действие, не знала, сработает ли она вообще; я прокричала про себя ее название, потому что губы у меня не двигались.

Не знаю, правильно ли я произнесла заклинание, только оно сработало. Почти. Внезапно я оказалась в прошлом — не на двадцать минут, конечно, а на две или три. Лесные люди направлялись ко мне, Мак кинулся им наперерез, не обращая внимания на острые корни, которые бросились за ним. На этот раз я не колебалась. Крикнув Маку: «Берегись!» — я бросилась вниз по тропинке туда, где лежал рюкзак.

От счастья, что вновь могу вдохнуть свежий воздух, я разрыдалась, руки дрожали, и я даже испугалась, что не смогу открыть рюкзак. «Коротышка» подбежал в тот момент, когда мне оставалось справиться с последней застежкой. Существо схватило меня за ворот майки и рвануло на себя. Материя хрустнула, и майка разорвалась на груди. Увидев амулет, висевший у меня рядом с ожерельем Билли, тварь взвизгнула и отскочила назад, держась за руку, которой она нечаянно дотронулась до амулета; на ее коже мгновенно появился обугленный отпечаток рябинового креста. Я тем временем развязала рюкзак и вытащила оттуда свой пистолет.

Не могу сказать, что я лучший в мире стрелок. Более того, я настоящий мазила. И все-

таки даже я не промахнусь в мишень в трех футах от меня. Я начала стрелять не целясь, выпуская одну пулю за другой; в воздух полетели ошметки коры и щепки, словно я стреляла в ствол дерева. «Длинный» вскрикнул и покатился по земле, «коротышка» присел, закрыв голову руками. Наверное, пули причинили им боль, и все же они были живы, только из ран сочилась смола. Я стреляла, пока у меня не закончилась обойма. Увидев, что лесные твари по-прежнему шевелятся, я с изумлением уставилась на них, не представляя, что делать дальше.

Неподалеку валялось пальто Приткина, однако обшаривать его в поисках патронов времени не было. Поняв, что я больше не стреляю, «коротышка» рванулся ко мне. Тогда я припечатала рябиновый крест к его лбу и надавила как можно сильнее. В нос тут же ударил запах костра, а на лбу лесного существа появился глубокий ожог.

«Коротышка» отскочил в сторону, вопя и держась руками за голову. Возможно, он повторил бы атаку и попытался меня схватить, но возле нас неожиданно появилась пикси и со всей силы огрела «коротышку» мечом. От удара лесная тварь кубарем покатилась в сторону и остановилась, с размаху ударившись о корень, где и осталась лежать. Не знаю, умер ли он или просто потерял сознание, я не стала выяснять. Мне хотелось лишь одного — добраться до Мака.

Меня схватили огромные руки, и в ту же секунду лес огласился пронзительным воплем. Возле ног Мака прямо из-под земли выполз огромный корень, размером с небольшое дерево. До сих пор мне казалось, что время остановилось, я даже не понимала, бьется мое сердце или нет. Но все пришло в движение, когда острый корень прошел сквозь тело Мака, проткнув его насквозь.

— Нет, — одними губами прошептала я, но меня никто не слышал, никто не обратил на меня внимания. Тело волшебника изогнулось, его пальцы заскребли по траве, и земля окрасилась кровью.

Пикси слегка кивнула, стражи отпустили меня, и я бросилась к нему. Он не шевелился, его невидящие глаза были широко раскрыты и смотрели в небо.

— Мак, — шептала я, осторожно встряхивая безжизненное тело, — Мак, пожалуйста...

Его голова откинулась назад, и в этот момент на землю хлынул золотой дождь. Кровь застыла у меня в жилах, когда я поняла, что происходит. Магическая защита Мака превратилась в твердое вещество и отделилась от его тела; теперь его кожа была чистой и гладкой, как у ребенка. Дрожащей рукой я подняла одну из фигурок. Это была крошечная ящерка, застывшая в тот момент, когда собиралась юркнуть в укрытие. Рядом валялась змея длиной почти с мою руку, а недалеко от нее — орел величиной с мою ладонь.

Я молча смотрела на золотые фигурки. Я знала, что это означает, но не хотела этому верить. Вокруг нас собралась толпа зрителей, все принялись орать и улюлюкать, но я даже не взглянула в их сторону. Пока не появились корни.

Если до этого я считала, что их очень много, то теперь поняла, какое огромное количество корней питает даже самое маленькое дерево. Внезапно они оказались повсюду, они выползали из леса, из-под земли, из кустов. Одни принялись слизывать лужу крови, образовавшуюся на тропе, другие набросились на тело Мака, как голодные акулы. Гибкие прутья хлестали меня, будто деревянные кнуты, в то время как возле мертвеца кипела бурная деятельность. Корни впивались в тело, обвивая его, словно саван. Внезапно одна толстая ветка так хлестнула меня по животу, что я согнулась пополам. Я упала на колени, а когда поднялась, Мака уже не было. Там, где только что лежало его тело, не осталось ничего,

кроме торчавших из грязи нескольких золотых фигурок.

Пикси что-то сказала стоявшему рядом с ней стражу-великану, и тот со всех ног бросился выполнять приказание. Последним, что я увидела перед тем, как меня сунули в мешок, было грузное тело, заслонившее собой тропинку. Помню, как меня взвалили на плечо; затем перед глазами все померкло, и я провалилась в темноту.

Я очнулась в холодном поту, задыхаясь, с бешено бьющимся сердцем. Вокруг стояла непроницаемая тьма. От ужаса я даже не смогла закричать. Мне казалось, что рядом что-то шевелится и сейчас оно меня схватит. Но минута проходила за минутой, ничего не происходило, и я понемногу начала приходить в себя. Грудь болела так, словно я пробежала несколько миль; больше всего на свете мне хотелось свернуться клубком и лежать, пока боль не утихнет, однако позволить себе такую роскошь я не могла. Нужно было выяснить, где я нахожусь и что со мной сделали.

Ощупью я выяснила, что лежу на грубом топчане, без одежды, под коротким жестким одеялом. Вокруг были каменные стены. Голова гудела нещадно, перед глазами стоял туман. Я вспомнила о том, что едва не случилось со мной, и задрожала. Лихорадочно ощупав свое тело, я убедилась, что со мной все в порядке, если, конечно, не считать многочисленных синяков и ссадин. Особенно глубокая оказалась на руке; она была в форме орлиной лапы и саднила больше остальных. Мне даже показалось, что она пульсирует в такт с моим сердцем.

Больше всего на свете мне хотелось помыться. Пошарив руками, я обнаружила возле двери ведро с водой, губку, кусок самодельного мыла и полотенце. На каменном полу не было ничего, кроме тонкого слоя соломы, да и та, по-видимому, высыпалась из тюфяка, на котором я лежала. В центре, между слегка наклоненными каменными плитами, находилось небольшое отверстие для стока воды. Сбросив одеяло, я скребла себя губкой до тех пор, пока от меня не стало пахнуть только мылом — и больше ничем.

Остаток воды я вылила на голову, однако и после этого я не ощущала себя чистой. Вытираясь полотенцем, я старалась не думать о Маке, но у меня ничего не получалось. Должно быть, эльфы собрали его вещи, потому все золотые фигурки были свалены в кучу возле топчана, холодные и неподвижные. Может, их сложили здесь нарочно, чтобы еще раз напомнить о бесполезности нашей хваленой магии в Стране эльфов. Если так, то я в таком напоминании не нуждалась.

Голова кружилась, я по-прежнему отказывалась верить в то, что с нами произошло. Перед глазами вставали одни и те же картины. Я слышала предсмертный крик Мака, видела, как он скребет пальцами по земле, пытаюсь нащупать оружие, которого у него не было, потому что он отдал его мне.

А я его потеряла.

Я вновь попыталась вызвать энергию. Я слышала, как она бьется, словно огромная волна, но до меня она не доставала. Возможно, что-то глушило ее, не знаю. Немного привыкнув к темноте, я смогла разглядеть еле видимый свет, пробивающийся из-под двери, совсем слабенький, неясный. Я принялась исследовать свою тюрьму. Кроме топчана, в камере не было ничего; выбраться из нее можно было только через запертую дверь или забранное решеткой окно, расположенное под самым потолком. Я завернулась в одеяло и сдвинула топчан ближе к окну, морщась от резкого скрежета. Забравшись на топчан, я смогла дотянуться подбородком до подоконника; пошарив руками, я обнаружила там лишь пыль да дохлого паука. Не было видно ни луны, ни звезд, зато прутья решетки были

толщиной с мою руку.

Чтобы не дрожать от холода, я уселась на топчане и крепко обхватила себя руками. Купание и осмотр окна немного отвлекли меня от тяжелых воспоминаний, но теперь они навалились с новой силой. Чем больше я старалась не думать о Маке, тем больше страшных картин вставало в моей памяти. Я чувствовала зловонное дыхание на своем лице, видела голод в равнодушных глазах, чувствовала, как между ног шевелится скользкая бесформенная масса.

От этого я вновь задрожала, да так сильно, что застучали зубы. Чтобы взять себя в руки и вернуть способность мыслить, я попыталась разозлиться. Вот я сижу в каменном мешке, совершенно одна, голая и беспомощная. Черт, как я это ненавижу! Обычно в такой ситуации человек испытывает страх, но я чувствовала что-то другое, какой-то пронизывающий до костей холод и уверенность в том, что если я и выживу, то никогда больше не буду чувствовать себя в безопасности.

Я плотнее завернулась в одеяло, но могла бы этого и не делать. Холод проникал в меня не снаружи, а изнутри. Чтобы согреться, я принялась ходить по камере из угла в угол. Теплее мне не стало, зато немного прояснилась голова. Свои ошибки я проанализирую позже. Сейчас мне нужно отсюда выбраться. И уж потом я все сделаю для того, чтобы больше никогда, никогда не чувствовать себя такой беспомощной.

Я уже собралась вновь вызвать энергию, как вдруг рядом раздался знакомый голос.

— Поплывем домой мы, Кэтлин, через бурный океан, — ужасно фальшивя, выводил он.

— Билли! — закричала я.

Пение оборвалось.

— Кэсси, дорогая моя! Наконец-то я тебя нашел. Слушай, что я сочинил в пабе:

Жил парень по имени Билл,

Девчонку-красотку любил.

Но вышел с красоткой обман:

Наш Билли забыл, что призрак он был —

В штанах у него — лишь туман.

— Где мы? — крикнула я. — Что происходит?

В ответ грянула «Красотка из Белфаста». Билли повезло, что мы не сидели в одной камере, — я бы его задушила.

— Ты что, пьян?

— Пьян, — смиренно согласился он, — зато в здравом уме, чего не скажешь о нашем оранжевом друге. Не умеет пить, бедолага.

— Билли!

— Ладно, ладно, Кэсс, придержи лошадей, и старина Билли тебе кое-что расскажет. Нас схватили темные эльфы. Меня вытащили из одного премиленького паба и швырнули в эту сырую дыру, да еще вместе вот с ним. Теперь мы ждем, когда король решит нашу судьбу.

Я облегченно вздохнула. Слава богу, нас не собираются обезглавить на рассвете или что-нибудь в этом роде. У нас еще есть надежда на спасение.

— Где все? — спросила я, надеясь, что хоть кому-нибудь удалось скрыться.

— Приткин и Марлоу пытаются убедить капитана стражи — мерзкая такая пикси — отпустить нас, да только, думаю, ничего у них не выйдет. — Билли немного помолчал. —

Эй, Кэсс, как ты думаешь, что со мной произойдет, если меня убьют? У них здесь привидения не водятся, ты не знаешь?

Я вспомнила о Маке. Перед глазами возникло его застывшее лицо, тусклые глаза. Если бы возле его тела появилась хотя бы одна искорка, я бы ее заметила. Меня словно окатило ледяной волной. Господ и боже, что мы наделали!

— А что, если я не вернусь назад? — продолжал Билли. — Что, если я умру и больше уже не воскресну даже в виде призрака? Что, если...

— Билли! — Я старалась говорить спокойно, но мне это не удалось. Сглотнув и сделав вдох, я заговорила снова: — Ты не умрешь. Мы отсюда выберемся, уверяю тебя.

Я говорила скорее для того, чтобы успокоить себя, а не его. Впрочем, на Билли мои слова не подействовали.

Снаружи послышался звон ключей, и старинная дверь со скрипом отворилась. От света фонаря, ударившего в глаза, я едва не ослепла. Закрыв лицо руками, я взглянула на того, кто лежал на руках у стражника, и обомлела.

— Томас!

Стражник, примерно пяти футов ростом, держал тяжелого взрослого вампира так, будто тот ничего не весил. Бросив свою ношу на топчан, стражник обернулся ко мне, и только тут я заметила кабаньи клыки, торчавшие у него изо рта.

«Огр», — успела подумать я, когда стражник ткнул меня в грудь толстым коротким пальцем.

Его голос звучал скрипуче и резко, как скрипит гравий, когда по нему проползает танк. Огр явно что-то мне говорил, но я не понимала ни единого слова.

— Он хочет, чтобы ты его вылечила, — послышался чей-то мелодичный голос.

За спиной стражника стояла стройная брюнетка в изящном зеленом платье с красной вышивкой. Я ее тут же узнала.

— Франсуаза?

Кошмар какой-то. Где бы я ни оказалась, вечно натыкаюсь на нее. Впервые мы встретились во Франции семнадцатого века, когда мы с Томасом спасли ее от инквизиции. Потом я видела ее в казино Данте, где ее чуть не продали в рабство к эльфам. Тогда я ее освободила, но, похоже, судьба решила не выпускать ее из своих рук, как, впрочем, и меня. Мы обе оказались в руках эльфов.

— Что ты здесь делаешь? — с недоумением спросила я.

— Ты и *le monsieur* как-то раз мне помогать, — быстро ответила она. — Я прийти... как это у вас говорится?.. оказать ответная услуга.

— Где остальные? — спросила я. — Я была не одна...

— *Oui, je sais*^[16]. Маг, он заключить сделка с Раделла. Она капитан ночной стража, *une grande baroudeuse*, великий воин.

— Какую еще сделку?

— Маг иметь великая руна. Раделла такую давно искать. Она хотеть ребенок, очень хотеть, только она *infeconde*... как это?.. бесплодная. Маг говорить, у нее быть ребенок, если она помогать вам.

— «Йера».

Значит, она все-таки пригодилась.

— *C'est ça*. — Франсуаза взглянула на огра, подозрительно поглядывающего на нас. Мне показалось, что он плохо понимает по-английски. — Они не знать, почему *le vampire* лежать

и не шевелиться. Я говорить им, что ты великий лекарь, ты его вылечишь.

— Вампир находится в исцеляющем трансе. Онсамсебя вылечит.

— Это не имеет значение, — ответила женщина и бросила быстрый взгляд на огра. — Я хочу, чтобы сегодня вы были вместе возле портала. Я скоро вернусь, когда стража сменится.

— Возле портала? Но...

— Я сделать то, что могу, — торопливо сказала она, видя, что огр решительно шагнул к ней, намереваясь прекратить наш разговор. — Но ты обещаешь взять меня с собой. Пожалуйста, я здесь быть так долго...

— Ты здесь всего одну неделю, — немного смущаясь, сказала я.

Дело в том, что портал мне был вовсе не нужен. Мне нужно было найти Майру, а не возвращаться туда, где я находилась, особенно если учесть, что гейс становился там чересчур активным, а Сенат и круг гонялись за мной, чтобы убить. Если сейчас я вернусь назад, значит, смерть Мака была напрасной. Однако огр уже закрывал за собой тяжелую дверь. Франсуаза, стоя за ним, бросила на меня отчаянный взгляд.

— Хорошо, обещаю! — успела крикнуть я.

Наверное, в Стране эльфов даже неделя кажется вечностью, да и того, что едва не случилось со мной, я бы никому не пожелала.

Я осталась стоять посреди темной каморки; вдалеке затихли тяжелые шаги огра. Мне захотелось броситься к Томасу, чтобы осмотреть его раны, но я испугалась. А что, если ему хуже? Что, если он вовсе не в исцеляющем трансе и давно превратился в труп?

Прошла минута. Наконец я собралась с духом и осторожно подошла к топчану. Томас лежал на спине; рядом с ним стоял тусклый фонарь. Грудь и живот вампира были скрыты бинтами. Кто-то перевязал его куда более умело, чем я, — Томас практически превратился в мумию, бинты покрывали его от сосков до мускулистых бедер. Кроме бинтов, на нем ничего не было, но я немедленно об этом забыла, когда увидела, как сквозь ресницы блеснули его глаза.

— Томас! — прошептала я, склоняясь над ним.

Он был совсем холодный, что мне сразу не понравилось. Не знаю, почему считается, что у вампиров холодная кожа. Если вампир не умирает от голода, кожа у него такая же теплая, как и у человека, — в конце концов, они ведь пьют человеческую кровь! Сорвав с себя одеяло, я накинула его на Томаса и старательно подоткнула края.

Он улыбнулся и, взяв меня за руку, слегка потянул к себе, предлагая сесть рядом с ним. На узком топчане мог поместиться только один, но Томас настаивал.

— Наконец-то ты голая вместе со мной в постели, — едва слышно прошептал он. От радости я чуть не вскрикнула.

Я нелепо провела рукой по его лицу, но он отвернулся — понял, что я хочу ему предложить. Я вновь провела рукой по его щеке.

— Ешь. Тебе нужно есть, иначе ты не поправишься.

— Ты должна беречь силы.

— А ты возьми немного. Не знаю, сколько у нас осталось времени.

Дверь темницы была невероятно тяжелой, но если бы Томас был здоров, он выбил бы ее одним ударом. Сейчас ему нужно было хотя бы встать и держаться на ногах. В отличие от огра, тащить Томаса на руках я бы не смогла.

Томас упрямо взглянул на меня, но, видимо, рассудил так же, как и я, поскольку через

секунду я почувствовала, как моя энергия слегка вздрогнула. Я устроилась поудобнее, чтобы Томас мог спокойно питаться, и вздохнула от наслаждения. Обычно процесс питания вампиров вызывает чувственное наслаждение. Мне стало тепло и удобно, словно меня завернули в мягкое пушистое одеяло. Я расслабилась, предаваясь приятным эмоциям, и вдруг вспомнила, почему я все-таки должна сердиться на Томаса.

Когда мы жили в одной квартире, он тайком сосал у меня кровь, не оставляя на коже ни единого следа, а я об этом даже не догадывалась! Потом он уверял меня, что делал это ради того, чтобы всегда знать, где я нахожусь. Поскольку его работа заключалась в том, чтобы меня охранять, ему была необходима прочная связь между нами, и все-таки я считала это насилием. Я бы даже могла пойти в Сенат и выдвинуть против него обвинения, хотя в то время мне это казалось излишним. Сенат и без того охотился за ним, так что мои обвинения не сыграли бы никакой роли.

Томас смотрел на меня. Свет фонаря играл на его темных ресницах; по моим венам пробежала жаркая волна, и как-то сразу пропало желание сердиться. После всего, что случилось сегодня, незначительная потеря энергии казалась мне сущим пустяком, а за нахлынувшее на меня ощущение мира и покоя я готова была отдать все на свете. К тому же что еще мы могли сделать? Если кровь эльфов такая же, как их тела, вампиру от нее не будет никакой пользы. А так Томас поест, и никто не будет об этом знать.

— Ну как ты? — спросила я, когда он отпустил меня, забрав совсем немного энергии. — Я так испугалась за тебя — не могла понять, то ли ты в трансе, то ли...

— Не волнуйся. До выздоровления мне, конечно, далеко, но я справлюсь. — Его голос звучал гораздо увереннее и тверже, в чем не было ничего удивительного.

В мире существует всего несколько сотен вампиров-хозяев первого уровня, и их способности впору приравнивать к чудесам. — У меня какое-то странное чувство, — задумчиво сказал Томас. — Мне кажется, что каждая минута здесь — это час в нашем мире. Я еще никогда не выздоравливал так быстро.

И тут я поняла. Так вот в чем разгадка тайны, над которой я бьюсь уже два дня! И как же я раньше не догадалась! Если Майра находится в Стране эльфов, где у времени свои законы, значит, на выздоровление у нее были недели, месяцы или даже годы! Теперь понятно, почему она так хорошо выглядит!

Томас поцеловал меня в щеку — единственное место, куда он мог дотянуться, — и мрачно взглянул на меня.

— Тебе не нужно было приходить за мной, это был огромный риск. Обещай, что больше так не сделаешь.

— А мне это будет и не нужно, — сказала я и отвела с его лба прядь волос. Его волосы были все такие же прекрасные — длинные, черные и мягкие, как у ребенка. Дрожащими пальцами я вытащила из роскошных прядей несколько запутавшихся в них листочков. От счастья, что Томас жив, у меня даже кружилась голова. — Мы тебя где-нибудь спрячем, и Сенат тебя не найдет.

Томас покачал головой.

— Милая Кэсси, — пробормотал он. — Я уже не помню, когда ради меня рисковали жизнью. На это способны очень немногие. Я этого никогда не забуду.

— Я же сказала, мы тебя спрячем. Сенат тебя не найдет!

Томас тихо рассмеялся.

— Неужели ты не понимаешь? Сенат меня не искал, это я пришел к ним. Думал,

чтосмогу с ними справиться, но проиграл.

Мне не нужно было спрашивать, чтобы понять, о чем говорит Томас. Луи Сезар, с разрешения консула европейского Сената, стал хозяином Томаса после того, как на дуэли убил его первого хозяина, жестокого Алехандро. Томас был хозяином первого уровня, но даже они обладают разными степенями силы, а Луи Сезар был намного сильнее. Томасу так и не удалось разорвать связь между собой и своим хозяином.

Томас слегка вздрагивал, я чувствовала это своим телом.

— Его голос постоянно звучит в моем мозгу, я слышу его днем и ночью и от этого начинаю сходить с ума! После того как я сбежал, я так и не смог расслабиться ни на минуту. Я знал, что пройдет еще немного времени — и я приползу к нему на брюхе, как побитая собака. Я говорил себе: вот начнется война, ему будет не до меня и он меня отпустит. Но сегодня, когда я очнулся в тюрьме Сената, стражник сказал мне, что я сам пришел в Сенат и сам сдался им в руки! А я ничего не помню, Кэсси! Ничего! — Томас задрожал сильнее. — Он подтащил меня к себе, как куклу. Если понадобится, он сделает это еще раз.

— Ты хочешь сказать, что он и сейчас зовет тебя? — слегка растерявшись, спросила я.

Томас блаженно улыбнулся.

— Нет. В Стране эльфов все по-другому — здесь я его не слышу. Мне не нужно ему прислуживать, и от этого я выздоравливаю быстрее. Раньше, когда я служил ему, мне понадобилось бы не меньше недели, а здесь раны уже почти затянулись.

— Ты его не слышишь?

— Не слышу. И впервые за сотню лет чувствую себя свободным, — сказал Томас так, будто и сам не мог в это поверить. — У меня нет хозяина, понимаешь? — Его глаза блеснули. — Я был рабом на протяжении четырех столетий! Хозяин распоряжался мною, как хотел; иногда мне казалось, что я уже никогда не буду свободным, — Томас оглядел мрачную камеру. — Но здесь эти правила, кажется, не действуют.

У меня на глаза навернулись слезы.

— Да, я заметила, — тихо сказала я.

Если бы здесь действовали все наши правила, Мак вытер бы об эльфов ноги.

— Что с тобой?

Я лишь молча покачала головой. Мне не хотелось об этом говорить, еще меньше хотелось думать, но... я не выдержала. Внезапно меня словно прорвало. В течение получаса я, заливаясь слезами, рассказывала Томасу, что с нами произошло. Но как выразить словами ту боль и страх, что пришлось пережить? Да он бы и не понял.

— Макэдам был великий воин. Он знал, на что идет. Вы все это знали.

Я бросила на него хмурый взгляд.

— Да, но он не должен был с нами идти! Это в наши планы не входило.

Томас пожал плечами.

— Планы меняются, особенно во время войны. Это известно каждому воину.

— Не смей так говорить! Ты его не знал! — резко сказала я. — Иначе ты не был бы таким... равнодушным.

Томас сверкнул глазами.

— Я не равнодушный, Кэсси. Этот маг помог мне попасть в Страну эльфов, помог скрыться от Сената. Я многим ему обязан. Я могу понять, чем он пожертвовал ради нас, и отдаю ему должное, не подвергая сомнению необходимость его жертвы.

— А я что, подвергаю?

— А разве нет? — Томас взглянул мне в глаза. — Он был старым, опытным воином, мужественным и храбрым. Он всегда поступал так, как считал нужным. И погиб он за то, во что верил, — за тебя. Так прояви к нему уважение и не подвергай сомнению его решение.

— Это решение привело его к смерти! Он не должен был идти с нами. — А я должна была искать Майру сама. Когда-то я дала себе клятву, что больше никто и никогда не погибнет из-за меня, и вот пожалуйста — очередная жертва. — Не нужно было ему в меня верить! В меня никто не должен верить!

— Почему? — с неподдельным интересом спросил Томас.

Я хихикнула, не хватало еще забиться в истерике.

— Потому что связаться со мной — значит получить билет в один конец, прямо навстречу гибели! Тебе бы следовало это знать.

У Томаса и до меня была куча проблем, но мне почему-то казалось, что их стало бы гораздо меньше, если бы он не встретил меня.

Томас покачал головой.

— Не бери на себя слишком много, Кэсси. Ты не можешь отвечать за чужие ошибки, не можешь решать чужие проблемы.

— Я знаю!

Но сколько бы я об этом ни думала, никого, кроме себя, я не могла обвинить в смерти Мака. Он отправился к эльфам из-за меня, он остался без оружия из-за меня и в конечном итоге погиб из-за меня.

— Знаешь? — Томас обнял меня за плечи. — В таком случае ты изменилась. — Теплые губы коснулись моих волос. — Наверное, эти вещи я понимаю лучше, ведь я дольше, чем ты, пробыл воином.

— Какой из меня воин?

— Когда-то я думал так же. Но когда в нашу деревню пришли испанцы, я сражался вместе со всеми, чтобы защитить наши поля и чтобы зимой у нас была пища. Тогда я потерял много друзей, Кэсси. Испанцы схватили человека, который был мне как родной отец. Когда он отказался сказать им, где мы спрятали собранный урожай, они разрезали его на куски и скормили собакам. После этого они увели с собой всех наших женщин, а деревню спалили дотла.

Все это Томас говорил ровным, спокойным тоном, словно речь шла о самых заурядных вещах. Заметив мой изумленный взгляд, он печально улыбнулся.

— Я скорбел о нем и вместе с тем с уважением относился к его решению. В знак особого почтения и уважения к его памяти я продолжил его дело — собрал тех, кто уцелел, и увел их в горы, чтобы люди остались свободны.

Томас замолчал. Рассказывать о своей прошлой жизни он не любил. Очевидно, Алехандро закончил то, что в свое время начали конкистадоры, по-своему убив оставшихся жителей деревни. Томас никогда мне об этом не рассказывал, а я не спрашивала — не хотела будить в нем тяжкие воспоминания.

Я решила сменить тему:

— Луи Сезар говорил, что твоя мать была знатной женщиной. Как вы оказались в деревне?

— После прихода конкистадоров у нас не осталось аристократии, только нищие. В те времена ты был либо европейец, либо никто. Моя мать была жрицей Инти, бога солнца и, согласно обету, должна была оставаться целомудренной до конца своих дней, но после

падения Куско она стала добычей одного из конкистадоров. По законам войны с ней полагалось обращаться почтительно, но тот испанец был простым солдатом, сыном крестьянина из Эстремадуры, и ничего не знал о наших законах, да и не хотел знать. Он желал одного — награть как можно больше, любыми путями. Мать его ненавидела.

— Как ей удалось бежать?

— Никто не ожидал, что, находясь на седьмом месяце беременности, она сумеет перелезть через стену высотой в десять футов, поэтому за ней почти не следили. Она сбежала, но у нее не было денег, к тому же из-за беременности она стала изгоем, клятвопреступницей. Но это уже не имело значения. Храм, где она жила, был разграблен, земля, где он находился, опустела из-за войны и болезней. Мать сбежала из столицы, где шли повальные грабежи и испанцы дрались из-за добычи, но в деревне дела оказались не лучше. — Томас горько улыбнулся. — Испанцы забыли, что золото нельзя есть. Большая часть крестьян была убита, остальные разбежались кто куда. Всюду царил голод. Зерно стало цениться выше золота, к которому так рвались конкистадоры.

— Но твоей матери все же удалось найти деревню, где ее приютили?

— Она спряталась в своем родовом чулпа — усыпальнице, где усопшему оставляли пищу и другие дары. Там ее и нашел один из храмовых слуг. Он давно ее любил, но жрицы храма считались женами бога Инти, поэтому к ним не должен был приближаться ни один мужчина. Нарушение этого закона каралось смертью — преступника раздевали донага, приковывали к скале и оставляли умирать от голода и жажды.

— Значит, он поклонялся ей на расстоянии?

Томас улыбнулся.

— Да, и на очень большом. Но как только он услышал о ее побеге, тут же принялся ее искать. Это он уговорил ее уйти с ним в его родную деревню. Она находилась в пятидесяти милях от столицы, и была слабая надежда, что испанцы ее не заметят. Там мать и жила до тех пор, пока мне не исполнилось восемь лет. А потом в деревню пришла оспа, и мать умерла — как и половина моих односельчан.

— Мне очень жаль.

Кажется, у нас с Томасом вообще не было таких тем, которые не заканчивались бы печалью. Я замолчала и взглянула на фигурку орла в своей руке. Нет, я не смогу вернуться назад и спасти мать Томаса от болезни, я даже свою мать не могу спасти. Я не хочу и не могу вмешиваться в течение времени. Несмотря на свою хваленую силу, я, похоже, вообще ничего не могу.

Томас наклонился и поцеловал меня. У него были мягкие теплые губы, и через секунду я, сама не понимая, что делаю, целовала его в ответ. Мне так давно этого хотелось, что целоваться для меня было так же естественно, как и дышать. Я прижалась к нему, и страшные воспоминания постепенно исчезали; я понемногу начинала ощущать себя действительно чистой — Томас сделал то, чего не смогла бы сделать целая ванна воды. Томас сильнее прижался к моим губам, и по телу пробежала горячая волна, словно меня пронизали солнечные лучи. Поцелуй подействовал на меня как вино — темное, сладкое и горячее. Я еще никогда такого не испытывала.

Но в следующую секунду я отодвинулась. Это далось мне нелегко — гейс узнал Томаса, а энергия пифии пришла к выводу, что Томас как нельзя более подходит для завершения ритуала. Мне же больше всего на свете хотелось думать и чувствовать то, что не связано с болью и ужасами, хотелось, чтобы длинные изящные руки касались моего тела, чтобы

горячие губы властно и требовательно прижимались к моим губам. Томас смотрел на меня ласково и нежно, его взгляд выражал призыв. Но я знала, как ужасны будут последствия нескольких минут наслаждения.

Томас разжал руки.

— Прости, Кэсси, — сказал он. — Я знаю, я не тот, кто тебе нужен.

Да откуда ему знать, кто мне нужен? Я этого и сама не знала.

— Дело не в том, кто мне нужен, — сказала я, стараясь не замечать его руки, которой он нежно проводил по моему телу от груди до бедра — медленными, чувственными движениями. От этих прикосновений перехватывало дыхание, мне становилось трудно дышать, словно из каморки кто-то внезапно выкачал весь кислород. О да, гейсу Томас нравился.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Томас, и его рука замерла на моем бедре.

Я слегка отодвинулась, но между нами все равно оставалось не больше фута. Я отводила взгляд, стараясь не смотреть на Томаса, но у меня это плохо получалось. Одеяло соскользнуло с его груди, длинные ноги скрывались где-то во тьме, а между ними виднелось явное доказательство того, что Томас вполне здоров.

— А то, что я не могу, — ответила я, пытаясь вспомнить, о чем мы говорим. Я провела кончиками пальцев по его высокому лбу, нежным ресницам, дрогнувшим от прикосновения, прямому носу и теплым полным губам. У Томаса был великолепный профиль, как на древних чеканных монетах. Однако вовсе не внешность привлекла меня в нем. Я полюбила Томаса за доброту, силу и, как я думала тогда, честность. Но теперь, когда его теплое, нежное тело было так близко, я смотрела в знакомое ласковое лицо и умирала от желания.

— Ты спасла мне жизнь, Кэсси, а я тебя чуть не погубил. Позволь мне кое-что для тебя сделать.

Его низкий глубокий голос обволакивал меня, ласкал, проникал в каждую клеточку, словно какой-то сладкий напиток чудесным образом превратился в звук. Голос всегда был одной из самых привлекательных его черт, быть может, оттого, что Томас никогда не менял его намеренно, чтобы использовать как средство обольщения, и все равно добивался своей цели без лишних ухищрений. Сейчас он звучал даже более обольстительно, чем обычно. Конечно, я знала, в чем причина: так приказал Луи Сезар, когда Мирча решил, что именно Томасу следует закончить древний ритуал. Наверное, они боялись, что, проведя много лет в доме Тони, я узнаю кого-нибудь из людей Мирчи, но зачем они выбрали Томаса? Это несправедливо; и потом — неужели он даже не пробовал отказаться?

— Не знаю, что ты можешь для меня сделать, — сказала я. — Разве что уговорить короля эльфов отпустить нас или заставить мою энергию действовать.

Томас улыбнулся.

— Или снять гейс? — спросил он.

От этих слов у меня чуть не съехала крыша.

— Что? Что ты сказал?

— Мне говорили, что гейс был наложен на тебя для защиты твоей невинности, точно так же, как магия защищает твою жизнь. Но на тот случай, если что-то пойдет не так, была оставлена одна лазейка. Если бы ты переспала с Мирчей или с тем, кого он выбрал, заклятие было бы снято.

Я совершенно растерялась. Неужели все так просто? Нет, не может быть!

— Но зачем Мирче это нужно? Он ведь хочет меня контролировать!

Томас горько улыбнулся.

— Не сомневаюсь. Но не с помощью такого грубого инструмента. — Он покачал головой. — Это задело бы его гордость, Кэсси. Кроме того, контролировать такое могущественное существо, как пифия, крайне опасно. Как ты считаешь, почему маги начинают обучение претенденток с раннего возраста? Было бы куда удобнее воспользоваться заклятием, но они никогда этого не делают. Дело в том, что пифия вполне может сделать так, что тот, кто попытается ее контролировать, сам окажется под контролем. Мирча никогда не стал бы так рисковать!

— Но зачем создавать для меня гейс, если он не собирался им пользоваться?

— Чтобы дать тебе шанс стать пифией. Даже короткий роман разрушил бы все его надежды, вот он и обезопасил себя при помощи гейса. Кстати, защищая тебя, гейс защищал и Антонио. Ты этого не знала?

— Я и про гейс-то узнала только вчера!

Внезапно я села. Мысль лихорадочно работала. Итак, я могла бы снять гейс, переспав с Томасом. Все до смешного просто — если, конечно, Томас не лжет. А зачем ему лгать? Чтобы затащить меня в постель? В его объяснениях есть здравый смысл. Вряд ли Мирча стал бы применять сложное магическое заклятие к такому юному и неопытному существу, как я, тем более что я и так его обожала. Для контроля и манипулирования существует множество других, не менее действенных способов, а Мирча в таких делах настоящий мастер.

Конечно, если Томас прав, то у меня нет способа выяснить, подействует ли заклинание Мирчи против двойного заклинания. Если подействует, то у нас появится проблема. И очень большая. Если я сниму гейс, то выполню до конца условия ритуала и навсегда застряну в положении пифии и, значит, навсегда потеряю возможность передать свою энергию кому-нибудь другому. Наследницы приходят и уходят, а пифия становится пифией на всю жизнь. Если я завершу ритуал, магам не останется ничего другого, как убить меня, чтобы посадить на трон свою ставленницу. То же самое сделает и Приткин, если он действительно на стороне Майры.

С другой стороны, если я сохраню гейс, лучше мне не станет. Сенат все равно меня найдет, рано или поздно. Не стоит строить иллюзии — для этого у него есть все, включая разведывательную сеть Марлоу. И даже если Томас прав и Мирча не может меня контролировать с помощью гейса — вот именно, «если», — он все равно не снимет заклятие. Дюрахт — древнее заклинание, и никто не знает, что случится, если круг все-таки замкнется. Считается, что управлять им должен главный участник процесса, но что будет, если такового не окажется? Я не знала, что может совершить гейс, если он сам попадет под

контроль, да и знать не хотела.

Одно было несомненно: если мы с Мирчей встретимся еще раз, ритуал завершится. С грустью приходилось признать, что не сделали мы с ним этого — причем на виду у сотен зрителей — только потому, что Мирча хорошо владел собой. Мирча, но не я. Ритуал завершится, и я окажусь там, с чего начала.

Вот черт! Ни один из вариантов мне не годился, а третьего не было. Не было способа избавиться от гейса и не завершить ритуал. А если и был, то черта с два его найдешь, сидя в темнице в Стране эльфов.

Куда ни кинь, всюду клин. Как я все-таки ненавижу, когда кто-то бесцеремонно вмешивается в мои дела! Так было всегда, всю мою жизнь. Все — и Сенат, и Тони, и даже эти чертовы эльфы, — все превращали меня в жертву, лишая права самой сделать выбор. У меня никогда не было возможности самой решать свою судьбу или хотя бы защитить тех, кого я любила. Я даже не смогла поймать какую-то глупую претендентку в пифии! И если так пойдет и дальше, никогда не смогу.

— Что с тобой? — спросил Томас, ласково поглаживая мою спину.

Это было приятно, не скрою, но не успокаивало. Ни ритуалу, ни гейсу не было никакого дела до того, что Томас серьезно ранен и что я вовсе не хочу заниматься сексом в сырой и холодной темнице, да еще когда рядом находится Билли и, возможно, все слышит. Соблазн ответить на призыв Томаса был так велик, что я намертво вцепилась в грубое одеяло, чтобы унять дрожь в руках.

Я упорно заставляла себя думать о своей проблеме. Я уверяла себя, что смогу передать свою энергию кому-нибудь другому, вот только кому? Не было возле меня таких личностей, которые сумели бы противостоять кругу или Приткину, не было такого человека, кому я бы полностью доверяла. Шла война, а от мысли, что энергия может попасть в руки Майры, я холодела.

Томас обнял меня и прижал к себе. Моя рука сама потянулась к его золотистому стройному бедру и принялась его поглаживать. Как это легко — отдаться своему чувству и утолить голод, мучивший меня уже давно. Да и какая разница? Круг пытался меня убить, как им теперь верить? Если взглянуть на ситуацию с их точки зрения, то куда проще раз и навсегда устранить претендентку на трон, чем возиться с ней. Выходит, я обречена, а раз так, то не лучше ли занять наиболее выгодную позицию? Особенно когда имеешь дело с Майрой.

— Ты уверен, что не ошибся? — спросила я Томаса. — Завершение ритуала может привести к серьезным последствиям. Маги...

Томас нежно коснулся кончиком языка моей кисти.

— Уверен.

— Но если...

Он криво улыбнулся.

— Кэсси, ты прекрасно знаешь, кто за мной охотится. Неужели ты думаешь, что мне есть дело до круга?

Все правильно. И сколько бы я ни пыталась убедить себя в обратном, я по-прежнему питала к Томасу чувства — вернее, к тому Томасу, каким я его всегда считала. Вряд ли вампир, помнящий падение империи инков, имеет что-то общее с симпатичным пареньком, которого я когда-то встретила на улице. Настоящего Томаса я не знаю — того Томаса, которым управляет Сенат. Но сейчас мы одни. Пусть мы сидим в темнице, все равно сейчас

мы свободны. И Томас, судя по всему, меня хочет.

— Выбор за тобой, Кэсси. Ты знаешь, что я к тебе чувствую.

Я заглянула ему в глаза.

— Знаю? Луи Сезар приказал тебе прийти ко мне, и ты пришел. Чтобы делать свою работу.

Руки Томаса замерли.

— А сейчас я тоже делаю свою работу, Кэсси? Или ты думаешь, что я тебя разыгрываю, когда уговариваю принять ненужный тебе титул?

— Нет, я так не думаю.

Вампиры реагируют на боль примерно так же, как люди, но кто из людей позволил бы сделать с собой такое? Никто и никогда.

Томас вновь прижал меня к себе.

— Ты думаешь, что я пытаюсь выслужиться перед консулом?

Я молчала. Один раз он меня уже предал, хотя я и пыталась себя уверить, что сделал он это из благих побуждений. А если нет? Я же знала, что Томас — прекрасный актер, как все древние вампиры. Если у них нет врожденного актерского таланта, они приобретают его за долгие годы жизни. Однако играть со мной сейчас ему было незачем. Даже если Сенат вздумал замести следы и отозвать Томаса, то сам Томас этого не хотел. Его главная цель — избавиться от власти своего хозяина, чтобы затем убить Алехандро. Не знаю, насколько нуждался во мне Сенат, только затевать войну еще из-за одного вампира он явно не собирался; зачем ему воевать на два фронта? Выполнить просьбу Томаса Сенат не мог, а за меньшее продавать меня Томас не станет.

— Нет, — призналась я, — я так не думаю.

— Но ты мне не доверяешь.

Я не ответила. А что я могла ответить? Честно говоря, он был прав.

Томас зло засмеялся.

— Да ладно, в чем тебя винить? Когда-то ты мне доверяла, а я тебе лгал, так что теперь все, что бы я ни сказал, для тебя одни слова — и больше ничего.

— Ну и что, мне все равно нравится тебя слушать.

Томас усиленно старался объяснить мне причину своего предательства, но ничего не говорил о нас, а мне так хотелось услышать, что между нами была не только ложь.

Он нежно поцеловал меня в шею.

— Всю жизнь возле меня находились только те, кому что-нибудь было от меня нужно. В юности я был обязан защищать и мстить. Потом, когда я стал вампиром, я должен был хорошо воевать и знать те земли, на которые Алехандро не имел никакого права. Для Луи Сезара я был просто добычей, очередным доказательством его могущества. — Томас ласково водил рукой по моим волосам. — И только ты относилась ко мне как к человеку и ничего не требовала взамен. Те amo, Кэсси. Те querre para siempre^[17].

Я не говорю по-испански, но смысл этих слов я уловила. Когда-то я отдала бы все на свете, только бы их услышать, причем неважно, на каком языке, но сейчас все было по-другому. Я даже не могла определить, что чувствую, не то что выразить это словами.

— Томас, я...

— Не надо, я хочу запомнить все так, как есть. Скоро мне придется уйти, и я не хочу напоследок услышать ложь, какой бы красивой она ни была. В Сенате одна ложь, и только это... — он лизнул мою щеку, — настоящее.

— Ты не вернешься, Томас! Я же сказала, мы тебя спрячем!

Он от души рассмеялся.

— Малышка Кэсси вечно кого-то жалеет, кого-то спасает. Это ведь я должен тебя спасать, ил и ты забыла? Как там говорится в сказках? — Внезапно его лицо потемнело. — Впрочем, почему бы и нет? Я ведь ни разу тебе не помог.

— Ты спас меня от головорезов Тони, или это уже не в счет?

Тони послал свою банду в ночной клуб, где я работала. Им не удалось меня схватить, поскольку меня охранял Томас, присланный ко мне Сенатом. Я не забыла, что Томас спас мне жизнь, а он, возможно, забыл, раз говорит об этом так небрежно.

— Ну и что? Ты бы и сама прекрасно справилась. Кэсси, если ты сомневаешься в моих чувствах, позволь мне доказать их на деле! — горячо добавил он.

Я провела рукой по его густым волосам. Титул пифии накладывает на человека массу ограничений, зато дает право свободно высказывать свое мнение. Став пифией, я приобрету возможность управлять своей жизнью — чего мне никогда не позволял гейс.

— Ты ранен, тебе будет больно, — сказала я, прислушиваясь к учащенному дыханию Томаса.

Хозяин первого уровня способен залечивать любые раны, но Томасу было еще далеко до выздоровления.

В ответ послышался веселый смех.

— Гораздо большее видеть тебя каждый день, чувствовать твой запах и не иметь возможности к тебе прикоснуться. Я прожил рядом с тобой полгода и ни разу не видел твоего тела. Я навсегда запомню эту минуту, — закончил он, проведя рукой по моему бедру.

— Я не хочу делать тебе больно, — повторила я, стараясь говорить как можно увереннее.

Томас опять рассмеялся и уложил меня на топчан. Когда он склонился надо мной, его волосы упали мне на лицо. Я видела только его смеющиеся глаза.

— Я думаю, у нас получится, — прошептал он, — если ты обещаешь быть нежной.

Я не выдержала и рассмеялась, и в следующую секунду Томас осыпал меня поцелуями так, что я едва не задохнулась. Запустив руки под гриву его волос, я обняла его за шею. Он держал меня крепко, но бережно, и хотя я чувствовала его горячую напрягшуюся плоть, он не прижимался ко мне, ожидая, когда я сама сделаю первый шаг. Внезапно у меня пропали все сомнения. Я забыла о гейсе. Я перестала думать о том, как мне выбраться из того запутанного положения, в котором оказалась. Я хотела лишь одного — Томаса.

— Давай, — сказала я, — только быстрее, пока у нас есть время.

— Быстрее я не хочу, — нахмурился, ответил он. — Особенно в первый раз.

— На большее у нас нет времени, — нетерпеливо сказала я.

В кои-то веки гейс, энергия и я сошлись во мнениях, а тут на тебе — Томас вздумал ломаться!

Я провела рукой по его телу и получила награду — и моей ладони оказалась горячая, нежная плоть.

Мне отчаянно хотелось увидеть, как она будет в меня входить. Я знала, что почувствую напряжение, что мне будет больно, и от этого пришла в восторг. Я хотела почувствовать, как он в меня входит, хотела ощутить тяжесть его тела, я умирала от желания почувствовать боль.

— Тебе будет больно, — хрипло сказал он.

Я провела языком по его шее.

— Ну и пусть.

Томас дрожал, но упрямо не начинал. Я решила больше не отвлекать его разговорами, а действовать по-другому. Сначала я жадно прижалась губами к его губам, потом слегка прикусила его кожу между шеей и плечом. Именно там наносят укусы вампиры, когда собираются пить кровь, но я только втянула в себя кусочек кожи, продолжая гладить руками его мускулистое теплое тело. И тут я сжала зубы.

Томас дышал тяжело и хрипло, но, почувствовав на своей коже мои зубы, застонал. Судя по тому, как сильно прижалась к моему бедру его плоть, этот стон означал не протест. Глаза Томаса блеснули, когда я разжала руки и отпустила его шею.

— Это не по правилам, — хрипло прошептал он. Затем набрал в грудь воздуха и ввел в меня палец. Я вскрикнула и изогнулась дугой, крепко сжав его бедрами. — Совсем не по правилам, — повторил Томас.

Я запустила руки в его волосы, когда на смену пальцу пришел умелый рот. Томас втянул в себя мою плоть, и я приподняла бедра, стараясь попасть в ритм, которому и не думала сопротивляться. Он широко раздвинул мне ноги — теперь они некрасиво свешивались по обе стороны топчана, но мне было все равно — от вида его тела у меня захватывало дух.

Мир сузился до размера этих сочных, сладких губ, этого медленного влажного скольжения, этих сильных рук. Теплые, грубоватые ладони ласкали мой живот, словно не могли остановиться, затем скользнули к бедрам, медленно их массируя. Боже, да можно было влюбиться уже в одни эти руки!

Его губы словно жгли огнем, находя на моем теле такие потаенные точки, что я дрожала от наслаждения. Я задыхалась от его ласковых, глубоких, изучающих прикосновений. Откинувшись на спину, я полностью отдала себя во власть этих влажных касаний. Я задохнулась от блаженства, когда он начал ласкать меня изнутри. Мне казалось, что его губы повсюду, они пробовали меня на вкус, втягивали в себя мою плоть, они касались меня, наполняли меня. Томас выбирал такие места, что, не выдержав остроты восторга, я вскрикивала, и тогда он повторял вновь и вновь, пока я не начинала задышаться. Постепенно мне начинало казаться, что еще немного — и у меня лопнет голова.

— Томас! Пожалуйста!

Он остановился, собираясь с силами, и я едва не зарычала от нетерпения. Наконец он начал медленно входить в меня. И, боже, как это было чудесно — нет, не просто чудесно, это было невероятно! Перед глазами заплясали разноцветные искры. Чувствовать его руки и язык было прекрасно, но в сто раз прекраснее оказалось ощутить его внутри себя, когда он медленно, словно перчатку, натягивал на себя мою плоть.

Мне стало немного больно, но Томас, закусив губу и тяжело дыша от напряжения, старался действовать как можно осторожнее. Он медленно продвигался все глубже, время от времени останавливаясь, и тогда я нетерпеливо подгоняла его, потому что хотела, чтобы он вошел в меня полностью. Наконец это произошло, и мое тело обдало жаром. Томас закрыл глаза и замер. У меня перехватило дыхание.

Я не чувствовала боли, мне было больно от другого — что он медлит, чего-то ждет. От этого я готова была сойти с ума. Когда он хотел приподняться, мое терпение лопнуло. Обвинившись вокруг него, я не дала ему из меня выйти, а только сильнее притянула к себе, заставив полностью войти в себя.

С удивлением взглянув на меня, Томас вздохнул от наслаждения. Поняв, чего я от него

хочу, он ускорил темп. Мои бедра двигались в такт его движениям, лаская и в то же время удерживая.

Вскоре я обнаружила, что больше не могу сдерживать стоны. Я была словно охвачена огнем, я рыдала и всхлипывала. Голова кружилась, дыхание становилось все учащеннее, бедра двигались, в глазах темнело. Внутри появилось удивительное, ни с чем не сравнимое ощущение, и, прежде чем я поняла, что происходит, у меня начался оргазм. Внезапно комната озарилась мягким желтым свечением, таким чистым и светлым, словно снизошедшее на меня счастье приобрело форму и цвет. Я подумала, что все это мне показалось, однако свет не исчезал, а разгорался все ярче, словно в темницу залетела звезда. Вокруг заплясали белые и желтые сполохи энергии; они становились все ярче, пока наконец не ослепили меня, как молния.

Внезапно мир куда-то провалился, и я погрузилась в водоворот видений, звуков, красок. Все это кружилось и вращалось, слившись в один гигантский вихрь. Я больше не слышала Томаса, не видела его, не ощущала его присутствия. Увидев, что ко мне с ужасающей скоростью приближается бешеный вихрь, я беспомощно застыла на месте, не зная, что делать.

Внезапно все стихло. Осторожно открыв глаза, я обнаружила, что стою на склоне холма перед входом в какой-то храм. Позади в лучах солнца сверкал океан. Кто-то коснулся губами моей шеи, рядом раздался мужской смех.

— Я доволен своим аватаром, — произнес низкий мужской голос. Я знала, что он принадлежит тому, кто стоит у меня за спиной, но мне казалось, что голос исходит отовсюду — от храма, от океана, от неба. — Сын моей жрицы. Неплохо, ничего не скажешь.

Я зажмурилась и потрясла головой, но видение не исчезло.

— Он ваш... кто? — хриплым голосом проговорила я.

— Мужчина, избранный для совершения ритуала, на время становится моим реальным воплощением. Его союз с наследницей скрепляет узы нашего брака и навечно закрепляет за ней титул.

— Я не ваша жена! — едва не задохнувшись, просипела я.

Вновь послышался веселый смех.

— Не бойся, Герофила. Речь идет о духовных узах, ты не смогла бы воспринять меня в моей физической оболочке.

— Я не боюсь, — ответила я, что было чистой правдой. По сравнению с моими прошлыми видениями это было приятной прогулкой по парку. Пока. — И мое имя Кассандра.

— Уже нет.

Я хотела обернуться, но на мои плечи легли чьи-то сильные руки. Они были цвета весенней цветочной пыльцы — ярко-желтые и слегка поблескивали, словно посыпанные золотым порошком. На них, словно на поверхности воды, играли блики света, такие яркие, что у меня зарябило в глазах. Странно было видеть такие руки у человека, однако мне это странным не показалось. Внезапно я начала постигать смысл того, что со мной происходит.

— Вы не находите, что новое имя так же банально?

— Ты вольна воспринимать мои слова, как тебе угодно, — с упреком произнес голос. — Если, по-твоему, это банальности, пусть так.

— Кто вы? — спросила я, начиная злиться.

— Тот, кто много лет ожидает тебя. Наконец это свершилось.

— Что — это?

— Увидишь. Я верю в тебя.

— Да вы с ума сошли. Я сама не знаю, как пользоваться энергией, которую мне всучили, да еще Майра, того и гляди, меня прикончит.

— Искренне надеюсь, что этого не случится. Что касается энергии, то она сама выбирает, к кому переходить. Когда она ушла к человеку, я потерял над ней контроль.

— Но Майра...

— Да, тебе придется разобраться со своей соперницей. А потом мы вернемся к нашему разговору.

— В том-то и дело! Я не знаю, как...

Неожиданно налетел порыв горячего ветра, и ужасная древняя энергия обступила меня. Послышался мощный глухой гул, земля задрожала, по моему телу побежали обжигающие потоки. Не успела я опомниться, как снова оказалась в сырой темнице. В полном недоумении смотрела я на свет тусклого фонаря, не понимая, что со мной произошло.

Тем временем Томас приступил к действию, и я больше ни о чем не могла думать. Он крепко прижимал меня к груди, его влажные от пота волосы разметались вокруг моей головы, зубы впились в мое горло. Я вздрогнула и услышала, как Томас тихо замычал от удовольствия, когда сократились мои внутренние мышцы. Теснее прижав меня к себе, он разжал зубы, которыми сжимал мне горло. Он не укусил меня, только лизнул языком; потом его тело задвигалось в убыстряющемся ритме, и я надолго потеряла способность соображать.

Когда он кончил, мне показалось, что внутри меня вспыхнул огонь, тут же сменившийся ледяным холодом. Постепенно холод исчез, и по всему телу разлилось сладостное томление. Наслаждение уже не было таким острым, чувства стали глубже и полнее. Мне казалось, что я превратилась в некое бескостное существо, вокруг которого было обернуто теплое тело Томаса.

Через некоторое время Томас отодвинулся и заглянул мне в глаза. Потом он поцеловал меня, и я, изогнувшись всем телом, подалась ему навстречу. Мне было жаль, что все закончилось так быстро.

— Прости, — прошептал он и нежно обвел пальцем мои губы.

— За что? — тихо спросила я.

Томас взял меня за подбородок и поцеловал в лоб.

— Все в порядке, Кэсси. Все будет хорошо.

— Что будет? — недоуменно спросила я.

Томас помедлил, затем вздохнул.

— Я по-прежнему чувствую твой гейс, он окружает тебя, как облако, — сквозь стиснутые зубы сказал он. — Похоже, Мирча не хочет отказываться от своих прав.

Я покачала головой.

Что-то случилось с заклятием. Мирча тоже не смог его снять.

Я допускала, что со мной может произойти нечто подобное, и все же испытывала ужасное разочарование.

Томас хотел что-то сказать, но в это время распахнулась дверь, и на пороге возникла Франсуаза. Вид у нее был рассерженный.

— Время вышло! — сказала она и швырнула мне узелок с одеждой. — Это ритуал, знаешь ли, а не марафон.

Я встала с топчана, дрожа от холода.

— Что?

— Давай одевайся! Тебя ждет король, а он ждать не любит. И учти, если ты его рассердишь, нам отсюда уже не выбраться.

— Это ты, Франсуаза? — спросила я, смутно сознавая, что здесь что-то не так. Француженка говорила совсем без акцента, да и выражение ее лица как-то странно изменилось.

Та мрачно улыбнулась.

— Франсуазы сейчас нет. Может, ей что-нибудь передать? — Внезапно девица пошатнулась и с такой силой впиалась пальцами в каменную стену, словно решила ее проткнуть. — Черт возьми, чего ты ждешь? Ты что, хочешь остаться здесь навсегда?

Томас переводил взгляд с меня на француженку, явно не понимая, что происходит, я же могла лишь кивать, глядя на нее.

— Послушай... э-э... Франсуаза, — сказала я, когда девица начала трястись, словно ее ударило током. — Мы можем... тебе помочь?

Она перестала трястись и злобно уставилась на меня.

— Да, можете! Живо одевайтесь! Сколько раз повторять?

Я так замерзла, что даже не стала возражать. Шерстяное платье оказалось мне велико, к тому же было тяжелым, зато прекрасно согревало. Одеваясь, я решила действовать так: с каждой проблемой разбираться по ходу ее поступления. Умственные заскоки Франсуазы стояли где-то в самом конце этого списка.

— Франсуаза, у тебя здесь есть друзья? Люди, которые могли бы тебе помочь?

Она прищурилась.

— Зачем тебе это знать?

— Понимаешь, Томас... если он покинет Страну эльфов, его убьют. Он не может вернуться назад, но, если он останется в темнице, его казнят. Ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы его спрятать?

— Кэсси, — сказал Томас, трогая меня за локоть, — что ты делаешь?

— Мне необходимо знать, что ты в безопасности. А что, если король прикажет отправить нас в МОППМ? Тебя же там убьют!

Консул предлагала мне жизнь Томаса, но только в обмен на информацию, которой у меня не было. Я не собиралась накладывать гейс на Мирчу, но и снять его я не могла.

— Но если ты предстанешь перед королем без меня, тебе придется отвечать за мой побег, а я этого не хочу, — спокойно сказал Томас.

Я собралась было возразить, но, увидев его упрямо сжатые челюсти, промолчала. Кроме того, Франсуаза, по всей видимости, находилась на грани нервного припадка.

— Ты беспокоишься о судьбе какого-то... вампира? Нашла время! — Она покачала головой, — Кэсси, он был просто средством, инструментом, и больше ничего. Его миссия окончена; пусть теперь заботится о себе сам. Вампиры это прекрасно умеют, ты же знаешь.

Так-так, кажется, что-то проясняется. Плевать мне на Франсуазу и ее припадки.

— Немедленно отвечай, кто ты такая? Я ни разу не говорила Франсуазе, как меня зовут. Кроме того, она почти не говорит по-английски.

— У нас нет времени!

Я села на скамейку и упрямо взглянула на девицу.

— Я никуда не пойду, пока ты не скажешь, кто ты и что здесь происходит.

Хватит с меня сюрпризов. Прошедшая неделя научила меня быть осторожной и

жесткой.

Франсуаза замахала руками; где-то я это уже видела...

— Я ведь говорила тебе, что ты будешь либо лучшая из нас, либо худшая. Как ты думаешь, к какому варианту я склоняюсь?

Прошло несколько секунд, прежде чем я начала что-то понимать, и все равно отказывалась в это верить.

— Агнес, ты? Но... что ты здесь делаешь?

— Существую, — с горечью ответила она. — Живу после жизни, так сказать.

— Но... но... разве ты умеешь входить в чужое тело? Маги говорили, что...

— Ну да, они всегда говорят то, что говорим мы. — Агнес подбоченилась. — Чем меньше круг знает о наших возможностях, тем лучше. Неужели ты в самом деле думала, что я не умею входить в чужие тела?

Но ведь у тебя нет Билли-Джо! — возразила я. — Как ты можешь покинуть свое тело, когда за ним некому присмотреть? Агнес бросила на меня удивленный взгляд, затем покачала головой.

— Оригинальный подход, ничего не скажешь... Поздравляю, Кэсси, — пробормотала она. — Дело в том, что мы возвращаемся в свое тело сразу после того, как его покинули. Наше тело не умирает, поскольку мы его никогда не покидаем.

— Но... твоё тело... — Я мучительно подбирала слова. — Агнес, прости, конечно, но ведь оно... умерло.

Она взглянула на меня, как на сумасшедшую.

— Разумеется! Иначе что я, по-твоему, здесь делаю?

— Понятия не имею, — честно призналась я.

— Видишь ли, это не мое решение, — сердито сказала она — Мне позволили немного пожить в свое удовольствие, дали бонус, что ли. Я решила переселиться в одну немецкую девушку, она должна была погибнуть в автокатастрофе на горной дороге. Мне оставалось лишь устроить ей...

— Автокатастрофу?

Не знаю, каким было мое лицо, но Агнес весело рассмеялась.

— Она все равно бы погибла, Кэсси! Или ты думаешь, что она смогла бы делить свое тело со мной?

— Ничего не понимаю, — сказала я, чувствуя, как голова идет кругом.

За меня ответил Томас.

— Один служит, другой живет, — тихо сказал он.

Агнес бросила на него хмурый взгляд.

— Где ты это слышал? Немедленно забудь.

— Значит, это правда, — сказал он. — А я-то думал, что все это сказки...

— Вот именно, сказки. Так и продолжай думать, — выразительно сказала Агнес.

Тут я не выдержала.

— Может быть, вы объясните, что здесь происходит? — спросила я.

— Давно ходят слухи, — сказал Томас, не обращая внимания на предостерегающий взгляд Агнес, что когда жизнь пифии подходит к концу, ей даруют новую жизнь — в качестве, так сказать, компенсации за верную службу.

Я закрыла рот, который, как выяснилось, был у меня открыт.

— Неужели это правда? — выдавила из себя я.

— Ты хочешь отсюда выбраться или нет? — вместо ответа спросила она.

— Просто ответь: да или нет?

Агнес вздохнула и махнула рукой. Не знаю, то ли это был ее привычный жест, то ли она показывала, как я ее достала.

— Ладно. Короче говоря — да. Мы находим кого-нибудь, кому суждено умереть молодым, и заключаем с ним сделку. После этого мы входим в него и питаемся его энергией, а за это помогаем ему избежать неминуемой катастрофы.

— Но ведь это ужасно!

— Напротив, очень практично. Лучше делить свою жизнь с кем-то, чем не иметь ее вовсе.

— Но если ты можешь совершить такое один раз, — сказал Томас, — то почему не делаешь этого раз за разом, из века в век?

— Вот почему я терпеть не могу вампиров, — сказала Агнес, ни к кому не обращаясь. — Вечно лезут со своими подозрениями!

— Так можешь или нет? — спросил Томас.

— Разумеется, нет! — отрезала Агнес. — Сам подумай! Когда время нашей службы подходит к концу, энергия переходит к кому-то другому. Без энергии мы не знаем, кому предстоит умереть, и потому не можем выбрать себе новое тело. Сделка заключается лишь раз.

Томас коротко рассмеялся.

— Ты хочешь меня уверить в том, что еще никто не пытался обмануть смерть? Не хотел прожить множество жизней, выбирая себе новые тела?

Агнес пожала плечами.

— В этом и заключается одна из обязанностей пифии — следить, чтобы в мире не было подобных вещей.

Я покачала головой. Все происходило как-то слишком быстро, я ничего не улавливала. Мозг отказывался работать.

— Но почему ты выбрала Франсуазу?

— Я же тебе говорила — у меня не было выбора! Я начала возвращаться в свое тело и тут обнаружила, что, помогая тебе, растратила слишком много энергии. Я не собиралась останавливать время, это не так просто, особенно когда ты совершила прыжок длиной в триста лет! В общем, я обнаружила, что уже не могу вернуться назад.

— Но я же могла тебе помочь!

В свое время Агнес помогла мне справиться с Майрой. Если бы не она, Майра меня бы убила. Разумеется, я не отказала бы Агнес в помощи.

— Тогда, Кэсси, ты оказалась бы в комнате, битком набитой голодными призраками, готовыми сожрать любого, кто попадется им на глаза! Я не могла это допустить. Когда время вновь двинулось вперед, нужно было быстро уходить. И я вошла в единственного человека, которому предстояло умереть, и предложила ему — вернее, ей — сделку.

— И она согласилась?

Франсуаза не была старухой; кроме того, она была ведьмой, и, насколько я могла судить, весьма могущественной. А еще мне показалось, что от этой сделки она отбивалась как могла — в прямом смысле этого слова.

Словно услышав мои мысли, Агнес поморщилась и провела рукой по животу.

— Ну, в общем, да.

— Как ты здесь оказалась? — спросил Томас, прежде чем я решила сменить тему.

— Я собиралась вернуться к Кэсси до того, как она покинула прошлое, но мне помешали черные маги.

— Понятно. Тебя похитили и продали в рабство, — сказал Томас. — С тех пор ты здесь? Но ведь прошло несколько веков!

— Лет, — поправила его Агнес.

— Здесь время идет по-другому, — напомнила я ему. Об этом мне говорил и Марлоу, но тогда я не придавала этому значения. — Ты говоришь, что находилась здесь все время с тех пор, как мы встретились во Франции?

Агнес кивнула. Я хотела что-то сказать, но она меня остановила.

— Если ты что-то видела, ничего не говори. Нас может услышать Франсуаза, а я не хочу, чтобы она знала, что ждет ее в будущем.

«Ее будущее — это мое прошлое», — подумала я.

Неделю назад, спасая меня, она убила черного мага. Вернее, собиралась убить... У меня разболелась голова.

— Так ты хочешь отсюда выйти или нет? — снова спросила Агнес.

— Хочу, но потом мы вернемся к этому разговору, — сказала я.

Может быть, тогда мне удастся хоть что-то понять?

— Если это «потом» у тебя будет, — многозначительно сказала Агнес. — Не забудь про магические амулеты — мне стоило большого труда их собрать.

Она подхватила фонарь и, шелестя юбками, вышла из каморки. Переглянувшись, мы с Томасом побежали за ней — Томас на ходу натягивал одежду, я рассовывала по карманам золотые фигурки Мака.

Пробежав по коридору, мы поднялись по лестнице, освещаемой лишь тускло горящими факелами. Лестница привела нас к массивной дубовой двери, которую Франсуаза открыла легким нажатием руки. Я увидела зал и круглый проем в стене, возле него стояли Приткин, Билли и Марлоу. В проеме мелькал буйный калейдоскоп красок.

— Ну что, все собрались? — спросила пикси, едва взглянув в нашу сторону. — Цикл почти завершился.

— Кэсс, как ты думаешь, когда мы вернемся, мое тело исчезнет? — с тревогой спросил Билли.

— Мы что, возвращаемся домой?

Как только появится голубой свет. У нас будет всего тридцать секунд. Мы окажемся у Данте, но если опоздаем, то можем попасть прямо в Сенат. Главное — не угодить в красный свет.

А почему мы возвращаемся? — спросила я.

— Потому что ты должна мне кое-что вернуть, — громыхнул под сводами зала густой баритон. Я медленно подняла глаза вверх. То, что сначала показалось мне колонной, задрапированной красивыми тканями, оказалось ногой великана. Задрав голову еще больше, я увидела улыбающееся лицо величиной с прожектор. Зал был не менее тридцати футов в высоту, но великан слегка наклонял голову, чтобы не упираться в потолок. Я разинула рот.

Огромная голова склонилась, чтобы меня рассмотреть. Половину лица великана скрывала курчавая борода, виднелись только толстый нос и голубые глаза размером с футбольный мяч.

— Значит, это и есть новая пифия?

— Нам пришлось просить помощи у короля, тихо сказал мне Билли. — Руны потеряли силу до конца месяца. Приткин хотел использовать «хагалл», но он не сработал — просто стало холоднее, да земля слегка подмерзла. Нулевые бомбы — великая вещь, только против здешней магии они бессильны, к тому же эльфов набежало видимо-невидимо, так что нас огрели по башке, и дело с концом. Нам нужно оружие или помощь, иначе нам конец. Марлоу обещал добыть кое-что в Сенате, когда мы вернемся.

— Какая щедрость. Что же ты хочешь взамен?

Марлоу не ответил. Он стоял и изумленно таращился на меня. Затем медленно опустился на одно колено.

— Сенат будет счастлив оказать помощь пифии, — торжественно произнес он.

— Она не пифия, — сказал Приткин и обернулся ко мне. В следующую секунду он замер с открытым ртом. Наступила мертвая тишина. Приткин так и стоял, словно статуя.

— Госпожа моя, как вас теперь называть? — почтительно обратился ко мне Марлоу.

— Нет! — крикнул Приткин, переводя взгляд с меня на коленопреклоненного вампира. — Это какая-то иллюзия, обман!

— В чем дело? — спросила я Томаса, изумившись не меньше Приткина.

Тот слегка улыбнулся.

— Твоя аура изменилась.

Я попыталась это выяснить, скосила глаза... но ничего не увидела.

— И как она теперь выглядит?

— Энергия, — прошептал потрясенный Марлоу.

— Тебе следует выбрать себе официальное имя, Кэсси, — сказал Томас. — Только после этого начнется твое правление. Госпожа Фемоноя получила свое имя в честь первой прорицательницы. Ты можешь взять то же имя, если хочешь, или выбрать другое.

В это время Приткин пришел в себя и широкими шагами направился ко мне; вид у него был самый что ни на есть разъяренный.

— Герофила, — громко сказала я, вспомнив о своем видении. — Как, хорошо? — спросила я Томаса.

Рука Приткина замерла в воздухе.

— Где голем? — спросила я Билли, краем глаза следя за магом, у него был вид атеиста, которому только что явился Господь, — потрясенный, недоумевающий и немного больной.

— Лучше тебе этого не знать, — ответил Билли, не отводя взгляда от портала.

— Почему?

Мне ответил король. Удивительно, что в эту минуту я о нем забыла.

— Его получил мой камердинер в качестве подарка. После чего он был любезно отдан мне.

— Два часа назад голема отпустили на свободу, — сказал Билли. — Пройдет еще час, и его начнут преследовать. Собак они так натаскивают, что ли.

— Что? — в ужасе вскрикнула я. — Но ведь его могут убить!

— Не могут, — заметил Билли. — Он ведь не живой!

— Был не живой, но сейчас-то он человек! — Я оглянулась по сторонам, ища поддержки, но все молчали. Марлоу стоял рядом с молчаливым Приткиным, Билли, покусывая губы, следил за порталом, — Мы не можем его бросить!

— Конечно, — громыхнул над головой голос короля, — тогда спаси его, если хочешь.

— Каким образом? — спросила я, чувствуя какой-то подвох.

Король улыбнулся, сверкнув зубами величиной с мячик для гольфа.

— Заключив со мной сделку, — сказал он.

— Осторожнее, Кэсс, — тихо сказал Билли. — Ему что-то от тебя нужно.

— Молчать, отродье! — громыхнул король. — Придержи язык, пока он у тебя есть! —

Тут он вновь лучезарно улыбнулся. — Мне нужна всего лишь книга, госпожа, одна пустяковая книжка.

— Приближается время входить в портал, — предупредила пикси.

Приткин внезапно ожил.

— Где Мак? — крикнул он.

Я уставилась на него. Господи, он же ничего не знает!

Меня опередила пикси.

— Лес согласился нас пропустить, только если мы принесем жертву, — сказала она. —

Он требовал вашу девицу, но маг отдал ему себя.

Я взглянула на фею. Должно быть, она видела, как Мак намеренно привлек к себе внимание оживших корней. Он понял: лес никого не отпустит до тех пор, пока не получит меня. Или другую жертву.

И Мак предложил ему себя.

Томас сжал мое плечо, но я этого даже не заметила. Когда мы покидали лесную тропу, на ней не было даже крови. Земля поглотила ее, как поглотила тело. Золотые фигурки, лежавшие у меня в кармане, внезапно сделались тяжелыми, как кирпичи.

Приткин мрачно молчал, лишь изредка поглядывая на меня. Он не стал ни о чем спрашивать, все и так было ясно.

— Ты знала, что это произойдет, — наконец произнес он каким-то странным, мертвым голосом. — Ты обманом втянула нас... заставила спасать этого... эту тварь, чтобы он завершил ритуал. Потому что никого другого гейс не признавал.

— Я ничего не знала, — сказала я.

Мне так хотелось объяснить ему, что я чувствую, как мне жаль Мака, но я почему-то не могла подобрать слова.

— Так как же насчет книги? — напомнил король.

— Какой книги? — спросила я.

Лицо его величества слегка перекосилось; очевидно, он изо всех сил пытался придать ему невинное выражение.

— Она называется «Codex Merlini».

— Что? — взвился Приткин.

Лично мне это название ни о чем не говорило.

Марлоу слегка оживился.

— Но ведь ее можно купить в любой книжной лавке.

Под потолком послышался гул, будто столкнулось несколько огромных камней. Король смеялся.

— Только не эту. Меня интересует утерянный том. — Он жадно взглянул на меня. — Найди второй том «Кодекса» — и можешь забирать своего слугу. Даю слово.

— Нет! — крикнул Приткин и в бешенстве рванулся ко мне, но в следующую секунду от удара Томаса отлетел далеко в сторону и покатился по полу. Ударившись о стену, маг одним прыжком вскочил на ноги и вновь метнулся к нам. В его глазах светилась холодная ярость.

— Не вмешивайся не в свое дело, маг, или я прикажу приготовить твою печень себе на

обед, — угрожающе сказал король. Судя по его виду, он бы так и сделал. Приткин остановился.

— Я чего-то не знаю? — спросила я Марлоу, с живым интересом наблюдавшего за этой сценой.

— «Кодекс» — это, так сказать, основа основ, текст, на котором зиждется вся современная магия, — сообщил Марлоу. — Ее написал сам великий Мерлин. В эту книгу включены его собственные исследования и исследования современных ему магов, причем многие из них уже утеряны. Великий волшебник боялся, что эти знания не дойдут до потомков, если кто-то не соберет их в единую книгу. Но как гласит легенда, до нас дошел лишь первый том, второй же где-то затерялся, — Марлоу взглянул на короля. — Если он все-таки найдется, зачем он вам? Магия людей в вашей стране не действует.

— Это как сказать, — уклончиво ответил король, старательно делая вид, что эта тема его ничуть не интересует. Правда, у него это плохо получалось — глаза правителя возбужденно сверкали, щеки покрылись румянцем. — Мерлин разделил свою книгу на две части. В первую он поместил сами заклятия, во вторую — способы их снятия. Долгие годы, путем проб и ошибок, собирались почти все эти способы, пожалуй, только кроме самых сложных и необычных. Таких, как твой гейс. Я хочу...

— Постойте, — перебила я короля. — Вы хотите сказать, что в «Кодексе» есть заклинание, с помощью которого можно снять гейс?

— Считается, что там можно найти способы снятия всех заклятий Мерлина. Дюрахт — тоже его творение. — Король бросил на меня хитрый взгляд. — Так что же, прорицательница, я тебя заинтересовал?

Я надела на лицо непроницаемую маску.

— Ну, в общем, да. Вот только не знаю, что я могу сделать. Если книга утеряна...

— Ты пифия или нет? — вскричал король, и от его голоса содрогнулись стены. — Вернись в прошлое и найди ее, пока она не исчезла!

Увидев выражение его лица, я немедленно приняла решение.

— Хорошо, я попытаюсь. Но ваша цена слишком мала. Что еще вы можете мне предложить?

Приткин что-то крикнул и ринулся ко мне. Он стал красным как рак; казалось, его вот-вот хватит удар. Томас шагнул вперед, но его опередил Марлоу, железной хваткой сжав горло мага. В зеленых глазах Приткина появилось беспомощное выражение. Ничего, я поговорю с ним позже и все ему объясню, а сейчас у нас нет времени.

Король смотрел на Приткина так, словно решал, в каком виде подать его к столу, но я отвлекла его.

— Давайте оговорим условия сделки, ваше величество, у нас мало времени.

Я показала на портал, он светился чистым голубым светом, то и дело озаряясь неоновыми, бирюзовыми, фиолетовыми и темно-синими сполохами.

— Чего ты хочешь? — спросил король.

Много лет проведя в доме Тони, я научилась разбираться в таких делах.

— Мне нужен один вампир, — сказала я. — Его зовут Антонио, хотя, возможно, он сменил имя. Говорят, он скрывается у вас, в Стране эльфов. Так вот, помимо голема я хочу получить этого Антонио. — «И того, кто будет рядом с ним», — мысленно добавила я. — А также убежище для Томаса, пока он будет в нем нуждаться.

— Голем и убежище — условия вполне выполнимые, — сказал король, — но что

касается остального... — Он задумался. — Я знаю вампира, о котором ты говоришь, — наконец продолжил он, — Добраться до него трудно... и опасно.

— Как и отыскать книгу, — сказала я.

Король медлил, а свет в портале тем временем приобретал красный оттенок. Нужно было немедленно уходить, а король все никак не мог принять решение.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Принеси мне книгу, и ты получишь своего вампира.

Кивнув, я шагнула в портал... и налетела на Билли, который в это время шагнул назад.

— Мне... мне н-нужно подумать... — мямлил он. — Нет, лучше я подожду следующего автобуса.

— Ты что? — спросила я.

Билли был белый как мел, его руки дрожали.

— А если я снова останусь без тела? Я больше так не хочу, Кэсс!

— Совсем недавно ты не мог привыкнуть к тому, что оно у тебя есть.

— А теперь я не хочу его терять! — В глазах Билли застыл ужас. — Ты не понимаешь, что это такое!

— Билли! У нас нет времени! Ты ведь уже проходил в портал!

— Ага, и вот что из этого получилось! Подумай, Кэсс!

Мне было уже не до него.

— Заходи в портал, мерзкое отродье, — сказала пикси. — Кому ты здесь нужен?

— Пошла вон, кукла, — огрызнулся Билли и замахнулся на нее шляпой.

Внезапно перед нами мелькнула какая-то тень, портал вспыхнул, и тень исчезла. Это была Франсуаза.

— Немедленно вернуть! — взревел король.

Пикси выхватила свой крошечный меч. Я видела, как она умеет с ним обращаться, зато Билли этого не знал, да и знать не хотел. Удар меча пришелся ему по животу; послышался смачный шлепок, и Билли полетел в портал. Мелькнули удивленные глаза... и Билли исчез. Пикси влетела в портал за ним, и две вспышки, следовавшие за этим, слились воедино.

Я обернулась. Приткин стоял на коленях, Марлоу лежал на спине. По-видимому, они затеяли потасовку. Я решила вмешаться, но в это время маг нанес вампиру сильный удар в висок, одновременно двинув его локтем под ребра. Марлоу зашатался и полетел напрямик в портал. Приткин на секунду остановился, держась за горло и пытаясь перевести дух. Очевидно, вампир здорово его придушил — маг дышал тяжело, с хрипом.

— Кэсси, тебе пора, — сказал Томас и добавил, ласково и грустно глядя на меня: — Постарайся остаться в живых.

— Ладно. Ты тоже.

Я хотела попрощаться как следует, но времени уже не было. Чмокнув Томаса, я разбежалась и вскочила в портал. В следующую секунду за мной последовал Приткин. Вспыхнул яркий свет, потом еще раз, и нас поглотила тьма.

Я пришла в себя, потому что в голове раздавался какой-то ритмичный гул. Едва открыв глаза, я поняла три вещи: что я вновь нахожусь у Данте, что ритмичный гул исходит от больших динамиков, скрытых под туземными масками тики, и что Элвис выглядит уж слишком мерзко — даже для мертвеца. Я заморгала, и Кит Марлоу сунул мне в руку стакан с выпивкой.

— Постарайся выглядеть как можно естественнее, — сказал он, когда Элвис начал исполнять «Jailhouse Rock».

Я растерянно оглядывалась по сторонам, но не видела ничего, кроме высокого парня в белом костюме с блестками, он рьяно вихлял всем телом, очевидно находя это невероятно соблазнительным. Поскольку его голове досталась пуля крупного калибра, из-под накладного парика выглядывал развороченный череп, однако дамы, швырявшие на сцену все, начиная от домашних ключей и кончая предметами нижнего белья, этого, по-видимому, не замечали. Что и говорить, любовь слепа.

Я хотела спросить, что здесь происходит, но не смогла разомкнуть губы. Так и сидела, тихонько раскачиваясь на стуле. Половина зрителей в зале делали то же самое, только они повторяли движения певца на сцене, а не пытались прийти в себя. Что со мной? Я помнила: портал. В прошлый раз, когда я оказалась в МОППМ, все прошло гладко, а сейчас я испытала сильнейший удар. Чертов Тони. Устроил выход из портала в подвале, потому что не собирался им пользоваться. Ничего, я ему это припомню.

Марлоу сорвал с уха голубые кружевные трусики, которые кто-то хотел бросить на сцену королю рок-н-ролла, и отшвырнул их в сторону.

— У нас проблемы, — сказал он, хотя мог бы этого и не говорить.

Я удивленно приподняла бровь. Что еще? Марлоу потыкал палочкой сморщенную человеческую голову величиной с кулак, лежавшую на нашем столике в виде украшения. Хотя эта гадость покоилась на темно-зеленых листьях папоротника в окружении оранжевых райских птичек, меня от нее едва не вывернуло. Внезапно голова приоткрыла сморщенные веки, взглянула на нас черными глазками и недовольным тоном проговорила:

— Что, нельзя подождать? Это моя любимая песня!

— У меня выпивка кончилась, — сердито сказал ей Марлоу. — Еще одну порцию того же самого.

Голова закрыла глаза и принялась беззвучно шевелить губами.

— Что... — начала было я и запнулась; мне казалось, что язык у меня увеличился как минимум вдвое. — Что она делает?

— Разговаривает с баром, — ответил Марлоу, незаметно оглядывая зал.

— Кажется, я сейчас вырублюсь, — сказала я.

Марлоу бросил на меня тревожный взгляд.

— Только попробуй! Мы окружены. Двое магов из круга заметили вспышки, когда мы здесь появились, так что сейчас сюда стянуты все силы. Маги знают о внутренней системе защиты казино, к тому же они боятся тебя, так что у нас есть немного времени, но и только. Готовься, нам придется быстро уходить.

— Куда? Ты же сказал, что мы окружены.

— Казанова нас выведет, а пока будем сидеть здесь. И угощаться напитками, — добавил

он, видя, как я тщетно пытаюсь сконцентрировать внимание. — В таких случаях очень помогает выпивка.

Я кивнула, но продолжала смотреть на сморщенную голову, поразившую меня гораздо больше, чем слова Марлоу. Закончив переговоры с барменом, голова закрыла глаза и что-то тихо мурлыкала, подпевая музыканту на сцене, — странное поведение для пластиковой игрушки. Наверное, заезжие туристы принимали ее за какую-нибудь электронную штуку вроде микрофона или чего-нибудь в этом роде, но я-то знала, в чем дело. Мне уже приходилось видеть такие вещи.

Мы находились в баре, где работали зомби; этот бар, известный как «звездный», славился своими отвратительными украшениями и знаменитыми — и, к несчастью, не совсем живыми и здоровыми — артистами. Я знала, что украшавшие столики человеческие головы были фальшивыми, только не в том смысле, как это себе представляли наивные туристы. Это были заколдованные копии головы, когда-то отсеченной от тела, части которого в настоящее время служили еще одним элементом «декора» и висели между двумя деревянными масками за барной стойкой. Говорили, что это тело принадлежало одному злосчастному шулеру, которого кто-то решил наказать. Один раз я слышала, как оно предупреждало какого-то парня, что «в этом казино лучше не передергивать, а то тебя самого передернут». Похоже, именно это с ним и произошло.

Девушка, бросившая трусики, — пышная блондинка с округлыми формами — подхватила с пола свою вещичку и вперила в Марлоу злобный взгляд. Стоя возле сцены, она отчаянно размахивала кружевами, как носовым платком, однако скучающий, застывший взгляд Элвиса не остановился на ней ни разу. Его лицо приобрело оттенок протухшей браги, иссиня-черный парик съехал на сторону, обнажив зеленовато-белую плоть. К счастью, в это время певец приступил к исполнению «Love Me Tender», что не требовало усиленных телодвижений. Возможно, парик и удалось бы продержаться до утра.

Дослушав песню до конца, голова перестала мурлыкать и взглянула на меня.

— Слышали анекдот об актере, попавшем на вечеринку оборотней? — спросила она. Мы с Марлоу не обратили на нее внимания. — Он их так ухохотал, что они чуть не взвыли!

Официант-зомби в гавайской рубашке и брюках-бермудах, из-под которых выглядывали дряблые сероватые ноги, пробирался к нам, лавируя между столиками. Заметив его, я обнаружила, что незаметно для себя выпила весь мартини. Алкоголь и в самом деле прояснил мне голову, но не улучшил настроения, которое с каждой минутой становилось все мрачнее. И было отчего: как и говорил Томас, гейс остался на месте.

Я вновь ощущала его давящее, тяжелое присутствие. Я чувствовала его, чувствовала ту крепкую невидимую нить, что намертво привязывала меня к МОППМ. Я попыталась напрячь свою магическую защиту, но гейс оказался сильнее. Хорошо хоть, что на этот раз я не испытывала адской боли. Возможно, положение пифии все же давало некоторые преимущества, а может быть, гейс просто еще не приспособился к моему новому энергетическому уровню. За что я была ему благодарна.

— Где остальные? — спросила я.

Сейчас нам очень пригодился бы Билли, его можно было послать на разведку.

— Я не видел ни пикси, ни той девушки. Маг проскочил в портал сразу за тобой, — ответил Марлоу, не сводя глаз с шести фигур, тихо занявших позицию по обе стороны входной двери. На них были точно такие же, как у Приткина, длинные кожаные пальто, в которых, наверное, было очень жарко. Еще несколько таких же фигур встали возле запасного

выхода. — Я стукнул его по голове и запер в задней комнате, — добавил Марлоу.

— Это ненадолго.

— А нам долго и не надо. Приткин — далеко не главная наша проблема, Кэсси.

Официант поставил перед нами кувшин мартини и блюдо оливок. Мартини Марлоу забрал себе, оставив мне только кокосовый орех, чем-то смахивающий на сморщенную голову. Внутри должна была находиться пинаколада, но кто-то явно забыл добавить ром; пришлось выпить то, что есть.

— Ладно, тогда отгадайте загадку, — не унималась голова. — Каков кратчайший путь к сердцу вампира? — Голова сделала паузу. — Через ребра!

Тем временем пышная блондинка, отказавшись от безуспешных попыток привлечь внимание своего кумира, отчаялась и полезла на сцену. Несмотря на высоченные каблуки, ей это удалось; охрана перехватила ее в тот момент, когда до певца оставалось несколько футов. Назревал скандал, но Казанова, стоявший возле сцены, предусмотрительно подослал к даме красивого латиноамериканца — без всякого сомнения, инкуба. Провожая женщину в бар, тот одарил ее лучезарной многообещающей улыбкой, давая понять, что скоро ей представится возможность забыть обо всех рок-звездах, живых и мертвых.

— Если Казанова думает таким же образом справиться и с магами, он явно поглупел.

— Ничего подобного, — уверенно заявил Марлоу.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что, если я не ошибаюсь, прибыли наши кавалерийские части.

Проследив за его взглядом, я обомлела: в зале появились три жуткие старухи-гречанки, да не просто так, а с подарками. Они вошли не через главный вход, охраняемый магами, а через боковую дверь, расположенную возле бара. Охрана, стоявшая возле этой двери, куда-то исчезла. Один из барменов — роскошный парень в тропическом шлеме и шортах цвета хаки — при виде старух замер и пролил на стойку полбутылки виски.

— Ничего себе клиенты, — сказала голова. — Ладно, а вы слышали анекдот о парне, который больше не мог платить своему экзорцисту? Знаете почему? Он в него сам вошел. Ха! Смешно?

— Совсем не смешно, — сказал Марлоу, разворачивая салфетку.

— Эй, постой! У меня таких анекдотов целая куча! Слушайте, вот, например...

К счастью, плотная салфетка заставила голову заткнуться, иначе я бы зашвырнула ее через весь зал куда-нибудь в угол.

К нашему столику подошла Дейно, улыбаясь во весь свой беззубый рот.

— Денрожден, — сказала она, сияя улыбкой и явно гордясь собой.

Я впервые слышала, чтобы грайя говорила по-английски! Я бы тоже гордилась ею, если бы в качестве подношения она не брякнула на столик ведро, полное каких-то кровавых останков.

Я со страхом взглянула на Марлоу.

— Пожалуйста, скажи, что это не...

— Нет, это не человечина, — сморщив нос, ответил он. — Похоже, это говядина.

Подошла Пемфредо и пристроила рядом с ведром сложенную кульком газету, полную игральных фишек. Среди них не было красных и голубых, которыми я обычно пользовалась, большинство были черные и даже несколько пятисотдолларовых пурпурных. Бросив беглый взгляд на фишки, я прикинула: где-то на четыре тысячи долларов. Я в ужасе зажмурилась — только полиции мне еще недоставало! Решив не отставать от сестер, Энио торжественно

поставила передо мной огромный торт, покрытый чем-то скользким и зеленым; скорее всего, это была глазурь. Я предпочла не спрашивать, почему от торта пахнет соусом песто.

Выпив остатки моего коктейля, Дейно наполнила кокос щедрой порцией крови и внутренностей. Затем сунула мне его под нос и с широкой улыбкой произнесла:

— Денрожден!

Я сжала губы, чтобы не рассмеяться.

— Зачем они это делают? — спросила я Марлоу, тот с отвращением наблюдал за грайей. Вампиры не пьют кровь животных. Она ничего им не дает, и многие из них даже питают к ней отвращение.

— Думаю, они подносят тебе дары. В древности жертвоприношения считались обычным делом. На твоём месте я бы радовался, что в твою честь они не вздумали зарезать девственницу прямо на нашем столике. Наверное, в Вегасе просто нет девственниц.

— Ха-ха. А что мне делать с...

Больше я ничего не успела сказать. Если бы я внимательней смотрела по сторонам, то заметила бы, что зомби Элвис внезапно прервал выступление и зачем-то полез со сцены.

Марлоу вскочил на ноги.

— Немедленно убери ведро!

Я беспомощно оглядела зал, полный туристов.

— Куда?

Расшвыряв кинувшихся к нему охранников, Элвис двинулся к нашему столику, не спуская голодных глаз с кровавого ведра. Один из охранников, рослый крепыш, схватил Элвиса за плечо и хотел повернуть к себе, но лишь окончательно сбил с него парик, под которым обнаружили развороченные мозги. Думаю, что колдуны вуду из штата Казановы немного недосмотрели и плохо подлатали своего «пациента». Это была их ошибка.

При виде жуткого зомби с серым лицом и отвисшей челюстью, да еще с обнажившимся кровавым месивом на голове, клиенты, сидевшие за передними столиками, вскочили со своих мест. Послышались крики, звук падающих стульев, и публика ринулась к выходу. Те, что сидели далеко от сцены, решили, что это часть представления, и принялись горячо аплодировать. Не знаю, что они подумали, когда Элвис, на ходу проглотив закуску, решительно взял курс к основному блюду.

— Кэсси! — долетел до меня слабый крик Билли. Я оглянулась по сторонам, ища его глазами, но и общей суматохе ничего нельзя было разобрать.

Марлоу хотел оттащить меня в сторону, но я потеряла равновесие и упала. Пытаясь удержаться на ногах, я уцепилась за столик; в этот момент Элвис добрался до ведра. Дейно завопила и схватила ведро, вырвав его из рук зомби. От ее резкого движения кровь выплеснулась и залила столик, представлявший собой обычный стеклянный круг, установленный на ухмыляющейся резной фигурке тики. Брызги крови полетели на прекрасное платье, одолженное мне Французой; схватив салфетку, я принялась его вытирать, но меня остановил рассерженный вампир.

— Не надо! — крикнул Марлоу и дернул меня за руку. — Уходим, скорее!

В зал хлынул отряд вооруженных магов.

— Куда? — взвизгнула я.

— Ты что, не можешь переместиться?

И тут до меня наконец дошло, что теперь у меня нет никаких причин отказываться от использования своей энергии. Я пифия, нравится мне это или нет. Я кивнула; но в тот

момент, когда я начала создавать в своем воображении образ улицы подальше от казино, послышался отчаянный вопль Билли.

— Билли! К нам, скорее! — крикнула я.

— В чем дело? — спросил Марлоу.

— Тихо!

Билли что-то кричал, но я ничего не слышала.

— Билли! Я тебя не слышу!

— Не перемещайся! Я застрял!

— Он говорит, что застрял, — сказала я Марлоу.

В этот момент блондинка оттолкнула красавца латиноамериканца и бросилась к своему идолу. Ее перехватил охранник; завязалась драка, и меня сбили с ног. Я повалилась на пол в тот момент, когда над самой головой просвистел огненный шар и врезался в деревянную фигурку тики. По пути шар задел Марлоу, и на нем тут же вспыхнул камзол. В одно мгновение сбросив с себя пылающий камзол, вампир лихорадочно стал оглядывать зал, прикидывая, куда бы его деть. Магический огонь потушить нельзя, он горит как фосфор, но вампир решил эту проблему просто, зашвырнув камзол туда, откуда прилетел шар. Ударившись о магическую защиту, камзол исчез.

Марлоу не пострадал, но вид у него был устрашающий: оскаленные клыки, разъяренный взгляд.

— Кэсси, сейчас здесь станет совсем жарко. Мне кажется, нам давно пора уходить. Призрак нас догонит.

Наверное, Билли его услышал, поскольку завопил как сумасшедший. Смысл его слов был, в общем-то, понятен.

— Билли просит нас не перемещаться.

Марлоу сердито взглянул на меня, но спорить не стал.

— Оставайся здесь, я пойду проверю, что там случилось, — сказал он и исчез.

Я быстро залезла под стол, чтобы не попасть под ноги рвущейся к выходу публики. Мне было видно, как блондинка наконец прорвалась к своему кумиру; в ее глазах сияло обожание. То ли она была пьяна, то ли просто ослеплена любовью, не знаю, но предмет ее страсти выглядел, мягко говоря, жутко. Сверкающие глаза, окровавленная голова, слюнявый рот... однако даму это не остановило, и она с победным воплем ринулась к своему кумиру в тот момент, когда Дейно сильным рывком вырвала из его рук ведро с мясом. Внутренности вывалились и полетели на блондинку, повиснув на ее голове и плечах, причем кусок печени застрял у нее за корсажем.

Девица завизжала, чем сделала только хуже, потому что привлекла к себе внимание Элвиса. Не обращая внимания на Дейно, которая что-то кричала по-гречески и колотила его пустым ведром, зомби ринулся к залитой кровью блондинке.

Тем временем Казанова пытался вывести из зала перепуганных людей и успокоить тех, кто еще сидел за столиками.

— Где эти чертовы жрецы? Приведите их сюда! — услышала я его рев, когда на Элвиса накинулись трое охранников.

Он упал на залитый кровью пол всего в трех футах от меня, подмяв под себя блондинку. Не знаю, где в это время находились колдуны вуду, которым полагалось следить за зомби, только блондинке явно предстояло пойти на ужин королю.

— Помогите ей! — крикнула я грайям.

Энио не нужно было повторять дважды. В мгновение ока из дряхлой старухи она перевоплотилась в покрытую кровью амазонку. Нужно сказать, что эта кровь принадлежала врагам, убитым ею за всю жизнь. Зомби тут же заметил ее. Элвис поднялся с пола и шагнул к Энио, не обращая внимания на повисших на нем охранников. Блондинку тем не менее он не бросил, а просто сунул ее под мышку.

Заметив мой отчаянный взгляд, Пемфредо вырвала ее из рук Элвиса и перебросила Дейно, после чего прыгнула на спину зомби. Когда она вцепилась ему в голову и во все стороны брызнули мозги, тот лишь издал яростное шипение. Энио, лавируя между столиками, продвигалась к выходу, выманивая мертвеца из зала, пока ее сестры продолжали его потрошить.

Внезапно рядом со мной возник Марлоу; его волосы были всклокочены, штаны обгорели, но в остальном с ним все было в порядке. Я схватила его за рубашку.

— Скажи, что ты что-то придумал! — крикнула я.

— Под сценой есть люк. Нужно к нему подобраться, пока маги ничего не заметили.

А в это время маги вступили в схватку с зомби. Конечно, маги отличные воины, но зомби превосходят их живучестью. На моих глазах маг буквально проткнул зомби насквозь, но тот даже не остановился. С другой стороны, Элвис, который то ли устал, то ли забыл о своей жертве, внезапно остановился недалеко от нас. Энио и Пемфредо, предоставив короля охране, решили переключиться на магов.

К нам подбежал Казанова.

— А вы чего ждете? — совершенно забыв о своей сексуальности, заголосил он. — Уходите!

— Подожди, я проверю, нет ли там каких сюрпризов, — сказал Марлоу и скрылся в толпе.

Я полезла за ним, но внезапно замерла на месте. Возле разнесенной в щепки барной стойки стоял живой Приткин и внимательно оглядывал зал. Заметив ярко-красные штаны вампира, маг перевел на него взгляд... и тут увидел меня.

Попалась.

Проследив за моим взглядом, Казанова также увидел Приткина и крепко выругался.

— Мирча приказал помочь тебе, — сказал он, — но всему есть предел! Запереть мага в офисе — это одно, но затеять с ним настоящую войну — это, извини, совсем другое. Я ни за что на это не пойду, хоть протыкайте меня колом!

— О чем ты? — спросила я, изумленно глядя на него. В этот момент несколько магов, прорвав линию обороны зомби, двинулись на нас. Сделав знак охране, наполовину состоявшей из вампиров, Казанова хотел уйти, но я схватила его за руку. — Когда ты говорил с Мирчей?

— Он звонил несколько часов назад, после твоего эффектного исчезновения из МОППМ. Спрашивал, о чем мы с тобой говорили. Я рассказал. — Заметив мой взгляд Казанова рассердился. — Неужели ты думала, что я стану ему лгать? Я могу служить двум хозяевам, Кэсси, но я честный слуга.

С этим таинственным замечанием Казанова удалился, предоставив мне самой разбираться с Приткиным. Оценив расстояние до сцены, я поняла, что проскочить не успею. Путь к ней преграждали столики, одни из которых горели, другие лежали на полу, третьи под действием заклинаний медленно превращались в жидкую стекловидную массу. Выхода не было; несмотря на протесты Билли, мне оставалось лишь переместиться. Я призвала свою

энергию, но в ответ получила лишь слабую волну. Не знаю, что на меня так подействовало — то ли проход через портал, то ли вид Приткина, неумолимо приближающегося ко мне. Я поняла, что, если немедленно не сконцентрируюсь, мне придется плохо.

Кто-то тронул меня за плечо, и я резко обернулась. Передо мной стояла Дейно, улыбаясь во весь рот. Пока сестры отбивали атаки разъяренных магов, она почему-то упорно следовала за мной, прицепившись как репейник. Грайя по-прежнему держала под мышкой рыдающую, обезумевшую блондинку, которую с довольным видом протянула мне.

— Денрожден! — сказала она, сияя от счастья, что смогла найти замену своему уничтоженному подарку. Я энергично замотала головой — я не принимаю даров в виде человеческой жертвы.

— Знаешь, почему мумии не берут отпуск? — послышался голос из-под салфетки. — Они боятся чересчур раскрутиться.

Девушка к этому времени немного оклемалась, встала на четвереньки и быстро поползла прочь. Дейно с интересом провожала ее глазами... чем немедленно воспользовался Приткин и нанес грайе такой удар, что она отлетела в сторону и врезалась в динамики. В следующую секунду маг бросил в меня огненный шар, но промахнулся, и шар ударился о деревянные маски. Взметнулись фонтаны огненных искр и щепок, сцена покрылась некрасивыми черными дырками, и вокруг нее заплясали языки пламени. Через секунду огонь охватил пианино.

Не успела я вскрикнуть, как над завесой огня возникла всклокоченная голова Дейно. На грайе не было ни единого ожога, но вид у нее был весьма злобный. В следующую секунду я поняла, в чем заключался один из самых коварных ее приемов. Дейно не стала ни в кого превращаться, не стала заставлять Приткина стрелять в самого себя, она просто обратила на него взгляд своих невидящих глаз, и маг остановился, будто натолкнувшись на прозрачную стену. Опустив пистолет, он с удивлением озирался по сторонам, словно забыл, где он и кто он такой. Когда за его спиной с грохотом упало полыхающее пламенем пианино, он даже не обернулся.

Отпихнув ногой горящие маски, Дейно направилась ко мне. Кто-то из магов послал в нее огненный шар, но грайя одним движением развернула его и отправила назад, сопроводив заклинание непристойным жестом. Подойдя к Приткину, она легонько хлопнула его по плечу, а когда тот обернулся, отвесила сильнейшую затрещину. Находясь рядом с грайей, я увидела, что ее глазницы вовсе не пусты, как мне казалось прежде. В них клубился какой-то темный туман, он был совсем не похож на глаза, и все же создавалось впечатление, что Дейно смотрит.

— Как удобно иметь такие глаза, — сказала я. — Особенно в драке.

— Да, — горделиво отозвалась Дейно. — И не потерять.

Она легкомысленно пожала плечами, потом вдруг чмокнула меня в щеку и, пробормотав «денрожден», побежала к своим сестрам. Маги, которые к этому времени разнесли зомби на куски, отражали атаку вампиров.

Я собралась последовать примеру Марлоу и тихо исчезнуть, когда Приткин внезапно ожил и направил на меня пистолет; в зеленых глазах мага светилась ледяная ярость.

— У меня есть одна весьма полезная особенность, — прошипел он. — Мой разум нельзя заколдовать.

Я решила не тратить время на дискуссию. Вместо этого я подпрыгнула и со всей силы ударила его по колену. В другое время от такого удара он, наверное, просто бы пошатнулся,

но сейчас маг был застигнут врасплох, кроме того, от крови пол стал совсем скользким, поэтому Приткин потерял равновесие и растянулся во весь рост, по пути врезавшись в стол и, словно шар для боулинга, разметав несколько стульев. Послышался оглушительный грохот.

Тем временем огонь, охвативший сцену, разгорался все сильнее, и вот уже запылала висевшая над сценой шелковая драпировка. Этого оказалось достаточно, чтобы мгновенно рухнуло бамбуковое обрамление; во все стороны, словно гигантские зубочистки, полетели бамбуковые палочки, а я едва успела нырнуть под ближайший уцелевший столик.

Когда я оглянулась, Приткина уже не было. Мне показалось, что где-то возле входа мелькнуло зеленое платье Франсуазы, но затем все заволочло клубами черного дыма. Впрочем, одного своего знакомого я все же разглядела.

— Билли!

Почти прозрачная тень ковбоя маячила возле главного входа. Заметив меня, он заулыбался и ринулся ко мне. Я собиралась спросить его, где он был, но призрак шмыгнул в меня, даже не поздоровавшись; я услышала лишь какое-то нечленораздельное бормотание. Тут я переключилась на битву и забыла о нем.

Отшвырнув в сторону мага, которого держал за шею, Казанова обернулся ко мне и что-то крикнул. Я его не услышала, но догадалась, в чем дело: грайи покинули здание.

Быстро оценив ситуацию, я поняла, что Дейно была не единственная, кто спасал мою жизнь. Энио отбила атаку магов во время драки в казино, Пемфредо защищала меня во время драки на кухне, и вот теперь Дейно появилась в самый разгар битвы, как кролик из шляпы фокусника. Грайи отплатили мне за свое освобождение, и теперь я осталась одна. Казанова что-то кричал, отбиваясь от трех наседавших на него магов. Его было по-прежнему не слышно, но я поняла: «Уходи!»

Я кивнула. Грайи находились на моем попечении, но они могли и подождать. Я не знала, можно ли сейчас перемещаться, а от моего дружка Билли в ту минуту было мало толку. Решив все же рискнуть, я двинулась вперед, но в это время кто-то вцепился мне в ногу железной хваткой. Одной рукой Приткин помогал себе выбраться из-под стола, второй держал меня за ногу. Черт!

— Кэсси! — услышала я знакомый голос и обернулась.

Из-под обломков сцены торчала кудрявая голова Марлоу. А я-то думала, что он давно сбежал! Повсюду полыхал огонь, а у вампиров примерно та же температура возгорания, что и у горючей жидкости. Марлоу отчаянно жестикулировал, прося меня посторониться, и я быстро пригнулась; в следующую секунду невидимая рука подняла Приткина в воздух и отшвырнула далеко в сторону. Марлоу крикнул мне, чтобы я пробиралась к нему, но в это время сверху упала горящая ткань, и вокруг меня заплясал магический огонь. Для человека он так же опасен, как обычный огонь для вампира; я остановилась.

Оглянувшись по сторонам, я увидела, что путь к спасению отрезан. Возле главного входа шла отчаянная драка, задняя комната заканчивалась тупиком, а боковой выход был охвачен огнем — там полыхали остатки шелковой драпировки и бамбуковое обрамление сцены. Оставался лишь один выход.

На этот раз она повиновалась беспрекословно — я сразу ощутила ее мощное присутствие. Задыхаясь от счастья, я выбирала место, в котором хотела бы оказаться. В этот момент Приткин выбрался из-под стола и рванулся ко мне, я дернулась и переместилась не

думая. Я хотела лишь одного — найти Майру. Все лучше, чем торчать в адском казино Данте, оправдавшем свое название на все сто.

На этот раз не было жесткого приземления, от которого болели все кости, только огонь начал постепенно меркнуть, пока не исчез совсем... Я находилась на какой-то неосвященной улице. Когда глаза привыкли к темноте, я увидела большое здание, на нем было написано: «Театр "Лицеум"». Улица была совершенно пустынна, вероятно, стояла глубокая ночь.

— Так и знала, — раздался за спиной голос Майры.

Мгновенно развернувшись, я вскинула руку в направлении этого капризного детского голоска. Из моего браслета вылетели два острых кинжала... и замерли, не долетев до Майры: в следующую секунду кинжалы развернулись и ринулись на меня. Они не вонзились в мое тело, но ударили с такой силой, что я покатила по земле, вывалявшись в грязи. Майра вскинула руку. На ее тонком запястье поблескивал такой же, как у меня, браслет. С одной разницей: если в моем находились кинжалы, то в ее — маленькие, сцепленные между собой щиты.

— Подарок моих новых друзей. Чтобы уравнять наши шансы.

Я поднялась с земли.

— С каких это пор тебя заботят равные шансы?

Майра усмехнулась.

— Хороший вопрос. — Внезапно выражение ее лица изменилось. — А ты, кажется, все-таки завершила ритуал. Поздравляю. К сожалению, твое правление будет самым коротким за всю историю.

Я ответила ей прямым взглядом. Впервые я видела Майру в ее истинном обличье, а не в виде призрака. Ее глаза так и остались белесыми.

— Ответь мне на один вопрос, — устало произнесла я. — Почему все время Лондон? Почему тысяча восемьсот восемьдесят девятый? Это начинает надоедать.

— В этом году в Лондоне проводится собрание европейского Сената, — с готовностью ответила Майра.

— Знаю.

— Ну конечно. Все время забываю, что тебя вырастили вампиры. В таком случае, ты, наверное, знаешь и другое. Обычно Сенат заседает в Париже, но в этом году он переехал в Лондон, чтобы рассмотреть одно дело. Понимаешь, возникло подозрение, что все кошмарные преступления, которые газеты приписывали Джеку Потрошителю, на самом деле совершал Дракула. Вскоре после начала заседания он исчез, тем самым только усилив подозрения.

— А при чем здесь я или Мирча?

Майра самодовольно улыбнулась.

— А при том. Мирча и та вампирша, которую ему прислал североамериканский Сенат...

— Августа.

— Ну да. Они доказали, что преступления совершал человек по имени Джек. Они его поймали.

— И наказали.

Это я видела собственными глазами.

— Да, но, похоже, Джек совершал убийства исключительно для того, чтобы произвести

впечатление на Дракулу, надеясь тем самым заслужить место при его дворе. В результате Сенат выдвинул против Дракулы обвинения.

— И его хотят казнить.

— Наконец-то ты начала что-то понимать! — воскликнула Майра и даже захлопала в ладоши, — Мирче удалось убедить консула предоставить ему несколько дней, чтобы самому выследить и схватить брата, но с этим согласились далеко не все сенаторы. Похоже, у Дракулы появились враги.

У меня было такое чувство, что эту историю я уже слышала. И кажется, Дракулу ждали тяжелые времена. Однажды, глухой туманной лондонской ночью, несколько сенаторов подловили его на улице и линчевали. В эту самую ночь.

— Его хотят убить.

Майра засмеялась.

— И убьют. Это же часть того самого времени, которое ты так любишь охранять, Кэсси. Только на этот раз — не без моей помощи — Мирча их опередил. И что-то мне подсказывает, что сенаторы не останутся перед тем, чтобы заодно с братом не убить и твоего распрекрасного вампира.

Я это знала. Мирча годы потратил на то, чтобы сделать меня пифией, и не станет стоять в стороне и смотреть, как убивают его брата.

— Все очень просто, Кэсси, — весело сказала Майра. — Хочешь получить трон? Нет проблем. Будь лучше, чем я, только и всего.

С этими словами она исчезла, а меня кто-то сильно толкнул в спину. Я вновь упала в грязь, на этот раз лицом. Но я вскрикнула не от этого. Гейс по-прежнему находился при мне и по-прежнему не изменил своего отношения к Джону Приткину. Судя по острой боли, пронзившей все тело, мой гейс перепутал гнев со страстью. Будучи настоящим мачо, Приткин не стал вопить, как сопливая девчонка, но меня отпустил.

Обернувшись, я увидела, что он лежит на тротуаре в полубессознательном состоянии, а может быть, он просто ждал, когда пройдет боль. Видимо, он находился рядом, когда я переместилась. Замечательно.

— Я тебе этого не позволю, — тяжело дыша, проговорил Приткин. — Ни за что на свете!

На этот раз я даже обрадовалась, что у меня есть гейс, — лицо мага сулило большие неприятности. Неважно, что в данную минуту он не мог до меня добраться, я все равно находилась в опасности. Приткин мог застрелить меня и глазом не моргнуть. Я решила быстренько сматываться, пока он не пришел в себя.

Я бросилась к ближайшему окну театра и, выбив стекло, ввалилась внутрь, думая о том, что у грабителей очень тяжелая и вредная работа. Я порезала руку, разорвала платье, но я сбежала от Приткина. К сожалению, наделав при этом много шума.

— И что ты здесь забыла? — раздался над ухом голос Августы, после чего меня рывком поставили на ноги и толкнули к стене. Держа меня своей маленькой, в голубых прожилках ручкой, Августа тщательно расправляла голубую юбку с черным вышитым подолом, который прекрасно сочетался с такими же застежками и иссиня-черной брошью на корсаже.

— Красивое платье, — прохрипела я.

— Спасибо. И у тебя красивое, — сказала она, оглядывая меня. — Его сшили эльфы, но ты... — она так сжала мою руку, что в глазах у меня потемнело, — ...ты не эльф.

Я не стала возражать. Августа могла одним движением свернуть мне шею. Драться с

нею было бесполезно, зато можно было ее использовать. Приткин перестанет быть для меня проблемой, если на моей стороне будет Августа.

Я не люблю входить в чужое тело; потом я чувствую себя слабой и какой-то грязной. В сущности, это ведь насилие. Став пифией, я решила совсем отказаться от этого занятия, правда, не тогда, когда речь идет о моей жизни. Вопрос в другом: смогу ли я это проделать?

Однажды я вошла в тело черного мага — всего на две минуты. Тогда мне помогал Билли-Джо. Раньше я никогда не брала с собой Билли во время перемещений, почему-то надеясь, что в случае чего он сможет мне помочь. Ничего он не смог. Вот и сейчас — я слышала лишь неясное бормотание, но Билли не то что помогать, но и говорить со мной явно не собирался.

Черт, но если у Майры это получается, почему не получится у меня?

К счастью, познания Августы о магической защите были любительскими и не представляли для меня никакой преграды. Лишь на первый взгляд ее щит выглядел внушительно — толстые стальные листы, прочно пригнанные друг к другу, как обшивка военного корабля, однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что листы эти изъедены ржавчиной, а во многих местах к тому же очень тонкие, почти прозрачные. Вот что бывает, когда не тренируешь магическую защиту ежедневными медитациями. Если бы защита Августы была такой крепкой, как казалась, она вышвырнула бы меня одним движением, я же проделала в ней дыру с удивительной легкостью.

Внезапно все вокруг стало ярче, острее и ближе, и я заглянула в собственные испуганные глаза. Я прикрыла рот рукой, чтобы Билли-Джо не вылез раньше времени, но он сразу всполошился. Тогда я хлопнула себя по щеке. Я хотела сделать это легонько, но явно перестаралась, поскольку Билли закатил глаза и чуть не вырубился.

— Это я, — свистящим шепотом произнесла я.

Билли кивнул. Через некоторое время он смог заговорить.

— Я хочу выпить, — дрожащим голосом сказал он. — Пива хочу, целую бочку.

— Как ты себя чувствуешь?

Билли выглядел совсем больным. Мое лицо было белым как мел, губы дрожали.

— Если тебе плохо, скажи.

Билли рассмеялся; в его голосе слышались истерические нотки.

— Плохо? Да, мне плохо. Призрак, человек, опять призрак, опять человек — сколько можно?

Я с изумлением уставилась на него.

— Я тебя не понимаю.

— А чего тут не понять? Я умер, только и всего!

— Билли, — медленно произнесла я, — ты умер много лет назад.

— Много лет назад, — насмешливо повторил он. — Я умер сегодня, Кэсс, если ты этого не заметила! Замечательное представление, спасибо эльфам! О господи.

Его лицо сморщилось, и Билли тяжело опустился на пол; его била дрожь. Я села рядом с ним и крепко обняла. Все было ясно. Когда мы прошли через портал, его тело исчезло. Честно говоря, я это предвидела, но не подумала о последствиях. Билли часто входил в тела других людей, включая и мое, и никогда не огорчался, когда нужно было из них выходить. Но сейчас все было по-другому. Он не чувствовал себя призраком; он был живым человеком. И, пройдя через портал, умер во второй раз. Забыв о своей силе, я крепче прижала его к себе, Билли тихо охнул.

— В этот раз я чуть не исчез, Кэсс, — слабым голосом сказал он. — Автоматически это у меня не получается.

— Что не получается?

— Становиться призрак. Никто не ведет такой статистики, а если и ведет, то я об этом ничего не знаю, но как же редко такое случается! Понимаешь, я почти... затерялся между мирами... я был не здесь и не там, я ничего не видел. Кто-то тянул меня куда-то, уводил туда, откуда не возвращаются, а я упирался и упирался и вдруг услышал твой голос, и стал видеть, а потом... — Голос Билли прервался.

— Билли... прости меня.

Банальная фраза, но что еще я могла сказать человеку, умершему во второй раз? Таким вещам Эжени меня не учила.

Внезапно Билли обхватил меня руками и сказал:

— Никогда. Больше. Не оставляй. Меня.

Я кивнула, хотя и сама чувствовала себя немногим лучше, чем Билли-Джо. Отпустить Августу я не могла, потому что за мной гнался разъяренный вампир-хозяин, но и нянчиться всю ночь с несчастным Билли тоже не могла, зная, что поблизости бродит Майра. Чем-то надо было пожертвовать.

Я встала, потянув Билли за собой, как вдруг кто-то грубо схватил меня за волосы и приставил к горлу нож. Странно, почему я не услышала, как он подкрался? У Августы прекрасный слух — я бы услышала, как скребутся крысы за стеной, как капает с крыши вода или как препирается водитель такси с подвыпившим клиентом. Почему же я ничего не услышала?

— Одно движение, и я тебя прикончу, — сказал Приткин.

Я скосила глаза. Ну разумеется, кто же еще?

— Слушай, чему тебя учили в школе магов? — сказала я. — Чтобы убить вампира-хозяина, его нужно проткнуть колом, потом отрезать ему голову, сжечь тело, а пепел развеять по ветру над водой. Если же вампиру просто перерезать горло, он разозлится и больше ничего.

— Сегодня ты поужинаешь с кем-нибудь другим, — не обратив внимания на мои слова, сказал Приткин. — Девчонка пойдет со мной.

— Какая девчонка?

Билли сидел спиной к билетной кассе, задрав колени; пышное платье скрывало его почти целиком. Увидев меня и Приткина, он хмыкнул.

— Он имеет в виду меня, Кэсс.

Ах вот в чем дело.

— Не знаю, действует ли гейс, когда я нахожусь в другом обличье, — сказала я Приткину. — Только советую меня отпустить, пока он молчит.

Он так быстро убрал руки, что я покачнулась.

— Я не позволю тебе это сделать, — сказал Приткин и направил на меня пистолет.

— Этой штукой меня тоже не убить, — сказала я, прежде чем забрать у мага пистолет и переломить его надвое. — Я останусь жива, разве что в теле появится некрасивая дыра. — Приткин нахмурился; было видно, что он усиленно соображает, что делать. Я решила ему помочь. — Слушай, теперь я пифия, тут уж ничего не поделаешь. И чтобы ты знал, абсолютно здоровый человек, чего не скажешь о твоей драгоценной Майре.

Приткин слегка смутился.

— К чему ты клонишь? — спросил он.

— Только не надо делать невинное лицо. Ты ведь с самого начала искал ее для того, чтобы сделать пифией.

— Я не хочу, чтобы она становилась пифией. Ни она, ни ты. Госпожа Фемоноя, должно быть, повредилась в уме, если связалась с вами!

— Выходит, Марлоу был прав! Ты действительно работаешь на круг. — Значит, все, что происходило у Данте, тоже являлось частью игры. Умно придумано. — Знаешь, только ненормальный может так рисковать жизнью, так что я тебе верю.

Приткин провел рукой по волосам — очевидно, чтобы унять желание вцепиться мне в глотку.

— Я не работаю на круг, — медленно и четко проговорил он, словно имел дело с четырехлетним ребенком. — И я искал Майру вовсе не для того, чтобы сделать ее пифией.

— А для чего? — спросила я, с подозрением глядя на него.

— Пифией должна стать девушка, наделенная умом, талантом и опытом! — горячо сказал он. — Майра — сумасшедшая, а после того, что ты вытворяла в Стране эльфов, я понял, что и ты ничем не лучше.

— А что я такого вытворяла?

Приткин нахмурился.

— Заключила сделку с королем эльфов, обещала ему достать второй том «Кодекса».

— Ну и что? Ты сам говорил, что почти все способы снятия заклятий уже известны.

— Но не все.

— Постой-постой, значит, есть какое-то заклятие, которое ты не хочешь предавать огласке? — Ответом было глухое молчание. Я вздохнула. — Так, дай подумать. Мне ты, конечно, ничего не скажешь.

— Тебе это знать необязательно. И я не позволю отдать книгу королю. Мы найдем другой способ добраться до твоего вампира.

— Ага, как в прошлый раз.

После нашего краткого визита в Страну эльфов я поняла: мне ни за что не встретиться с Тони без помощи ее обитателей. А получить эту помощь можно было только одним способом. И если мне не удастся втолковать этомагу, останется лишь применить силу, пусть даже это будет колоссальная сила Августы.

— А тебе не кажется, что убивать меня только ради того, чтобы не подпустить к этой книге, это уж слишком? — спросила я.

Приткин поморщился.

— Если бы я решил тебя убить, ты была бы уже мертва, — спокойно ответил он. — Пока же я пытаюсь тебя вразумить. «Кодекс Мерлина» — опасная книга. Она не должна быть найдена!

— И все равно я буду ее искать. У меня просто нет другого выхода. — В зеленых глазах Приткина сверкнула ярость. — Но если ты мне поможешь, — поспешно добавила я, — то заглянешь в нее первым. Потом вырвешь самые опасные страницы, скажешь мне, как снять гейс, а остальное мы отдадим королю.

Маг взглянул на меня так, словно я заговорила по-марсиански.

— Неужели ты не понимаешь, что ты сделала? Ты дала эльфам слово, и теперь они тебя просто так не отпустят.

— Я обещала принести им книгу. О ее содержании никакого уговора не было.

— И ты думаешь, их устроят твои лживые доводы?

— Думаю, да. — Я не понимала, в каком мире живет Приткин. Явно не в мире потусторонних сил. — Все, что в контракте не оговорено отдельным пунктом, можно интерпретировать как угодно. Если бы король не хотел, чтобы я изучала книгу, он бы мне так и сказал.

Приткин задумался. Последовала долгая пауза.

— Одна из обязанностей магов-воинов — охранять пифию, — наконец сказал он. — Мак в тебя верил, иначе не отдал бы за тебя жизнь. Но тебя вырастили вампиры, существа, напроць лишенные моральных принципов, к тому же ты никогда и нигде не училась. Почему я должен тебя защищать? Какая из тебя пифия?

Хороший вопрос; последнее время я сама не раз задавала его себе. Я взяла себе энергию для того, чтобы снять гейс или хотя бы опередить Майру. До сих пор у меня не получилось ни то ни другое. А все дело в том, что я сама не знаю, какая из меня получится пифия. Но в одном я уверена: лучше я, чем Майра.

— Значит, мне предстоит решать, какое из двух зол меньшее? Ты, как я вижу, не слишком стремишься склонить меня на свою сторону.

— Не слишком, — искренне призналась я. Приткин был нужен мне. Во-первых, я была недостаточно сильна в магии, а во-вторых, понятия не имела о том, где искать книгу. С другой стороны, я не хотела взваливать на свою совесть еще одного Мака. — На твоём месте я бы затаилась до поры до времени. Подожди, пока все это закончится. Может, тебе повезет и мы с Майрой поубиваем друг дружку.

— Не лучше ли мне самому вас убить, обеих, а потом поискать более подходящую претендентку на трон?

Билли сделал большие глаза, и я поняла, что если мне в теле Августы относительно безопасно, то он, находясь в моем, сильно рискует. Я встала, закрыв его собой.

— Никакой более подходящей претендентки у вас не будет, — твердо сказала я. — Если бы она была, я бы сама отдала ей энергию с большим удовольствием! Однако всех претенденток контролирует ваш Серебряный круг, а ему я с некоторых пор верю не больше, чем Черному. Я не отдам энергию тому, кем можно манипулировать или кого можно подкупить!

Приткин прищурился.

— Ты предлагаешь мне поверить в басню о том, что вот так просто отказалась бы от энергии, если бы нашлась достойная претендентка? Ты потащила нас к эльфам, чтобы завершить ритуал. Разумеется, для того, чтобы стать пифией и заполучить энергию.

— Никуда я вас не тащила! Вы пошли добровольно!

— Чтобы отыскать самозванку!

Я сделала глубокий вдох. Августе он был не нужен, а мне — очень.

— Я отправилась в Страну эльфов для того, чтобы перехватить Майру, прежде чем она устроит мне какую-нибудь пакость. Томас оказался с нами по чистой случайности, а ритуал я завершила, чтобы остаться в живых.

— Ты сказала Маку, что идешь искать своего отца.

— Так и было. Его держит у себя Тони — вернее, то, что от него осталось. И все же моей главной целью была Майра. У меня были основания полагать, что она у Тони. — Тогда мне казалось, что я убиваю двух зайцев. Зря надеялась. Впрочем, когда мне жилось легко? — Но с Майрой я встретила здесь. Она ищет Мирчу, чтобы его убить. Если ей это удастся, он

уже не сможет меня защищать, и тогда я перестану быть проблемой и для тебя, и вообще для кого бы то ни было, потому что просто погибну еще в детстве. Так что если хочешь от меня избавиться, давай действуй.

— Зачем ты мне это рассказываешь? Я вполне мог бы встать на сторону Майры и прикончить и тебя, и твоего вампира.

— Знаю.

И, честно говоря, меня бы это несколько не удивило. Еще когда Мак ручался за своего друга, я очень рисковала. Впрочем, у меня не было выбора. Против меня были Майра и половина европейских сенаторов. А кто был на моей стороне? Измученный призрак, находящийся в уязвимом человеческом теле. Так что одним врагом больше, одним меньше — какая разница?

Приткин смотрел на меня своим знаменитым взглядом — холодным и неподвижным.

— И что ты намерена делать, когда против тебя выступает Майра и Сенат?

Выходит, он слышал мой разговор с Майрой. Я пожала плечами.

— Ничего. Так что можешь считать свою проблему решенной. — Я взглянула на Билли. — Ты не возражаешь, если немного побудешь один?

Билли пожал плечами.

— Конечно. Черт, если я помру еще пару раз, то понемногу начну к этому привыкать.

— Я пойду с тобой, — заявил Приткин.

— Вот как? Что, выбираешь меньшее из зол?

— В настоящий момент — да.

Не слишком сильная поддержка, но спасибо и на том.

— *Ладно. Ты принят.*

Улица была по-прежнему темной; не помогало даже острое зрение Августы, но я обнаружила, что могу воспринимать мир не только глазами. Повсюду было полно людей — я видела их возле жилых домов, они куда-то спешили, собирались в пабах. Многие в ночной тьме казались бесформенными, неясными тенями, но у всех в груди билось живое сердце, и это громкое биение тысяч сердец действовало на меня как звук сирены. Среди живых людей я ощущала присутствие иных существ; они прятались, стараясь держаться в тени, но я чувствовала их энергию. Вампиры.

Я заглянула в темную витрину, чтобы увидеть в стекле свое отражение.

— Здесь полно вампиров, — сказала я Приткину. — Может быть, десятка два.

Мой голос больше не был хриплым, зато начали потеть ладони. Даже находясь в теле Августы, я не могла справиться с этой своей особенностью; Приткин, по-видимому, тоже.

— Когда они будут здесь? — деловито спросил он.

— Какая тебе разница? — отозвалась я, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не наорать на него. — Нужно найти Мирчу и уходить — как можно быстрее.

Приткин направился к выходу из театра, я последовала за ним. Осторожно приоткрыв дверь, он внимательно оглядел заиндевевшую дорогу.

— Скажи, что все будет хорошо, — попросил он.

— На тот случай, если ты забыл, — сказала я, стараясь говорить как можно тише, чтобы нас не услышали шныряющие мимо вампиры. — Сенат — не единственная наша проблема. Я не могу упустить Майру...

— Ну и не упускай. Разбирайся с ней сама. Я тебя прикрою.

— Ты меня прикроешь? — зло спросила я и машинально взялась за железный столб газового фонаря; я хотела убрать руку, но тут заметила, что ногти глубоко вошли в железо. Осторожно отцепившись от фонаря, я развернула его так, чтобы он на кого-нибудь не свалился. Находиться в теле вампира и внезапно рассердиться — не слишком удачная идея. — Знаешь, что я тебе скажу? Труп — не самый лучший помощник. Некоторые из этих вампиров — члены Сената. Сомневаюсь, что ты сможешь с ними справиться. Нам придется прятаться.

— Они могут учуять нас по запаху. Прятаться — это не выход.

— А самоубийство — выход?

Я хотела сказать что-то еще, как вдруг кто-то схватил меня сзади. Сначала я думала, что это вампир, но потом почувствовала биение живого сердца; в нос ударил запах перегара. Я рванулась, но мужчина держал крепко. Тогда я совсем легонько толкнула его, стараясь сдерживать свою энергию. Мужчина кубарем покатился в сторону и с треском врезался в окно ближайшего паба. Мелькнуло насмерть перепуганное лицо, посыпались осколки стекла, в воздухе запахло кровью.

Его приятель, которого я сначала не заметила, взревел и, сжав кулаки, бросился на меня. Увернувшись от удара, я схватила его сзади за горло и слегка сжала пальцы. Очевидно, я опять не рассчитала силы — шея работяги хрустнула, как косточки птенчика, и в следующую секунду мой обидчик лежал на земле, бездыханный.

Раньше я никогда не задумывалась над тем, до чего же хрупки люди, особенно мужчины, намного превосходившие меня ростом. Только сейчас я поняла, как трудно

вампирам сдерживать себя, чтобы не совершить убийства. С точки зрения человека, я совершила акт жестокого насилия, но для меня это было все равно что держать за крылья бабочку, стараясь не причинить ей вреда. Легкое нажатие на горло, чтобы немного перекрыть воздух, одно неосторожное движение — и живое существо будет сломано и измято, как бумажка.

Я проверила пульс лежащего человека. Услышав слабое биение, я облегченно вздохнула.

— Ты неплохо справляешься, — заметил Приткин.

— Это же человек. Нам придется иметь дело не с людьми.

— Ну и что? Принцип один и тот же. Эти мужчины увидели слабую женщину, и в них заговорил инстинкт хищника. — Приткин зло ухмыльнулся. — Со мной такое тоже бывает.

— Ты же не можешь охотиться на всех женщин подряд!

— Принцип один и тот же, — повторил Приткин и, вырвав сломанный мною газовый фонарь, отбросил его в сторону.

Из-под земли со свистом взметнулась струя газа, мгновенно загорелась, и в небо поднялся яркий огненный столб. Повинуясь инстинкту Августы, я поспешно отскочила в сторону. Но проходящий мимо вампир, которого я даже не заметила, внезапно загорелся и с воплем бросился бежать, натолкнувшись на другого вампира. Приткин усмехнулся.

— Старайся никому не показывать, какой ты на самом деле.

С этими словами он побежал вслед за вампирами, стараясь наделать как можно больше шума. Темные вихри моей энергии устремились за ним. Вампиры не понимали, что происходит, но пришли в возбуждение, предвкушая драку, которую Приткин явно собрался им устроить. И это меня он называл ненормальной!

Я побежала обратно в театр. Билли прятался за билетной кассой, и я одобрительно кивнула. Лучше пусть сидит там, чем таскается за мной или Приткиным.

Я начала искать Майру. Только один из троих находившихся в здании был человеком. Я слышала ровное биение сердца, ощущала во рту густой сладковатый привкус. Вампиров не интересуют такие пустяки, как пульс, но я его чувствовала. Даже на расстоянии острый нюх Августы мог обнаружить запах сосновой смолы.

Обойдя сцену, я подошла к ней с задней стороны. Здесь было полно крошечных комнаток и коридоров, упирившихся в тупик, повсюду валялись горы реквизита. Выбравшись из зарослей нарисованных деревьев, я очутилась за кулисами. В театре было совсем темно, так что человек с его зрением ничего бы не увидел. Я же разглядела какой-то сундук, два флага и несколько тупых копий — очевидно, их приготовили для спектакля. Биение человеческого сердца стало значительно тише — значит, человек находился где-то далеко от меня.

Свою цель я обнаружила в одной из комнат за сценой, куда вела маленькая запыленная лестница, заставленная рыцарскими доспехами. Проходя мимо рыцарей, я не сводила с них глаз, но ни один не шевельнулся. Первая комната служила столовой: там стоял сверкающий полированный стол, от которого исходил сильный запах воска. И стол, и панели на стенах, и потолочные балки были сделаны из дуба. На стенах висели портреты, был здесь и отделанный камнем камин. Прекрасное местечко для вампиров, только ни одного вампира в комнате не было.

В камине догорали поленья, на столе стояли графин и два бокала с недопитым вином — значит, совсем недавно здесь кто-то был. Привлеченная запахом, я заглянула в соседнюю комнату и нашла там человека. Но это была не Майра.

Я увидела высокого тучного парня с темными волосами и, как ни странно, ярко-рыжей бородой. На нем была светлая рубашка, расстегнутая до самого живота. В руке парень держал свечу; я сразу узнала этот запах: горелая плоть. По всей видимости, парень занимался тем, что пламенем свечи жег себе грудь и живот, которые уже приобрели багрово-красный оттенок, а кое-где даже покрылись пузырями. Парень тихо плакал; слезы скатывались по его бороде и капали на живот, но своего занятия он не прекращал.

Рванувшись вперед, я выбила свечу из его рук. Она покатилась по полу и погасла. Тупо проводив ее глазами, парень пошарил на полке, достал еще одну свечу и собрался зажечь, но я вырвала и ее. Я заглянула ему в глаза; в них не отражалось ни одной мысли. Очевидно, только что ему сообщили что-то очень страшное. Я хлопнула парня по щеке, он не отреагировал. Я попыталась заставить его взглянуть мне в глаза, но не смогла поймать его блуждающий взгляд. Вампирам трудно воздействовать на тех, кто сильно пьян или страдает психическим заболеванием. То же самое касается и людей, находящихся в состоянии аффекта.

В конце концов я привлекла к себе внимание парня тем, что бросила в мусорное ведро все свечи и спички и не позволила их забрать. Он остановил на мне взгляд и поморщился, как от сильной боли. Наверное, в скором времени ему предстояло страдать и мучиться, но сейчас ему было просто нехорошо.

— Где Майра? — спросила я. Парень посмотрел на меня так, словно перестал понимать по-английски. — Ты не видел здесь девушку ниже меня ростом и с глазами такими... странными?

— Хозяин отправился на дуэль с господином Мирчей, — печально сообщил мне парень. Я повторила вопрос, но парень меня не слушал. Его мучила только одна мысль.

— Где будет проходить дуэль?

Нужно было скорее найти Мирчу, а Майра меня и сама найдет.

— На сцене.

— Я только что оттуда — там никого нет.

— Они пошли в покои Дракулы за оружием.

Лицо парня сморщилось; наверное, его больше беспокоила боль от ожогов, чем судьба хозяина. Я никогда раньше не встречала печально известного младшего брата Мирчи, да и не стремилась к этому. А вот дуэль меня по-настоящему беспокоила. Разве можно тратить на это время, когда за ними гоняется половина Сената!

— Из-за чего они решили драться?

— Если победит мой хозяин, его освободят, в этом поклялся его брат. Но если выиграет господи и Мирча, мой хозяин потеряет свободу навсегда.

Сказав это, парень горько разрыдался. Я вздохнула. Так и знала. Разумеется, Дракула не собирался отправляться в тюрьму или сумасшедший дом, куда его намеревался засадить Сенат. А когда он затеет дуэль со своим противником, Майра и ее новые дружки прихлопнут их обоих.

Я повернула парня лицом к себе.

— Зачем ты себя поджигашь?

— Так велел господин Дракула. Это наказание за то, что я его выдал господину Мирче. Он пришел сюда час назад, и я ничего не собирался ему говорить, а потом вдруг взял и сказал.

— Мирча умеет разговорить любого.

— Мой хозяин был очень добр, что не убил меня.

В его глазах читалось такое искреннее обожание, что я не решилась сказать ему, что его хозяин — чудовище.

— Как тебя зовут?

— Абрахам Стокер, леди. Я заведую театром.

Я задумалась. Кажется, теперь все ясно.

— Уже поздно. Иди домой и займись своими ожогами, их нужно лечить. Если кто-нибудь спросит, скажи, что пролил на себя горячий соус.

Стокер кивнул, но вид у него был такой изнуренный, что я решила дать ему немного энергии; при этом мне пришлось сделать над собой колоссальное усилие, чтобы не притянуть его к себе и не впиться зубами в его шею. Находиться в теле вампира бывает небезопасно.

Стокер направился к двери, но внезапно остановился и начал медленно поворачивать голову, чтобы взглянуть на меня, при этом его тело оставалось абсолютно неподвижным. Еще немного — и он свернул бы себе шею.

— Скажите, если можете, кто вы? Дух? Почему вы так легко вошли в тело вампира-хозяина?

— Я велела тебе отправляться домой! — ответила я, внимательно глядя на него. Мне показался странным его голос — он стал более низким и перестал дрожать.

— А я велел ему оставаться здесь. По-моему, мы оба знаем, кто из нас сильнее.

У меня появилось нехорошее предчувствие.

— Кто ты?

— «Я — скопище пороков всевозможных»^[18].

— Что? — захлопав глазами, спросила я.

Он рассмеялся — весело и озорно.

— Как скоро вы меня забыли! Мы же встречались не далее как прошлой ночью!

— Прошлой ночью? — В голове забрезжили слабые воспоминания. — Постой. Ты дух, которого я видела на балу?

— С вашего позволения, леди, я инкуб. — Так вот оно что! Я видела много инкубов, но ни один из них не находился вне тела своего хозяина. — И позвольте — на правах вашего знакомого — спросить, что вы здесь делаете?

— Сначала ты скажи, что ты здесь делаешь.

Он вздохнул.

— Я бы предпочел не пользоваться этим телом дольше обычного. Мне это неприятно. Доверил хозяину свои планы, а он их разрушил, даже не удосужившись в них разобраться.

— Какие планы?

У меня начала уставать шея — разговаривать с человеком, глядя на него под таким странным углом, не слишком удобно.

— Те, что мы с вами должны обсудить.

— Послушай, у меня нет времени на болтовню! — Я хотела пройти к двери, но грузное тело загораживало мне дорогу. — Отойди.

Я могла бы отшвырнуть его одним ударом — Августа сильнее любого человека, но я боялась поранить тело Стокера. Сегодня ему и без того досталось.

— Не уйду. Между прочим, вчера я вам кое в чем помог. Вы не хотите меня отблагодарить?

— Каким образом?

Этот разговор начинал меня раздражать.

— Я хочу получить новое тело. То, что у меня сейчас, того и гляди, станет бесполезным.

Мне нужно здоровое молодое тело. Например, ваше.

Я попятилась.

— Ты не сможешь войти в вампира.

— Не смогу, но вы меня видели и без тела. Очень хорошо. Я буду говорить вам, что делать, и мы отведем этого беднягу домой, где его ждут мягкая постель и его сварливая женушка.

— Мне некогда помогать тебе. У меня своих дел полно.

Дух улыбнулся.

— Да. Если я не ошибаюсь, вы хотите помочь господину Мирче спасти от тюрьмы его злосчастного брата и освободить Европу от того ужаса, который на нее обрушился? — Он рассмеялся, и от этого смеха я покрылась мурашками. — Я видел вас с Мирчей на балу. Я вижу его знак.

Он замолчал и прислушался. Я тоже услышала эти звуки — звон стали о сталь. Этого еще не доставало — чтобы Дракула убил Мирчу до того, как это сделает Майра! Я рванулась к двери, но дух схватил меня за руку.

— Скажите, я прав? Затем вы сюда и пришли — чтобы спасти его?

Я грубо оттолкнула его в сторону, уже не заботясь о том, что рука Стокера со всей силы ударилась о стену.

— Да! А теперь — прочь с дороги!

До сцены я добежала за рекордное время. Там сражались на мечах две фигуры, сражались жестоко и яростно. Вокруг них клубилась, шипела и искрилась энергия; искры летели от скрежывающихся мечей, от бушующей энергии. Я взглянула на Мирчу: на его белой рубашке не было ни одного пятна крови. Заколку он потерял, и его длинные волосы взметались в такт движениям, когда он с удивительным изяществом парировал сложнейшие удары. Я отвернулась, пытаясь сконцентрировать энергию. Когда я опять перевела взгляд на дуэлянтов, то получила возможность впервые увидеть легендарного младшего брата Мирчи.

Обычно при виде вампира у меня начинает слегка покалывать позвоночник, однако на этот раз я ничего не ощутила. Не знаю, почему так произошло — то ли потому, что я находилась в теле Августы, то ли потому, что мой мозг был занят другим. От Дракулы исходило ощущение чего-то необычного, странного. словно опасность внезапно приобрела материальную форму и превратилась в красный туман, в капельки крови, повисшие в воздухе. Лицо Дракулы было смертельно-бледным, зеленые глаза сверкали как изумруды. Инстинкт Августы просил, умолял меня бежать, но я осталась на месте.

Два вампира сражались молча и яростно; я бы даже сказала, что в их движениях чувствовалась поэзия, только очень жестокая и смертельно опасная. Даже обладая чувствами Августы, я не могла уследить за градом ударов, которыми обменивались дуэлянты. Звон клинков эхом раздавался под сводами театра, словно автоматные очереди; стоило мне всего лишь моргнуть, а вампиры уже находились в другом конце сцены.

Вцепившись в занавес, я с ужасом смотрела, как Мирча припал к земле, чтобы избежать страшного удара мечом, а в следующий момент сам сделал выпад саблей, целясь в ноги противника, но Дракула одним прыжком отскочил в сторону. Не успел он приземлиться, как Мирча уже вскочил на ноги, и поединок возобновился.

— «Дотлевой, огарок! Жизнь — это только тень, комедиант, паясничавший полчаса на сцене и тут же позабытый»^[19].

Я так увлеклась поединком, что не услышала, как сзади тихо подошел Стокер.

— Что тебе нужно?

— Я уже говорил вам, леди. Ваша помощь.

— Я занята! — огрызнулась я.

В это время Дракула взвился в воздух и перелетел через Мирчу, на лету собираясь снести ему голову, и если бы Мирча вовремя не увернулся, схватка была бы уже закончена.

— Это и есть твой план — стоять и смотреть, как они убивают друг друга?

Клинок Дракулы задел Мирчу по руке, и его плечо и грудь мгновенно окрасились кровью. Мирча считался неплохим дуэлянтом, но мне казалось, что брат превосходит его ловкостью и быстротой движений. Не знаю, почему Мирча замешкался на долю секунды — возможно, сказывалось ранение, нанесенное ему Дмитрием. Но рано или поздно дуэль закончится, и если Мирча проиграет, Влад вряд ли добровольно отправится в тюрьму.

— Кто бы мог подумать, — ласково прошептал мне в ухо инкуб, — что в старике окажется столько крови?

Тени вампиров металась по стенам, то исчезая, то появляясь вновь. Внезапно я поняла, что уже видела эту кровавую сцену, в которой Мирча погибал ужасной смертью. Судорожно сглотнув, я обернулась к инкубу:

— Так какой у тебя план?

В ответ он протянул мне знакомый ящичек, и я радостно его схватила. Ну конечно! А я-то думала, как справиться с Майрой. Ведь свой заветный черный ящичек я забыла в рюкзаке Мака, а он остался в Стране эльфов. Возможно, Майра и была готова на все, но мне не хотелось брать на себя еще одну смерть. Даже ее.

— Слушай, зачем тебе все это нужно? — спросила я духа.

— Затем, зачем и вам. Мне кажется, между нами вообще много общего. Мы обе испытываем тягу к опасным созданиям.

— Ты что, любовница Дракулы?

Похоже, одно Стокер все же понял. Только в его романе присутствовал суккуб. Дань морали девятнадцатого века, так сказать.

— Я много лет ждал, когда освободят моего хозяина, — сказал дух, — но если его убьют, плохо будет нам обоим. Сенат уже знает, что он здесь; я целую ночь потратил на то, чтобы замести следы, но я знаю — это ненадолго. Они идут по нашим следам. Мой хозяин считает, что лучше умереть, чем попасть в тюрьму, а у меня на этот счет другое мнение.

— Так вот почему ты помог мне на балу! Ты хотел, чтобы Мирча остался жив и отправил Дракулу в тюрьму.

Дух взглянул на меня.

— Пусть через год, пусть через десять лет, но я все равно освобожу своего господина. Пока он жив, у меня есть надежда.

— Значит, ты хочешь, чтобы его посадили в тюрьму? Он тебя за это не поблагодарит.

— Возможно. А возможно, и нет. Вам-то какая разница?

Никакой. И когда Дракула окажется вне опасности, то и Мирче уже ничто не будет угрожать. Я протянула духу ящичек.

— Ладно, скажи, как это работает.

Через пару минут я крадучись пробиралась за сценой с ящичком в кармане и сомнением

в душе. Если инкуб меня обманул, у меня будут большие неприятности; если же нет, то хотя бы одна проблема будет решена. Но... как всегда, проблемы валились на меня одна за другой.

Майра появилась возле дуэлянтов так внезапно, что едва не попала им под ноги; к счастью, в этот момент они меняли позицию. Дракула сделал выпад, Мирча отпрыгнул и за что-то запнулся, однако в тот же миг обернулся навстречу опасности. Он не успел пронзить Майру шпагой — внезапно сверху мелькнула черная тень, которая свалилась бы ему прямо на спину, не будь у вампира мгновенной реакции.

— Приткин!

Маг заметил меня.

— Они идут сюда!

Вот черт.

Я оглянулась, но вампиры пока не появились. Между тем Приткин находился в полном боевом вооружении, включая магическую защиту. Наконец-то я увидела творение Мага в действии. Меч, которым Приткин размахивал над головой, был точной копией того, что был вытатуирован у него на бедре. Один взмах — и Дракула отлетел на десять футов; не подставь он вовремя свой клинок, Приткин разрубил бы его пополам.

И вот уже Мирча и Дракула, забыв о дуэли, сражаются бок о бок, чтобы отразить новую опасность. К счастью, вампиры смотрели только на мага и его летающее оружие, поэтому не обратили внимания на меня. При этом они, к сожалению, забыли о Майре, которая подбиралась к ним сзади, сжимая что-то в руках. Я схватила ее в тот момент, когда она размахнулась и бросила шар. Внезапно по мне словно прокатилась волна. Ах вот оно что. Оказывается, наша малютка Майра раздобыла нулевую бомбу.

Мы покатались по полу, запутавшись в пышных юбках Августы; Майра истошно вопила, я чертыхалась. Выяснилось, что в другой руке она держала еще один шар, только черный и размером с мяч для софтбола. Я не знала, что это такое, но не испугалась, зная, что сейчас он не сработает, а потому не обратила на него внимания. Майра с яростным визгом вцепилась мне в лицо; еще немного — и Августа вошла бы в вечность с очень некрасивой повязкой на глазу. Я увернулась в последнюю секунду, хотя на моей щеке все же остались кровавые полосы, к тому же очень болезненные. Вот зараза!

— Слушай, подружка, — сказала я, быстро прочищая глаза от попавших в них капель крови, — прости, но сегодня мы не сможем перепихнуться.

Глаза Майры расширились, но в следующую секунду загорелись дикой ненавистью.

— Ты!

Вне себя от бешенства, Майра потянулась к моему горлу, скрючив пальцы с длинными ногтями. Будучи сильнее, я схватила ее за руки и вывернула их за спину; в ответ послышалось сдавленное рычание, и Майра что было мочи пнула меня по ноге.

Тогда я двинула ей с такой силой, что она на минуту вырубилась; за это время я успела перевести дух и проверить, как идут дела у вампиров и мага. К этому времени магический меч исчез, на полу валялось несколько летающих кинжалов — сказывалось действие нулевой бомбы. Вампиры перешли к другой тактике — специально подставляли свое тело, чтобы противник как можно глубже вонзил в него оружие, вытащить которое было уже невозможно. Оба брата превратились в кровавое месиво, но были живы. Чего нельзя было сказать о Приткине. В руке он держал пистолет, но против вампиров-хозяев первого уровня пули были бессильны.

Внезапно на сцене появился Билли — в моем теле, но со своей обычной развязностью. Он уставился на Майру, Майра — на него; потом она рассмеялась. В следующую секунду я поняла почему: вверху, на потолочных балках, внезапно появились вампиры. Они лезли отовсюду — с потолка, из окон, из дверей. Бог мой, их были сотни! Я застыла, в то время как голос Августы сказал мне, что я и так знала. Мы оказались по уши в дерьме.

Прямо передо мной, легко спрыгнув с потолочной балки, появился вампир. Не успела я и глазом моргнуть, как Билли что-то вытащил из кармана и бросил мне. В воздухе блеснула золотая вещица, и все сразу изменилось.

Взмахнув широкими крыльями, на нас спикировал золотой орел Мака; его серые перья темнели на фоне стен, глаза сверкали, как прежде. Миг — и вампир куда-то исчез. Короткий вопль, глухой удар, и он появился передо мной вновь... с разорванным горлом. Это был вампир-хозяин, поэтому он был жив, но сражаться дальше уже не мог.

Вампиры атаковали нас дружно, единым строем, в мгновение ока заполнив все пространство сцены, но тут Билли подбросил в воздух оставшиеся золотые фигурки, и к вампирам бросились шипящие, рычащие и завывающие звери. По залу пролетел крошечный торнадо, на ходу подхватив множество вампиров и расшвыряв их в разные стороны. Змея размером с анаконду схватила еще одного вампира, обвилась вокруг него, после чего швырнула бесчувственное тело в оркестровую яму. На другого вампира прыгнул огромный волк и принялся рвать его зубами, в то время как паук размером с «фольксваген» обматывал крепкой паутиной третьего вампира, подвесив его к потолочной балке.

В это время Майра окончательно пришла в себя и попыталась покончить со мной, проткнув меня бутафорской пикой. Меня спасла Августа — к счастью, она носила корсет из китового уса, и я отделалась лишь синяком под ребром, а Майра так и застыла с пикой в руке.

— Я уже стала пифией! — сказала я, отбирая у нее пику. — Тебе ничего не изменить!

Майра рассмеялась.

— Я уже убила одну пифию, — сказала она. — Что мне стоит покончить еще с одной?

— Ты убила Агнес? — От удивления я чуть не разжала руки. То, что она способна на убийство, меня не удивило, но как же священная неприкосновенность пифии? — В таком случае зачем тебе я? Если я погибну, ты все равно не станешь пифией!

— Скажите, пожалуйста, какие мы умные! Так вот учти: из каждой проблемы есть выход. — Она взглянула на сражающихся. — Увидим, что можно изменить, а что — нет.

Только тут я заметила, что в моих юбках запутался черный шар, но не успела я его схватить, как Майра поддала его ногой, и шар покатился по полу. Разъярившись, я схватила ее за волосы; наверное, ей было больно, но на ее лице расплылось блаженное выражение — улыбаясь, Майра провожала глазами черный шар, словно в нем воплотились все ее мечты. Быстро прикинув, что все ее мечты касались в основном чьей-нибудь смерти, и то, что ее ближайшим дружкой был Распутин, я пришла к выводу, что лучше всего будет остановить шар.

Все происходило в точности как в моем видении: окровавленная Майра боролась за свою жизнь, кто-то, стоящий в тени, бросал ей оружие. Зная, что сейчас произойдет, я, удерживая извивающуюся Майру, медленно продвигалась к шару. Наконец, поняв, что времени у меня почти не осталось, я оттолкнула Майру в сторону и бросилась к шару.

Мне оставалось пройти не больше двух шагов, когда она вцепилась в меня сзади; я словно отбивалась от бешеного осьминога — куда бы ни повернулась, везде натыкалась на

ее руки. Настоящая Августа просто схватила бы Майру, сунула ее под мышку и побежала дальше или стукнула бы ее по голове, однако на первое у меня уже не оставалось времени, а что касается второго... я боялась не рассчитать и пробить Майре череп.

То шагом, то ползком я медленно приближалась к шару. Время уходило! Краем глаза заметив рядом бледное голубое свечение, я уже не колебалась.

— Она хочет взорвать театр! — завопила я, показывая на Майру.

Та взглянула на меня, как на сумасшедшую, но призраки театра меня услышали. Лицо дамы, которая до этого момента с отвращением взирала на побоище, происходившее на ее обожаемой сцене, перекопилось — призрак увидел, на кого теперь можно излить гнев. Отшвырнув отрубленную голову, отчего та сразу потеряла свою веселость, дама ринулась на Майру. Когда они столкнулись, Майра завизжала и забилась в конвульсиях, и я оттолкнула ее в сторону. В следующую секунду возле меня взметнулся бело-голубой вихрь.

Призраки не просто набросились на Майру, чтобы ее поугагать, нет, они ринулись в бой, чтобы излить все накопившееся за долгие века раздражение. Обычно живой человек сильнее призрака, но их было двое против одного, кроме того, они находились на своей территории, принадлежавшей нескольким поколениям их предков, что давало им новый импульс, действуя на манер дополнительной батарейки. Майре следовало это знать. Когда призраки повторили атаку, она завизжала — то ли от страха, то ли от ярости — и исчезла.

Я бросилась к шару, но у меня на пути оказался вампир. Я метнула в него бутафорское копьё Майры, просто так, ни на что особенно не надеясь. Копьё вонзилось ему в грудь.

И в этот самый момент откуда-то сбоку появился бледный, дрожащий Стокер и нетвердой походкой направился к шару. Он не успел его поднять. Шар подкатился к ногам двух магов, они в этот момент отражали яростную атаку вампиров-сенаторов, и кто-то пнул его ногой, чтобы не мешал. Увидев дикий ужас в глазах Стокера, я рванулась вперед.

Я успела как раз вовремя — чтобы получить сильнейший удар от мешка с песком, который в это время свалился с потолочной балки. Четыре таких мешка — подвешенные на веревки — раскачивались среди дерущихся. Вампиры ловко уклонялись от ударов — кроме одного, который не успел увернуться. Мешок весил фунтов пятьдесят, к тому же сильно раскачался, поэтому, когда я его заметила, было уже поздно. От удара я покатила по полу и проехала на спине несколько ярдов.

— Дислокатор! — крикнул Стокер и упал, к сожалению, на живот, после чего, не имея сил подняться, принялся визжать, повторяя и повторяя это слово.

Я медленно встала; дуэлянты прервали бой и взглянули на шар у себя под ногами. Все замерли. В следующую секунду сенаторы ринулись вон из театра, Мирча подхватил Билли и вместе с ним взлетел под потолок, а Дракула поднял с пола Стокера и побежал к нам. Схватив меня за талию, Приткин прыгнул со сцены; мы приземлились в оркестровой яме, маг прикрыл меня собой и потому принял на себя главный удар.

Взрывом его отбросило далеко в сторону, у меня лязгнули зубы, и в следующий момент со сцены на нас обрушилась огромная волна энергии. Вероятно, бомба наткнулась на кого-то из вампиров и взорвалась рядом с ним; думаю, что тому вампиру было уже не подняться. Взрыв черной бомбы не имел ничего общего со взрывом нулевой; все стало ясно: черная бомба — далеко не оборонительное оружие.

Приподняв голову, я обнаружила, что лежу нос к носу с Дракулой. Увидев меня, он почему-то обрадовался, а в следующую секунду из моей груди, где-то между третьим и четвертым ребрами, торчала рукоять ножа. Я почувствовала боль, но совсем не такую, как

ожидала. Это была не острая боль, да и крови почти не было. Наверное, это объяснялось тем, что Августа давно не ела, или тем, что этот гад, целясь мне в сердце, немного промахнулся.

Зачем Владу понадобилось убивать Августу? За то, что она помогала Мирче? Или потому, что он сошел с ума? Кто знает? Впрочем, размышлять мне было некогда — Влад уже вытаскивал из ножен длинный кинжал, намереваясь снести мне голову. Тот кинжал, которым он меня ударил, я узнала. Это был клинок Приткина — очевидно, вампир вытащил его из своего собственного тела. Этот же явно был семейной реликвией — тяжелая инкрустированная рукоять, тонкое блестящее лезвие. Жаль, что Владу не придется увидеть такое великолепное оружие в действии.

— Билли! — изо всех сил крикнула я. — Похоже, сейчас у тебя появится компания! Спускайся вниз.

— Ты мне надоела. От тебя одни неприятности, — говорил Дракула, в то время как мое тело медленно подползало к нему. — Ничего, сейчас я с тобой рассчитаюсь.

— Сомневаюсь, — ответила я и вышла из тела Августы, бросив его на произвол судьбы.

Через секунду я уже бежала по сцене. Подбежав к краю, я собралась прыгнуть, но Билли что-то заорал, и я остановилась, не упустив возможности полюбоваться на первую встречу господина Дракулы с сенатором Августой. Будь у Дракулы хоть один шанс, он снес бы ей голову, и дело с концом, но такого шанса у него не было, и вампирша получила возможность продемонстрировать, каким образом ей удалось добиться места в Сенате. Там, где ей не хватало знания тактики и стратегии, она брала жестокостью и практичностью. Выдернув нож из своей груди, она немедленно вонзила его в грудь Дракулы, пока тот еще только готовился нанести смертельный удар.

В отличие от него вампирша умела бить без промаха.

Я увидела лицо Дракулы, когда в его сердце вошел нож, услышала стук металла о дерево, когда нож упал на пол. Он вошел в тело вампира глубоко, как булавка в брюшко жука. После этого Августа одним рывком оторвала ручку ближайшего кресла, превратив ее в опаснейшее оружие. Металлический предмет вампиру не страшен, зато острая деревянная палка для него смертельно опасна. Августа бросила на меня косой взгляд, словно прикидывая, собираюсь я вмешиваться или нет. Я не двигалась и смотрела на нее. Одного брата Мирчи я уже спасла, зачем увеличивать его долг?

Августа взмахнула рукой... и деревянная палка с громким стуком вонзилась в пол. По театру пролетело эхо. Дракула исчез. Мы с Августой застыли, изумленно озираясь по сторонам, но тут я заметила Стокера, который сжимал в руке маленький черный ящичек. Заметив мой взгляд, он слабо улыбнулся, закачался и рухнул на пол. Из его груди поднялся дух-инкуб с тем самодовольным видом, какой бывает у всех бесплотных духов.

Августа схватила ящик, но, увидев, как изменилось лицо духа, остановилась. Затем бросила взгляд на меня... и тут, видимо, сказались ее практичность. Вампирша уронила ящик на пол и бросилась бежать.

Я оглянулась по сторонам. Вампиры исчезли. Странное дело — если не считать отломанной ручки кресла и нескольких кровавых пятен на сцене, в зале ничего не изменилось, словно там никого и не было. И все же мне казалось, будто я что-то потеряла.

— А где наши золотые фигурки? — спросила я Билли.

Он медленно и неохотно выплыл из моего тела. Оглянувшись по сторонам, но призраков театра нигде не было видно. Очевидно, они отдыхали и набирались сил, потратив уйму энергии на Майру.

— Уничтожены. Их разрушил дислокатор.

— Уничтожены? Все?

— Они бы все равно не сохранились, Кэсс. Это же не наступательное оружие. Их создали для защиты, а не для нападения. Ты видела процесс саморазрушения.

Я вспомнила об орле, который совершил последний в своей жизни полет, и у меня сжалось сердце.

— Кэсси! — резко, как удар, прозвучал голос Билли. — Не надо... не сейчас! У нас нет защиты, а вампиры могут вернуться в любую минуту. Нам нужно уходить.

Я поискала глазами Майру, но без зрения Августы это было уже бесполезно. Убить ее призраки не могли. Чтобы высосать жизнь из здорового человека, требуется далеко не один призрак, а их было-то всего полтора. Кроме того, мне всегда не везло. Я быстро сконцентрировалась, чтобы вернуться в свое время до того, как Майра совершит свой великолепный выход, но, увидев вторую бомбу, остановилась. Я уже видела, на что способен дислокатор; как-то не хотелось испытывать его на себе.

Спрыгнув со сцены — далеко не так грациозно, как Августа, — я подняла с пола черный ящик. Его вес ничуть не изменился. Я потрясла ящик, но дух лишь улыбнулся. С налитыми кровью глазами и оскаленными клыками он выглядел довольно странно.

— Он там, уверяю вас.

— А теперь что? — спросила я, увидев, что его черты начинают расплываться.

— Я буду ждать, — серьезно и торжественно произнес он.

Что ж, для бессмертного несколько десятков лет — это очень мало.

Приткин приоткрыл глаза.

— Майра сбежала, — сообщила я, прежде чем он заговорил. Маг кивнул, но ничего не сказал. — Ты не видел Мирчу? — спросила я своего нового союзника.

Я была уверена, что вампир выжил, но все-таки хотела услышать это от кого-то другого.

— Я думаю, с ним все в порядке, — ответил призрак и начал бледнеть, но я жестом задержала его.

— Спасибо за помощь. Я знаю, ты это сделал не ради меня, но все равно спасибо. — Тут я кое-что вспомнила. — Постой, я ведь даже не знаю, как тебя зовут. Я — Кэсси Палмер.

Призрак стал бледно-розовым.

— До сих пор очень немногие интересовались моим именем, — довольным голосом произнес он. — У меня было много имен. Я их все время менял, в зависимости от того, в чьем теле находился. В Ирландии меня звали Эйлинг, в Индии — Сапна, во Франции — Эме. Называй меня как хочешь, Кэсси.

Призрак начал темнеть, став уже густо-розовым. Наверное, это был добрый знак, раз он вновь принялся цитировать Шекспира:

— «Когда при молниях, под гром мы в дождь сойдемся вновь втроем? — Как только завершится бой победой стороны одной»^[20].

После этого он опять начал бледнеть, и на этот раз я его не задерживала.

Ухватившись за край оркестровой ямы, Приткин влез на сцену. Потом перегнулся через край и протянул мне руку, но я сделала вид, что не замечаю ее. Отчего-то мне было беспокойно. Словно кто-то протянул мне кусочек пазла и я понятия не имела, куда его воткнуть.

— Ты не ранена? — долетел до меня голос Приткина.

— Нет. — Я все-таки решила принять его помощь и тоже взобралась на сцену.

И тут же из ямы слышались душераздирающие вопли. Стокер пришел в себя, но теперь, когда в нем не было инкуба, раненое тело дало о себе знать в полную силу. Боль от ожогов — это адские муки, и Стокер вопил как резаный. Приткин спрыгнул обратно в яму, но крики не утихали.

Я уже хотела последовать за ним, когда внезапно у меня перед глазами возникло видение и низкий бархатистый голос тихо произнес:

— Здравствуй, ходячее беспокойство.

Я не ответила, потому что едва не задохнулась от счастья. Значит, он жив, с ним все в порядке. Я приготовилась к боли — сейчас начнет действовать гейс, но ничего не происходило. Меня обдавали теплые волны, я заходила от восторга, потому что он был рядом, но... при этом не происходило ничего необычного. Ну конечно, я и забыла — мы находились в прошлом и у этого монстра еще даже не выросли зубы.

Но ничего, скоро вырастут. Еще какие.

Я схватила ящичек. Точно такой, как у меня.

— Что это?

Темные глаза сверкнули.

— Я предлагаю тебе сделку.

Стокер, который только что извивался от боли, внезапно вылез из оркестровой ямы и медленно пошел по главному проходу к выходу из зала. Приткин зачем-то последовал за ним. Может быть, Мирча стер его память? Но зачем? Когда через много лет Приткин опишет свои приключения, у него получится прекрасный роман.

— Поторопись, — сказала я; Приткин лишь махнул рукой и скрылся в вестибюле.

Мирча улыбнулся; он был весь перепачкан кровью — с ног до головы.

— Ты что же, не собираешься преследовать ту юную чертовку, с которой затеяла войну?

— Что? — спросила я, с изумлением глядя на ящик, и тут до меня дошло, кто в нем находится.

Нет. Ни за что. Я так стремилась отыскать Майру, а теперь ее хотят бросить мне прямо на колени? Или, вернее, помахать ею у меня перед носом? Бред какой-то.

— В эту ловушку я хотел посадить моего брата, — сказал Мирча. — Но когда увидел, что его уже поймали, то решил использовать ящик для другой цели. Та молодая... женщина... совершила ошибку, когда побежала на балкон, чтобы оттуда полюбоваться на действие бомбы. Там я ее и нашел.

Поставив ящик с Майрой перед собой, Мирча положил руку на ящик с Дракулой.

— Сенаторы скоро вернутся, — сказала я, не в силах отвести взгляд от черного ящика, в котором находилась моя соперница. Не знаю почему, но у меня звенело в ушах. — Они все равно его убьют.

— Кого? — спросил Мирча. — Только не брата. Увы, но он погиб во время взрыва.

— Они найдут его по запаху.

— В ящике не найдут, — уверенно заявил Мирча.

Что ж, вполне возможно, что осматривать еще и ящики им просто не придет в голову. Им нужен Дракула, зачем им какие-то ящики?

— Почему ты плачешь? — спросил Мирча и мягко провел рукой по моей щеке, вытирая слезы. Его прикосновение было ласковым и совсем невинным, однако гейс сразу проснулся. У меня перехватило дыхание; глаза Мирчи расширились.

Я отвела его руку.

— Пожалуйста... не надо.

Физической боли я не ощущала, меня мучила эмоциональная боль, и очень сильная.

Мирча вопросительно взглянул на меня, но я не стала ему ничего объяснять. К моему большому удивлению, он меня послушался.

— Если я не ошибаюсь, ты победила, — сказал он. — Но когда побеждают, то смеются, а не плачут.

— Эта победа досталась мне слишком большой ценой. Слишком.

— Так всегда и бывает.

Что-то поползло у меня по руке; я вздрогнула и взглянула вниз. По руке, дрожа от страха, ползла маленькая зеленая ящерка. Взглянув на меня большими черными глазами, она юркнула мне под локоть. Мирча рассмеялся.

— Откуда она взялась?

Это была одна из магических фигурок Мака, я ее узнала.

— Наверное, где-то пряталась, Кэсс, — буркнул Билли. — Кажется, она успела перебраться на меня, когда я подбросил в воздух остальные фигурки. Выходит, что-то мы все-таки сохранили.

Хвост ящерики щекотал мне руку, но я не согнала ее. Пусть сидит. Давным-давно я уяснила одну вещь: лучше хоть что-то, чем совсем ничего.

Приткин широко распахнул двери зала и взвалил на плечо шестифутовую оболочку Стокера, я подхватила ящичек с Майрой, а Мирча взял ящичек, в котором сидел его брат. Насколько я помнила, так и должно было случиться. Потом Мирча потихоньку унесет ящик домой и пустит слух, что брат был убит сенаторами. Во всяком случае, вмешиваться в его дела я не собиралась; Приткин, по-видимому, тоже. Он говорил, что не хочет, чтобы Майра становилась пифией; после того, что она натворила в театре, я думаю, он только укрепился в своем мнении. Но я по-прежнему ему не доверяла. Слишком много таинственного окружало этого человека — мага Джона Приткина.

Я сунула ящичек с Майрой в карман своей пышной юбки — с глаз долой. Мирча это заметил, но промолчал. Подойдя к Приткину, он взял у него бесчувственного Стокера и так легко взвалил себе на плечо, словно тот ничего не весил.

— Да, еще кое-что, — сказал Мирча, опустил Стокера на пол и что-то вытащил из кармана. Подойдя ко мне, он наклонился и надел мне на ногу...

— Это же моя туфелька!

Да, это была она, моя атласная туфелька за четырнадцать долларов девяносто девять центов.

— Ты потеряла ее при нашей первой встрече, когда куда-то заторопилась. Что-то мне подсказывало, что я смогу ее тебе вернуть. — Наши глаза встретились, и Мирча весело улыбнулся — У тебя чудесное платье, но, честно говоря, мне нравится другой твой наряд. Вернее, его отсутствие.

Я хмыкнула и сняла туфлю с ноги. При моей жизни следовало бы носить военные сапоги, а не туфли на каблуках. Кроме того, за нашей Золушкой бегал не принц, а круг, Сенат и темные эльфы. И вряд ли ее ожидала долгая и счастливая жизнь. Стараясь не прикасаться к Мирче, я протянула ему туфлю.

— Пусть она будет у тебя.

Он удивленно взглянул на меня.

— Что мне с ней делать?

— Не знаю. Вдруг пригодится? — пожав плечами, ответила я.

Внимательно взглянув мне в лицо, Мирча протянул ко мне руку, но я сделала шаг назад, и он нахмурился.

— Значит, можно считать, что мы еще встретимся?

Я не знала, что ему ответить. Мы встретимся, и он совершит ошибку, и с нами случится то, что случилось. Увижу ли я его в будущем — это уже другая история. Если я так и не смогу избавиться от гейса, то встречаться с Мирчей ни за что не стану. От этой мысли в животе сразу образовался какой-то тяжелый ком. Мне так захотелось попросить Мирчу не ставить на мне свое клеймо-гейс, что я даже закусила губу. Я ненавидела этот гейс. Из-за него со мной произошло то, что произошло. Правда, в юности он спасал меня от нежелательных связей, помогал Мирче находить меня, убедил Тони привести меня на заседание Сената. Если бы не гейс, кто знает, какой была бы моя жизнь?

Немного подумав, я сухо ответила:

— Кто знает? Может, и встретимся.

Мирча кивнул, вновь подхватил на руки Стокера и отвесил мне изящный поклон; казалось, он даже не замечал, что держит в руках двухсотфунтового здоровяка.

— Я буду ждать этой встречи, маленькая ведьма, — сказал он.

— Я не ведьма.

Мирча улыбнулся.

— Я знаю, — сказал он и вышел из зала.

Провожая его взглядом, я стиснула зубы, чтобы не окликнуть.

— Какие у тебя интересные союзники, — заметил Приткин, забираясь ко мне на сцену. — Как тебе удалось склонить на свою сторону это существо? Все они ужасные эгоисты. — Думая, что маг говорит о Мирче, я собралась объяснить ему, что довольно глупо так отзываться о вампире, тем более хозяине первого уровня, но Приткин, заметив выражение моего лица, добавил: — Я имею в виду инкуба, его зовут Дрим^[21].

— Что? — изумленно спросила я.

— Ты не знала? Это у тебя что, привычка такая — принимать помощь от духов?

Билли засмеялся.

— Нет, — ответила я. — Это имя... как ты его назвал?

— Я сказал «дух».

— Нет, имя...

— Инкуба звали Дрим, — сказал Приткин и, заметив мой испуганный взгляд, нахмурился. — У них у всех такие имена — различные варианты одного и того же слова. А почему ты спрашиваешь?

Я не ответила, потому что в ушах у меня звучал голос с колоритным испанским акцентом. Да, он говорил, что его зовут Чавес, и объяснял, что означает его имя. Я легла на спину и стала смотреть в потолок. Стадив в тюрьме Сената три ящичка, я передала их этому расфуфыренному Чавесу, когда мы были на катке. Наверное, с моей стороны было слишком неосторожно надеяться, что ни в одном из них не сидит Дракула.

Трудно сказать — затеял ли инкуб свою игру или мне просто повезло, что он на время сделался моим шофером? Впрочем, какая теперь разница? В любом случае мне крышка. Вряд ли мои ящики попали к Казанове. А это означает, что, когда я вернусь в свое время, Дракула будет на свободе. По моей вине.

— Наконец-то! — раздался голос за моей спиной. Сначала я не обратила на него внимания, потому что составляла список неотложных дел, который получился каким-то уж слишком длинным, но вдруг насторожилась, уловив знакомые нотки. — Я думала, вампир никогда не уйдет! Ну вот, теперь можно довести дело до конца.

Медленно повернув голову, я увидела призрака юной брюнетки, он покачивался в

воздухе рядом со сценой. Я узнала эти большие голубые глаза и длинное белое платье. Это была та самая особа, сообщившая мне, что любит перемещаться в виде призрака, а не в своем естественном виде. В результате чего, судя по внешности, ей было не больше пятнадцати.

— Агнес. — Я почему-то даже не удивилась. А может, у меня просто не осталось сил удивляться. — Как ты сюда попала?

— Попросилась, я и подвез, — сердито буркнул Билли. — Велела скрыть от тебя, что сидела в твоём ожерелье, когда я туда забрался. Наверное, до этого пряталась в теле какой-нибудь звезды из казино, потом перебралась во Франсуазу, а от нее — к тебе.

— Зачем?

Билли пожал плечами.

— У меня не было времени спрашивать. Ничего, я ее должок все равно записал.

— А я и не отказываюсь, — с готовностью отозвалась Агнес и взглянула на меня. — Выпусти ее.

Это была не просьба, а приказ, и его требовалось немедленно исполнить.

Я даже не стала делать вид, что не понимаю, о чем идет речь.

— Значит, ты тоже преследовала Майру.

Агнес скрестила на груди прозрачные руки и нахмурилась.

— Когда меня убивают, это несколько раздражает, знаешь ли.

Я покачала головой.

— Она сама призналась в убийстве, только я так и не поняла, как она это сделала.

— Перед тем как исчезнуть, она вручила мне некий подарок, ставший для меня роковым. Чтобы он меня охранял, видите ли.

Агнес презрительно сжала губы.

— Знаю, медальон святого Себастьяна. В нем находился мышьяк; маги потом его открывали. Только я все равно не понимаю, почему он был так опасен. Ведь яд находился внутри!

— В медальоне была проделана маленькая дырочка. Майра хорошо знала мои привычки; она знала, что перед тем, как принять какое-нибудь питье, я погружаю в него свой талисман или амулет. Так поступала моя предшественница и умоляла меня делать так же, чтобы в один прекрасный день не получить вместе с питьем порцию яда. Разумеется, — добавила Агнес, подплывая ближе, — она советовала покупать продукты только в той лавке, которую сама мне укажет. Герофила была полной идиоткой.

— Герофила?

— Да, так звали вторую знаменитую прорицательницу, жившую в Дельфах. Она тоже была немного не в своем уме.

Вот тебе на. Выходит, меня называли в честь психопатки. И почему это меня несколько не удивляет?

— Но все-таки чего ради Майра хотела тебя убить? Если энергия не может перейти к убийце пифии...

— В прямом смысле слова она меня не убивала.

— Она подсунула тебе отравленный медальон! Это самое настоящее убийство.

— Но ведь не силой же она заставила меня его носить! — возразила Агнес. Увидев, что я хочу что-то сказать, она предостерегающе подняла руку. — Да-да, я знаю. Ее мог бы признать виновной любой суд, но наша энергия очень древняя, она зародилась еще в те времена, когда в судах главенствовали не свидетельства очевидцев и не здравый смысл.

Майра ведь не вонзала в меня меч и не била меня дубинкой по голове. Она даже не сыпала в вино яд — я это сделала сама. Так что с точки зрения энергии она невиновна.

— И что же ты намерена делать?

Не знаю, что имела в виду Агнес, говоря, что «дело можно довести до конца», но ее тон не сулил ничего хорошего.

— Я сказала, что энергия считает Майру невиновной, но не я. Эта сучка меня отравила. Иначе зачем, по-твоему, я сюда явилась?

— Что ты хочешь с ней сделать?

Интересно, что может сделать с человеком бесплотный дух?

— Выпусти ее, там посмотрим.

Внезапно мне пришло в голову, что у Агнес был шанс к спасению. Если бы она вошла в тело Майры, то смогла бы вернуться в прошлое и изменить ход событий. Оставалось надеяться, что она так не поступит, ибо остановить ее я бы не смогла. Хватит мне проблем с наследницей, куда мне возиться еще и с мстительной Агнес!

— Тебе не следует вмешиваться в ход времени, — медленно произнесла я, — особенно если учесть, что ты жизнь потратила на то, чтобы его охранять.

— Не учи меня, что мне делать! — огрызнулась Агнес.

С кем это ты разговариваешь? — спросил меня Приткин.

— Я вздохнула. Ну да, я забыла. Агнес находилась в образе духа, поэтому маг не видел ни ее, ни Билли.

— Если скажу, ты не поверишь, — ответила я.

— А ты попробуй, — сказал Приткин и вытер кровь, сочившуюся у него из раны над правой бровью. В результате кровь размазалась по всему лицу. Впечатление получилось такое, словно мага выкрасили красной краской. Ладно, пусть так и ходит.

— Тогда слушай. Здесь в виде призрака находится Агнес. Она пришла, чтобы отомстить за свою смерть. Теперь понятно?

— Да, — ответил маг и опустил на одно колено. — Госпожа Фемоноя, какая честь.

Я нахмурилась. Обязательно нужно подчеркивать, что я рангом ниже Агнес?

Однако она даже на него не взглянула.

— Майра отняла у меня жизнь, — со злой улыбкой сказала она. — И за это должна отдать мне свою.

— Так это и есть та сделка, которую ты заключила с Франсуазой? — спросила я, начиная кое о чем догадываться. — Чтобы забрать себе тело Майры? — Я прищурилась. — А Франсуаза на это согласна?

— Без моей помощи Франсуаза ни за что не выбралась бы из Страны эльфов, — ответила Агнес, игнорируя мой вопрос. — Более того, она могла бы там погибнуть! Благодаря мне мы обе остались живы. Да за это она должна мне несколько лет жизни!

— Она тебя об этом не просила.

— Вот как? А кто, по-твоему, подкинул тебе золотые фигурки, спасшие тебя? Твой призрак понятия не имел о том, как они действуют. Это я спасла тебя. И уже не в первый раз. Так что давай выпускай ее! — сказала Агнес, пристально глядя мне в лицо.

Я прижала ящичек к себе. Дело принимало серьезный оборот.

— А вдруг ты не сможешь ее удержать? Ты всегда переселялась в тела простых смертных, но Майра — не простая смертная. Да и с Франсуазой у тебя возникали проблемы. Откуда тебе знать, как поведет себя энергия Майры?

— Это не твое дело.

— Оно перестанет быть и твоим, если Майра от тебя сбежит. — Я тряхнула ящиком перед лицом Агнес. — Тебе известно, что мне пришлось пережить, чтобы добыть этот ящик? Майра хотела убить Мирчу, поэтому он не имел возможности меня охранять. Она едва не нарушила ход времени! Она меня чуть не убила! И после этого ты заявляешь, что это не мое дело! — Я уже почти кричала, но в тот момент мне было все равно.

— Выпусти ее, Кэсси, — угрожающим тоном произнесла Агнес.

— А что будет, если не выпущу? Ты сделаешь со мной то же, что с Франсуазой?

— Не говори глупости. В тебя я войти не могу.

— А в Майру можешь? И как ты собираешься ею управлять? — Я покачала головой. — Тебе не справиться с ней, Агнес, она очень сильна и опасна. Я засунула ее в ящик только потому, что мне повезло, просто повезло, и больше ничего. Нет, теперь я ее не выпущу.

Агнес вздохнула.

— Ну как ты не понимаешь... — начала она, и вдруг Приткин, ни слова не говоря, вырвал ящичек у меня из рук.

— Приткин, нет! — крикнула я и рванулась к нему, но в этот момент что-то ярко вспыхнуло — и передо мной появилась Майра.

Агнес не стала мешкать. Увидев свою ученицу, она немедленно атаковала ее магическую защиту. Послышались громкое шипение и треск — две энергии затеяли яростную драку, причем одна из них защищалась, вторая пыталась ее сломить.

— Ты понимаешь, что ты сделал? — онемевшими губами проговорила я, глядя на Приткина. — Агнес с ней не справится. Никогда.

— А это ей и не нужно, — ответил он, мрачно наблюдая за битвой.

Я не успела спросить, что он имеет в виду. Внезапно Майра громко вскрикнула, и Агнес исчезла, просочившись в узенькую щелку, которую смогла пробить в магической защите соперницы. Тело Майры содрогнулось, затем застыло. Внезапно я поняла, что, за исключением цвета волос и незначительных различий в чертах лица, эти женщины похожи как две капли воды. Одинаковые стройные фигурки, одинаковое, чуть детское выражение лица. Только в некогда мертвенно-бледных глазах Майры теперь светилась жизнь.

— У меня получилось! — с торжествующим видом воскликнула Агнес и улыбнулась, глядя на меня.

Я молчала. Все мои старания, все жертвы оказались напрасны. Возможно, сила Агнес и возросла, но это было не ее тело. Рано или поздно она потеряет над ним контроль, более того — достаточно доли секунды, и тогда...

— Ты с ума сошла, — сказала я.

Приткин шагнул к ней, но она вскинула руку.

— У тебя нет на это права, — спокойно сказала она.

Маг бросил на меня быстрый взгляд; его глаза сузились.

— Она не сможет, — сказал он.

— Она должна это сделать, — ответила Агнес. — Помни, ты дал клятву.

Приткин подошел ко мне и опустил на одно колено. Почувствовав, как к руке прикоснулось что-то холодное, я опустила глаза: в моей руке лежал нож.

— Быстрее, — сказал маг. — Один удар, постарайся попасть в сонную артерию.

— Что? — не веря своим ушам, пролепетала я.

— Майра сама приговорила себя, — ответил он. — Ты это слышала. По всем законам —

людей, магов, вампиров — за это полагается смерть.

Кусочки пазла начали складываться в единый рисунок. Мне не хотелось выяснять, какой именно.

— За этим я тебе и понадобилась? Ты знал, что так будет?

— Я поклялся, что всю свою жизнь буду охранять пифию и ее преемницу, — сказал Приткин. — Круг считал, что стоит ему отдать приказ, и я нарушу клятву, убью Майру, и тогда никто не сможет ничего доказать. Но когда я даю слово, я его держу. — Приткин печально улыбнулся. — Поэтому я так редко даю клятвы.

— Значит, я нужна была тебе вовсе не для того, чтобы не дать Майре сбежать, — с укором сказала я. — Ты хотел, чтобы я ее убила!

Выражение его лица не изменилось. Мы словно говорили о каких-то отвлеченных вещах — погоде, футболе...

— Если бы ради тебя мне понадобилось убить Майру, я бы это сделал, — спокойно сказал маг. — Но Агнес права. Только пифия способна держать в ежовых рукавицах свою преемницу.

— Мы говорим не о дисциплине! Майру не отошлешь спать, оставив без ужина. — Я взглянула на Агнес, ища у нее поддержки. — Речь идет о жизни и смерти!

Агнес равнодушно пожала плечами. В течение многих лет она воспитывала свою ученицу и, наверное, успела к ней привязаться, но сейчас на ее лице не было сожаления.

— Ты сама это сказала. Я не смогу с ней справиться.

— Если все пифии со временем становятся такими, то мне эта работа не нужна, — резко сказала я.

Голубые глаза внимательно взглянули на меня. В них стояла печаль.

— Но ты уже стала пифией.

Я почувствовала боль — незаметно для себя я схватилась рукой за острое лезвие ножа. Странно, но боль привела меня в чувство. Я энергично тряхнула головой.

— Нет. Мы найдем другой выход.

Агнес ласково взглянула на меня. Странно было видеть на лице Майры нежное и мягкое выражение.

— Другого выхода нет. Что ты собираешься с ней делать? Прятать в рукаве? Повсюду таскать с собой? В один прекрасный день она все равно сбежит. Я хорошо ее обучила. — Выражение лица Агнес стало резче. — Кроме того, наказание преступника — часть твоей работы. Таково правило.

— Не я устанавливала эти правила, — хрипло сказала я.

— Кому-то все равно придется это сделать, — твердо сказала Агнес. — Придется взять ответственность на себя. И нравится это тебе или нет, но этот «кто-то» — ты.

Я судорожно сглотнула. По щекам текли слезы, но я их не замечала. Еще одна смерть, и не просто по моей вине, а от моей руки? Такого плана у меня не было. И быть не могло. Я хотела победить, но не такой же ценой! Я устала от бесконечных смертей, особенно тех, что случились по моей вине. Во рту появился горький привкус.

— Не могу.

Агнес наклонилась и взяла меня за подбородок.

— Ты еще даже не начала узнавать, на что ты способна. Но ничего, скоро ты все поймешь. — На ее лице появилась добрая печальная улыбка. — Как бы мне хотелось учить тебя, Кэсси, — сказала она и взглянула на Приткина. — Ей понадобится помощь, — просто

сказала она.

Приткин вновь опустился на одно колено; он был очень бледен.

— Я знаю, — сказал он.

Агнесс кивнула и посмотрела на меня. На секунду ее лицо исказилось, но она тут же овладела собой.

— Я бы никогда не смогла научить тебя всему, что ты должна знать, — продолжала она, — но один урок я тебе все же дам.

Внезапно в ее маленькой ручке сверкнул нож.

— Агнес, нет! — крикнула я и бросилась к ней, но было уже поздно.

Она не колебалась ни секунды. Когда я подбежала к ней, она упала на колени; по снежно-белому платью Майры потекла алая кровь, и ее тело мягко опустилось на пол — бледное пятно на фоне яркой краски.

Я лихорадочно озираясь по сторонам, но духа нигде не было видно. Ни Агнес, ни Майры. Я обернулась к Приткину, он все еще стоял на коленях и смотрел, как по полу расплывается кровавое пятно. Он стал похож на растерянного ребенка — но только на мгновение. Через секунду лицо мага приняло обычное выражение.

— Где она? — дрожащим от страха голосом спросила я. — Я ее не вижу!

Он посмотрел на меня блуждающим взглядом. Я перевела взгляд на Майру — от слез перед глазами все расплывалось; трудно было сказать, где кончается ее окровавленное платье и начинается кровавая лужа.

— Приткин!

— Она ушла.

— То есть как это — ушла? — набросилась я на него. — Куда ушла? Переселилась в другого призрака?

— Нет.

Маг поднялся с колен, подошел к телу Майры и что-то прошептал. И сразу вокруг тела заплясали языки пламени, отбрасывая тени на старый деревянный пол, на пышные золоченые украшения сцены, но то не был обычный огонь. Стройная фигурка, которая находилась в самом сердце огня, мгновенно превратилась в пепел и исчезла, оставив после себя лишь обугленные доски пола. Приткин обернулся ко мне. Его глаза были полны боли.

— Просто ушла, и все.

Я упрямо покачала головой.

— Нет! Майру мы где-нибудь спрячем, а Агнес найдет себе другое тело! Я ей помогу. Все не может, не должно так закончиться!

Маг до я боли сжал мои руки.

— Неужели ты до сих пор ничего не поняла?

— Что я должна понять? Она погибла ни за что! — говорила я, захлебываясь слезами; перед глазами все плыло и качалось, сливаясь в одно неясное пятно. Агнес не могла исчезнуть. Прежде я думала, что живу сама по себе, и не понимала, что на все сил у меня просто не хватит. — Я вернусь, я спасу ее... — начала я, но маг тряхнул меня так, что у меня стукнули зубы.

— Госпожа Фемоноя умерла, выполняя свой долг. Она была величайшей пифией. Не смей ее позорить!

— Я? Позорю? Я хочу ее спасти!

— Есть вещи, которые не может изменить даже пифия, — немного смягчаясь, сказал

маг. — Майра

Мне понадобилось время, чтобы понять, о чем он говорит. Почему он спрашивает об этом сейчас? На меня свалилась сотня проблем, все они тащили меня в разные стороны, я растерялась и не знала, за какую взяться. Я знала одно: Агнес больше нет.

— Что? — глупо спросила я.

— «Кодекс», — повторил Приткин. — Ты намерена продолжить его поиски?

— У меня нет выбора, — ответила я. — Сам по себе гейс не уйдет. А я не смогу нормально жить, если его действие усилится.

Честно говоря, в тот момент я не была уверена, что вообще смогу когда-либо нормально жить.

Приткин кивнул.

— В таком случае я тебе помогу.

Я почувствовала, что по щекам текут слезы, но я не стала их вытирать.

— Давно хотела тебя спросить: ты что, ищешь смерти? По-моему, да.

— Я обещал госпоже Фемоние, что буду тебе помогать.

Внезапно меня обуяла ярость.

— Агнес больше нет! Хватит с меня трупов! Кругом одна кровь!

Я попятилась, чтобы оказаться как можно дальше от этих обугленных досок, но зацепилась за подол платья и грохнулась на пол.

— Я не спрашиваю твоего разрешения, — холодно заметил маг.

Я взглянула на него сквозь упавшие на лицо волосы.

— Мне никогда не стать такой пифией, как Агнес, — сказала я. — Из меня вообще может ничего не получиться.

Наверное, впервые со дня нашего знакомства я увидела на лице Приткина искреннюю улыбку.

— Ого, звучит многообещающе, — сказал он и помог мне подняться. — А никому это и не надо.

— В таком случае я буду поистине великой пифией, — с горечью сказала я, — поскольку никто не желает быть ею меньше, чем я.

Приткин не ответил. Внезапно он опустился передо мной на одно колено. Его изорванная одежда была покрыта кровью, лицо выпачкано сажей, но вид у него, надо сказать, был довольно впечатляющий.

— Я не помню клятву дословно, — сказал он, — К тому же нужны свидетели...

— А я? — обиженно спросил Билли, вылетая из моего ожерелья.

Приткин не обратил на него внимания.

— По-моему, — продолжил он, — клятва должна звучать примерно так: клянусь защищать вас и назначенную вами наследницу от всех опасностей, настоящих и будущих, в мирное время и во время войны, пока я жив и пока вы верны интересам своей миссии.

Я взглянула на него и внезапно почувствовала себя так, словно с меня свалился тяжкий груз. Может быть, временами этот упрямец Приткин и казался мне совершенно невыносимым, мерзким и просто недалеким парнем, но все-таки он настоящий воин. У меня появилось чувство, что нам с ним придется еще многое пережить.

— Значит, теперь ты будешь именовать меня госпожа Герофила Вторая?

— Седьмая, — Приткин стоял на коленях, но я вновь увидела знакомый надменный взгляд. — Не слишком рассчитывай на свой титул.

Хлопнула входная дверь, и в зал ворвалась толпа вампиров; в их глазах горела жажда убийства. Схватив Приткина за плечо, я улыбнулась.

— Ничего, как-нибудь проживу и с ним, — сказала я и исчезла.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Инкубы — мужская разновидность духов. Инкубы преследуют страдающих неудовлетворенными сексуальными желаниями женщин, разрушая их организм во время эротических сновидений. *(Здесь и далее прим. перев.)*

Девочка (*исп.*).

Шекспир У. Макбет. Акт II, сцена 1. Перевод Ю. Корнеева.

Вот дерьмо! (исп.)

Еще бы! (исп.)

Мошенник (ит.).

Миляя (исп.).

Красотка! (исп.)

Женская разновидность духов.

Шекспир У. Макбет. Акт I, сцена 5. Перевод Ю. Корнеева.

Магический нож.

Эгиль Скаллагримссон — знаменитый исландский скальд и морской разбойник.

Здесь и далее названия рун приводятся по книге Л. Песчел «Руны» в переводе Ю. Евтушенковой.

«Взвод» (1986) — фильм Оливера Стоуна о войне во Вьетнаме.

Американский герой Дикого Запада, стрелок и игрок в покер.

Да, знаю (фр.).

Я люблю тебя, Кэсси. И всегда буду любить *(исп.)*.

Шекспир У. Макбет. Акт IV, сцена 3. Перевод Ю. Корнеева.

Шекспир У. Макбет. Акт V, сцена 5. Перевод Ю. Корнеева.

Шекспир У. Макбет. Акт I, сцена 1. Перевод Ю. Корнеева.

От англ. dream — мечта.